

Иркутск
2021

УДК 323.1
ББК 63.5(2)(4Ирк=611.215)
В 65

Печатается по изданию:

Вл.С. Войтинский и А.Я. Горнштейн. Евреи в Иркутске. –
Иркутск: Типо-литография П.И. Макушина и В.М. Посохина,
1915

Войтинский, Вл.С., Горнштейн, А.Я.

В 65 Евреи в Иркутске / Вл.С. Войтинский, А.Я. Горнштейн.
2-е изд., испр. – Иркутск : Издательство «Востсибкнига»,
2021. – 560 с.

Книга об истории зарождения в Иркутске еврейской общины, её социальной деятельности и роли в хозяйственных и общественных отношениях Иркутской губернии в XIX – начале XX века станет незаменимым пособием для всех, интересующихся историей родного края.

Книга публикуется по современным правилам орфографии с сохранением стилизованных особенностей русского языка XIX – начала XX века и исправлениями опечаток, замеченных авторами при первом издании. Табличный материал приводится без изменений.

ISBN 978-5-6044181-5-4

© Издательство «Востсибкнига», 2021
© Мартынова А.А., оформление, 2021
© ООО «ИРСИ», верстка, 2021

Вл.С. Войтинский, А.Я. Горнштейн

ЕВРЕИ В ИРКУТСКЕ

*Печатается по изданию
Хозяйственного правления Иркутского молитвенного дома
и Иркутского отдела Общества распространения просвещения
между евреями в России*

*Иркутск
Типолитография П.И. Макушина и В.М. Посохина
1915*

Дорогие друзья и гости нашего города!

С огромной благодарностью Вс-вышнему, представляем Вашему вниманию данную книгу. Мы сейчас живём в трудное время в условиях пандемии: все границы закрыты, и появилась возможность больше путешествовать по России. Много российских туристов приезжает на наш удивительный Байкал. Туристы выбирают не только активный, но и познавательный отдых. А это, в свою очередь, хорошо сказывается на развитии туристической инфраструктуры, поддерживает местные музеи и другие объекты. Туристы, приезжающие на Байкал, посещают синагогу – «Дом еврейской Общины» – памятник истории и культуры конца XIX века, они проявляют интерес к самому зданию, интересуются жизнью общины и её прихожан. И когда мы начинаем рассказывать о более 200-летней истории нашей общины, они очень удивляются такому факту. Мы им рассказываем, что Иркутск был центром освоения больших территорий. Через него, в то время, пролегали торговые и транспортные пути, а также пути каторжан и ссыльных. И именно по этой причине здесь сформировалась одна из самых крупных в Сибири еврейских общин, и с каждым годом её численность в Иркутске увеличивалась.

Хочется особо отметить, что в Иркутске мирно сосуществовали представители разных национальностей и конфессий. Эта тенденция продолжается и по настоящее время. Туристам интересна не только современная жизнь евреев нашего города, но и судьба евреев дореволюционного Иркутска, которые сохраняли традиции, этнические черты и

религиозные нормы. Именно по этой причине было решено переиздать книгу Вл.С. Войтинского и А.Я. Горнштейна «Евреи в Иркутске» 1915 года. Эта книга представляет собой необычайную сокровищницу дореволюционной еврейской жизни во всех сферах. Авторы книги пытаются воссоздать полную картину того, как зарождалась и развивалась еврейская община в нашем городе. В предисловии данной книги авторы пишут: «Мы будем говорить об очень простых, обычных вещах, ...о том, как живут евреи в городе и в губернии». Ведь чем дальше уходит время, тем ярче становятся люди и их поступки. Очень надеемся, что каждый читатель найдёт в этой переизданной книге ответы на многие вопросы и почву для размышления. «Человек, который не любит, не знает, не помнит свою историю, не имеет будущего». Те же, кто знают историю своего города, чувствуют себя частицей малой родины и гордятся ею!

В реалиях сегодняшнего времени хочется пожелать всем крепкого сибирского здоровья, благополучия, процветания и да поможет нам Вс-вышний, чтобы вскоре у всех нас были только добрые вести!

*С уважением,
Главный раввин Иркутска и Иркутской Области
Арон Вагнер*

*Председатель Общины
С.А. Прилепская*

От издателей

При открытии Еврейского историко-этнографического общества М.М. Винавер напомнил слова историка еврейского народа С.М. Дубнова:

«Покажем что мы, русские евреи, не только ветвь “наиболее исторического” народа, но что мы сами имеем богатое прошедшее и умеем ценить его. Мы сумеем воспользоваться и его уроками. Народ-старец, убелённый сединами, умудрённый многовековым опытом, имеющий поистине беспримерное прошедшее, – неужели такой народ может отворачиваться от такой истории».

Призыв нашего историка не прошёл бесследно среди еврейской интеллигенции.

Ответом на этот призыв может считаться и предлагаемая книга, содержащая материалы по истории евреев в Иркутске.

Еврейская община в Иркутске ещё очень молода по сравнению с общинами многих российских городов. Но в жизни её были моменты, представляющие значительный интерес. И среди лиц, принимающих деятельнейшее участие в еврейских общинных учреждениях Иркутска, уже около десяти лет тому назад зародилась мысль о необходимости записать историю общины.

Образовался кружок, поставивший целью своей осуществление этой мысли.

В этот кружок входили ветераны общины Л.И. Таубер, И.Л. Нейман, а также Б.А. Эльшевич, общественный раввин С.Х. Бейлин, Я.Д. Фризер и др.

Каждый из членов кружка делал то, что было в его силах для собирания материалов о прошлой жизни евреев в городе.

Так, И.Л. Нейман и общественный раввин С.Х. Бейлин занялись устным опросом старожилов. Л.И. Таубер позаботился приведением в порядок синагогиального архива и составил «хронику» жизни общины с 50-х годов до времени постройки молитвенного дома.

Я.Д. Фризер собирал сведения о правовом положении евреев в Сибири и об их участии в хозяйственной жизни Иркутска и Иркутской губернии (особенно в золотопромышленности). Были предприняты шаги и к собиранию печатных материалов, но, к сожалению, усилия кружка в этом направлении не дали почти никаких результатов.

Серьёзность поставленной задачи требовала специальной работы над разрешением её. И в 1913 году, по предложению Я.Д. Фризера, все собранные кружком материалы были переданы в распоряжение авторов – Вл.С. Войтинского и А.Я. Горнштейна.

Вл.С. Войтинским и А.Я. Горнштейном был предложен более широкий план исследования, охватывающий наряду с историей общины и её учреждений также и юридическое, и экономическое положение евреев в Иркутске и их влияние на местную общественную жизнь.

Этот план встретил сочувствие со стороны лиц, интересовавшихся задуманным изданием. И в дальнейшем работа авторов предлагаемой книги протекала в тесном контакте с лицами, принимающими ближайшее участие в местной общественной жизни. На собрании этих лиц были прочитаны одна за другой главы настоящей книги. Многие вопросы, затронутые авторами, вызвали оживлённый обмен мнениями. И таким образом специальное исследование из кабинетного труда двух лиц превратилось в то, чем и должно быть каждое подобное исследование, – в дело обществен-

ное, в дело, затрагивающее множество лиц, дорожащих историей своего народа.

Издатели верят, что предпринятое в Иркутске дело найдёт отклик и в других городах Сибири и России. Ведь каждая еврейская община может внести свой вклад в скорбную историю еврейского народа. А без усилий со стороны отдельных общин эта история вряд ли может быть восстановлена с надлежащей полнотой.

Но нужно ли сейчас такое издание?

Время ли теперь, в самые кровавые и трагические дни еврейской жизни, останавливать внимание на прошлом?

Такой вопрос возможен. Он стоял и перед издателями. Но издатели смотрят на появление настоящей книги, как на определённый этап в культурной жизни общины. А с этой точки зрения может быть дан лишь один ответ на этот вопрос:

Пред лицом безмерных страданий – да не оскудеет наша культурная жизнь!

Только в беспредельно напряжённой воле к свободной культурной жизни – залог счастья всякого народа, а еврейского в особенности.

Сохраним же эту волю и в дни тяжких испытаний! Ибо глубока вера наша, что не за горами то время, когда в свободной и счастливой нашей родине широко разольётся подлинно культурная жизнь, в которую свободный еврейский народ внесёт и свою значительную долю...

Все расходы по изданию этой книги принял на себя инициатор издания Я.Д. Фризер. Вся вырученная от продажи книги сумма поступит в особый фонд при местном отделе Общества распространения просвещения между евреями в

России для поощрения литературных работ по истории евреев в Сибири.

Издатели:
Хозяйственное правление
Иркутского еврейского молитвенного дома,
Иркутское отделение
Общества распространения просвещения
между евреями в России

Иркутск, 1913 – 1915 гг.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Евреи в Иркутске»...

Целое исследование, целая книга о том, как живёт кучка евреев в одном из городов Восточной Сибири.

Нужно ли такое исследование? Своевременно ли издание такой книги? Особенно теперь, когда еврейский вопрос выдвигает столько острых, захватывающих, злободневных тем...

В нашей книге читатель не найдёт ничего сенсационного, злободневного.

Мы будем говорить об очень простых, обыденных вещах, — о том, как образовалась в Иркутске еврейская колония; о том, как живут евреи в городе и губернии; о том, как наладили они свою общинную организацию, как устроили школу, как пытались разрешить вопрос о помощи своим беднякам.

О простых, обыденных вещах будем мы говорить.

Узки и скромны рамки стоящей перед нами задачи.

Но приступаем мы к нашей работе в твёрдой уверенности, что именно теперь, более чем когда бы то ни было, полезны, необходимы подобные — спокойные, объективные — исследования жизни евреев в отдельных городах, в отдельных округах.

В эпоху небывалого разгула антисемитизма, более чем когда бы то ни было, необходимо противопоставить лжи человека ненавистничества правду объективного исследования.

Мы считаем, что правдиво изложенные факты и цифры нередко говорят убедительнее и громче, чем самые пламенные, страстные тирады.

И потому мы убеждены, что наше исследование, как ни далеко оно от страстной полемики, – своевременно и необходимо.

В основании антисемитизма лежит вопрос о хозяйственной и общественной роли еврейства. Но последний вопрос не всегда можно решать огулом, – разом для всего света или хотя бы для всего государства. Последний вопрос решается фактами и цифрами, которые могут дать лишь тщательные местные обследования.

Мы говорим: так *решается* последний вопрос. Так решается он не для тех, кто уже заранее знает ответ, а для тех, кто ответа не знает, но искренне ищет его, искренне стремится разобратся в кипящих вокруг него спорах.

Сколько чернил и бумаги изведено в обоснование националистической политики на окраинах! Сколько произнесено лживых слов об еврейском засилии в Сибири!

Так усердно проводится «истинно русская» политика на окраинах, так заботливо охраняется Сибирь от порабощения её евреями, что у многих непредубеждённых людей может явиться мысль: нет ли в условиях жизни окраин таких особенностей, которые оправдывают эту политику?

Как разрешить вопрос о ценности окраинного национализма и антисемитизма?

Мало высмеять крикунов, основывающих отделение Союза русского народа чуть ли не в глухой, безлюдной тайге. Мало напомнить общие начала государственной науки, мало взывать к справедливости.

Нужно ещё вблизи взглянуть на жизнь окраин, изучить местные хозяйственные и общественные отношения, выяснить роль и значение на местах различных национальных групп. Только такое исследование исчерпывающим обра-

зом решает спор. И та сторона, которая верит в свою правоту, должна обратиться к такому исследованию.

Евреев не пускают в Сибирь. Въезд в Сибирь запрещён даже тем евреям, которые имеют право свободно проживать в столицах¹. Официально эта мера оправдывается особой заботливостью о восточной окраине.

Заботливость не новая. Целых 80 лет прошло с тех пор, как законодатель впервые высказал стремление к тому, «дабы вообще евреи, как из ссыльнопоселенцев, выслуживших сроки, так и родственники их, в прежнее время с ними в Сибирь зашедшие, не умножились там чрезмерно в классе торгующем, ко вреду коренных обывателей». 80 лет шла защита «коренных обывателей» Сибири от этой грозившей им опасности. В том же направлении власть действует и теперь.

И любопытно выяснить, как относятся сами «коренные обыватели» к этой заботливой охране их интересов. Любопытно выяснить, размножались ли сибирские евреи «чрезмерно в классе торгующем» или нет. И если окажется, что евреи, действительно, приобрели крупное значение в торговле Сибири, то выдвинется вопрос о ближайших причинах этого явления и об его последствиях.

Основным пунктом сибирско-еврейского законодательства считается положение:

«В Сибирь евреев не пускать».

Если бы в Сибири не было до сих пор евреев, то оценивать это положение мы могли бы, лишь исходя из общих соображений.

¹ Циркуляр 4 августа, хотя и предусматривает право въезда евреев в города Сибири, но, во-первых, трудно сказать, какова будет практика администрации на местах, а во-вторых, разрешение селиться в одних лишь городах — для Сибири имеет особенно ограниченное значение.

Но евреи в Сибири живут уж без малого 300 лет. Они давно вошли в состав местного коренного населения. Живут они на всём пространстве от Уральских гор до Великого океана, живут в числе нескольких десятков тысяч человек и успели проявить себя в различнейших сторонах местной жизни. Обратимся же для оценки стремлений сибирско-еврейского законодательства к фактам.

Факты и цифры – единственный надёжный базис для решения правовых и политических задач, для оценки законодательства, для выяснения публицистических споров.

Кто верит в правоту своих положений, тот не должен бояться фактов.

И мы заранее отказываемся от тенденциозности в выборе фактов и освещении цифр. Пусть кое-что из наших материалов понравится и антисемитам, – мы только порадуемся этому. Мы пойдём даже навстречу им и прямо укажем, что они могут найти у нас обильный материал для воплей о еврейском «засилии» в Иркутске.

Но факты и цифры в научном, беспристрастном освещении – не лгут. И кто даст себе труд проследить приводимые нами цифры и задумается немного над их значением, тот поймёт цену националистических криков об инородческом засилии.

Впрочем, наша задача уже, скромнее. Мы пишем лишь очерк истории и современного положения евреев в *одном* городе.

Только по отношению к этому городу стремимся мы к более или менее исчерпывающей полноте изложения, стараемся избежать значительных пробелов. Но характер материалов, которыми мы пользовались, позволял нам в отдельных случаях выступать за рамки городской жизни, захватывать

жизнь всей губернии и примыкающего к ней района, касаться вопросов, имеющих значение для всей Сибири в целом. Мы не боялись таких расширений темы, хотя и сознаём, что они не могли не отразиться на стройности изложения.

Не боялись мы выходить за пределы города вот почему.

В отдельных случаях такие экскурсии в более широкую область были положительно *необходимы*.

Нельзя выяснить правовое положение иркутских евреев иначе, как характеризовав всё развитие сибирско-еврейского законодательства. Нельзя выяснить особенности хозяйственных отношений в Иркутске, не касаясь всего района, центром которого является город.

В других случаях мы считали такие экскурсии *желательными*, так как они дополняли рисуемую нами картину, двигали, так сказать, Иркутск в рамки жизни, протекавшей за его чертой.

Так коснулись мы хозяйственной и культурной деятельности евреев, лишь косвенно связанных с городом Иркутском.

Принятый нами план – писать о городе, касаясь попутно и явлений, лежащих за его чертой – вытекал из нашего взгляда на предпринимаемый труд. Мы надеемся, что это не последнее исследование данного типа. Только целый ряд монографических исследований может дать прочную базу для научного решения вопроса о роли евреев в хозяйственной и общественной жизни России. А в монографиях, которые своей совокупностью дают исчерпывающее освещение обширного вопроса, необходимо, говоря о частном, касаться попутно и общего.

Может быть, будет полезно указать, чем руководствовались авторы в группировке и расположении бывшего в их распоряжении материала.

Прежде всего, мы нашли необходимым разделить исследование на две части, соответствующие двум сторонам жизни еврейской колонии в городе.

Первая часть посвящена выяснению *внешней* жизни еврейской группы иркутского населения. Вторая часть вырисовывает *внутреннюю* жизнь той же группы.

В первой части мы имеем дело с евреями как с одним из элементов городской жизни. Во второй части еврейская колония интересует нас как состоящее из разнообразных культурных элементов целое.

В первой части мы изучаем внешние условия жизни иркутских евреев, образование колонии в городе, её рост, её роль в хозяйственной, политической и культурной жизни края, отношение к евреям со стороны окружающего населения и администрации и т. д. Во второй части мы изучаем внутренние группировки в иркутской еврейской общине, её работу в направлении разрешения лежавших перед нею культурно-национальных задач.

Мы считали необходимым разъединить эти две стороны исследования, так как они различны не только по характеру материала, но и по методу обработки и по тому интересу, который могут они представлять для читателя.

Читатель, интересующийся исключительно жизнью иркутской еврейской общины как таковой, найдёт то, что ему нужно, во второй части книги. Цифры, пестрящие на страницах первой части, возможно, покажутся ему скучными и ненужными. Точно так же, во второй части найдёт интересующие его материалы читатель, ищущий данных о культурно-национальной жизни еврейства: и для этого читателя первая часть может оказаться слишком специальной и сухой.

С другой стороны, именно первая часть книги, выясняющая хозяйственно-культурную роль евреев как одного из элементов иркутского населения, содержит материалы для научной оценки правовых и политических вопросов, связанных с жизнью сибирского еврейства. Читатель, интересующийся этими вопросами, но стоящий далеко от местных иркутских интересов, быть может, найдёт утомительными подробности о местных делах, занимающие вторую часть книги.

В силу этих соображений мы и считали необходимым разделить наше исследование на две более или менее самостоятельные части, из которых каждая имеет свои задачи, отвечает на свои вопросы.

Но эти части не настолько разобщены, чтобы можно было смотреть на них, как на два исследования, объединённых лишь общей обложкой. Нет. Первая часть книги, давая общий внешний очерк истории и жизни иркутских евреев, является естественным основанием для второй части, которая углубляет исследование в области внутренней жизни колонии. Соотношение между обеими частями книги, – не как между двумя параллельными исследованиями, а как между последовательными исследованиями, – внешним и внутренним, общим и частным.

Авторы, после систематизации всего собранного ими материала, поделили между собой работу – первая часть книги написана *Вл. Войтинским*, вторая часть – *А. Горнштейном*. Вся книга в целом сообща отредактирована ими.

Евреи в Иркутске составляют не более 5 – 6% населения, а во всей губернии – меньше 2% населения. Подавляющее большинство евреев в городе и в губернии – потомки ссыльных. Без гроша денег прибывали евреи в Сибирь. Здесь жили и живут они в атмосфере бесправия. И всё же в насто-

ящее время евреи в Иркутске оказываются относительно зажиточной группой населения, владеют 15% недвижимости, 20% всего торгово-промышленного оборота.

По теории зоологического национализма столь быстрое обогащение евреев должно было бы происходить «ко вреду коренных обывателей», должно было бы вызвать вражду с их стороны по отношению к евреям. Между тем ни в городе, ни в губернии среди коренного населения нет никаких признаков антисемитизма, хотя идеи антисемитизма издавна искусственно распространяются в крае.

Таково положение вещей в Иркутске. Исследователь должен выяснить причины такого положения.

Чем объясняется заметная роль сравнительно малочисленной еврейской группы в местной жизни?

Почему хозяйственное преобладание евреев в крае не породило неприязненного к ним отношения со стороны окружающего населения?

Почему не имела успеха в Иркутске официальная проповедь антисемитизма?

Изучение материалов показало нам, что разрешения всех этих вопросов следует искать *в особенностях хозяйственных отношений Иркутской губернии как колонизируемой окраины и Иркутска как центра колонизации.* В области хозяйственных отношений нашли мы разгадку особенностей местной общественной жизни.

Но прежде чем говорить о хозяйственной роли иркутских евреев, мы считали необходимым выяснить их происхождение и состав. А так как состав евреев в Сибири определяется известными правовыми нормами, то начать исследование пришлось с выяснения правовых условий переселения евреев в Сибирь и их жизни в Сибири.

Итак, мы начинаем с очерка истории сибирско-еврейского законодательства. В этом очерке с особым вниманием останавливаемся на тех моментах, которые так или иначе связаны с жизнью Иркутска.

Затем мы даём статистико-исторический очерк происхождения и состава евреев в Иркутске и Иркутской губернии, – главным образом, за время от начала XIX века до года последней переписи.

В третьей главе мы даём очерк роли евреев в местной хозяйственной жизни.

В четвёртой главе мы пытаемся очертить место евреев в общественной жизни города.

Этим исчерпывается задача первой части предлагаемой книги.

Во второй части книги, как указано, мы останавливаемся на внутренней жизни иркутской еврейской колонии как определённого национального коллектива. Эта сторона жизни евреев – в Иркутске, как и в других городах – протекает в рамках той расплывчатой и не вполне определённой ячейки, которую условно можно назвать «еврейской общиной». Происхождение и развитие иркутской еврейской общины, борьба различных течений внутри неё, постепенное изменение её характера – вот вопросы, которым посвящена 5-я глава.

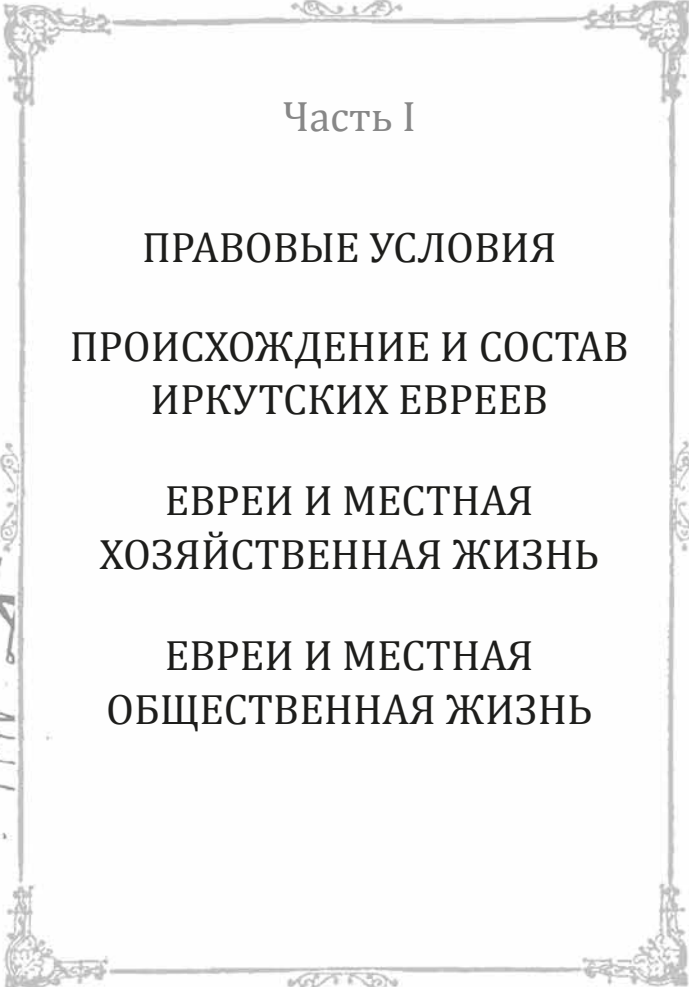
В 6-й главе мы останавливаемся на развитии просветительных учреждений иркутской еврейской общины; в 7-й главе – на истории её благотворительной деятельности.

Только содействие местных людей и их в высшей степени внимательное отношение к делу позволило нам выполнить намеченную задачу.

И потому мы пользуемся случаем, чтобы засвидетельствовать свою признательность всем тем членам общины, чьим содействием пользовались мы во время работы над этой книгой.

Мы выражаем также свою искреннюю признательность бывшему иркутскому городскому голове Константину Марковичу Жбанову, любезно предоставившему нам возможность воспользоваться статистическими материалами городской управы, и заведующему городской публичной библиотеки Ниту Степановичу Романову.

Часть I

ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОСТАВ
ИРКУТСКИХ ЕВРЕЕВ

ЕВРЕИ И МЕСТНАЯ
ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

ЕВРЕИ И МЕСТНАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ

§ 1. Евреи в Сибири до XIX века. – § 2. Первые ограничения в правах Сибирских евреев. – § 3. Положение евреев в Сибири в середине XIX века. – § 4. Позднейшие ограничения в права. – § 5. Уничтожение свободы передвижения по Сибири. – § 6. Условное право жительства. – § 7. Современное положение

Изучение истории и современного положения евреев в Иркутске мы начнём с выяснения правовых условий переселения евреев в Сибирь и их проживания в Сибири. Без выяснения этих условий мы не могли бы понять ни состав иркутской еврейской общины, ни историю её, ни её современное положение, так как за время существования Иркутска евреи прибывали в город и селились в нём в зависимости от особых правовых норм. Эти нормы определили те общественные группы, из которых сложились еврейские общины в городах Сибири. Эти условия определили и особый подбор членов еврейских общин и ту роль, которая выпала на еврейское население в жизни сибирских городов.

Давно уже стоят на Уральском хребте специальные рогатки, которые пропускают в Сибирь лишь определённые категории евреев и отбрасывают назад евреев, не удовлетворяющих требованиям закона или

циркуляра. Эти рогатки много раз перестраивались, и потому в еврейском населении Сибири оказалось несколько различных наслоений: евреи, прибывшие в Сибирь по такому-то закону; евреи, переселившиеся до такого-то года; евреи, оставшиеся в крае по такому-то циркуляру и т. д.

Необходимо поэтому выяснить не только современное правовое положение евреев в Сибири, но и весь ход развития сибирско-еврейского законодательства.

В общем и целом законодательство об евреях в Сибири развивалось за последние полтора столетия так же, как и всё российское законодательство об евреях.

Как известно, развитие еврейского законодательства в России идёт в обратном направлении по сравнению с Западной Европой. Европа в средние века пережила гонения на евреев с погромами, казнями, конфискациями и высылками. Европа в средние века создала гетто, кровавые легенды и все формы антисемитизма, которые воскресил в наши дни российский национализм.

Но в средние века русские мало сталкивались с евреями. Русское средневековье не знало антисемитизма. Лишь на границе московского и петровского периодов начались меры охранения Руси от наплыва евреев. А в конце XVIII века, в то время, когда в Западной Европе были провозглашены начала свободы, равенства и братства, в России волей Екатерины II создана была «черта еврейской оседлости», грандиозное еврейское гетто. Но прошло ещё сто лет, пока эта «черта» не приняла свой нынешний мрачный характер. Только в кон-

це XIX века, в 80-е годы, в обиход еврейской политики в России вошли погромы. И потребовалось наступление XX века, чтобы воскрес в полной мере в России кровавый навет.

§ 1. Евреи в Сибири до XIX века

Колонизация Сибири началась в XVI веке, но первое время выходцы из России не шли дальше Западной Сибири. На Ангаре и на Лене, в пределах нынешней Иркутской губернии, русские колонисты появились около середины XVII века. Это время и нужно считать началом колонизации Восточной Сибири.

Заселение шло тремя потоками. В Восточную Сибирь приходили, прежде всего, казаки, несшие здесь службу государеву. Сюда же ссылало московское правительство преступников. Наконец, в Сибирь шли и вольные торговые люди, которых тянули сюда выгоды торга с дикими кочевыми племенами и с «мунголами».

Из этих трёх элементов сложилось население сибирских городов в XVII веке. Эти три элемента были налицо и в Иркутске в первые годы его существования.

Были ли в числе первых обитателей Иркутска евреи? Ответить на этот вопрос с полной точностью трудно, так как дошедшие до нас именные списки жителей Иркутского «острога» и «посада» не содержат ясных указаний ни национальности, ни вероисповедания первых иркутян. Их национальность приходится угадывать по именам. Но в XVII веке евреи ещё не были

лишены права давать своим детям имена по собственному выбору и довольно широко пользовались именами, употребительными среди окружающего их христианского населения². С другой стороны, и христиане в то время охотно пользовались библейскими именами. Поэтому именные списки не могут считаться вполне надёжным источником для выяснения племенного состава населения городов того времени. Но интересно всё же отметить, что в «писцовых книгах» Иркутского «острога», относящихся к концу XVII и началу XVIII века, встречаются имена и клички, под которыми можно предполагать евреев.

Такова, прежде всего, кличка, свидетельствующая о еврейском происхождении: *Евреинов*. Таковы далее имена *Исайка*, *Минька*, *Лев*, *Лёвка*³.

Нельзя утверждать с уверенностью, что под всеми этими именами значатся лица иудейского вероисповедания. Но по употреблению кличек в XVII веке имя «Евреинов» так же ясно говорит о семитическом происхождении, как имя «Татаринов» о монгольском происхождении.

Как могли очутиться в Сибири евреи в столь давнюю пору?

Они могли прибыть в Сибирь и с казацкими отрядами и в числе вольных торговых людей. Во всяком же случае, в XVII веке евреи были в числе ссыльных, которых московское правительство отправляло в Сибирь.

² См. *Ил. Кунина*. Евреи в Москве в половине XVII века // Еврейская старина. 1913. Кн. I.

³ См. Первое столетие Иркутска / Изд. В.П. Сукачёва. СПб., 1902.

Относительно присутствия евреев среди невольных колонизаторов края мы имеем прямые документальные доказательства.

В Московском архиве министерства юстиции сохранилось дело московских евреев, сосланных в Сибирь в 1658 – 1659 годах. Эти евреи жили во «дворех немец», в Ново-Немецкой слободе, и причина ссылки их в Сибирь остаётся невыясненной⁴. Существует предположение, что они попали в Москву как военнопленные во время войн с Польшей, а сосланы были в Сибирь на том основании, что, в качестве евреев, они не имели права водвориться в столице Московского государства⁵. Но это предположение представляется нам не выдерживающим критики.

Дело в том, что в середине XVII века евреи имели право жительства в Москве, наряду с другими иностранцами. В указе царя Алексея Михайловича, изданном в 1654 году и учредившем заставы на дороге из Смоленска в Москву, буквально сказано: «а которые скажутся... Жиды и Мурзы и всякие некрещёные люди, и тех пропускать к Москве». Такое же отношение к евреям видно из договора перемирия с Польшей, заключённого в Андрусове в 1667 году. Ограничения права евреев на въезд в Москву начались лишь в 70-х годах XVII века. В 1678 году в 8-м пункте договора, заключённого с Польшей в продолжение Андрусовского перемирия, московское правительство закрыло въезд в «Его Царского Величества царствующий град Москву» для польских евреев⁶.

⁴ См. Гальперин. Евреи и Калмыки // Книжки Восхода. 1900.

⁵ См. Еврейская энциклопедия. Т. XIV. Ст. «Сибирь». Ю.Г.

Не может быть и речи о том, чтобы в середине XVII века в Москве хватили и высылали в Сибирь евреев только за то, что они евреи и не имеют права жительства в «царствующем граде».

Да и позже, в конце XVII столетия, если бы польский еврей, вопреки пункту 8-му договора 1678 года, проник в Москву и незаконно водворился бы там, его не подвергли бы за это ссылке в Сибирь, а выслали бы только за польский рубеж. Поэтому следует считать, что первые ссыльные евреи, прибывшие в Сибирь, подверглись ссылке не за нарушение законов о праве жительства, а за какие-то более тяжкие преступления.

За какие именно?

Вспомним, что в московский период ссылка не входила в число нормальных мер наказания за уголовные преступления, а высылали в Сибирь чаще всего либо лиц, оставшихся под подозрением, либо третьестепенных участников дела и, преимущественно, лиц политически неблагонадёжных. Если принять во внимание такую роль ссылки в московский период, то придётся остановиться на предположении, что евреи, жившие в домах у немцев и попавшие в Сибирь в 1659 году, были жертвами какого-то крупного *политического* процесса, подробности которого до нас не дошли.

Но эти ссыльные евреи не были *первыми* евреями в Сибири.

⁶ Торговые и другие права евреев России... / Сост. Н.Д. Градовский. Санкт-Петербург: Тип. В. Киршбаума, 1885. С. 17 – 18; *Леванда В.О.* Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев... СПб.: Тип. К.В. Трубникова, 1874. С. 2, 3, 4.

Задолго до них, в 30-х годах XVII века, в Сибири уже были евреи, сосланные туда московским правительством. Об этом свидетельствует любопытное дело, которое велось в Сибирском приказе в 1635 году.

По этому делу требовалось вернуть из Сибири по «посольскому договору» сосланных в Сибирь военнопленных «иманных в Смоленской службе», то есть во время второго похода воеводы боярина Шеина. Среди этих возвращаемых из Сибири ссыльных в деле упоминаются «литовские и немецкие люди и жидаы». Оказывается, в Сибирь они были отправлены «в службу» и «на пашню». И евреев, по-видимому, было среди них немало. Сибирский приказ даёт воеводам подробные указания, как быть с ссыльными, которые в Сибири *крестились* и женились на русских, как поступать с теми, которые *крестились*, но на русских не женились. Первых указывалось оставить в Сибири на службе государевой, вторым предоставлялось на выбор оставаться или уехать⁷. Из того, что потребовались такие подробные указания, можно с несомненностью заключить, что в начале XVII столетия в Сибири было довольно значительное число евреев, и что в этой еврейской группе намечалась тенденция к слиянию с окружающим русским населением.

Это чрезвычайно интересное дело (почему-то не отмечаемое в очерках истории евреев в Сибири) вместе с делом московских евреев 1658 года – первые известные нам документальные свидетельства о евреях в Сибири в XVII веке.

⁷ Оглоблин Н.И. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. III. С. 61.

XVIII век принёс существенные изменения в правовом положении евреев в России. И это не могло не отразиться на положении сибирско-еврейского вопроса.

Петр I считал евреев нужным и полезным элементом в государстве, и не принимал никаких мер против их переселения в Россию (а равным образом и в Сибирь). Но уже при Екатерине I является мысль о необходимости ограничить права евреев и даже совершенно изгнать их из пределов русского государства. И эта мысль не покидает петербургское правительство за весь последующий период императриц и временщиков.

При Екатерине II к России были присоединены на западе провинции с многочисленным еврейским населением. Тогда впервые состоялось формальное принятие евреев в русское подданство. По указу 1772 года «о принятии под Российскую Державу уступленных от Польши провинций» евреи оказались наделены всеми правами русских подданных, без каких бы то ни было ограничений и с сохранением (из фискальных соображений) их автономного религиозного управления (кагала).

Но в последние годы царствования Екатерины II петербургское правительство усвоило враждебный взгляд на евреев.

Евреи из Польши, переезжая во внутренние губернии России, оказывались там опасными конкурентами для дворян-помещиков, державших в своих руках торговую жизнь деревни. Дворяне потребовали защиты и охраны от конкуренции со стороны пришельцев. Правительство пошло навстречу их требованиям. Отсюда – создание особой китайской стены между вновь

присоединёнными областями и центральной Россией. Отсюда указ 1791 года, установивший, что селиться и торговать евреи могут лишь в особо указанных им губерниях. Этим было положено начало созданию черты еврейской оседлости.

В указе 1794 года пределы черты оседлости получили более точное обозначение. И таким образом к концу XVIII века окончательно выяснилось разделение России в правовом отношении как бы на две части:

*Россию с евреями и Россию без евреев*⁸.

При этом делении Сибирь осталась вне черты оседлости, то есть оказалась в составе той части государства, куда доступ евреев, в принципе, закрыт. Но исключительное положение для Сибири создавалось значительно позже. На границе XVIII и XIX веков Сибирь была для евреев запретной страной в том же смысле и в той же степени, как и вся центральная и восточная Россия.

Но в это время Сибирь уже сделалась обычным местом ссылки за тяжкие преступления. Открыты были забайкальские рудники для каторжан (Нерчинский, Зерентуйский, Ачинский и др.). Усилилась принудительная колонизация, и в числе невольных колонистов, которых в кандалах, под конвоем пригоняли в Сибирь из России, были и евреи.

В это время явились в Сибирь родоначальники многочисленных еврейских семейств, живущих в настоящее время в Иркутске (Ермановичи, Лейбовичи и др.).

⁸ Градовский. Op. cit. (Цит. соч.). С. 100; Леванда. Op. cit. С. 36, 37.

Следом за появлением сравнительно значительного числа евреев в Сибири появились в касающихся Сибири законодательных актах специальные упоминания об евреях.

§ 2. Первые ограничения в правах сибирских евреев

Первое упоминание о сибирских евреях-переселенцах содержится в ВЫСОЧАЙШЕ утверждённом 31 июня 1812 года мнении Комитета министров «о дозволении выдавать покормёжные паспорта находящимся в Сибири поселенцам». Эта мера была принята согласно с представлением сибирского генерал-губернатора Пестеля, который высказал мнение, что подобное мероприятие является «весьма полезным, с одной стороны, для самых сих поселенцев, кои, имея таким образом свободу отлучаться по городам сибирских губерний, будут иметь средство снискивать себе трудами пропитание и улучшить своё состояние, а с другой – для распространения в том крае торговли и промышленности, особенно же по перевозке вина, соли и товаров, идущих изнутри России на Кяхту и оттуда в Россию, так что если всё оставить в руках небольшого числа мещан, ямщиков и крестьян не из посельщиков, то цена на провоз непременно возвыситься должна»⁹.

Согласно с ВЫСОЧАЙШЕ утверждённым мнением Комитета министров, еврей-поселенцы получили пра-

⁹ Леванда. *Op. cit.* С. 82, 83.

во выбирать паспорта и отлучаться с ними в пределах губернии сроком на один год. А евреи, уже «вошедшие в мещане», были уравнены в правах передвижения с остальными мещанами из «посельщиков».

Многие евреи-поселенцы воспользовались этим правом. И это облегчило группировку в более сплочённые общины евреям Иркутской губернии. Благодаря этому, в первую четверть XIX века наблюдается возникновение в целом ряде сёл и деревень Иркутской губернии еврейских общин, основателями и членами которых выступают, по большей части, поселенцы или же крестьяне из ссыльных. Возможно, что это же разрешение выдавать покормёжные паспорта поселенцам открыло евреям, жившим до тех пор в деревнях, доступ и в самый город Иркутск.

В 1817 году, по ходатайству канских евреев, было разрешено сибирским евреям вступать в брак с женщинами из местных языческих племён.

В этом деле было несколько интересных моментов. Интересно, что сибирский генерал-губернатор, поддерживая ходатайство канских евреев, засвидетельствовал перед петербургским правительством, что сибирские евреи отличаются трудолюбием и ведут безупречный образ жизни. Но ещё большего интереса заслуживает в этом деле другое обстоятельство.

В начале XIX века в Сибири, как в стране начинающей колонизации, среди пришлого из-за Урала населения ощущался большой недостаток в женщинах. Вследствие этого в Сибири стали обычны браки между выходцами из России и местными уроженками-кал-

мычками и бурятками. Как всегда бывает в подобной обстановке, эти браки приняли ту форму, которая соответствовала более низкому уровню культуры. Вошло в обычай покупать и выменивать женщин подобно тому, как было это принято у инородцев. Канские евреи ходатайствовали только о том, чтобы им было разрешено действовать в данном вопросе так же, как действуют прочие пришлые обитатели Сибири – христиане. Духовное начальство высказалось в пользу удовлетворения этого ходатайства, и таким образом за сибирскими евреями было признано право «покупать или выменивать приводимых из-за границы женщин калмыцкого рода нехристианской веры и, обращая их в еврейский закон, сочетаться с ними браком». Но характерно, что в данном случае потребовался *особый* законодательный акт для признания за евреями права, которое признавалось бесспорным и не требовало никаких разъяснений в отношении христианского населения. И, быть может, ещё характернее, что, одновременно с изданием закона о смешанных браках евреев с женщинами инородческого происхождения, следовало указание: *не* опубликовывать этого закона, хранить его в тайне. Это был первый случай, когда перед русским законодателем встал вопрос о специальных правах сибирских евреев.

В 1822 году издан был «Устав о ссыльных», сыгравший крупную роль в истории Сибири, в смысле определения правового положения значительной части её населения. Как известно, этот «Устав», создание Сперанского, был проникнут прогрессивными и гу-

манными для своего времени взглядами. В нём был предусмотрен целый ряд мер для того, чтобы ввести ссылаемых в Сибирь преступников в русло местной жизни и сделать из них полезных для края колонистов.

Такие взгляды исключали возможность специальных ограничений по отношению к отдельной национальной группе. И действительно, «Устав о ссыльных» ничем не выделяет евреев из прочей массы каторжан и поселенцев. Только учитывая физические особенности и профессиональные навыки большинства ссылаемых в Сибирь евреев, «Устав» предписывает относить их не к разряду рабочих и земледельцев, предназначенных на тяжёлые работы, а к «цеху слуг», наряду со ссыльными дворовыми людьми и «людьми малоспособными к работе»¹⁰.

Спустя три года после издания этого «Устава», впервые был поднят сибирскими властями вопрос о том, «полезны ли или вредны евреи» для жизни края. Поднят был этот вопрос по отношению к евреям, проживающим в Омской губернии на линии, отделяющей внутреннюю часть области от сибирских киргизов и других инородцев.

Областное правление предложило, ввиду возникших сомнений, выслать из пограничной полосы всех временно там проживающих евреев, оставив лишь тех евреев, которые перечислились в крестьяне или мещане и успели обзавестись хозяйством. Главное управление

¹⁰ «Цех слуг» был самым малочисленным разрядом ссыльных. Так, по официальным данным, в 1883 г. в нём состояло всего 457 мужчин и 234 женщины. См. *Белковский Г.А.* Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб., 1905. С. 8.

Западной Сибири отказалось, однако, санкционировать эту меру «в том уважении, что из дел не видно никаких против евреев улик». Вопрос перешёл на рассмотрение заседавшего в Петербурге Сибирского комитета. Комитет, разобрав происшедший между чинами сибирской администрации конфликт, принял постановление, которое следует рассматривать, как первое, по времени, ограничение прав сибирских евреев.

Отвергнув предложение областного правления о выселении проживающих на пограничной черте евреев, Сибирский комитет постановил выслать только ссыльных, «кои поведением своим навлекли основательное подозрение». Но вместе с тем Комитет предписал генерал-губернатору строго наблюдать, «чтоб евреи ни с паспортами, а тем менее ещё без паспортов не были терпимы в городах, на линии лежащих, и вообще не были допускаемы к промыслам, законом им воспрещённым»¹¹.

Вскоре после этого решения, в 1827 году, был издан закон, воспретивший евреям следовать за ссыльными жёнами.

Но местное сибирское начальство не сразу прониклось сознанием необходимости особо выделять евреев из среды прибывающих в Сибирь поселенцев: вплоть до 1837 года. Тобольский приказ о ссыльных в проходивших через него ведомостях не делал никаких отметок относительно вероисповедания поселенцев и каторжан, хотя в официальных ведомостях

¹¹ Леванда. *Op. cit.* С. 172 – 173.

и имелись особые графы для таких отметок¹². Это обстоятельство затрудняет, между прочим, выяснение вопроса о числе и составе евреев-поселенцев, прибывавших в Иркутскую губернию в первые десятилетия минувшего столетия.

Существенному ограничению в правах сибирские евреи подвергались в 1834 году. Возник вопрос, могут ли ссыльные евреи и их дети пользоваться в Сибири гильдейскими правами. Сибирский комитет разрешил этот вопрос в утвердительном смысле. Но вместе с тем было установлено, чтобы впредь гильдейские свидетельства выдавать евреям в Сибири не иначе, как с особого каждый раз разрешения министра финансов. Мотивировано было это постановление опасением «дабы вообще евреи не умножились чрезмерно в классе торгующем, ко вреду коренных обывателей»¹³.

Если 1826 год следует считать началом ограничения права *поселения* евреев в Сибири, то 1834 год является, таким образом, началом ограничения *гражданских прав* сибирских евреев.

В 1836 году правительство предприняло меру, сразу усилившую еврейский элемент в Сибири, — мы имеем в виду устройство еврейских земледельческих колоний в Тобольской губернии и Омской области.

Мысль об изолировании евреев в особых земледельческих колониях созрела в Петербурге ещё при Александре I. Правительство Николая I сперва пола-

¹² Анучин Е.Н. Исследование о проценте сосланных в Сибирь. Санкт-Петербург: Тип. Майкова, 1873. С. 24.

¹³ Леванда. Op. cit. С. 340.

гало направить еврейскую земледельческую колонизацию в южнорусские губернии в черте оседлости и назначило переселяющимся на юг евреям целый ряд льгот, отказав им только в выдаче денежной помощи от казны на переселение и обзаведение. Но оказалось, что без такого пособия от казны евреи-переселенцы не могут двинуться с места. До 1000 семейств изъявили желание ехать в колонии, но просили пособия на дорогу. Тогда министры внутренних дел (гр. Блудов) и финансов (Канкрин) решили, что лучше всего направить всех этих бедняков в Сибирь, дабы затраченные на переселение их казённые деньги не пропали зря, а пошли на оживление далёкой окраины.

На первый раз правительство отвало для желающих переселиться в Сибирь евреям 15 154 десятины удобной земли в пяти различных участках. Весть об этой милости быстро разнеслась по западному краю, и в течение короткого времени несколько тысяч евреев высказали желание переселиться в Сибирь. Чтобы оценить значение этой цифры, нужно принять во внимание состояние путей сообщения того времени, отсутствие телеграфа, ничтожное распространение газет и вообще сравнительно медленный темп тогдашней жизни. При этих условиях столь быстрая запись евреев на предоставленные им в Сибири земельные участки должна была создать впечатление целого народного движения.

Правительство в указе 20 ноября выразило большое внимание к евреям-переселенцам: позаботилось об отправке их в удобное время, о предоставлении им возможности исполнять в дороге их религиозные

обряды, о заблаговременной постройке для них жилищ в месте их водворения, о снабжении их «на счёт казны земледельческими орудиями, рабочим скотом и прочими необходимыми домашними вещами»¹⁴.

Когда волна евреев-переселенцев превысила все расчёты и ожидания бюрократии, министр финансов сделал представление об отведении для еврейских колонистов ещё 10 участков свободных казённых земель в Омской области в количестве 13 363 десятин.

Но Николай I 15 января 1837 года положил на этом представлении свою резолюцию: «Переселение евреев в Сибирь приостановить»¹⁵.

В Сибири остались лишь те переселенцы евреи, которые успели добраться до места назначения в течение 1836 года. Таких счастливцев оказалось 1367 душ. Потомки этих еврейских колонистов не все остались в Западной Сибири. Многие из них переселились впоследствии и в Восточную Сибирь. Встречаются потомки колонистов 1837 года и среди иркутских евреев, — но здесь число их невелико. Те партии евреев, которых указ 5 января застал на пути в Сибирь, были задержаны и направлены в Херсонскую губернию и другие места России, где уже существовали еврейские земледельческие колонии.

В тесной связи с этой попыткой еврейской земледельческой колонизации Сибири стоят изданные 15 мая 1837 года «Правила, заключающие в себе меры против переселения евреев в Сибирские губернии и

¹⁴ Леванда. *Op. cit.* С. 397.

¹⁵ Леванда. *Op. cit.* С. 401.

для уменьшения числа посёлённых уже в Сибири евреев»¹⁶. Эти правила и до сих пор дают себя чувствовать сибирскому еврею: из них родилась знаменитая 23-я статья паспортного устава.

В этих правилах предписывалось переселение евреев в Сибирь «решительно и навсегда прекратить». Далее для евреев, приговариваемых по суду к ссылке на поселение в Сибирь, устанавливалась замена этой ссылки другими видами наказания: имеющих от роду до 35 лет предписывалось брать в солдаты, имеющих от 35 до 40 лет – отдавать в арестантские роты. Только осуждённых, имеющих от роду свыше 40 лет, разрешалось «до нового общего назначения других мест поселения» отправлять в Сибирь. Но и этих евреев предписывалось не селить в городах, а водворять «всегда особыми селениями в отдалённых местах Сибири, именно: в Якутской области и за Байкалом». Точно так же в Якутской области и за Байкалом предписывалось правилами 15 мая водворять евреев, окончивших срок каторжных работ.

Этим будущая еврейская колонизация Сибири отбрасывалась в самые глухие уголки края. Но этими мерами правила 1837 года не ограничивались. Вторая часть их предусматривала «меры для уменьшения числа уже посёлённых в Сибири евреев». Таковы были пункты 7, 8 и 9 рассматриваемого законодательного акта.

Пункт 8-й предписывал детей мужского пола евреев-ссылнопоселенцев, не достигших ещё 18-лет-

¹⁶ Леванда. *Op. cit.* С. 410 – 411.

него возраста, зачислить и впредь рождающихся также зачислять в военные кантонисты. Пункт же 9-й предоставлял евреям, происходящим от ссыльных и уже приписавшимся к сословиям, право выбора: записывать своих детей мужского пола в военные кантонисты или распрощаться с ними совсем и отправить их, по достижении ими 16-летнего возраста, в черту еврейской оседлости. В последнем случае казна предупредительно принимала на себя расходы по перевозке в Россию выдворяемых из Сибири еврейских юношей¹⁷.

Для того чтобы оценить значение правил 1837 года, нужно припомнить, что военных кантонистов совершенно отрывали от родителей, и что над кантонистами евреями нередко проделывали насилия и даже пытки, принуждая мальчиков принять крещение¹⁸.

Правила, механически «изымавшие из обращения» мужскую молодёжь большей части сибирского еврейства, должны были предотвратить размножение евреев в крае и в короткое время привести сибирских евреев к совершенному вымиранию. В этом смысле закону 1837 года нельзя отказать в логической последовательности. Для истории же иркутских евреев этот закон имеет особенное значение потому, что благодаря ему через муки кантонистов прошли родоначальники целого ряда иркутских еврейских семейств.

¹⁷ Позднее, в либеральное время Александра II, решением Сибирского комитета от 16 декабря 1853 г. расходы казны на отправку в Россию еврейских детей были определены с исчерпывающей точностью: по 3 с половиной коп. в день на человека (*Леванда*. Опр. cit. С. 818).

§ 3. Положение евреев в Сибири в середине XIX века

Может быть, именно благодаря решительному характеру правил 1837 года, наше законодательство на целых 10 лет оставило в покое сибирских евреев¹⁹.

Вспомнили о них лишь в 1847 году, когда министр финансов запросил Правительствующий сенат, можно ли и на каком основании выдавать торговые свидетельства находящимся в Сибири евреям. Решив в положительном смысле вопрос о праве на получение торговых свидетельств евреев, находившихся в Сибири до издания правил 1837 года, Сенат остановился на том, что считать по отношению к сибирским евреям *местом их постоянной оседлости*. Этот последний вопрос был разрешён Сенатом в таких словах:

«В отношении к находившимся в Сибири до 15 мая 1837 г. евреям и детям их мужеского пола, там родившимся, или вместе с ними по распоряжению прави-

¹⁸ Исторический рассказ о жизни евреев-кантионистов в Сибири см. в статье С. Бейлина «Из рассказов о кантонидах» (Еврейская старина. 1909. Кн. III). См. также рассказ иркутского старожила в главе V настоящей книги.

¹⁹ Только в 1840 г. Комитету министров пришлось заняться разъяснением правил 15 мая 1837 г., касающихся зачисления еврейских юношей в кантоницы. В разъяснении способа исчисления 18-летнего возраста, дающего детям сибирских евреев право оставаться в месте их жительства без зачисления в кантоницы, Комитет министров обнаружил тенденцию к наиболее суровому применению разъясняемых правил (Леванда. *Op. cit.* С. 419 – 493). Такую же суровость можно отметить в опубликованных в 1847 г. «правилах», на основании коих дети евреев, осуждённых в Сибирь, могут следовать за родителями (Леванда. *Op. cit.* С. 661).

тельства отправленным в Сибирь и достигшим 18-летнего возраста, равным образом и женщинам, которым дозволено остаться на местах их жительства, то есть в Сибири, место их поселения должно считать постоянной для них оседлостью»²⁰.

В этом сенатском разъяснении впервые встречается понятие о «*постоянной оседлости*» для сибирских евреев. Но установлено это понятие крайне неудачно.

В самом деле, сенатское разъяснение 1847 года поставило знак равенства между двумя понятиями: «*место поселения*» и «*оседлость*». Но при этом оставалось невыясненным, что считать «местом поселения».

«Местом жительства» человека можно считать известную страну или часть её, губернию, город, местечко. Можно сузить понятие и настолько, что «место жительства» будет определяться как квартира, в которой проживает данное лицо. Так же неопределённо и понятие «место поселения». В самом тексте сенатского разъяснения сказано, что «*местом жительства*» сибирских евреев является *Сибирь* вообще. Но не видно, считал ли Сенат столь же широким и понятие «*место поселения*», или в это последнее понятие он вкладывал иное, более узкое содержание.

Известно старое правило: если закон или отдельное выражение закона допускает два толкования, то утверждается, входит в жизнь всегда *худшее* толкование, то толкование, которое в наибольшей степени ухудшает положение угнетённых элементов населения.

²⁰ Леванда. Op. cit. С. 677, 678

Это произошло и в данном случае. Неясное выражение в законодательном акте 1847 года послужило через 50 лет формальным основанием для создания специальной черты оседлости вокруг каждого сибирского еврея.

В середине XIX века, как видно из изложенного, правовые условия переселения евреев в Сибирь и их жизни в Сибири были довольно неблагоприятные.

В Сибири находились в то время три категории евреев:

1) ссыльные и их потомки, которых в XVII веке водворяли преимущественно в Западной Сибири, в XVIII веке селили, где придётся, а с 1837 года стали селить исключительно лишь в Якутии и за Байкалом;

2) немногочисленные колонисты-земледельцы, переправленные в Сибирь по указу 20 ноября 1836 года;

3) ремесленники, торговцы и люди различных профессий, при различных обстоятельствах и в различные годы «зашедшие» в Сибирь и осевшие здесь.

Права всех трёх категорий были уже значительно урезаны:

1) ссыльные отправлялись обязательно в глухие углы, не были освобождены от рекрутчины и, кроме того, их детей забирали в кантонисты;

2) относительно колонистов наметилась тенденция изолировать их от остального населения и превратить их земледельческие колонии в новое гетто;

3) у случайно попавших в Сибирь евреев отбирали сыновей в кантонисты и, кроме того, над ним висел уже дамоклов меч разъяснения места их постоянной оседлости.

Что касается до условий дальнейшего переселения в Сибирь евреев, то уже был налицо закон, который, по позднейшему толкованию, закрыл совершенно евреям доступ в пределы Сибири. Но в середине прошлого столетия этому закону никто не придавал такого смысла.

Царствование Александра II ознаменовалось целым рядом либеральных мер по отношению к евреям. Отразилось это и на правовых условиях жизни сибирского еврейства.

В 1857 году Сенат разъяснил, что сибирские евреи могут на общих основаниях переходить в купечество²¹.

В следующем году было предоставлено евреям, записанным в государственные крестьяне, переходить в мещанство и «производить в городах присвоенную мещанам торговлю»²².

Этим разрешением, в первую очередь, воспользовались переселённые в Сибирь за 20 лет до того колонисты. Таким образом потомки этих колонистов, уже в мещанском звании, разбрелись по Сибири и иные из них оказались также и в пределах Иркутской губернии.

В 1859 году (1 марта) был издан закон, предоставившим евреям-купцам право перечисляться в купечество же 1-й гильдии ко всем вообще городам Российской империи²³. Так как в то время ни у кого не возникало сомнения в том, что в понятие «Российской империи» входят и сибирские губернии, то этим законом откры-

²¹ Леванда. *Op. cit.* С. 877.

²² Леванда. *Op. cit.* С. 903.

²³ Леванда. *Op. cit.* С. 911 – 913.

вался доступ в Сибирь еврейскому первогильдейскому купечеству. Необходимо, впрочем, отметить, что разрешением 1859 года для переселения в Сибирь воспользовались весьма немногие евреи-купцы.

В 1860 году была прекращена ссылка евреев в Сибирь на водворение²⁴. Но одновременно с этим евреи ссыльнопоселенцы (как отбывшие каторгу, так и непосредственно осуждённые на поселение) были уравнены в правах с лицами других национальностей. Было установлено, что «евреи, ссылаемые в Сибирь, а равно и осуждённые в каторжную работу, по окончании срока сей работы поселяются не отдельными селениями, а в деревнях старожилов, в местах по назначению главного начальства, а дети означенных евреев, в том числе и сыновья их, уволенные из кантонистов, оставляются при родителях».

Закон 1860 года оставил для евреев-поселенцев лишь одно специальное ограничение: запрещено было селить их «на стовёрстном расстоянии от Китайской границы и вообще от границ с неподвластными России народами»²⁵. Основывалось это запрещение на опасении, что евреи-поселенцы, водворённые слишком близко к границе, будут заниматься контрабандным промыслом, в частности, торговлей хищническим золотом.

Эта мера, касавшаяся первоначально лишь *порядка водворения в Сибири евреев-поселенцев*, впоследствии получила особое истолкование: из неё вывели заклю-

²⁴ Мотивировалась эта мера как средство «для предупреждения непомерного умножения числа евреев в Сибири».

²⁵ Леванда. *Op. cit.* С. 936 – 938.

чение, что евреям всех категорий, даже лицам, пользующимся правом свободного передвижения по всей Сибири, воспрещается не только селиться, но даже въезжать в пределы 100-вёрстной пограничной полосы.

Так создалось новое ограничение в правах, особенно чувствительно отзывающееся на положении евреев Иркутской губернии.

Характерно происхождение этого ограничения.

В 1860 году законодатель в законе, относящемся, вообще говоря, благожелательно к евреям, оставил один пункт, который непосредственно мог затронуть лишь незначительное число лиц. Через 20 лет об этом пункте вспомнили, через 30 лет его определённым образом истолковали. И в порядке разъяснений и кодификации выработался новый, направленный против евреев закон, разоривший сотни еврейских семейств.

60-е годы приоткрыли двери в Сибирь для определённых категорий евреев.

В 1861 году получили право повсеместного жительства в России (а следовательно, и право переселения в Сибирь) евреи, имеющие учёную степень. Вслед за тем это право было распространено на всех вообще евреев, получивших высшее образование.

Так как евреи-ремесленники больше, чем кто бы то ни было, страдали от скученности в «черте», то это разрешение вызвало переселение многих еврейских семейств в различные города России. Напомним, что Сибирь в 60-е годы считалась по отношению к правам евреев на одинаковом положении со всеми внутренними губерниями. Поэтому ничто не мешало в

то время евреям-ремесленникам переселяться, на основании закона 1865 года, и за Урал. Только спустя 40 лет Сенат признал, что все эти люди поселились в Сибири *незаконно*.

В 1867 году вошло в силу новое положение об устройстве отставных и бессрочно отпускных нижних чинов. 6-й пункт 1-го раздела этого положения отменил «запрещение нижним чинам еврейского закона селиться вне места, где евреям дозволяется оседлость»²⁶. Это право, дарованное отставным николаевским солдатам, сохранилось и за их потомками.

Закон 1867 года оказал заметное влияние на состав еврейского населения в Сибири. Этот закон ввёл в состав сибирского еврейства новый элемент, игравший значительную роль в позднейшей истории сибирских еврейских общин, – в частности, и в истории иркутской общины. До сих пор в Иркутске мы встречаем довольно много евреев, право жительства которых определяется тем, что их деды отбыли рекрутчину и солдатчину в жестокие николаевские времена.

Таким образом, к трём категориям, которые мы отметили среди сибирских евреев в середине минувшего столетия (потомки ссыльных, потомки колонистов и случайно поселившиеся), в 60-х годах прибавилась ещё четвёртая, довольно многочисленная категория: отставные нижние чины и их потомки. В отдельных случаях у представителей этой (наиболее демократической) группы сибирских евреев оказывались права, которых

²⁶ Леванда. *Op. cit.* С. 1085.

были лишены остальные евреи в Сибири (даже купцы 1-й гильдии и лица с высшим образованием). Так, в 90-х годах Сенат признал, что из сибирских евреев только потомки николаевских солдат могут селиться в пределах 100-вёрстной пограничной полосы²⁷.

§ 4. Позднейшие ограничения в правах

70-е и 80-е годы не внесли существенных изменений в правовые условия переселения евреев через Урал и их существования в Сибири. Только в 1887 году евреи были лишены права заниматься в Сибири винокурением, питейной торговлей и дрожжевым производством. Лишились они этого права в порядке разъяснения действующего закона.

Этот момент разъяснительного законодательства представляет для нас значительный интерес, во-первых потому, что до этого разъяснения евреи играли крупную роль в винокурении и в виноторговле в Иркутской губернии; во-вторых потому, что установившееся в 1887 году правовое ограничение евреев до сих пор стесняет их хозяйственную деятельность.

Поэтому остановимся на происхождении этого ограничения.

С 1827 года евреям-поселенцам в Сибири не разрешается занимать должности по откупам и, в частности, быть продавщиками водки в *деревнях и селениях*. Но

²⁷ Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях. С. 125 – 130. В настоящее время этой привилегией потомки николаевских солдат уже не пользуются.

эти права сохранялись за вольными сибирскими евреями и за евреями-поселенцами в *городах*, к которым они приписаны²⁸.

В том же 1827 году по высочайшему повелению было разрешено поступить на иркутские заводы в качестве винокуров двум аршанским купцам евреям Лейбе и Якову Давыдовым, причём с них была отобрана (тоже с высочайшего повеления) подписка в том, «дабы они не склоняли никого в еврейскую веру»²⁹.

В дальнейшем в «условиях на содержание питейных сборов в Сибирских губерниях», которые публиковались на каждое 4-летие, неизменно повторялось установленное в 1827 году ограничение для ссыльных евреев, – запрещение употреблять их по селениям к продаже питей³⁰.

В течение 60 лет это было единственное ограничение, которому подверглись сибирские евреи в данной хозяйственной области. Только в 1856 году было установлено новое незначительное ограничение: безусловное запрещение «употреблять в поверенные и служители» по откупам во внешних округах киргизской степи евреев «как сосланных в Сибирь по распоряжению Правительства, так и по воле сюда захвативших»³¹.

Но вот, в первом департаменте Сената, по поводу частной жалобы одной еврейки-купчихи, возникли

²⁸ Леванда. *Op. cit.* С. 182 – 183.

²⁹ Леванда. *Op. cit.* С. 208 – 209.

³⁰ Это запрещение было подтверждено в 1831 г., 1835 г., 1839 г., 1843 г., 1847 г., 1855 г.

³¹ Леванда. *Op. cit.* С. 868.

разногласия по вопросу о праве евреев, проживающих в Восточной Сибири, заниматься виноторговлей. Вопрос был передан на решение Государственного совета, и Государственный совет разрешил этот вопрос в отрицательном смысле. Мнение Государственного совета получило 16 февраля 1887 года высочайшее утверждение. А спустя семь месяцев, 15 сентября, министр финансов, по соглашению с министром внутренних дел, дал мнению Государственного совета новое, распространённое толкование.

Разобрав основания, заставившие Государственный совет лишить права виноторговли восточносибирских евреев, министр решил, что эта мера должна быть распространена равным образом и на евреев, проживающих в Западной Сибири. Вместе с тем министр указал, что раз евреи, по мнению Государственного совета, не имеют права *торговать* вином, то они не должны *ни производить винокурение*, ни заниматься производством *дрожжей*.

В этом смысле были сделаны министром финансов и министром внутренних дел указания местным сибирским властям. Местные же власти, уловив общую тенденцию преподанных указаний, приступили к дальнейшим разъяснениям.

28 сентября 1887 года Томское губернское правление, в добавление к указаниям из Петербурга, постановило, что евреи не могут быть конторщиками, кассирами и вообще служащими на винокуренных и водочных заводах и в разного рода питейных заведениях. Исключение было сделано лишь для евреев-ви-

нокуров и водочных мастеров: им было разрешено и впредь заниматься своим ремеслом³².

Само собой разумеется, последнее разрешение было продиктовано губернскому правлению не снисходительностью к евреям, а заботливостью о водочных заводчиках, которым нечем было заменить мастеров-евреев.

Неисповедимыми путями постановление Томского губернского правления получило силу по всей Сибири.

Интересно отметить, что в рассмотренном случае ограничение сибирских евреев в правах было проведено весьма оригинальным путём: путём циркулярного истолкования мнения Государственного совета и канцелярского истолкования губернским правлением министерского циркуляра. При этом циркуляр начисто отменил закон 24 августа 1863 года, предоставивший евреям право производить винокурение в Сибири³³.

Интересно отметить также и то, что в 1887 году сибирские евреи были устранены от участия в промысле, которым они успешно занимались с самого начала столетия. Ещё Сперанский разрешал евреям «курить вино на частных заводах и продавать его сверх установленной пропорции, без особой на то платы» и признавал, что евреи приносят винокурению «значительные пользы».

Несмотря на ограничения в правах, которым подверглись сибирские евреи в 1887 году, правовое положение массы проживавших в Сибири евреев оставалось сравнительно сносным. К концу 80-х годов доступ

³² М. М-ш. О евреях в Сибири // Восход. 1889. Кн. VIII.

³³ Леванда. *Op. cit.* С. 1008.

евреев в Сибирь был сильно стеснён, но в пределах Сибири евреи, перебравшиеся через Уральский хребет, жили лучше, чем в России.

Положение сибирских евреев находилось в столь явном противоречии с бедственным и бесправным положением евреев в черте оседлости, что в 1889 году один видный исследователь еврейского вопроса писал:

«Невольно возникает вопрос, почему честному еврею, не принадлежащему к привилегированным категориям евреев, нельзя дышать сибирским воздухом, а всяким преступникам и их потомству из евреев же не только жить в Сибири, но и натурализоваться можно и пользоваться всеми гражданскими правами, хотя бы и без продажи питей. А между тем в силу законов о черте еврейской оседлости выходит, если бы еврей, изнемогая в черте от скученности, подавляющей конкуренции своих собратьев, нищеты и т. п., пожелал бы выйти с семейством из своего несчастного положения и переселиться за черту, то ему остаётся одно: совершить какое-нибудь уголовное преступление, и тогда он получает возможность переселиться на казённый счёт в Сибирь с домоладцами, которые делаются там полноправными членами общества»³⁴.

Так писал еврейский публицист в 1889 году. В это время о сибирских евреях, правда, с известной натяжкой, можно было говорить как о полноправных членах общества. В это время ещё не подверглось разъяснению право сибирского еврея свободно дышать сибир-

³⁴ М. М-ш. О евреях в Сибири // Восход. 1889. Кн. VIII.

ским воздухом. В это время российский еврей мог ещё завидовать своему сибирскому собрату.

Но над головами сибирских евреев собирались уже грозные тучи. Местная сибирская администрация принялась за евреев. То в одной, то в другой губернии производились высылки евреев. В Тобольской губернии было поднят вопрос о праве евреев приобретать недвижимую собственность. В Томской губернии возникли сомнения о праве евреев заниматься торговлей. И хотя в обоих случаях поползновения местной администрации не встретили поддержки со стороны Сената, но эти явления не сулили сибирским евреям в ближайшем будущем ничего доброго³⁵.

В это время и в Иркутске перед евреями впервые встал призрак полицейских высылки, и незаметно приблизилась к ним полоса «горемыковщины», – суровое время, когда управление краем оказалось в руках генерал-губернатора Горемыкина³⁶.

В наши дни приведённые сетования публициста 80-х годов звучат уже странным анахронизмом. 90-е годы коренным образом изменили правовое положение сибирских евреев и поставили их в такие условия, что говорить о большинстве их как о «полноправных гражданах» можно только в насмешку.

В 1890 году появилось новое издание паспортного устава. И в нём оказалась статья, которая в дальней-

³⁴ М. М-ш. О евреях в Сибири // Восход. 1889. Кн. VIII.

³⁵ Мыш М.И. Руководство к русскому законодательству о евреях. СПб., 1890. С. 247 – 251.

³⁶ См. главы IV и V.

шем получила наименование «основного закона об ограничении пребывания евреев в Сибири». Это 23-я статья, гласящая дословно следующее:

«Евреям проезд и водворение в Сибири воспрещается, с ограничениями, указанными в уставе о ссыльных (ст. 496, 497, 502, 515 и 517) и в законах о состояниях (ст. 974, прим. 2, прил., ст. 9, по прод. и 978)».

Эта статья, называемая «основным законом» по отношению к сибирским евреям, в действительности, с юридической точки зрения, является несомненным беззаконием. Она возникла в порядке кодификации, но не соответствует тем законодательным источникам, на которые опирается.

В основании её лежат, прежде всего, законы 5 января и 15 мая 1837 года, о которых мы упоминали выше. Эти законы, как было выяснено, явились в результате попытки правительства Николая I насадить в Сибири еврейские земледельческие колонии. Этими законами был положен конец переселению в Сибирь евреев-колонистов. Но хотя, наряду с этим, правила 1837 года заключали в себе целый ряд жестоких мер, направленных против евреев, всё же они не имели того безусловно запретительного характера, который оказался у статьи 23 паспортного устава издания 1890 года.

Равным образом, не закрывали доступа в Сибирь евреям и позднейшие законы, на которые, как на законодательные источники, опирается статья 23. Наконец, эта статья находится в прямом противоречии с законодательством 60-х годов, открывшим доступ в Сибирь определённым категориям евреев.

Всё это приводит исследователя сибирско-еврейского законодательства г-на Белковского к выводу, с которым нельзя не согласиться:

«23-я статья обязана своим существованием в своде законов не желанию законодателя выделить Сибирь в особую местность в отношении права жительства в ней евреев, а есть результат наслоений, которые образовались благодаря несовершенству кодификационной техники. Посему статья 23-я не может быть признана вообще особенным местным законом. О ней нет даже и речи в тех положениях, уставах и правилах, которые изданы специально для Сибири. Образовавшаяся в кодификационном порядке путём разных наслоений 23-я статья должна быть показана отменённою»³⁷.

Но каковы бы ни были историческое происхождение и юридическое значение рассматриваемой статьи, официально она считается бесспорной настолько, что при столкновении её с ясными указаниями закона, представляющего евреям определённые права, торжествует не указание закона, а 23-я статья!

Так, в начале 90-х годов возник вопрос о праве въезда в Сибирь евреев-купцов, пользующихся правом повсеместного жительства вне черты оседлости, – вопрос, имеющий особое значение для Иркутска и Иркутской губернии ввиду значительного развития местной еврейской торговли.

Казалось бы, закон, предоставляющий определённым лицам те или иные права в пределах *всего госу-*

³⁷ Белковский Г.А. *Op. cit.* С. 33 – 34.

дарства, имеет одинаковую силу для всех частей государства. На практике оказалось иначе.

В начале 80-х годов Иркутская казённая палата отказала гробинскому 1-й гильдии купцу Кальмееру в зачислении его в иркутское первогильдейское купечество. Кальмеер перенёс дело в Совет Главного управления Восточной Сибири. Но Совет встал в данном вопросе на точку зрения Иркутской палаты. Дело перешло на решение Сената. И Сенат, рассмотрев жалобу Кальмеера, признал, что «евреи-купцы 1-й гильдии... имеют право приписываться ко всем городам Российской империи и в том числе и к губерниям и областям Сибирским и производить там торговлю на общем основании». При этом Сенат подчеркнул ещё, что это его решение должно быть принято «для руководства как в данном случае, так и в подлежащих случаях на будущее время»³⁸.

Такое решение вынес Сенат в 1884 году, всего за шесть лет до появления в паспортном уставе злосчастной 23-й статьи об евреях.

Но уже в 1891 году Сенат решил, что «право евреев на жительство вне черты, назначенной для постоянной оседлости евреев, не распространяется на пределы Сибири». И это своё чрезвычайно важное решение Сенат обосновал простой ссылкой на рассматриваемую статью паспортного устава, то есть ссылкой на статью, которая сама не имеет оснований в законодательных источниках!

Это решение Сената имело роковое значение для сибирского еврейства: в силу него тысячи евреев, мир-

³⁸ Белковский Г.А. *Op. cit.* С. 82.

но живших в Сибири, оказались в положении людей, незаконно, обманным путём поселившихся на запретной для них территории. В таком положении оказались все те евреи, которые пришли в Сибирь по собственному желанию. В таком положении оказались и потомки евреев, добровольно переселившиеся в Сибирь в предыдущие десятилетия.

Всё существование тысяч сибирских евреев отныне зависело от усмотрения начальства. А в Иркутске генерал-губернатором был в это время Горемыкин, о котором нам придётся говорить подробно в следующих главах.

Ярый антисемит, Горемыкин принялся проводить в жизнь сенатское разъяснение. Начались высылки евреев из Иркутска и из Иркутской губернии.

В других частях Сибири в течение нескольких лет наблюдались колебания в практике применения нового взгляда Сената на право привилегированных евреев в Сибири. Но к концу 90-х годов, после ряда циркуляров и повторных разъяснений, положение окончательно определилось.

С 1899 года сибирские власти не позволяют ни одному еврею, живущему вне Сибири, оставаться в Сибири хотя бы на короткое время и немедленно высылают каждого еврея, который дерзнёт переехать Уральские горы. С 1899 года в Сибирь пропускают лишь одну категорию евреев – ссыльнокаторжных и поселенцев. Но для еврея не преступника к началу XX века Сибирь стала окончательно недоступна.

Таким образом, условия переселения евреев в Сибирь, несколько раз изменявшиеся в продолжении

XIX столетия, к концу столетия приняли устойчивые формы. Отныне еврей может перейти Уральские горы лишь в цепях и под конвоем.

Вместе с тем, определился окончательно и юридический состав еврейского населения в Сибири.

Откидывая более мелкие подразделения, можно отметить среди евреев, живущих в Сибири, следующие наслоения:

1) Ссылные и их потомки, прибывавшие в Сибирь, начиная с XVII века и прибывающие ещё и теперь.

2) Потомки евреев-колонистов, переселившихся в Сибирь в 1836 году, расселившиеся с отведённых их предкам участков в Тобольской губернии и Омской области по всей Сибири.

3) Потомки николаевских солдат.

4) Евреи привилегированных категорий – купцы 1-й гильдии, переселившиеся в Сибирь до 1899 года, и лица с высшим образованием.

5) «Случайно зашедшие» в Сибирь ремесленники и их потомки.

§ 5. Уничтожение свободы передвижения по Сибири

Приняв за основание своей практики по отношению к сибирским евреям 23-ю статью паспортного устава издания 1890 года (или 11-ю статью приложения к статье 68 по позднейшему изданию 1903 года), Сенат натолкнулся на такое противоречие:

по закону (23-я статья) евреи не смеют селиться в Сибири. Между тем в Сибири проживает около 30 000

евреев. Самым фактом своего нахождения в Сибири они нарушают основной закон о сибирских евреях, 23-ю статью.

Отсюда необходимость подозрительного отношения к сибирским евреям, необходимость создания для них особого правового положения.

И, действительно, одновременно с воспрещением въезда в Сибирь российским евреям, в сенатской и административной практике вырабатывается такой взгляд на сибирских евреев, который ставит их в положение чуть ли не поднадзорных преступников, связанных подпиской о невыезде.

До 1897 года за сибирскими евреями признавалось право свободного передвижения по всей Сибири, за исключением 100-вёрстной пограничной полосы. Пользуясь этим правом, евреи, как и все сибиряки, свободно переходили из мест своего причисления в другие, более населённые торговые сёла и города. Найдя там заработок, они оставались в местах вне приписки, нередко приобретали там недвижимость, заводили торговые и промышленные дела.

Но в конце 1897 года Сенат признал, что для сибирского еврея его место жительства или место приписки является специальной чертой оседлости. Только здесь может он заниматься торговлей или ремеслом. Переселяться отсюда в другое место, выезжать из пределов своего округа, перечисляться в другое общество еврей может не иначе, как с разрешения высшей власти. Даже временные отлучки за пределы данного округа сибирскому еврею могут быть разрешаемы не

иначе, как с соблюдением всех правил, установленных для отлучки российских евреев за пределы черты оседлости.

Таким образом, состоялось, в порядке сенатского разъяснения, прикрепощение сибирских евреев к месту их приписки.

Случилось это одновременно с проведением Великого Сибирского пути, когда началось промышленное оживление края, пошла ускоренная ломка старых хозяйственных отношений, и стала особенно ощутительной для каждого сибиряка необходимость свободного передвижения.

В это время быстро разорялись старые торговые центры. Города и сёла, попавшие в сферу экономического влияния железной дороги, так же быстро росли и развивались. В центрах, приходивших в упадок, царила безработица и нужда. В развивающихся городах и сёлах не хватало рабочих рук.

И в это время Сенат прикрепил несколько десятков тысяч человек к местам их приписки. Прикрепил их даже не к месту их *жительства*, не к тем городам и сёлам, где они обжились, где они работали, а к тем сёлам и деревням, к которым они или их предки были когда-то *приписаны*, к сёлам и деревням, с которыми чаще всего у них оставалась лишь бумажная связь.

Неуклонное приведение в жизнь мысли Сената о прикреплении каждого сибирского еврея к месту его приписки, как к особой черте оседлости, грозило полным разорением всем — или почти всем — евреям в

Сибири. Достаточно сказать, что эта мера грозила принудительной высылкой из одного только Томска 800 семейств евреев, имеющих недвижимую собственность в городе³⁹. При применении этой меры к Иркутску из города пришлось бы выслать не менее тысячи евреев, владевших приблизительно сотней домов общей ценностью в 2 миллиона рублей, имевших свыше 100 торговых и промышленных предприятий с годовым оборотом около 3 миллионов рублей, державших в своих руках не менее 10% всего торгового оборота в городе. Короче, – применить эту меру к Иркутску значило бы разорить город.

К счастью для евреев и для всего населения Сибири, выполнить подобную меру на местах было труднее, чем предписать её из Петербурга. Роль евреев в хозяйственной жизни края была слишком велика. Хозяйственные интересы евреев слишком тесно переплетались с хозяйственными интересами остального, нееврейского населения.

Напрасно «Новое время» чуть ли не ежедневно било тревогу по поводу захвата евреями сибирской промышленности и кричало о необходимости очистить Сибирь от евреев и привлечь в восточную окраину русские руки, русскую предприимчивость и русский капитал. Последовательное вытеснение всех евреев с места их приписки, разорив евреев, вместе с тем вызвало бы в Сибири промышленный и финансовый крах, от которого пострадали бы и не евреи.

³⁹ Недельная хроника «Восхода». 1897. №26 – 27.

Перетасовать всех евреев Сибири по местам их приписки оказалось задачей более головоломной, чем выслать за пределы Сибири евреев, «незаконно» попавших за Уральский хребет. Администрация остановилась перед грандиозностью и бессмысленностью этой задачи. Но отказаться от этой затеи всё же не хотели.

Наступил период колебаний, – картина, хорошо знакомая российским евреям.

Люди живут под постоянным страхом выселения и разорения. Им на каждом шагу напоминают, что их не трогают лишь в силу особой милости, что законных прав на эту милость они не имеют.

Люди становятся предметом вымогательств и поборов со стороны полиции и рады, когда им удаётся откупиться от преследований. Как всегда, эти преследования сплетаются с издевательствами.

Конец 90-х годов ознаменовался расцветом официального антисемитизма в Сибири. Создавались специальные комиссии, исследовавшие вопрос о возможных ограничениях прав евреев, издавались проникнутые антисемитизмом циркуляры и обязательные постановления.

Из таких постановлений следует отметить одно: воспрещение жителям городов и местечек пускать к себе в квартиры – хотя бы на ночлег – евреев. За исполнением этого запрета администрация следила настолько строго, что были случаи, когда еврей, прибывший по делам в город, в котором он бывал и раньше не один десяток раз, принуждён был ночевать под открытым небом: старые знакомые и приятели не решались

пустить его под свою кровлю, опасаясь преследований со стороны властей⁴⁰.

Тяжело обрушились эти преследования и на иркутских евреев, судьба которых находилась в то время в руках Горемыкина.

Как и повсюду, в Иркутске высылкам в место приписки чаще всего подвергались бедняки-труженики, для которых переселение означало разорение и долгие годы голода.

90-е годы положили таким образом начало нищете среди сибирского еврейства.

Но интересно отметить одну особенность в притеснениях, которым подвергались сибирские евреи.

Эти преследования привязывают евреев к глухим местам, затрудняют их перемещение в населённые торгово-промышленные центры. Между тем в черте оседлости притеснения евреев направлены в обратную сторону: там евреев загоняют насильно в города, не дают им селиться в деревнях среди земледельческого населения.

Политика, принятая по отношению к евреям в черте оседлости, способствовала развитию среди евреев городского ремесленного пролетариата. Сибирско-еврейские правоограничения должны были привести к иному результату. Люди, тяготеющие к городской торгово-промышленной жизни и принуждённые жить в деревенской глуши, естественно становятся торговыми посредниками между деревней и городом.

⁴⁰ Восход. 1899. №57.

Прикрепление к месту жительства сибирских евреев сыграло известную роль в развитии этой стороны их хозяйственной деятельности.

§ 6. Условное право жительства

Как мы отметили, новая точка зрения Сената на евреев в Сибири не была проведена в жизнь с исчерпывающей последовательностью. Создалась лишь общая атмосфера бесправия. И эта атмосфера бесправия породила для сибирских евреев новое юридическое состояние – *условное право жительства*.

Согласно с рамками нашей темы, ограничимся очерком того, как создавалось это своеобразное «условное право» в Иркутске.

Уже в 1895 году, когда выяснилось новое течение в правительственной политике по отношению к сибирским евреям, иркутский генерал-губернатор Горемыкин возбудил перед Сенатом вопрос о том, могут ли оставаться в Иркутске и Иркутской губернии евреи, пользующиеся правом повсеместного жительства: 1) на основании диплома об окончании одного из высших учебных заведений, 2) в качестве аптекарских помощников, дантистов, фельдшеров и повивальных бабок, 3) в качестве учеников, изучающих фармацею, фельдшерское и повивальное искусство.

Возбуждая перед Сенатом этот вопрос, со своей стороны, иркутский генерал-губернатор разрешал его в *отрицательном* смысле, то есть в том смысле, что евреи перечисленных трёх категорий проживают

в губернии незаконно и подлежат выдворению из её пределов.

Только во избежание материального ущерба, сопряжённого с массовым выдворением из города и из губернии нескольких сот человек, Горемыкин предписал полиции соблюдать *постепенность* в выселении евреев из незаконно выбранных ими мест проживания и разрешил оставаться в губернии «впредь до особых распоряжений» при условии «безукоризненного поведения» тем евреям, которые *«приобрели в месте проживания прочное домообзаводство и многогодный промысел»*.

Целых двенадцать лет мыкался по петербургским канцеляриям рапорт иркутского генерал-губернатора. Двенадцать лет дожидалась иркутская администрация разрешения возбуждённого ею вопроса о праве жительства определённых категорий евреев. И всё это время в местной практике фигурировало воскрешённое Горемыкиным фантастическое понятие «прочного домообзаводства», в зависимости от которого еврей либо получал право оставаться в Иркутской губернии, либо подлежал высылке.

Что считать *«прочным домообзаводством»*?

Входит ли в это понятие семья или только хозяйство?

Нужно ли для «прочного домообзаводства» владеть недвижимостью или достаточно занимать соответствующим образом обставленную квартиру?

Сколько кастрюль, сколько стульев, сколько смен белья и верхнего платья должен иметь еврей, чтобы полицейская власть признала за ним права, вытекающие из *«прочного домообзаводства»*?

Всех этих и многих других вопросов Горемыкин не предусмотрел. По каждому случаю запрашивать разъяснений из губернского правления полиция не могла. И вот, все эти головомомные вопросы пришлось разрешать низшей полицейской власти – урядникам, околоточным, на лучший случай – приставам и исправникам.

Иркутские старожилы передают случаи, когда евреи спешно устраивали фиктивные браки для того, чтобы иметь возможность доказать прочность своего «домообзаводства». Пускались и на другие хитрости. Но чаще всего приходилось прибегать к тем доводам, которые в таком ходу у нас в подобных случаях, – приходилось прибегать к взятке.

Понятие «прочного домообзаводства», введённое Горемыкиным лишь для трёх групп евреев, впоследствии получило более широкое применение. К нему стала прибегать полиция при каждом сомнении в праве данного лица иудейского вероисповедания оставаться в городе.

Между тем рапорт иркутского генерал-губернатора был рассмотрен Сенатом.

Сенат признал, что на основании уже ранее данным им разъяснений, евреи, о которых писал Горемыкин, не имеют права жительства в Сибири, как не имеют права приезжать и водворяться в Сибири и другие привилегированные категории евреев. Но такое толкование закона явно противоречило предоставленному евреям праву заниматься золотым промыслом. Кроме того, последовательное применение этого взгляда грозило разорением не только многочисленным ев-

рейским семьям, но и множеству не евреев, имеющих деловые сношения с евреями.

Поэтому Сенат поручил «Министру Внутренних Дел, по соглашению с Министром Финансов, Земледелия и Государственных Имуществ, войти в законодательном порядке с представлением о согласовании (касающихся евреев) постановлений Устава о паспортах и законов о состояниях». Вместе с тем Сенат просил высочайшего соизволения на применение своего определения только со дня его опубликования, – то есть о применении его исключительно к евреям, вновь приезжающим в Сибирь, но не к тем евреям, которые прибыли в Сибирь раньше⁴¹.

Таким образом Сенат, в виде выхода из противоречивых указаний закона, предложил преподать иркутской администрации половинчатое разрешение вставшего перед нею вопроса о правах определённых категорий евреев: тех евреев, которые уже поселились в губернии, – оставить в покое; а впредь евреев той же категории в губернию не пускать.

Но Комитет министров с таким разрешением вопроса не согласился. Комитет министров признал, что вопрос должен быть разрешён в полном его объёме в порядке общего законодательства, причём могут быть пересмотрены и приложения к пресловутой ст. 23 Устава о паспортах и толкования этой статьи, данные Сенатом. Поэтому Комитет министров высказался против распубликования определения Сената. Согласно с

⁴¹ Определение первого общего собрания Сената от 19 декабря 1897 г., 18 декабря 1898 г.

этим представлением Комитета министров, определение Сената опубликовано не было и не вошло в законную силу. Вопрос о праве жительства евреев в Сибири остался (в данной части его) не разрешённым.

Только в середине 1899 года состоялось высочайшее повеление «о приведённом положении Комитета министров поставить в известность иркутского генерал-губернатора» для руководства, как при допущении к дальнейшему водворению в Сибирь евреев, так и *«при выселении из вверенного ему края евреев, ныне уже там проживающих»*.

Но как мы видели, никаких определённых и ясных указаний относительно прав различных категорий евреев в положении Комитета министров не было, — было лишь общее указание на то, что относящиеся к вопросу законы противоречивы, несогласованны, не могут быть примирены друг с другом в порядке толкования, и что посему весь вопрос в целом должен быть рассмотрен и разрешён в порядке законодательном.

«Руководствоваться» подобным положением иркутская администрация могла лишь в одном смысле, — разрешая все сомнения на месте в порядке собственного усмотрения.

Отметим ещё, что ответ на вопрос, поднятый Горемыкиным в 1895 году, был получен в Иркутске спустя несколько лет после отставки Горемыкина, — и ясно будет, — что эта попытка генерал-губернатора разрешить возникшие у него сомнения через обращение в Петербург должна была остаться последней попыткой этого года.

В ответ на частный и, собственно говоря, весьма узкий вопрос получились указания чрезвычайно общего характера: законы, мол, противоречивы, согласовать их мудрено, новые законы изданы будут не скоро, а пока обойдитесь как-нибудь, по-домашнему... без закона...

Это была та почва, на которой развилась и выросла в Иркутске селивановщина.

О бытовой стороне селивановщины мы будем говорить ниже, в IV главе. Здесь мы должны отметить лишь те формальные, правовые условия, на фоне которых оказалось возможно гонение, воздвигнутое на евреев в послереволюционные годы иркутским генерал-губернатором Селивановым.

Юридические корни селивановщины были следующие:

1) «основной закон», воспреещающий евреям въезд в Сибирь и подвергающий сомнению их право на пребывание в Сибири;

2) специальная оседлость, привязывающая каждого еврея к месту его приписки; и

3) условное право жительства, ставящее большинство сибирских евреев в полную зависимость от административного произвола.

§ 7. Современное положение

В результате противоречивых наслоений в сибирско-еврейском законодательстве правовые условия жизни сибирских евреев запутались до последней сте-

пени. Но запутались к наступлению конституционной эры и условия жизни российских евреев.

Это вызвало к жизни столыпинский циркуляр от 22 мая 1907 года, ставший, в известном смысле, главным источником права и бесправия для евреев вне черты оседлости.

Циркуляр начинается с констатирования того, что «в различных местностях Империи, в коих жительство лицам иудейского исповедания... вообще запрещено, издавна проживают евреи, не располагающие на то надлежащим правом».

Массовые высылки «не приводили, в большинстве случаев, к желаемым результатам, но сопровождаясь иногда весьма тяжёлыми последствиями, порождали многочисленные по этому поводу жалобы и вызывали ходатайства об отсрочке выселений не только со стороны евреев, но иногда и со стороны местных жителей христиан, которые в течение долгого времени вступали с евреями в правовые, имущественные и личные отношения».

Во время русско-японской войны, напоминает циркуляр, «признано было необходимым временно, впредь до восстановления мира, приостановить выселение всех тех евреев,.. которые или поселились в сказанных местах на законном основании, но засим утратили это право, или проживают уже там продолжительное время, имея семью и домообзаводство».

Соответствующие указания и были преподаны местным властям циркуляром от 6 марта 1904 года.

По окончании войны с Японией высылки евреев возобновились, что «стало вызывать сильное волнение среди еврейского населения и возбуждение ряда ходатайств о приостановлении выселений». Тогда министерство признало целесообразным продлить действие циркуляра 1904 года по отношению к евреям, до 1 августа 1906 года прибывшим в места настоящего их жительства.

Но это распоряжение не было опубликовано. Министерство только сообщало его в каждом отдельном случае «к руководству тем губернаторам, из пределов губерний которых поступали ходатайства евреев о приостановлении выселений».

Высылки продолжались. Продолжались и вызываемые высылками жалобы.

«Ввиду изложенного, заявляет Столыпин в своём циркуляре, озабочиваясь устранением всего того, что может нарушать нормальное течение внутренней жизни Империи и вызывать во многих случаях неудовольствие целых групп населения, я... предлагаю Вашему Превосходительству приостановить, впредь до пересмотра в законодательном порядке общего вопроса о праве жительства евреев, выселение всех тех поселившихся до 1 августа 1906 г. в местностях, где им жительство воспрещено, кои: 1) или поселились в названных местах на законном основании, но засим утратили это право, 2) или имеют семью и домообзаводство.

Непременным условием применения этой меры я ставлю уверенность административной власти в том, что еврей, оставляемый на жительство в местности, ему запрещённой, не вреден для общественного по-

рядка и не вызывает недовольствия со стороны населения, среди которого он проживает».

Циркуляр заканчивается напоминанием о необходимости «иметь неослабное наблюдение за тем, чтобы ни под каким видом не допускалось впредь незаконное водворение или проживание евреев в местностях, где им жительство воспрещено».

Не будем останавливаться на дальнейших судьбах этого циркуляра и на тех нападках, которым подвергался автор циркуляра со стороны Союза русского народа. Нас интересует лишь влияние этого циркуляра на положение сибирских и, в частности, иркутских евреев.

В Европейской России циркуляр коснулся известной части евреев, проживавших вне черты оседлости. В Сибири циркуляр внёс бóльшую определённую в положение всех евреев, находившихся вне места приписки. У них явилась как бы вторая оседлость: первая оседлость определяется паспортом, вторая была условно дана им циркуляром.

Но эта вторая оседлость была поставлена в зависимость от очень шаткого условия – от «уверенности административной власти»... Таким образом, столыпинский циркуляр окончательно упрочил для значительной части сибирских евреев положение условного права жительства.

Современное правовое положение сибирских евреев может быть очерчено следующими ограничениями:

1) евреям проезд и водворение в Сибири воспрещается, причём ни для каких привилегированных категорий исключений не делается. В Сибирь прибывают из

числа евреев лишь ссыльные. Но даже следование за ними их семейств ограничено. Жёны могут следовать за мужьями. Дочери могут следовать за отцами. Но для сыновей уже действуют ограничительные нормы. Сыновья до 5 лет пускаются за родителями свободно. Министр юстиции может разрешить следование в ссылку за отцом евреем его сыновьям до 14-летнего возраста. Дети старше 14 лет должны во всяком случае оставаться в России.

2) Из евреев, находящихся в Сибири, свободой передвижения пользуются лишь потомки николаевских солдат и лица привилегированных категорий, поселившиеся в Сибири до 1899 года⁴². Они могут повсеместно в Сибири записываться в купечество и приобретать недвижимость. Для всех остальных евреев действуют правила о постоянной оседлости. Эти правила распространяются на потомков ссыльных и колонистов, на крестьян, мещан и купцов, а также лиц привилегированных категорий, прибывших в Сибирь позже 1899 года. В силу этих правил каждый еврей может жить, торговать, приобретать недвижимость только в месте своей приписки.

3) Евреи, оставленные вне места приписки по столыпинскому циркуляру, лишены права приобретать недвижимость, заниматься золотопромышленностью,

⁴² Впрочем, эта «свобода передвижения» не мешает отдельным администраторам объявлять свою губернию или своё генерал-губернаторство запретной землёй для всех евреев вообще, как российских, так и сибирских. На такие «запретные земли» право свободного передвижения сибирских евреев не распространяется.

совершать крепостные акты, а равным образом лишены и права участия в выборах в Государственную думу.

4) Все евреи вообще в Сибири лишены права селиться в пределах 100-вёрстной пограничной полосы, заниматься винокурением, виноторговлей и дрожжевым промыслом, а равным образом устранены от участия в выборах в органы местного самоуправления.

5) За всеми сибирскими евреями право возвращения в черту оседлости сохраняется. Относительно въезда во внутренние губернии России сибирские евреи ограничены теми же законоположениями, которые определяют права евреев западного края. Но право въезда и проживания в России не даёт сибирскому еврею права хоть на несколько дней въехать в сибирский город, находящийся вне его уезда, к которому он приписан: например, балаганский купец, имеющий право въезда в Москву и Петербург, на законном основании может быть не допущен в Иркутск.

Если бросить взгляд на весь ход развития сибирско-еврейского законодательства и на современное правовое положение евреев в Сибири, то нужно будет признать, что евреи переселялись в Сибирь в исключительно неблагоприятной правовой обстановке. В убийственной атмосфере бесправия пришлось им вести борьбу за существование в дикой, суровой стране.

Как выдержали её переселившиеся в Иркутскую губернию евреи?

Об этом мы будем говорить в следующих главах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОСТАВ ИРУТСКИХ ЕВРЕЕВ

§ 1. Евреи в Иркутской губернии до начала XIX века. – § 2. Евреи в Иркутске от начала XIX столетия до нашего времени. – § 3. Естественный и механический прирост еврейского населения в Иркутске. – § 4. Происхождение иркутских евреев. – § 5. Евреи в Иркутской губернии по переписи 1897 года. – § 6. Грамотность среди евреев в Иркутской губернии. – § 7. Состав евреев в Иркутске и Иркутской губернии по сословиям и профессиям

По сведениям Иркутской городской полиции, к 1 января 1909 года в Иркутске было 108 060 жителей обоего пола. По вероисповеданиям жители распределились следующим образом:

православных.....	86 484
раскольников.....	653
римско-католиков.....	5 392
армяно-грегорьянцев.....	1 409
протестантов.....	1 339
иудеев.....	6 169
магометан.....	5 105
буддистов.....	718
шаманствующих.....	791

Всего:	108 060
--------	---------

Такова же, приблизительно, относительная численность различных вероисповеданий и национальных групп иркутского населения и теперь.

Таким образом, евреи занимают по численности второе место в ряду национальных групп населения Иркутска.

Откуда и когда пришли евреи в Иркутск? Как и под влиянием каких условий росло их число в городах? Из каких элементов складывается еврейская группа иркутского населения? Таковы вопросы, которые должны быть освещены в настоящей главе.

§ 1. Евреи в Иркутской губернии до начала XIX века

Евреи Иркутска, как и все вообще сибирские евреи, частью – выходцы из России, частью – потомки российских выходцев.

Как мы указали выше⁴³, евреи появились в Сибири уже в XVII веке, когда не существовало в Российском государстве нынешних ограничительных законов об евреях.

Установлено, что евреи были в числе ссыльных, которых отправляло в Сибирь московское правительство в начале и середине XVII столетия. Иными словами: евреи живут в Сибири уже три века без малого.

Но в XVII и в XVIII столетиях сибирские евреи жили совершенно разобщённые друг от друга, затерянные

⁴³ См. главу I, § 1.

среди иноверного населения. Может быть, отдельные евреи, заброшенные судьбой в сибирскую тайгу или в каторжные рудники, и хранили духовную связь со своим народом, но эта связь, не закреплённая общинной организацией, хранившаяся в душе человека, порывалась и стиралась бесследно с его смертью.

До второй половины XVIII века нигде от Урала до Великого океана не намечилось даже в зачаточной форме еврейской общинной жизни. В то время, по-видимому, не было в Сибири ни еврейских школ, ни молитвенных домов, ни отдельных еврейских кладбищ. От того времени не дошло до нас ни надгробных знаков с еврейскими письменами, ни литературных памятников, ни даже устных преданий – ничего, что относилось бы к жизни сибирских евреев в первую половину позапрошлого столетия, – хотя не подлежит никакому сомнению, что в то время в Сибири была не одна сотня еврейских семейств.

Отсутствие еврейской общинной жизни в Сибири вплоть до конца XVIII века не должно удивлять нас. В то время Сибирь переживала первый период колонизации. Сюда вливались потоки выходцев из России. И так как значительную часть этих колонистов перебрасывала через Урал могущественная воля государства, заинтересованного в возможно быстром заселении окраины, то переселенцы рассеивались незначительными кучками по огромным пространствам сразу, – по Енисею и Лене, по Ангаре и за Байкалом. И здесь оставались они, разбросанные по бесконечной тайге, среди степей, на озёрах и реках, посреди неприяз-

ненно относящегося к ним полудикого коренного населения края.

И вот среди этих-то групп российских выходцев, затерянных в сибирской пустыне, оказывались вкраплены здесь и там отдельные еврейские семейства. Естественно, тут не было почвы для создания еврейской общественности.

Но проходили десятилетия. Число евреев с Сибири увеличивалось. Приходили в Сибирь ссыльные евреи. Перебирались за Урал и отдельные предприимчивые вольные промышленники. Наметилось стягивание евреев в определённые населённые пункты – города и сёла. С одной стороны, евреи стремились в те пункты, где легче всего могли найти они себе заработок сообразно своим профессиональным навыкам. С другой стороны, проявлял своё действие старый, постоянно отмечаемый закон еврейской колонизации: вновь прибывшие в край евреи старались селиться там, где уже были еврейские семейства.

Таким образом, к концу XVIII века в целом ряде местностей Сибири стали складываться, сперва в зачаточной форме, еврейские общины.

Такие еврейские оазисы сложились естественно, незаметно. Они не были вызваны сознательным стремлением евреев к созданию национальной общинной жизни. Равным образом, это явление не зависело и от прибытия в Сибирь новых людей или новых еврейских групп.

В Сибирь притекали лишь одиночки – евреи, оторванные от своего народа. Такими же оторванными от

своего народа они оставались и в Сибири. И всё же к известному времени оказалось, что евреи живут среди остального сибирского населения уже более или менее заметными кучками. Одной из причин, ускоривших это явление, нужно считать естественное размножение еврейского населения в благоприятных условиях сибирской жизни.

Как известно, евреи, в силу целого ряда свойственных им культурных и национальных особенностей, имеют склонность размножаться быстрее, чем другие народности. Даже невыносимые условия еврейского гетто не останавливают естественного прироста еврейского населения. В Сибири же условия жизни для евреев оказались сравнительно благоприятными: не было здесь тесноты и отчаянной конкуренции западного края, не было той нищеты и грязи, не было и свойственной черте оседлости атмосферы угнетения и бесправия.

При таких условиях, естественный прирост еврейского населения в Сибири должен был оказаться особенно высок. И из отдельных семейств, переброшенных из России в Сибирь, при самом незначительном передвижении их, с течением времени должны были образоваться более или менее многочисленные еврейские группы⁴⁴.

Достаточно принять это предложение – и отмеченный нами факт появления в конце XVIII века в ряде го-

⁴⁴ Вот несколько цифр, характеризующих естественный прирост (то есть перевес числа рождений над числом смертей среди еврейского населения Иркутской губернии):

родов и сёл более или менее значительных еврейских групп сделается понятен сам собой. К этому времени, ко времени образования таких групп, относятся первые дошедшие до нас устные предания об евреях в Иркутской губернии. Наиболее старые предания касаются евреев, живших не в самом Иркутске, а в Зиме и в Тельме.

В Тельме уже в XVIII веке существовала казённая суконная фабрика, на которой работали каторжане. В числе других осуждённых были там и евреи.

Вот случайный эпизод из жизни евреев в Тельме в позапрошлом веке, записанный иркутским раввином С.Х. Бейлиным со слов одного из иркутских старожилов⁴⁵.

В 1775 году была прислана в Тельму еврейка Фейга, муж которой был засечён розгами (а по другому преданию, умер в тюрьме) в Старо-Константинове. В Тельме Фейга вышла вторично замуж за проживавшего там Шимона Абрамова. Но как ссыльная она должна была получить разрешение на брак от комиссара Тельминской фабрики Горлова. Обратившись к нему за разре-

В 1863 г. – 21,8 на 1000 жителей.

В 1872 г. – 14,4 “ “ “

В 1882 г. – 21,7 “ “ “

В те же годы естественный прирост всего вообще населения в губернии выражался в таких цифрах:

В 1863 г. – 7,0 на 1000 жителей.

В 1872 г. – 6,8 “ “ “

В 1882 г. – 2,8 “ “ “

Мы не располагаем подобными цифровыми данными, относящимися к XVIII столетию. Но можно полагать, что и в то время еврейское население Иркутской губернии размножалось в несколько раз быстрее всего окружающего населения.

⁴⁵ Якова Гершовича Ермановича.

шением, она получила ответ: «Ведь у вас нет раввина. Кто же будет вас венчать?» Тогда Фейга указала, как на раввина, на работавшего на фабрике каторжанина Иосифа Лейбовича. С разрешения комиссара Лейбович совершил обряд венчания, и с тех пор за ним сохранилась среди евреев кличка «Иосель дер Ров» (Иосиф Раввин). На венчании, кроме жениха и Иосифа Лейбовича, присутствовал лишь один мужчина – еврей Берл Цирлс.

Из этого эпизода видно, что в конце XVIII века в Тельме были евреи, испытывавшие потребность в исполнении национально-религиозных обрядов (то есть потребность в общинной организации) и не имевшие возможности удовлетворить эту потребность в более или менее полной степени.

Позже Фейга с мужем были переведены в Кимильтейскую волость Нижнеудинского уезда.

В селе Кимильтей в то время уже были евреи, – в начале XIX века там уже существовало даже особое еврейское кладбище. Когда дочери Фейги Хане-Фрейде пришлось венчаться в Кимельтее с Давидом Хацкелевым, обряд венчания был выполнен уже без тех затруднений, на которые натолкнулась когда-то Фейга.

В самом конце XVIII и в начале XIX века евреи жили кроме Тельмы, Зимы⁴⁶ и Кимильтея также в Оёкской волости (где существовало еврейское кладбище), в Кутулике (Балаганского уезда), в Илге (Иркутского уез-

⁴⁶ В Зиме в начале XIX столетия было особенно много евреев. В 1827 г., когда туда прибыли субботники, там жил Яков Срулевич, братья Лейбовичи, братья Бланковы, Яков Хваткин и др. См. *Козьмин М.* Прошрое и настоящее сибирских сектантов-субботников // Еврейская старина. 1913. Кн. I.

да), Куйтуне (Балаганского уезда), в Зуе (в 23 верстах от Иркутска), в Бажее (около Бельской)⁴⁷, в сёлах Знаменском и Нижеслободском, в городе Нижнеудинске. Возможно, что отдельные семейства были разбросаны и в других населённых пунктах губернии. Но от пребывания их там, по-видимому, не осталось следа.

В то время, в начале XIX столетия, евреи, жившие в Иркутской губернии, завязали уже определённые сношения с евреями, проживавшими в России в черте оседлости. Интересно отметить, на какой почве завязались эти сношения. Как мы отметили выше⁴⁸, сибирским евреям с 1818 года было предоставлено право жениться на девушках из сибирских инородческих племён. Но в Иркутской губернии евреи не обнаружили желания использовать это право. Они предпочитали добывать себе невест из-за Урала, из черты оседлости. Однако, при отсутствии железных дорог, ехать за 6000 вёрст устраивать свои брачные дела было не всякому по карману. Да многие «женихи» и не имели права покинуть место своего жительства, так как в Сибирь прибыли не по своему желанию.

Оставался один выход: обратиться к услугам посредников-комиссионеров. И действительно, во втором, в третьем десятилетиях минувшего столетия образовался оригинальный промысел. Существовали особые посредники, которые набирали по губернии заказы на невест, затем отправлялись в Россию, в черту оседло-

⁴⁷ В настоящее время в Бажее нет ни одного еврея, но там сохранилось еврейское кладбище, довольно большое, но совершенно запущенное.

⁴⁸ См. главу I, § 2.

сти и оттуда привозили в Сибирь девушек-евреек, соблазнившихся возможностью сравнительно вольной и зажиточной жизни в далёком, полудиком крае. Предание сохранило имя одного из таких посредников, доставлявшего невест евреям, жившим в окрестностях Иркутска. Это был Эле-Есля из Чернигова⁴⁹.

§ 2. Евреи в Иркутске от начала XIX столетия до нашего времени

В Иркутске, по сохранившемуся преданию, записанному С.Х. Бейлиным, в конце XVIII и в самом начале XIX века жил только один вольный еврей-подрядчик казённых подрядов реб Лейб Дубровнер.

Рассказы старожилов и устные предания, по которым мы восстанавливаем чёточки жизни первых евреев в Иркутской губернии, заслуживают полного доверия, как показания того, что тогда-то, там-то действительно проживали евреи. Но эти материалы, разумеется, не имеют исчерпывающего значения. И нельзя делать из них вывод, что раньше упоминаемых в них лиц в данных местностях не было ни одного еврея. Рассказам старожилов и устным преданиям нельзя придавать в этом смысле исчерпывающее значение. Эти предания касаются преимущественно родоначальников тех еврейских семей, которые впоследствии принима-

⁴⁹ Следует отметить, что такое обращение к услугам комиссионеров при доставке невест не было изобретением иркутских евреев. В то время такой порядок добывания невест был распространён довольно широко и в России, среди евреев, живших вне черты оседлости.

ли деятельное участие в местной общинной жизни. Но предания редко говорят об евреях, которые умерли в Тельминском заводе, в Зиме или в Иркутске, не оставив потомства, или оставив потомство, не игравшее впоследствии заметной роли в жизни еврейской общины.

И если предание сохранило имя подрядчика казённых подрядов, жившего в Иркутске на границе XVIII и XIX веков, то это не значит, что за много-много лет до реба Лейбы Дубровнера не жили в Иркутске другие евреи, имена которых не дошли до нас.

Во всяком случае, об евреях, живших в Иркутске до 1818 года, до нас не дошло никаких сведений. Если в то время в городе и были евреи – что представляется нам почти несомненным, – они были немногочисленны, не объединены никакой организацией и не играли значительной роли в местной общественной жизни. Косвенное подтверждение такому взгляду мы находим в случайно уцелевших до нашего времени списках пожертвований, собранных в Иркутске на патриотические цели во время Отечественной войны 1812 года. В этих списках мы не встречаем ни одного еврейского имени ни среди купцов, ни среди мещан города, хотя среди жертвователей отмечены даже лица, принёсшие на алтарь отечества свою лепту в размере 2 руб.⁵⁰

«Хроника» еврейской общины⁵¹ первым евреем, поселившимся в Иркутске, считает Израиля Ферштера, прибывшего в Иркутск в 1818 году. Возможно, что

⁵⁰ См. Сибирский архив / Ред. А.И. Линьков. Иркутск: Тип. М.П. Окунева, 1911. №2 (дек.). С. 114 – 117.

⁵¹ См. введение «От издателей».

это был первый еврей-поселенец, воспользовавшийся для переезда в Иркутск законом 1812 года о выдаче поселенцам «покормёжных паспортов» на право «отлучаться по городам сибирских губерний». Но более вероятно, что это был *один из первых* евреев, воспользовавшихся этим законом. Из сказанного выше ясно, что лица иудейского вероисповедания были в Иркутске и раньше Израиля Ферштера. Но они не оставили след в местной общинной жизни евреев. Израиль же Ферштер с семьёю принял участие в создании первой общинной ячейки в городе. И из тех, кто участвовал в строении иркутской общины с момента её зарождения, Ферштер является старейшим по времени прибытия в Иркутск. В этом смысле «Хроника» правильно считает его *«первым евреем»* в Иркутске.

Вслед за Ферштером в Иркутск прибыли Герш Симхович Ерманович и Янкель Эппельройт. За ними в 30-х годах в городе поселились Пинхас Элькин, Урья Мошкович, Лев Файвушев Флеев и Киво Малькес.

Но еврейская община была в то время настолько малочисленна, что для общественной молитвы не набиралось требуемого еврейским законом числа (10) мужчин. Для пополнения этого числа иркутские евреи приглашали на свои молитвенные собрания своих единоверцев из местного батальона военных кантонистов. На этой почве установилось впервые общение между иркутскими евреями-ремесленниками и торговцами, с одной стороны, и евреями, запертыми в казармах, с другой стороны⁵².

⁵² В Иркутске в то время не было ни «миньёна», ни «бесдина», ни синагоги, ни школы, ни раввина. Вследствие этого местная администра-

К концу 50-х годов число евреев в Иркутске заметно возросло. Автор «Хроники», прибыв в 1858 году в город, застал здесь семейства: Моисея Ильича Илермана, Якова Осиповича Маркевича, Цалка Зелека Галперова, Соломона Абрамовича Галперова, Моисея Галперова, Лейба Ферштера, Киво.

Интересно отметить, что уже в конце 50-х годов Иркутск сделался своего рода религиозным центром для окрестных евреев. Сюда присылали евреи своих детей для обучения родному языку. В 1858 году на осенние праздники местные евреи наняли особые квартиры для общей молитвы. И в этих молитвенных собраниях, наряду с иркутскими евреями, участвовали приезжие из соседних сёл и деревень.

В 1859 году переехал на жительство в Иркутск Яков Савельевич Домбровский, богатый купец, имевший обширную торговлю хлебом и отправлявший хлеб по Ангаре в Енисейск и по Лене в Якутск. В Сибирь он попал случайно, хотя и в качестве ссыльного (по доносу, сделанному на него родными на почве семейных неурядиц).

ция оказалась в крайне затруднительном положении, когда в 1842 году пришлось приводить к присяге рекрута еврея Перевершина. Генерал-губернатор Восточной Сибири доложил о своих затруднениях и сомнениях Министерству внутренних дел. Министр внутренних дел вошёл с представлением в Сенат, Сенат, выслушав мнение военного министра, передал своё заключение в Комитет министров. Комитет министров высказался за утверждение определения Сената. Решение Комитета получило высочайшую санкцию, и таким образом была установлена упрощённая норма присяги для евреев-рекрутов в городах, где, подобно Иркутску, еврейская колония малолюдна и неорганизована (*Леванда*. Op. cit. С. 528 – 530).

Когда в 1859 году Домбровский приехал в Иркутск, он стал объединяющим центром местной общины. Он сумел привлечь к общественному делу многих полезных и нужных людей. Так, например, по его совету переехал в Иркутск Лейбович, оказавший впоследствии крупные услуги еврейской общине.

В 1863 году, после упразднения откупной системы, Домбровский в компании с Леонтием и Яковом Осиповичами Лейбовичами и сибирскими купцами Немчиновым, Сибиряковым, Базановым и Трапезниковым построили два винокуренных завода и открыли торговлю вином по Иркутской губернии и Якутской области. Наряду с виноторговлей Домбровский и Лейбович занимались и хлебными операциями, и мануфактурной торговлей, и золотопромышленностью. Это были первые представители крупной буржуазии среди иркутского еврейства.

Росли в это время и демократические элементы еврейской колонии в Иркутске.

В конце 50-х годов вышли из казарм евреи-кантонисты. В 60-х годах получили право повсеместного жительства евреи, отбывшие военную службу по рекрутскому уставу. Многие из них переселились в Иркутск и оказались родоначальниками целого ряда крепких и плодovitых еврейских семейств. Стягивались в город и евреи-ссылные.

Сколько именно евреев принимало непосредственное участие в жизни иркутской общины в начале 60-х годов, мы не знаем. Но число лиц иудейского вероисповедания в Иркутске было в то время уже довольно значительно.

В 1863 году была произведена однодневная перепись всего иркутского населения. В городе оказалось 27 989 жителей, в том числе 283 еврея. Иными словами, в то время евреи составляли несколько больше 1% городского населения.

В это время в других городах Иркутской губернии жило всего 50 евреев, а в сёлах и деревнях 538 человек иудейского вероисповедания. Общее же число евреев по губернии в 1863 году – 871 человек.

В 70-х годах число евреев в Иркутске быстро возрастает. Это видно из следующей таблички, показывающей число проживавших в городе евреев за первую половину 70-х годов:

	мужчин	женщин	всего
1871 г.	265	134	399
1873 г.	351	210	561
1875 г.	543	464	1007

Столь быстрый рост еврейского населения в городе представляется особенно замечательным, если принять во внимание, что Иркутск в те годы почти не развивался и число жителей (не считая евреев) не только не увеличивалось, но и даже слегка сократилось⁵³.

Определение численности еврейского населения в Иркутске в 1875 году около 1000 человек следует считать довольно точным. Дело в том, что последняя

⁵³ Кроме евреев, в Иркутске было жителей:
 В 1871 г. – 31 846 чел.
 В 1873 г. – 31 312 чел.
 В 1875 г. – 31 505 чел.

цифра совпадает и с данными специальной еврейской переписи, произведённой в том же 1875 году. По этой переписи, в городе оказалось 201 еврейское семейство и, кроме того, 61 человек (57 мужчин и 4 женщины) живущих одиноко (прислуга, подмастерья, приказчики), а всего 542 мужчины и 457 женщин, или 999 человек обоего пола.

Интересно проследить, как группировалось в это время еврейское население в других городах и деревнях Иркутской губернии.

Вот цифры, определяющие численность евреев в различных населённых местах губернии за 1863, 1871 и 1873 годы⁵⁴:

	в Иркутске	в других городах	в деревнях и сёлах	по всей губернии
1863 г.	283	50	538	871
1871 г.	399	51	808	1258
1873 г.	561	54	867	1482

Таким образом, еврейское население в городе Иркутске за 10 лет удвоилось, (а за 12 лет, от 1863 года до 1875 года, увеличилось в 3 ½). Число евреев в деревнях и сёлах возросло за это время на 60%, а число евреев во второстепенных городах губернии почти не изменилось⁵⁵. Вместе с тем процент евре-

⁵⁴ Соответствующими цифрами за 1875 г. мы, к сожалению, не располагаем.

⁵⁵ Незначительное число евреев во «второстепенных городах» губернии не должно удивлять нас, т. к. эти «второстепенные» города (Нижнеудинск, Илимск, Киренск) в то время мало чем отличались от простых деревень.

ев, проживающих в городе, по отношению к общему числу еврейского населения в губернии, поднялся с 32% до 38%.

Такое перераспределение евреев в губернии явилось в результате двойного процесса: с одной стороны, непрерывно притекали в деревню ссыльные из России; с другой стороны, отбывшие свой срок ссыльные и их дети выселялись из деревень и перебирались в Иркутск, куда стягивались в то же время евреи и из Западной Сибири, и из Забайкалья.

Наряду с этим двойным процессом происходил ещё весьма быстрый *естественный рост* еврейского населения как в самом Иркутске, так и в сёлах.

В 1879 году общее число евреев в Иркутской губернии достигало 2878 человек.

Для этого года имеются сравнительно точные цифры также относительно «иудействующих», или «субботников», проживающих в губернии. Представителей этой секты в губернии в 1879 году насчитывалось свыше 600 человек. Из них в Тайтуре (Иркутского уезда) жило 110 (48 мужчин и 62 женщины) и в Зиме 439 (217 мужчин и 222 женщины). Местами главного скопления субботников были те самые сёла, в которых были водворены их родоначальники в числе 9 семейств при Николае I⁵⁶.

⁵⁶ В 1863 г. в Иркутской губернии считалось 413 субботников (206 мужчин и 207 женщин). По округам они распределялись следующим образом:

Иркутский округ	43 мужчины	45 женщин
Нижнеудинский округ	25 "	1 "
Киренский округ	2 "	– "

После пожара 1879 года Иркутск начал быстро расти. По переписи, произведённой сразу после пожара, в нём оказалось 38 000 жителей. Спустя четыре года, в 1883 году, число жителей в Иркутске поднялось до 44 360. А к 1889 году число иркутян достигло 47 403 человек.

Возрастало в эти годы и число евреев в Иркутске. В 1883 году, по официальным данным, в городе находилось свыше 1400 евреев. В это время евреи составляли уже заметную и довольно влиятельную группу среди городского населения. В 1881 году в составе иркутского купеческого общества числилось 21 лицо иудейского вероисповедания. В 1888 году евреи выбирали из городской управы 28 купеческих свидетелей. В 1887 году в городе было 84 человека евреев-домовладельцев, и им принадлежало в общей сложности 128 домов.

Официальных данных о числе евреев в Иркутске в конце 80-х годов мы не имеем. Но судя по тому, как повысилось в это время число рождений среди евреев, следует предположить, что в это время еврейская колония в Иркутске заметно расширилась.

В самом деле, число рождений в еврейских семьях в городе Иркутске определялось в конце 80-х годов такими цифрами:

Балаганский округ	136	“	161	”
-------------------	-----	---	-----	---

Всего сектантов и раскольников в губернии было в то время 589, так что на долю «иудействующих» приходилось 80% этого числа. В настоящее время число субботников в Зиме доходит до 900 душ, а во всей губернии далеко превышает 1000. См. цит. соч. М. Козьмина.

В 1887 г.	60 мальчиков и 42 девочки
В 1888 г.	79 “ 40 “
В 1889 г.	62 “ 45 “

В среднем за это время было по 109 рождений в год. Если считать, что коэффициент рождения был тот же, что и в прошлые десятилетия (4,3 на 100⁵⁷), то численность еврейского населения в Иркутске к концу 80-х годов нужно будет определить в 2500 человек. Число евреев по всей губернии было в то время около 5500 человек.

Руководствуясь тем же признаком, числом рождений, следует отметить весьма значительный рост еврейского населения в городе в начале 90-х годов.

В это время общее число жителей в городе возрастало сравнительно медленно: с 47 403 человек в 1889 году оно поднялось до 51 473 человек 1897 году (год всеобщей переписи). Только *после* открытия железной дороги начался усиленный наплыв рабочих, торговцев и промышленников в Иркутск, и население города стало неудержимо расти.

Евреи же особенно стягивались в Иркутск перед открытием железнодорожного движения.

В этом убеждает статистика рождений в еврейских семьях за время от 1893 по 1898 год.

В 1893 г. отмечено 170 рождений

⁵⁷ В 1863 г., при 283 евреях в городе, зарегистрировано 12 рождений, то есть 4,3 на 100 душ; в 1875 г., при 1000 евреев в городе – 42 рождения, то есть 4,2 на 100 душ; в 1883 г. в городе было 1400 евреев, среднее же число рождений за 1881 – 1884 гг. было 60 в год, то есть опять 4,3 на 100 душ.

“ 1894 г.	“	222	“
“ 1895 г.	“	182	“
“ 1896 г.	“	197	“
“ 1897 г.	“	189	“
“ 1898 г.	“	177	“

Случайные колебания этих цифр исключают мысль о том, чтобы за эти шесть лет еврейское население Иркутска быстро и неуклонно возрастало, как возрастало оно, например, в начале 70-х годов. Напротив того, мы имеем все основания полагать, что за этот промежуток времени число евреев в городе почти не изменилось. Да и не могло возрасти число евреев в Иркутске в конце 90-х годов. Это были годы, когда сибирские евреи потеряли крохи прав, которыми они ранее пользовались. А для евреев, живших в Иркутске, это были вдвойне тяжёлые годы: это были годы Горемыкина, годы первого жестокого гонения на иркутских евреев. В это время шла перетасовка евреев по месту приписки. Из Иркутска выселяли десятками семейства евреев, приписанных к сельским и иногородним обществам. Выселяли тех евреев, которые в предыдущие годы пришли в Иркутск без «достаточных» юридических оснований. Под влиянием этих гонений появилось среди иркутских евреев стремление к эмиграции: многие семейства покидали город и уезжали искать счастья в Америку. При таких условиях число евреев в городе не могло заметно увеличиваться. И если перепись 1897 года определила число евреев в Иркутске в 3609 человек, то есть указала прирост больше чем в 1000 человек с конца 80-х годов, то мы можем с большой долей вероятности предполо-

жить, что этот прирост почти целиком приходится на начало 90-х годов, что уже в 1893 году число иркутских евреев дошло до 3 ½ тысячи и во всяком случае было не меньше 3300 человек.

В последние годы горемыкинского периода число евреев в Иркутске не только не возрастало, но и даже шло на убыль. В 1901 году в городе считалось меньше 3600 лиц иудейского вероисповедания.

В следующие годы число евреев в Иркутске росло параллельно с ростом города, но уже значительно медленнее, чем в начале 90-х годов. В 1903 году в Иркутске было около 4500 евреев, в 1909 году – 6170. Более поздних точных цифр мы не имеем.

Приведённые цифры дают нам возможность представить общую картину роста еврейской колонии в Иркутске за последние полвека – от 1863 года до нашего времени – в связи с ростом города и увеличением его населения вообще.

	общее число жителей	число евреев	% евреев
1800 г.	10 000	?	?
1863 г.	28 000	280	1%
1873 г.	32 000	560	1,7%
1883 г.	44 000	1400	3,2%
1893 г.	46 000	3300	7,1%
1897 г.	51 000	3600	7,1%
1909 г.	108 000	6100	5,6%

Из этой таблички видно, что относительная численность еврейского населения в Иркутске возрастала непрерывно в течение всего периода. За 34 года, от 1863 до 1897 года, число евреев в Иркутске увеличилось в 13 раз, возрастая

при этом в 7 раз скорее, чем всё население города. Но с конца XIX века рост еврейской группы иркутского населения замедляется, процент евреев в городе сокращается.

Последнее явление, как мы отметили, зависело не от естественных условий развития города, а от внешних, насильственных воздействий, жертвами которых стали сотни иркутских еврейских семейств.

Приведённые выше цифры позволяют нам описать с большей полнотой тот процесс постепенного стягивания евреев в город из сёл и деревень, о котором мы уже упоминали выше.

Вот как изменялось число евреев в Иркутске и других городах, деревнях и сёлах губернии за минувшие десятилетия:

В абсолютных числах

	В Иркутске	В других городах	В деревнях и сёлах	Во всей губернии
1863 г.	280	50	540	870
1873 г.	560	50	870	1480
1883 г.	1400	110	1340	2850
1897 г.	3610	380	3490	7480
1901 г.	3600	400	3970	7970 ⁵⁸

В процентах:

	В Иркутске	В других городах	В деревнях и сёлах	Во всей губернии
1863 г.	32%	5,7%	62,3%	100%
1873 г.	38%	3,4%	58,6%	100%
1883 г.	49,1%	3,9%	47,0%	100%
1897 г.	48,2%	5,1%	46,7%	100%
1901 г.	45,2%	5,1%	49,7%	100%

⁵⁸ За последние десятилетия мы имеем цифры только для города, но не для губернии.

Из этой таблички видно, что мелкие города Иркутской губернии сравнительно слабо привлекают евреев. Долгое время еврейское население в них увеличивалось медленнее, нежели в деревнях и сёлах. Иркутск же всё время был для евреев главным притягательным центром. Число евреев в нём возрастало приблизительно в два раза быстрее, чем число евреев в деревнях и сёлах губернии. И только в 90-х годах, под влиянием горемыковщины, рост еврейского населения в городах замедлился и стал отставать от роста числа евреев в деревнях и сёлах.

§ 3. Естественный и механический прирост еврейского населения в Иркутске

Интересно проследить соотношение между естественным и механическим приростом еврейского населения в Иркутске⁵⁹.

Иркутская губерния, вообще, и Иркутск, в частности, дают сравнительно слабый естественный прирост населения.

В 1887 г. в губернии родилось	20 000 чел.	умерло	17 700 чел.
“ 1897 г. “ “ “	24 500 “	“	19 500 чел.
“ 1904 г. “ “ “	24 200 “	“	20 500 чел.

Естественный прирост населения в губернии колеблется, таким образом, в пределах между 3 ½ и 5

⁵⁹ «Естественным» приростом в статистике называется прирост населения, обуславливаемый избытком рождений над смертями, то есть прирост населения путём размножения. «Механический» прирост обуславливается приездом или переселением людей в исследуемую местность извне.

тысячами в год. Но в отдельные годы естественный прирост населения в губернии опускался и ниже этих цифр, – не превышал 1000 человек. Это – при полумиллионном населении!

В самом городе Иркутске наблюдалось ещё менее благоприятное соотношение между числом рождений и смертей среди нееврейского населения. За 20 лет от 1838 года по 1857 год в городе родилось 20 200 младенцев, а умерло 21 650 человек. Значит, в среднем, в год получалась естественная убыль населения в 72 человека. Такое положение сохранялось и во вторую половину XIX века.

Естественная прибыль городского населения началась только в последние годы⁶⁰.

Между тем еврейская группа населения как в Иркутске, так и во всей губернии *всё время* давала значительный естественный прирост.

Естественный прирост евреев в губернии составлял:

⁶⁰ В этом легко убедиться при взгляде на следующую табличку:

	число рождений	число смертей	естественный прирост
1863 г.	1320	1540	-220
1875 г.	1600	1360	+240
1877 г.	1700	1730	+30
1880 г.	1580	1840	-260
1883 г.	1630	1690	-60
1885 г.	1840	1870	-30
1889 г.	1630	1800	-170
1893 г.	2000	1960	+40
1897 г.	2140	1900	+240
1901 г.	2580	2410	+170
1904 г.	3324	2539	+785
1911 г.	4116	3003	+1162

в 1863 г.	18 человек	в 1887 г.	73 человека
“ 1873 г.	23 человека	в 1888 г.	89 человек
“ 1882 г.	72 человека	в 1889 г.	92 человека

Относительно своей численности евреи в губернии размножались в шесть раз быстрее остального населения.

Этого одного было бы достаточно, чтобы объяснить, почему еврейская группа населения росла гораздо быстрее, чем окружающее её население.

Весьма быстро шло и естественное размножение евреев в самом Иркутске, как в этом не трудно убедиться при взгляде на следующую табличку:

	число рождений	число смертей	естественный прирост
1863 г.	12	3	+9
1875 г.	40	10	+30
1883 г.	40	30	+10
1893 г.	170	120	+50
1897 г.	190	90	+100
1901 г.	240	110	+130
1902 г.	262	94	+168
1903 г.	275	128	+147
1904 г.	278	133	+145
1905 г.	237	125	+112
1906 г.	261	139	+122
1907 г.	314	118	+196
1908 г.	265	152	+113
1909 г.	222	116	+106
1910 г.	201	93	+108
1911 г.	143	63	+80
1912 г.	182⁶¹	104	+78

⁶¹ Число годовых рождений мы, по примеру официальной статистики, берём из метрических книг иркутского раввина. Но эти цифры мы

Сопоставляя эти цифры естественного прироста еврейского населения в Иркутске с приведёнными выше данными о действительном росте еврейской группы городского населения, можно определить точнее, как происходило стягивание в Иркутск иногородних евреев.

С 1863 по 1871 год число евреев в городе увеличилось на 120 человек (с 280 до 400). Из этого числа не меньше 80 нужно отнести на счёт естественного прироста и не больше 40 на счёт переселения в Иркутск иногородних евреев. Значит, в 60-е годы в город переселялось, на круг, по 1 – 2 еврейских семейства ежегодно, – не больше.

С 1871 по 1883 год число евреев в Иркутске возросло на 1000 (с 400 человек до 1400). Естественный прирост мог дать за это время увеличение еврейского населения на 300 – 400 душ. Значит, за эти годы переселилось в город извне от 600 до 700 человек. Это составляет 50 – 60 человек ежегодно. Следовательно, в 70-е годы в Иркутск прибывало ежегодно по 10 – 15 еврейских семейств.

С 1883 по 1893 год в Иркутске прибавилось 1900 евреев (прирост с 1400 до 3300). Из них пришлыми нужно считать не менее 1200 человек. За это десятилетие в город прибывало не менее 120 евреев, т. е. от 25 до 30 еврейских семейств.

Прирост в 300 человек с 1893 по 1897 год (увеличение числа евреев с 3300 до 3600 человек) должен

должны признать несколько преувеличенными, т. к. ежегодно в ряду родившихся вносятся в книги лица, не записанные в прошлые годы, родившиеся вне города. Такие запоздалые записи составляют обыкновенно от 5 до 10% общего числа родившихся.

быть объяснён всецело естественным размножением. В эти годы, возможно, тяга евреев в город не ослабела, но весь механический прирост еврейского населения в городе поглощался высылками и эмиграцией.

За 12 лет с 1897 по 1909 год в Иркутске прибавилось 2500 евреев (с 3600 человек в год переписи число их дошло до 6100). Но естественный прирост евреев в городе доходил за эти годы до внушительной цифры 1500. На долю механического прироста остаётся не больше 1000 человек. В действительности, за это время в Иркутск прибыло большее число евреев. Но зато немало евреев было за это время выслано из города, во время гонения на иркутских евреев, когда генерал-губернатором был Селиванов.

На основании выяснившейся таким образом картины поселения евреев в Иркутске можно определить, в какой степени являются иркутские евреи внешним, пришлым элементом в городе. А именно, из данных, приведённых выше, видно, что иркутские евреи должны считаться по справедливости *кореным* населением в городе не в меньшей, а скорее, в большей степени, чем представители других национальных групп. В самом деле. Прибыли евреи в город в ту пору, когда только-только начинался его рост. Особенно велик был наплыв их в Иркутск в конце 80-х и в начале 90-х годов, тогда как остальное население города начало быстро возрастать лишь с конца 90-х годов.

В 1897 году в Иркутске было 51 000 жителей, в 1914 году – 132 000; достаточно сопоставить эти две циф-

ры, чтобы убедиться, что *абсолютное большинство* среди населения Иркутска (81 000 человек) составляют *пришлые* элементы, люди, прибывшие в город в течение последнего десятилетия.

Что же касается до иркутских евреев, то среди них абсолютное большинство составляют местные уроженцы или люди, прожившие в городе по 15 – 20 лет. Это обстоятельство, само собой разумеется, не может быть поставлено в особую заслугу иркутским евреям, так как отсутствие среди иркутских евреев пришлых, новосёлов объясняется административными стеснениями и известной политикой против сибирских евреев, установившейся у нас с конца прошлого века. Но следует всё же иметь в виду отмеченное обстоятельство при оценке таких явлений, как устранение евреев от участия в городском самоуправлении.

§ 4. Происхождение иркутских евреев

Большинство евреев, ныне проживающих в Иркутске, родилось в городе. Но отцы их родились вне города, частью и вне Сибири.

Интересно было бы проследить более точно, откуда, из каких мест России и Сибири и при каких обстоятельствах прибыли отцы иркутских евреев. Но скудость имеющихся статистических данных лишает нас возможности осветить достаточно полно эти вопросы.

А в общем виде на эти вопросы можно ответить так. Подавляющее большинство евреев как в Иркутске, так

и в Иркутской губернии – *потомки ссыльных*. И это понятно после сделанного выше анализа правовых условий переселения евреев в Сибирь. Ведь право евреев въезжать в Сибирь было ничем не ограничено лишь до Екатерины II, то есть до присоединения к России областей с многочисленным еврейским населением. Со времени Екатерины II Сибирь оказалась уже вне черты оседлости. При Николае I появились законодательные мероприятия, направленные прямо против проникновения в Сибирь евреев. При Александре II на короткое время приотворились двери Сибири для определённых привилегированных категорий евреев. Но затем эти двери снова захлопнулись наглухо.

Так проникло в Сибирь несколько сотен евреев ремесленников и купцов, несколько десятков врачей и адвокатов. Осталось в Сибири несколько тысяч колонистов, земледельцев и николаевских солдат. А всё время сплошь, систематически в Сибирь проникала одна лишь группа евреев – ссыльные, каторжане и поселенцы. Нет ничего удивительного поэтому, что и теперь большинство среди евреев каждого сибирского города составляют потомки ссыльных, лишённых прав.

Но это не значит, что большинство сибирских и, в частности, иркутских евреев – потомки «преступников». Обстоятельства, которые привели в ссылку предков сибирских евреев, разнообразны до крайности. Так С.Х. Бейлин, со слов старожилов, передал нам такой случай.

В 1821 году был сослан в Канск Гершен Ерманович, внуки и правнуки которого теперь живут в Иркутске. Отец его, Симха Ерманович, был маркитантом при Не-

жинском уланском полку. Когда полк стоял в Вильно, он вызвал к себе сына Гершена. Здесь молодой Ерманович, под влиянием окружающих, переменил своё еврейско-польское облачение на европейское. Возмущённый таким вольнодумством старик-маркитант начал хлопотать о том, чтобы сына Гершена сослали в Сибирь. Обращаясь к начальству, он просил: «Коли мой сын переменил свой кожух еврейский, то сошлите его на Сибирь». Старику удалось добиться своего, и Гершен Ерманович очутился в Канске. По прошествии нескольких лет старик Симха одумался и начал хлопотать, чтобы его сына вернули из Сибири. Но оказалось, что Гершену в Сибири живётся лучше, чем жилось ему при отце на родине. И вот, чтобы остаться в Сибири, Гершен Ерманович устроил так, чтобы ему было предъявлено обвинение в... конокрадстве. Устроить это по тем временам было не трудно. Молодого человека судили и, по приговору, из Канска сослали в Нижнеудинск Иркутской губернии.

Этот случай нельзя считать типичным. Но известно, что в прежнее время в Сибирь попадало вообще много людей, которые не могли оставаться в России просто в силу беспокойного нрава, ставившего их в резко враждебные отношения с родной средой. И при патриархальном укладе старой еврейской семьи, при собственном ей консерватизме, российское еврейство в прошлые годы выбрасывало из своей среды и отправляло в Сибирь немало людей, единственная вина которых заключалась в том, что они более или менее резко отличались от окружающих.

Итак, предки большей части иркутских евреев пришли в Сибирь не по своей воле. Первоначальным местом водворения всех или почти всех их были деревни и сёла (а не города). Первоначальным званием большинства их было звание ссыльных.

В дальнейшем место жительства их менялось. Как природные горожане, не приспособленные к условиям деревенской жизни и лишённые необходимых в деревне профессиональных навыков, евреи стремились вернуться в привычную для них городскую обстановку. Из деревень и сёл они перебирались в города. И из Восточной Сибири перебирались поближе к Уралу, другие из Западной Сибири переезжали на Ангару и за Байкал. Вместе с тем менялось и их сословие. Дети евреев-ссыльных оказывались крестьянами и мещанами. Внуки записывались в купцы. А наиболее энергичные и предприимчивые из ссыльных выходили в купцы уже и в первом поколении.

Потомки ссыльных составляют первую по численности группу среди иркутских евреев. На втором месте стоят потомки николаевских солдат и кантонистов, то есть людей, прибывших в Сибирь тоже не по доброй воле и перенёвших в казармах свою каторгу если не под арестантским армяком, то под солдатской шинелью.

Многочисленные в Иркутской губернии евреи-*крестьяне* сплошь либо ссыльные, отбывшие свой срок поселения, либо их потомки или, в меньшинстве, потомки солдат. Редко-редко среди них попадаются потомки еврейских колонистов 1863 года⁶². Евреи-

⁶² См. главу I, § 2.

мещане – преимущественно внуки и более отдалённые потомки ссыльных. Но среди них попадаются и люди, добровольно пришедшие в Сибирь. Значительно выше процент евреев, добровольно выселившихся в Сибирь, среди *купцов и потомственных почётных граждан*, которые, впрочем, составляют незначительное меньшинство среди иркутских евреев.

§ 5. Евреи в Иркутской губернии по переписи 1897 года

Для более подробной характеристики состава евреев в Иркутске и в Иркутской губернии мы должны обратиться к данным последней всеобщей переписи.

Правда, перепись эта была произведена 16 лет тому назад, и с тех пор в России и в Сибири много воды утекло. В частности, в Иркутске за последние 16 лет население удвоилось, и весь уклад жизни сильно изменился. Но данные переписи 1897 года разрабатывались в продолжении 8 лет, так что таблицы переписи увидели свет только в 1905 году. Новой переписи в ближайшее время не будет. Разработка материалов новой переписи займёт не меньше времени, чем сколько потребовалось для разработки цифр 1897 года. Таким образом, ещё лет 10 у нас не будет новых статистических данных, которыми можно было бы заменить устаревшие цифры 1897 года.

Поэтому волей-неволей во всех статистических исследованиях приходится исходить из данных последней переписи и затем вносить в картину, вскрытую переписью, поправки, соответствующие изменениям,

происшедшим за последние 16 лет. Этим путём будем идти и мы в выяснении состава еврейского населения в Иркутске и Иркутской губернии.

В 1897 году в день переписи в Иркутской губернии было 7480 человек иудейского вероисповедания. В этом числе мужчин было 3970, женщин 3510. Таким образом, на 100 женщин приходилось 113 мужчин. Столь значительный перевес мужчин над женщинами среди еврейского населения губернии не должен удивлять нас: Иркутская губерния до последнего времени была местом колонизации, вбирала в себя пришлые элементы, а среди вольных и невольных колонистов мужчины всегда численно преобладают над женщинами.

В этом отношении характерно численное соотношение мужчин и женщин в еврейском населении *в городах* Иркутской губернии, с одной стороны, *в деревнях и сёлах*, с другой стороны. В городах на 100 женщин приходилось 102 мужчины, в деревнях и сёлах – 123 мужчины. Это отвечает отмеченному выше порядку переселения евреев в пределы губернии.

Прибывающие из России евреи оседают преимущественно не в городах, а в сёлах, – и поэтому число мужчин здесь почти на $\frac{1}{2}$ выше, чем число женщин. В города перебирается чаще всего второе поколение колонистов. Сюда переселяются уже прочно сложившиеся семьи. И поэтому мужской и женский элементы находятся здесь в приблизительном равновесии.

По округам (или уездам) еврейское население Иркутской губернии распределялось в 1897 году следующим образом:

	Мужчин	Женщин	Всего
Иркутский округ	2161	1953	4114
Балаганский округ	534	467	1011
Верхотенский округ	389	335	724
Киренский округ	489	431	920
Нижнеудинский округ	397	312	709

Таким образом, 55% еврейского населения Иркутской губернии приходилось на Иркутский округ. Между тем всё население Иркутского округа составляло в то время только 30% населения губернии.

Между городами и сельскими местностями евреи распределялись, как мы уже знаем, очень неравномерно.

Вот каково было это распределение в день переписи:

	Мужчин	Женщин	Всего
Округа (без городов)	1927	1564	3491
Города:			
Иркутск	1848	1761	3609
Балаганск	29	23	52
Верхотенск	16	19	35
Киренск	79	61	140
Илимск	15	19	34
Нижнеудинск	56	61	117
Все города	2043	1944	3987

Следовательно, 53% всего еврейского населения губернии проживало в городах, в том числе 48,2% (то есть почти половина) в Иркутске. Между тем городская жизнь в Иркутской губернии была развита в то время сравнительно слабо: из всего населения губернии в городах жило только 11%, а, в частности, в Иркутске – 10%.

Итак, в год переписи населения еврейское население Иркутской губернии было *городским* населением по преимуществу. Этот характер сохранился за еврейским населением в губернии и до настоящего времени. О том, насколько неравномерно распределялись евреи в губернии, можно судить по следующей табличке:

В Иркутске евреи составляли	7%
“ Киренске “ “	6%
“ Илимске “ “	5%
“ Балаганске “ “	4%
“ Верхоленске “ “	3%
“ Нижнеудинске “ “	2%
Во всех городах “ “	6%
“ Иркутском окр. “ “	0,5%
“ Балаганском “ “	0,7%
“ Верхоленском “ “	1,0%
“ Киренском “ “	1,2%
“ Нижнеудинском “ “	0,8%
Во всех округах	
(без городов) “ “	0,75%
Во всей губернии “ “	1,4%

Отдельные цифры этой таблички в настоящее время представляются устаревшими: так, в Иркутске процент евреев за последние 16 лет с 7% опустился до 5%. Но, в общем и целом, картина распределения евреев среди населения губернии осталась та же. По-прежнему евреи составляют ничтожное меньшинство среди

сельского населения, но являются заметной группой в городах, особенно в Иркутске, Илимске и Киренске.

По некоторым признакам, отмеченным переписью, можно заметить, что евреи Иркутской губернии, рассеянные в деревнях и сёлах, обнаруживают большую национальную устойчивость, чем их соплеменники, группирующиеся в городах. Об этом свидетельствуют цифры, характеризующие *процесс обрусения* евреев.

В этом смысле интересны три признака:

- 1) общее несоответствие между числом *лиц иудейского вероисповедания* и числом *евреев по языку*;
- 2) число евреев по языку, принявших христианство или другую религию;
- 3) число лиц иудейского вероисповедания, не знающих своего родного языка.

Перепись 1897 года отметила в губернии 7478 человек иудейского вероисповедания и только 7111 человек, считавших своим родным языком – еврейский. Это несовпадение цифр далеко превосходит разницу между соответствующими числами, наблюдаемую в российских губерниях.

Из числа 7111 человек, признавших еврейский язык своим родным языком, евреев по вероисповеданию оказалось 7023. Из остальных – 84 человека оказалось православными, а 4 – магометанина⁶³. При этом из числа евреев, принявших православие, проживающими в

⁶³ Вероятно, эту неожиданную группу составили кавказские или среднеазиатские евреи.

Иркутске оказались 23 человека. Но действительное число евреев, принявших православие, в Иркутске и в губернии было гораздо выше, нежели это отмечено переписью. Перепись отметила лишь тех крестившихся евреев, которые *сохранили* свой родной язык. Тех же евреев, которые ассимилировались с местным населением и, приняв христианство, усвоили *русскую* речь, перепись отмечала просто как русских.

Но и среди лиц иудейского вероисповедания перепись обнаружила 425 человек, говорящих только по-русски. И, интересно отметить, что почти $\frac{3}{4}$ этих обрусевших евреев (302 человека) приходится на Иркутск. Здесь незнающие еврейского языка составляли 8,5% еврейского населения, тогда как в деревнях и сёлах на них приходилось 3%⁶⁴.

За последние годы положение несколько изменилось. Под влиянием тяжёлых испытаний, выпавших на долю русского еврейства, среди евреев усилилось стремление к национальной сплочённости, пробудился интерес к национальной культуре, к родной истории, к родному языку. Но в это же время развивались в среде иркутского еврейства и ассимиляторские тенденции, проявившиеся особенно резко в увеличении числа лиц, переходящих из еврейства в православие.

О большей национальной устойчивости евреев в сёлах, по сравнению с городскими евреями Иркутской губернии, можно судить также по данным о знакомстве их с еврейской письменностью.

⁶⁴ Последняя цифра приблизительно совпадает с процентом евреев, не знающих еврейского языка, в западном крае.

Вообще говоря, в этом отношении иркутские евреи, как и все сибирские евреи, сильно отстают от евреев, живущих в России. Процент грамотных по-еврейски среди них очень невысок: 10% среди мужчин, 4% среди женщин, немного выше 7% для всего еврейского населения губернии. Но при этом перепись 1897 года обнаружила любопытную неравномерность в распределении грамотных по-еврейски среди евреев в городах и сёлах.

Эта неравномерность видна из следующей таблички, показывающей процент грамотных по-еврейски в Иркутской губернии:

	Мужчин	Женщин
В городах	6%	3%
В Иркутске	5,5%	3%
В деревнях и сёлах	13%	5%

Эта табличка показывает, что не так давно евреи, разбросанные в деревнях Иркутской губернии, держались за еврейскую грамотность вдвое более стойко, чем евреи в городе. Может быть, отчасти объяснялось это отмеченным выше явлением – большей близостью деревенских евреев к черте оседлости и тем, что среди еврейского населения в городах Иркутской губернии преобладают поколения, родившиеся в Сибири.

§ 6. Грамотность среди евреев в Иркутской губернии

Наряду с распространением среди евреев еврейской грамоты интересно отметить, сколько было среди них грамотных и неграмотных по-русски.

Перепись 1897 года обнаружила среди евреев Иркутской губернии довольно высокий процент грамотности. Грамотных оказалось 41% среди мужчин и 26% среди женщин. Процент же грамотных среди всего населения определялся в то время для мужчин в 19%, а для женщин в 6%.

Отчасти высокий процент грамотности среди евреев обуславливался тем, что они принадлежали, преимущественно, к городскому населению, а в городах, как известно, грамотность стоит выше, чем в деревнях. Но этого объяснения всё же недостаточно. Если сравнить в отдельности еврейское население и всё население вообще в городах и вне городов, то нетрудно убедиться, что повсюду евреи отличаются сравнительно большей грамотностью.

		% грамотных	
		Мужчин	Женщин
Вне городов	{ всё население	16	3
	{ евреи	36	24
В городах	{ всё население	39	25
	{ евреи	46	28
В Иркутске	{ всё население	40	23
	{ евреи	45,5	27
По всей губернии	{ всё население	19	6
	{ евреи	41	26

Значительное распространение грамотности среди евреев бросается в глаза и при сличении процента грамотных среди различных возрастных групп еврейского и нееврейского населения губернии.

Это ясно видно из следующей таблички:

	% грамотных			
	Всё население		Евреи	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
В возрасте:				
от 1 года до 9 лет	5	2	13	10
“ 10 лет “ 19 лет	30	11	75	45
“ 20 лет “ 29 лет	27	8	57	40
“ 30 лет “ 39 лет	25	6	46	26
“ 40 лет “ 49 лет	20	5	41	22
“ 50 лет “ 59 лет	15	3	42	9
“ 60 лет и старше	12	3	34	8

Полных сведений о проценте евреев среди учащихся в общих школах Иркутской губернии мы, к сожалению, не имеем. Но вот цифровые данные о числе учеников-евреев в главнейших школах в Иркутской губернии в 1910 году.

Учебное заведение	Число учебных заведений	Число всех учащихся	Число учеников-евреев	Процент учеников-евреев
Иркутская гимназия	1	671	49	7,3
Иркутское промышленное училище	1	273	12	4,4
Иркутское коммерческое училище	1	107	40	37,4
Иркутское городское училище, учительские институт и семинария, ремесленное училище Трапезникова	4	353	—	—
1-я и 2-я женские гимназии Хамина	2	925	84	8,8
Частные женские гимназии	3	953	186	19,5
Женские прогимназии в Нижнеудинске и Киренске	2	233	18	7,7
Всего	14	3515	389	11,0

Эта таблица, с резкими колебаниями цифр в последнем столбце, красноречиво говорит как о стремлении иркутских евреев к школьному образованию, так и о препятствиях, встречаемых ими на этом пути.

§ 7. Состав евреев в Иркутске и Иркутской губернии по сословиям и профессиям

Вернёмся к вопросу о составе евреев в Иркутске и в Иркутской губернии по данным переписи.

По сословиям евреи Иркутской губернии распределяются несколько иначе, чем евреи Европейской России. В России, как известно, почти вся масса евреев числится либо в мещанском, либо в купеческом сословии. В Сибири наблюдается более пёстрая картина.

В год переписи евреи Иркутской губернии распределялись по сословиям следующим образом:

	По всей губернии	Вне городов	В городах	В Иркутске
Купцы и их семьи	378	93	285	192
Мещане	2682	721	1959	1728
Крестьяне	2597	1700	897	829
Прочие сословия и неизв.-ные сословия	1822	976	846	802
Всего	7478	3491	3987	3551

В этой табличке, прежде всего, бросаются в глаза две особенности: многочисленность евреев-крестьян и обширная рубрика «прочих сословий». Последняя ру-

брика характерна для сибирской статистики: её заполняют, в значительной части, ссыльнопоселенцы. Что же касается до евреев-крестьян, то это, как мы отмечали уже, сплошь потомки ссыльных, приписавшиеся к крестьянским обществам. Как мы увидим ниже, с подлинным крестьянством, с земледельческим классом большинство этих «крестьян» не имеет ничего общего.

Интересно отметить, что евреи-крестьяне оказываются сосредоточены преимущественно вне городов, в деревнях и сёлах: здесь они составляют $\frac{1}{2}$ всего еврейского населения, тогда как в городах на них приходится меньше $\frac{1}{4}$ евреев. Объясняется это тем, что в деревнях остаются, главным образом, те поколения, которые ещё не успели выбраться в город, не успели «переписаться» в городские сословия.

Процентное распределение евреев по сословиям довольно резко отличается от распределения по условиям всего остального населения.

Это видно из следующей таблички:

	Во всей губернии		Вне городов		В городах ⁶⁵	
	Всё население	Евреи	Всё население	Евреи	Всё население	Евреи
Дворяне, духовенство, почётные граждане	2,2%	0,3%	0,9%	0,9%	12,0%	0,6%
Купцы	0,3%	5,3%	0,0%	2,7%	1,8%	6,7%
Мещане	7,3%	37,7%	2,5%	21,1%	41,8%	53,2%
Крестьяне	60,0%	36,7%	63,7%	50,0%	33,7%	24,2%
Прочие сословия	31,2%	20,7%	32,9%	26,2%	10,7%	14,3%
ИТОГО	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

В этой табличке бросается в глаза весьма высокий, по сравнению с остальным населением, процент купцов среди евреев. В действительности же торговля среди еврейского населения Иркутской губернии развита ещё сильнее: если среди евреев, проживающих вне городов, 2,7% оказывается приписано к торговому сословию, то это не значит, что только они занимаются торговлей. Торговлей занимаются и евреи-мещане и евреи, приписанные к крестьянским обществам. Об этом ясно говорят данные переписи о профессиональном составе населения. Но прежде чем перейти к анализу этих данных, мы должны остановиться на некоторых особенностях распределения евреев на «самостоятельных» (в смысле заработка) и «несамостоятельных».

Из 7111 евреев (по языку) в Иркутской губернии самостоятельный источник существования имели 2578 человек (2162 мужчины и 416 женщин). Остальные жили в семье. В частности, в Иркутске имели заработок или другой источник дохода 1128 человек, жили в семье 2198 человек.

Распределение населения на самостоятельное (в смысле заработка) и несамостоятельное оказалось, по данным переписи, у евреев несколько иное, чем у других племенных групп.

Эти особенности видны из следующей таблички:

⁶⁵ В частности, в Иркутске на дворян, духовенство и почётных граждан приходилось 13,3% всего населения и 1,6% евреев, на купцов – 2% всего населения и 7,9% евреев, на мещан – 50,1% и 52,4%, на крестьян – 28,8% и 25,9%, на прочие сословия – 5,8% и 14%.

		% самостоятельных	
		Мужчин	Женщин
По всей губернии:	{ всё население	49,9	9,3
	{ евреи	57,2	12,5
Вне городов:	{ всё население	48,0	5,5
	{ евреи	62,9	9,0
В городах:	{ всё население	69,9	36,0
	{ евреи	53,0	15,9
В Иркутске:	{ всё население	70,0	38,9
	{ евреи	50,9	16,3

Контраст в распределении населения на «самостоятельное» и «несамостоятельное» в городах и вне городов у евреев оказывается менее резким, чем у остального населения (у евреев 63% и 53%, у всего населения 48% и 70%). Процент «самостоятельных» хозяев у евреев в деревнях *выше*, чем у других национальностей (63% и 48%), а в городах *ниже* (53% и 70%). Это объясняется тем, что евреи Иркутской губернии вне городов занимаются приблизительно тем же, чем занимаются они в городах, — торговлей и ремёслами. В их хозяйственном быту нет такой резкой противоположности между деревней и городом, как в быту других национальных групп.

Большой процент «самостоятельных» среди евреев, живущих вне городов, показывает, что средний размер семьи здесь *меньше*, чем среди городского еврейского населения. Явление, необходимо вытекающее из отмеченного выше движения евреев: сперва — из России в деревни и сёла, затем — из деревни в город. В деревне оказывается благодаря этому движению значительное число ещё не сложившихся окончательно семейств и много самостоятельных

мужчин-одиночек. В городе семейное начало развито сильнее, и потому процент «самостоятельных» работников соответственно ниже.

Из евреев, живущих в *городах* Иркутской губернии, в среднем зарабатывали на жизнь 34 человека из 100 (мужчин и женщин), тогда как из всего населения города заработком были заняты 53 человека из 100. На еврея-кормильца приходилось три рта, на нееврея-кормильца семьи – только два.

Это явление находится в полном соответствии с отмеченным выше быстрым размножением еврейских семейств, с еврейской плодовитостью.

Многосемейность евреев в Иркутске была отмечена ещё переписью городского населения, произведённой в 1863 году. Тогда оказалось, что для всего населения на 100 человек взрослых приходится 34 ребёнка моложе 14 лет, а для евреев число детей моложе 14 лет оказалось 45 на 100 человек взрослых.

Распределение евреев в Иркутской губернии по профессиональным группам отличается многими характерными особенностями⁶⁶.

Если расположить различные профессиональные группы евреев в губернии в порядке их численности, то окажется такая их последовательность:

I. Для мужчин

1. Торговля сельскохозяйственными продуктами.....даёт занятие 288 чел.

⁶⁶ См. приложения I – IV.

2. Изготовление одежды.....	"	"	238	"
3. Лишённые свободы.....	"	"	211	"
4. Частная служба и подёнщина.....	"	"	172	"
5. Обработка металла.....	"	"	109	"
6. Торговля (без точного определения)	"	"	107	"
7. Торговля тканями.....	"	"	91	"
8. Постройка.....	"	"	80	"
9. Земледелие.....	"	"	97	"
10. Извозный промысел.....	"	"	74	"
11. Торговля зерновыми				
прод.-ми и скотом	"	"	56	"
12. Вооружённые силы.....	"	"	56	"
13. Обработка питательных продуктов	"	"	53	"

II. Для женщин

1. Частная служба и подёнщина даёт занятие	91 чел.			
2. Изготовление одежды.....	"	"	67	"
3. Доход с капитала.....	"	"	50	"
4. Торговля сельскохозяйственными				
продуктами.....	"	"	46	"
5. Лишённые свободы.....	"	"	25	"
6. Торговля				
(без точного определения).....	"	"	20	"
7. Средства от казны.....	"	"	16	"

В обоих этих списках, как и в приведённых в приложении табличках, бросается в глаза значительное количество «лишённых свободы». Эта цифра объясняется тем, что в пределах Иркутской губернии находится

центральная каторжная тюрьма, в которой содержатся осуждённые, доставленные из Европейской России.

Совершенно иной профессиональный состав нееврейского населения губернии. Особенно заметно это в отношении к занятиям мужчин.

Наиболее многочисленные профессиональные группы для всего самостоятельного мужского населения губернии следующие:

1. Земледелие.....	72 862 чел.
2. Частная служба и подёнщина.....	11 087 “
3. Постройка.....	8 894 “
4. Вооружённые силы.....	6 941 “
5. Изготовление одежды.....	2 940 “
6. Лишённые свободы.....	2 653 “
7. Лесные промыслы и охота.....	2 637 “
8. Средства от казны.....	2 543 “
9. Обработка металла.....	2 089 “
10. Животноводство.....	2 014 “
11. Извозный промысел.....	1 872 “
12. Обработка дерева.....	1 710 “

Ещё яснее выступают особенности профессионального состава еврейского населения Иркутской губернии, если мы подсчитаем процентное распределение его по четырём крупным рубрикам:

1. Земледелие и добывающая промышленность.
2. Обрабатывающая промышленность.
3. Ремёсла.
4. Торговля.

В следующей табличке представлено процентное распределение по этим рубрикам всего самостоятельного населения губернии и, в частности, еврейского населения.

	Земледелие и добываю- щая промыш- ленность	Обрабатываю- щая промыш- ленность	Ремёсла	Торговля
Всё население	52,4%	5,4%	3,3%	3,3%
Евреи	6,0%	11,0%	14,0%	28,0% ⁶⁷

Таким образом, процент лиц, занимающихся торговлей, среди евреев был в 8 раз выше, чем среди всего населения губернии.

Если считать всех членов семей, то по переписи 1897 года в Иркутской губернии оказалось 1923 еврея, живущих торговлей. Но к купеческому сословию из еврейского населения губернии было приписано лишь 378 человек. Остальные числились в мещанских и крестьянских обществах.

Ниже – в главе о роли евреев в хозяйственной жизни края – мы остановимся на вопросе о том, каково численное соотношение между евреями и неевреями в различных областях торгово-промышленной жизни губернии⁶⁸. Пока же отметим особенности состава евреев-торговцев в Иркутской губернии.

⁶⁷ Для сравнения отметим, что в Европейской России в торговле занято почти 39% всех евреев, в промышленности и ремёслах 35%, а в сельском хозяйстве 3,5%.

⁶⁸ См. главу III.

Как мы видели, всего многочисленнее среди евреев группа торговцев сельскохозяйственными продуктами. Их по переписи оказалось 334 человека (288 мужчин и 46 женщин), что составляет 45,7% всего числа евреев-торговцев Иркутской губернии. Это – преимущественно мелкие скупщики, посредники между городом и деревней. Хотя предметы их операций вырабатываются в деревне, но они принадлежат чаще всего к городскому населению.

Вторую по численности группу составляют торговцы, специальность которых не обозначена. Их было 127 человек (107 мужчин и 20 женщин), или 17,4%. Это, главным образом, деревенские молочные торговцы.

На третьем месте идут торговцы тканями и предметами одежды. Их насчитывалось во время переписи 104 человека (91 мужчина и 13 женщин), или 14,2%. Торговали они преимущественно вне городов.

Четвёртое место занимают торговцы зерновым хлебом и живым скотом (56 человек, или 7,8%). Это опять-таки посредники между городом и деревней, скупщики.

Более подробно профессиональный состав евреев в городах и вне городов Иркутской губернии, в частности, в самом городе Иркутске, показан в табличках II – IV в приложении.

Здесь укажем лишь в процентах состав самостоятельного еврейского населения по 20 главным профессиям.

Группы занятий	По всей губернии, %		Вне городов, %		В городах, %		В Иркутске, %	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1. Учебная и воспитательная работа	1,2	0,7	1,3	0,8	1,1	0,7	1,3	0,7

Группы занятий	По всей губернии, %		Вне городов, %		В городах, %		В Иркутске, %	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
2. Наука, литература и искусство	0,7	0,2	0,2	–	1,3	0,3	1,3	0,4
3. Врачебная и санитарная деятельность	0,6	2,3	0,6	0,8	0,5	3,1	0,5	2,8
4. Частная служба и подёнщина	8,0	21,8	10,0	17,5	5,0	24,0	5,5	23,8
5. Доход с капитала	1,6	12,1	0,6	13,1	2,4	11,4	2,2	11,9
6. Средства от казны	1,8	3,8	1,6	2,4	1,7	4,1	1,5	3,9
7. Земледелие	4,5	2,3	7,5	6,4	0,8	0,7	0,5	0,7
8. Другие виды добывающей промышленности	2,1	0,2	1,5	–	2,7	0,3	2,8	0,9
9. Обработка металла	5,0	0,2	5,7	0,8	4,2	–	4,4	–
10. Обработка животных продуктов	1,2	0,2	0,8	–	1,6	0,3	1,7	0,7
11. Другие виды обрабатывающей промышленности	5,2	4,6	5,3	6,4	5,2	3,4	3,6	4,2
12. Изготовление одежды	11,0	15,3	7,6	13,9	15,1	16,3	16,3	19,8
13. Другие ремёсла	2,9	–	1,0	–	4,7	–	5,0	–
14. Постройка	3,7	–	4,0	–	3,4	–	3,6	–
15. Извозный промысел	3,4	–	1,5	–	5,9	–	6,0	–
16. Торговое посредничество	0,8	0,4	0,4	–	1,1	0,7	1,1	0,7
17. Торговля (без точного обозначения)	4,6	3,2	8,6	5,5	0,7	1,1	0,5	1,1
18. Торговля продуктами сельского хозяйства	13,3	11,0	13,5	3,2	18,6	15,0	17,7	14,6
19. Торговля тканями и одеждой	4,2	3,1	5,0	7,1	3,1	1,5	2,9	1,3
20. Торговля другими предметами	2,6	2,3	2,0	–	3,0	4,2	2,8	4,2
Остальные профессии	21,6	16,5	21,3	22,1	17,9	12,6	20,8	10,8

За 16 лет, прошедших после переписи, заметно изменилась численность еврейского населения Иркутска и Иркутской губернии, как изменился и весь уклад хозяйственной жизни края. При этом и профессиональный состав евреев, отмеченный переписью 1897 года, не мог остаться без перемены. Но главная масса еврейства и в городе, и в губернии по-прежнему получает средства существования в торговле и в ремесленном труде, – преимущественно в тех же отраслях торговли и в тех же областях ремесла, в которых сосредоточивался еврейский труд в год переписи. В этом смысле приведённые данные переписи представляются почти не устаревшими и для настоящего времени.

Из изменений, происшедших в профессиональном составе иркутских евреев за последние годы, особенно необходимо заметить значительное увеличение числа евреев, занятых в так называемых либеральных профессиях.

В 1914 году в Иркутске было не меньше 40 евреев представителей либеральных профессий. В этом числе: 14 человек, занятых адвокатурой, и больше 25 человек, занятых врачебной деятельностью.

Ознакомившись с происхождением и составом иркутских евреев, обратимся к вопросу об их значении в местной хозяйственной и общественной жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЕВРЕИ И МЕСТНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

§ 1. Методы выяснения роли евреев в хозяйственной жизни. — § 2. Особенности хозяйственной жизни Иркутска. — § 3. Евреи как носители капиталистического духа при колонизации Иркутской губернии. — § 4. Хозяйственная деятельность евреев в Иркутской губернии по переписи 1897 года. — § 5. Еврейская недвижимая собственность в Иркутске. — § 6. Хозяйственная деятельность евреев в Иркутске, по сведениям Управы о выбираемых свидетельствах. — § 7. Хозяйственная деятельность евреев в Иркутске, по сведениям податной инспекции. — § 8. Евреи в отдельных отраслях торговли и промышленности. — § 9. Евреи в золотопромышленности. — § 10. Евреи в кредитном обороте в Иркутске

§ 1. Методы выяснения роли евреев в хозяйственной жизни

Вернер Зомбарт в своём известном исследовании о роли еврейства в современной хозяйственной жизни предлагает два метода, при помощи которых, по его мнению, может быть выяснена доля участия евреев в той или иной экономической области: это методы *статистический и генетический*.

«Путём статистического метода, — говорит Зомбарт, — можно попытаться привести в известность количество экономических субъектов, которые вообще принимают участие в определённой экономической деятельности (например, завязывают торговые сношения с известной страной или создают какую-нибудь область промышленности в данную эпоху), а затем постараться вычислить процентное отношение этих субъектов ко всей исследуемой группе населения. Этот метод имеет, несомненно, большие преимущества. Мы, конечно, получим отчётливое представление о значении иностранцев, протестантов или евреев для развития какой-нибудь отрасли торговли, если сможем установить с цифрами в руках, что 50 или 75% лиц, участвовавших в ней, принадлежат к той или иной категории. Преимущества этого метода особенно обнаружатся, если исследование коснётся, кроме хозяйственного субъекта, также других экономически важных явлений, как например, величины вложенного капитала, количества произведённых благ, размеров торгового оборота и т. д.»⁶⁹.

Намеченными здесь вопросами, впрочем, не исчерпывается область применения статистического метода. Статистическому учёту поддаются и другие стороны хозяйственной жизни.

По общему правилу, всё, что может быть сосчитано и измерено, принадлежит к статистическому методу. И этим определяется возможность широкого

⁶⁹ *Зомбарт Вернер*. Евреи и хозяйственная жизнь / Авториз. пер. под ред. Г. Гроссмана. Санкт-Петербург: Разум, 1912. Ч. 1. С. 1.

применения данного метода при изучении интересующего нас вопроса о роли евреев в хозяйственной жизни в Иркутске.

Но Зомбарт считает статистический метод недостаточным. И потому цифровые данные, сообщаемые статистикой, он рекомендует пополнить применением генетического метода, который он характеризует следующим образом:

«Мы хотим узнать, насколько известная группа народонаселения (евреи) является (или являлась) решающей для хода и направления, свойств и характера современной хозяйственной жизни; хотим как бы уяснить качественное, или... динамическое значение данной группы. Легче всего этого можно достигнуть, если рассмотреть, получили ли определённые, особенно характерные для нашей экономической жизни, черты свой первый решительный отпечаток от евреев. Так мы постараемся исследовать, насколько те или иные внешние формы локального или организационного характера объясняются деятельностью евреев, или же насколько деловые приёмы, развившиеся в общие экономические нормы, регулирующие нашу хозяйственную жизнь, являются продуктами специфического еврейского духа»⁷⁰.

Зомбарт склонен считать оба метода, статистический и генетический, равноценными. Но само определение обоих методов, данное им, а ещё в большей степени вся его книга в целом опровергают этот взгляд.

⁷⁰ Там же. С. 3.

Применяя статистический метод, мы оперируем с величинами, так или иначе измеренными и сосчитанными. Мы сравниваем явления, которые, по своей однородности, поддаются сравнению. Сообразно этому и наши выводы должны носить на себе печать определённости, ясности. И потому именно статистический метод является научным методом по преимуществу.

Иное дело «генетический метод», – в том виде, как охарактеризовал его Зомбарт.

Применяя генетический метод, Зомбарт пользуется такими понятиями, как «еврейский дух», «специфический дух еврейства», «продукты специфического еврейского духа». Ни один мудрец мира не определил до сих пор сущность этого «духа», носителями которого в истории культуры явились Пророки и Маркс, Спиноза и Гейне, никто ещё не дал формулы этого «духа», к числу «продуктов» которого исследователи относят вексель и монотеизм, биржу и учение современного социализма.

Но даже если не злоупотреблять понятием «еврейского духа», генетический метод таит в себе ещё одну опасность. Кого считать евреем? Как определить внешние рамки той национальной группы, хозяйственная роль которой является предметом нашего исследования?

Сообразно с тем, как стоит вопрос об евреях в России, в частности в нашем законодательстве, мы должны считать евреями лишь людей, принадлежащих официально к иудейскому вероисповеданию. Эта именно группа населения является объектом всевозможных законодательных экспериментов, мишенью

всевозможных ударов. И выяснению положения этой группы населения в одном из дальних уголков России посвящена настоящая книга.

Но генетический метод Зомбарта открывает простор для чрезмерного расширения понятия еврейства. И сам Зомбарт рассматривает как евреев и носителей еврейского духа не только криптоевреев, маранов и вообще всех евреев, переменивших религию, но и их отдалённых потомков, в жилах которых осталась хоть капля семитической крови.

Применение генетического метода при сохранении нашего узкого понятия «еврейства» лишает данный метод значительной части его преимуществ.

Увлечение этим методом Зомбарта вполне понятно. Его задачей было восстановить картину хозяйственной жизни на заре капитализма. И генетический метод с его общими характеристиками, с его ссылками на «еврейский дух» помогал ему в исследовании там, где у него не было достаточного запаса фактических материалов.

При изучении более близкой нам эпохи необходимость в таком пособном методе отпадает. Более близкая эпоха доставляет нам достаточный запас статистических данных.

Все эти соображения заставляют нас пользоваться в нашем исследовании преимущественно статистическим методом. Мы постараемся определить хозяйственную роль евреев в Иркутске (и отчасти в Иркутской губернии) в возможно точных цифрах. И отступление от этого метода мы сделаем лишь для тех

сторон хозяйственной жизни, которые почему-либо представляют особый интерес для исследования и которые не могут быть освещены достаточно ясно имеющимися в нашем распоряжении цифрами.

Пусть же не посетует на нас читатель за обилие цифр и таблиц, и за сухость изложения в настоящей главе.

§ 2. Особенности хозяйственной жизни Иркутска

Из предыдущей главы мы знаем, что 50 лет тому назад евреи составляли около 1% населения Иркутска, что к концу минувшего столетия еврейская группа возросла настолько, что составляла 7% общего числа жителей города, а в настоящее время относительная численность её определяется приблизительно в 5%. Что касается всей Иркутской губернии, то живущие в ней евреи никогда не составляли больше 1,5% её населения.

Не только 1 – 1,5%, но и 5%, и даже 7% по сравнению со всей массой населения – ничтожное меньшинство. Нужны особые, исключительные условия, чтобы группа, численность которой определяется этими цифрами, играла значительную роль в местной жизни. Тем более необходимо это, когда – как в данном случае – рассматриваемую группу составляют не привилегированные, покровительствуемые законом верхи общества, а дети бесправного и гонимого народа и, в большинстве своём, потомки людей, пришедших в Сибирь без гроша в кармане, с голыми руками и с цепями на ногах.

Если бы хозяйственная активность иркутских евреев ничем не отличалась от хозяйственной активности остального населения, если бы роль евреев в хозяйственной жизни края соответствовала их численности, то еврейская колония в Иркутске никогда бы не заняла того положения, которое она занимает в настоящее время.

Но в хозяйственном положении Иркутска и в укладе экономических отношений края были некоторые особенности, выдвинувшие на первый план сравнительно малочисленную еврейскую группу, придавшие ей вес и значение, во много раз превышающие её относительную численность.

Иркутск был основан в середине XVII века, в то время, когда только-только намечалась колонизация края и захват его Московским государством.

Кругом кочевали дикие племена, не знавшие никакой государственной власти над собой. Но не они создали новый город при впадении Иркуты в Ангару. Сперва здесь возникло «зимовье», поставленное боярским сыном Похабовым для его промышленных людей. Спустя девять лет зимовье сменилось «острогом», то есть защищённой сторожевыми башнями деревянной крепостью, в которой помещались избы иркутского воеводы, его людей и казаков, амбары с запасами пороха и оружия, склады для всякого добра, собираемого в виде дани с окрестных племён, и всевозможные казённые учреждения⁷¹.

⁷¹ См. «Опись» 1684 г., «Счётные списки» 1697 г. и 1704 г. в изданной В.П. Сукачёвым книге «Первое столетие Иркутска».

Иркутск был в то время аванпостом колонизации наполовину военной, наполовину торговой. Он был «опорным пунктом для покорения края (нынешней южной половины Иркутской губернии), его колонизации, а также и для завоевания нынешнего Забайкалья»⁷².

Этим определилось хозяйственное значение Иркутска в первый период его существования.

Сюда стекалась собираемая с кочующих племён дань (ясак). Отсюда велась с теми же племенами торговля, задачей которой был обмен московских продуктов на меха и шкурки, добываемые кочевыми охотниками. Вскоре к этому присоединилась торговля с Китаем, обороты которой расширялись непрерывно в течение двух столетий. Вместе с тем Иркутск оставался всё время центром земледельческой колонизации края. Через Иркутск проходили прибывавшие из-за Урала вольные и невольные колонисты. Из Иркутска указывали им, где кому селиться. Отсюда получали они нередко и помощь на первоначальное обустройство. Сюда возвращались наконец продукты, извлечённые ими из девственной земли.

В числе первых зданий, поставленных в Иркутском остроге, мы находим уже государеву мельницу. В старинных документах, относящихся к первым десятилетиям существования острога, мы встречаем многочисленные указания на хлебные запасы, хранившиеся в государевых амбарах. Уже в то время Иркутск стягивал к себе сырьё, добываемое окрестными новосёлами. И

⁷² *Серебренников И.И.* Записка об экономическом положении района ж. д. Иркутск – Жигалово. С. 121.

эта роль сохранялась за ними в течение всего позднейшего периода истории.

Достаточно напомнить эти черты хозяйственной истории Иркутска, – и ясно будет сходство в его положении и положении тех городов, которые основывались европейцами в XVI и XVII столетиях при первых шагах колонизации Нового Света.

И там города были опорными пунктами вооружённого и мирного захвата прилегающего края. И там город являлся распределяющим, организующим центром дальнейшей земледельческой колонизации. И там город стремился вобрать в себя вырабатываемое колониями сырьё.

Может быть, главным отличием Иркутска от этих колониальных городов Нового Света было то, что Иркутск отделялся от своей метрополии – Москвы пустынями и Уральским хребтом, а между городами Нового Света и их метрополией лежал океан.

В XIX веке в Иркутск уже не поступал ясак с инородцев. Город утратил свой воинский вид. Исчезли его сторожевые башни. Потеряли своё значение амбары с пищалями, мушкетами, порохом и пушечными ядрами.

В это время в город притекали бешеные деньги с вновь открытых золотых приисков. Тут создавались в короткое время огромные богатства, стимулировавшие быстрое развитие хозяйственной жизни. В то же время развивалась торговля: главным образом, торговля пушниной, с одной стороны, торговля с Китаем и с приисками, с другой стороны. И по-прежнему город оставался значительнейшим центром хлебного дела.

Всеми этими чертами Иркутск сохранял отмеченное сходство с городами Нового Света, возникшими в качестве аванпостов европейской колонизации.

Это сходство сохраняется за Иркутском и в настоящее время.

Огромные, ещё никем не захваченные земельные пространства. Отсутствие в крае родовой аристократии, опирающейся на земельную собственность. Редкое население, не вышедшее ещё окончательно из форм докапиталистического хозяйственного быта. Тесное взаимодействие развитых и отсталых хозяйственных ячеек. Слабое развитие промышленности и — соответственно этому — удовлетворение нужд края продуктами, вырабатываемыми на фабриках и заводах метрополии. Сравнительно сильное развитие торговли предметами вывоза и ввоза. Отсутствие старых солидных фирм с твёрдо сложившимися взаимными отношениями (как например, в Московско-Владимирском районе). Кругом новые, пришлые люди, частью переброшенные через Урал приговором суда, частью привлечённые в Сибирь жаждой быстрого обогащения. Вытекающая из всех этих условий рискованность предприятий, лёгкость, с какой создаются в короткое время крупные состояния, и лёгкость, с какой вылетают в трубу вчерашние богачи.

Всё это — характерные черты современного хозяйственного быта Иркутска, черты, не стёршиеся даже с проведением сибирского железнодорожного пути. А вместе с тем всё это — типичная хозяйственная обстановка колонии.

Впрочем, в хозяйственной жизни Иркутска действовали и привходящие условия. Город получил мощный толчок развития извне – сперва вследствие горячки железнодорожного строительства, потом из-за войны. А последние годы, когда иссяк поток миллионов, вливавшихся в город, Иркутск начал приходить в упадок. Многие фирмы разорились. Другим пришлось сократить обороты. Прибыли почти у всех упали до минимума. Внешний рост города (постройки) приостановился. Городское хозяйство оказалось в бедственном положении, с постоянно растущими дефицитами. Поднялся даже вопрос о том, имеет ли будущее Иркутск, не осуждён ли он превратиться в убогий административный центр.

Но этот хозяйственный упадок – прямое и неизбежное следствие чрезмерного, неестественного оживления предыдущих лет.

Хоть медленно, но неуклонно, даже при общем упадке дел, крепнет в Иркутске местная промышленность. И за городом остаётся его роль экономического и культурного центра обширнейшего и богатого района. А вместе с тем с большей отчётливостью проявляется во всех областях хозяйственной жизни города та обстановка колонии, которая в предыдущие годы была заслонена пляской железнодорожных и военных миллионов.

Вот эта-то обстановка и открыла в Иркутске широкий простор для хозяйственной деятельности евреев, заброшенных в Сибирь.

§ 3. Евреи как носители капиталистического духа при колонизации Иркутской губернии

Давно уже доказано, что евреи являются исключительно талантливыми колонизаторами. За евреями даже их недруги признают способность быть ферментом хозяйственного развития. А при условиях, очерченных в предыдущих строках, эта способность неоценима для края. Недаром же граф С.Ю. Витте, изучая на месте положение отсталого юго-восточного района России, телеграфировал Александру III, что для оживления края туда следовало бы отправить вагона два евреев!

Хозяйственная обстановка, о которой мы говорили выше, соответствовала как нельзя больше хозяйственным способностям и навыкам евреев. Мы имеем в данном случае в виду не энергию и предприимчивость евреев, не умение их рисковать и добиваться своего в каждом деле, не готовность довольствоваться малым и прочие свойства, воспитанные в евреях их вековой историей. Мы имеем в виду, главным образом, те профессионально-хозяйственные навыки, которые привозили с собой евреи из-за Урала.

Стараясь определить условия, обеспечившие евреям преобладающее значение в развитии хозяйственной жизни Северной Америки, Зомбарт рисует такую картину:

«Группа выносливых мужчин и женщин – скажем, семейств 20 – отправлялась в незаселённую пустошь, чтобы начать здесь новую жизнь. Среди этих 20 семейств 19 были снабжены плугом и серпом; они шли с

намерением выжечь леса, распахать степи и трудами рук своих зарабатывать себе пропитание. 20-я же семья открывала лавку и посредством торговли – может быть, даже кочевой торговли – снабжала своих сотоварищей необходимыми предметами потребления, которых земля не производила. Эта 20-я семья вскоре берёт на себя и сбыт земледельческих продуктов, добываемых 19-ю другими семьями. Она раньше других располагает наличными деньгами и потому, в случае нужды, может оказать услугу ссудой... Таким образом, благодаря деятельности этой 20-й семьи, крестьянин Северной Америки с самого начала приходит в соприкосновение с денежным и кредитным хозяйством Старого Света. Все производственные отношения с самого начала складывались на современных основах... Но кто придал этому Новому Свету капиталистический отпечаток, кто именно, если считать здесь решающим фактором чисто личный элемент, а не историческую конъюнктуру? 20-я семья в каждой деревне. Нечего прибавлять, что этой 20-й семьёй каждый раз была еврейская семья»⁷³.

С известными оговорками то же самое можно сказать и об евреях в Сибири, в частности об иркутских евреях.

Колонизационную волну, катившуюся из России в Сибирь, в подавляющем большинстве составляли *деревенские* элементы. Деревенские элементы преобладали и среди ссыльных, которых перебрасывала Россия через Урал, и среди рабочих, которые приходили и приезжали в Сибирь в поисках заработка. Наконец,

⁷³ Зомбарт Вернер. *Op. cit.* С. 45.

главную струю вольного колониционного потока, прибывавшего в Сибирь, составляли крестьяне, выгнанные из родных мест земельной нуждой и ищущие на востоке свободной земли для пашни.

Евреи составляли незначительное меньшинство в этой колониционной волне, но они являлись специфическим *городским*, преимущественно *торговым*, *капиталистическим* элементом колонизации. Таким элементом являлись евреи не в силу свойств своего национального духа, а просто по условиям своего существования в России. И потому на их долю выпадала, по большей части, роль той 20-й семьи среди колонистов, которая накладывает свой отпечаток на весь уклад хозяйственных отношений в колонии.

В Сибири городские и деревенские, земледельческие и торговые элементы колониционного потока, перемешавшиеся при переходе через Урал, стремились вернуться к привычным, свойственным им условиям хозяйственной жизни. В результате евреи должны были стягиваться из деревень в города⁷⁴, а хозяйственное значение их должно было во много раз перерасти их относительную численность.

Яркое подтверждение такой характеристики хозяйственной роли евреев в Иркутской губернии даёт перепись 1897 года, к цифрам которой мы теперь и обратимся.

В год переписи евреи составляли 1,4% всего населения губернии. Но в различных областях хозяйственной жизни края присутствие их было неодинаково значи-

⁷⁴ См. главу II, § 2.

тельно. Это видно из следующей таблички, показывающей общее число лиц, занятых в различных отраслях хозяйства в губернии, и число евреев среди них:

	Общее число лиц, занятых в данной области, чел.	Число евреев, чел.	% евреев
I. Добывающая пром.-ть	83 253	152	0,2
II. Обработывающая пром.-ть	8612	283	3,3
III. Ремёсла	5132	363	7,0
IV. Торговля	4432	698	15,9

Итак, процент евреев, принимавших участие в добывающей промышленности края, был ничтожен. Но их участие в торговле превышало в 11 раз их относительную численность среди населения губернии. А при той экономической обстановке, которую мы охарактеризовали выше, торговая деятельность является для хозяйственной жизни края решающей.

Эта роль евреев выступит перед нами ещё ярче, если мы рассмотрим отдельно участие евреев в различных областях хозяйства в городах и вне городов Иркутской губернии.

Вот в каком виде представляются соответствующие цифры по данным переписи:

В городах

	Общее число лиц, занятых в данной обла- сти, чел.	Число евреев, чел.	% евреев
I. Добывающая пром.-ть	2539	36	1,5
II. Обработывающая пром.-ть	2286	134	5,8

	Общее число лиц, занятых в данной области, чел.	Число евреев, чел.	% евреев
III. Ремёсла	2434	243	10,0
IV. Торговля	2126	312	14,6

Вне городов

	Общее число лиц, занятых в данной области, чел.	Число евреев, чел.	% евреев
I. Добывающая пром.-ть	80 714	116	0,1
II. Обработывающая пром.-ть	6 324	149	2,3
III. Ремёсла	2 698	120	4,4
IV. Торговля	2 306	386	16,8

Вспомним, что в год переписи евреи составляли 6% населения в городах Иркутской губернии и только ¾% вне городов, в деревнях и сёлах губернии⁷⁵, и сопоставим с этими цифрами относительное участие евреев в местной торговле.

В городе относительная численность евреев, занятых в торговле, оказывается в 2 ½ раза выше общей численности евреев по сравнению со всем населением. В деревнях же участие евреев в торговле превосходит их относительную численность в 22 *раза*! И этот коэффициент всего лучше характеризует роль евреев, рассеянных в Иркутской губернии, – их роль как фермента развития хозяйственной жизни в крае.

⁷⁵ См. главу II, § 2.

§ 4. Хозяйственная деятельность евреев в Иркутской губернии по переписи 1897 года

Проследим теперь более подробно степень участия евреев в отдельных отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности, ремесленного труда и торговли в деревнях и городах Иркутской губернии и, в частности, в самом Иркутске.

С этой целью используем ещё раз данные переписи. Вот в каких цифрах выражается участие евреев в различных отраслях добывающей промышленности:

По всей губернии

	Число евреев, чел.	Всего, чел.	% евреев
Земледелие	107	79 919	0,1
Животноводство	18	2 221	0,1
Лесные промыслы, охота и т. п.	8	2 711	0,3
Добыча руд, копи и т. п.	19	1 402	1,4
Итого	152	83 253	0,2

Вне городов

	Число евреев, чел.	Всего, чел.	% евреев
Земледелие	98	74 854	0,1
Животноводство	4	2 110	0,0
Лесные промыслы, охота и т. п.	6	2 527	0,3
Добыча руд, копи и т. п.	8	1 223	0,6
Итого	116	80 714	0,1

В городах

	Число евреев, чел.	Всего, чел.	% евреев
Земледелие	9	2065	0,4
Животноводство	14	111	13,3
Лесные промыслы, охота и т. п.	2	184	1,1
Добыча руд, копи и т. п.	11	179	6,1
Итого	36	2539	1,5

В Иркутске

	Число евреев, чел.	Всего, чел.	% евреев
Земледелие	6	958	0,7
Животноводство	14	107	13,0
Лесные промыслы, охота и т. п.	2	132	1,5
Добыча руд, копи и т. п.	9	148	6,4
Итого	31	1335	2,4

Из этих цифр может вызвать некоторое недоумение лишь относительно высокая цифра евреев, занятых земледелием. Но среди сотни евреев-земледельцев в губернии едва ли найдётся десяток подлинных крестьян-хлебопашцев: остальные почти сплошь огородники, живущие поблизости от города и снабжающие городской рынок огурцами и прочими овощами. В их деятельности сельскохозяйственный труд тесно сплетается с торговлей. Интересно, с этой точки зрения, и положение евреев, занятых животноводством.

Всего в губернии занято животноводством 2221 человек и из них 2110, то есть 95%, живут в деревнях и сёлах. Но из 18 евреев, занятых в той же отрасли промышленности, вне города живут лишь 4, а остальные 14 занимаются своим делом в самом Иркутске. Ясно, что деятельность евреев-животноводов стоит далеко от нормального сельского хозяйства и ближе примыкает к торговому делу.

Картина участия евреев в различных отраслях обрабатывающей промышленности видна из следующей таблицы:

	По всей губернии			Вне городов		
	Число евреев	Всего	% евреев	Число евреев	Всего	% евреев
Обработка волокнистых веществ	21	894	2,4	7	661	1,1
Обработка животных продуктов	26	1265	2,1	10	719	1,4
Обработка дерева	16	1761	0,9	12	1268	1,0
Обработка металла	110	2100	5,2	70	1610	4,3
Обработка минеральных веществ	13	1020	1,3	10	941	1,5
Производства химические	18	185	13,3	3	90	3,3
Винокурение и проч.	21	498	4,2	10	382	2,6
Обработка питательных продуктов	58	999	5,8	27	653	4,1
Итого	283	8612	3,3	149	6324	2,3

	В городах			В Иркутске		
	Число евреев	Всего	% евреев	Число евреев	Всего	% евреев
Обработка волокнистых веществ	14	233	6,0	13	207	6,3
Обработка животных продуктов	16	486	3,3	16	462	3,5

	В городах			В Иркутске		
	Число евреев	Всего	% евреев	Число евреев	Всего	% евреев
Обработка дерева	4	493	0,8	3	415	0,7
Обработка металла	40	490	8,2	38	401	9,5
Обработка минеральных веществ	3	79	3,8	3	74	4,1
Производства химические	15	45	33,3	14	40	35,0
Винокурение и проч.	11	116	9,3	11	116	9,3
Обработка питательных продуктов	31	346	9,0	28	325	9,7
Итого	134	2288	5,8	126	2037	6,2

Из значительных отраслей обрабатывающей промышленности в губернии только обработка металла привлекает большое число евреев. На втором месте стоит обработка питательных продуктов. В городах евреи играют особенно заметную роль в химических производствах (краски, мыло и т. п.), в производстве напитков (особенно искусственных минеральных вод и кваса), а также в обработке металла и питательных веществ.

Более значительно, как мы уже отметили, участие евреев в различных видах ремесленного труда.

Вот относящиеся к этому вопросу цифры:

	По всей губернии			Вне городов		
	Число евреев	Всего	% евреев	Число евреев	Всего	% евреев
Полиграфические искусства	19	360	5,3	17	313	5,5
Инструменты, часы, игрушки	19	218	8,6	13	40	32,5
Ювелирное дело	20	83	24,1	16	53	30,2

	По всей губернии			Вне городов		
	Число евреев	Всего	% евреев	Число евреев	Всего	% евреев
Изготовление одежды	305	4471	6,8	182	1882	9,6
Итого	363	5132	7	120	2608	4,4

	В городах			В Иркутске		
	Число евреев	Всего	% евреев	Число евреев	Всего	% евреев
Полиграфические искусства	17	119	5,3	17	313	5,5
Инструменты, часы, игрушки	15	43	35,0	13	40	32,5
Ювелирное дело	16	56	28,2	16	53	30,2
Изготовление одежды	195	2016	9,7	182	1882	9,6
Итого	243	2434	10,0	218	2288	10,0

Здесь обращает на себя внимание высокий процент евреев среди ремесленников, занятых изготовлением инструментов, а также всяких драгоценностей (ювелирное дело). Как мы увидим ниже, значительная часть ювелирных предприятий в самом Иркутске находится в еврейских руках.

Стоит отметить, что евреи дают сравнительно высокую цифру портных в деревнях и сёлах.

Значительно интереснее цифры об относительном участии евреев в различных отраслях *торговли* в городах и сёлах.

Эти цифры не отличаются исчерпывающей полнотой, так как за их пределами остаются многочисленные случаи торговли при мастерской и просто мелкой торговли без вывески, — довольно распространённое явление в сибирской деревне. Недостатком этих цифр является и некоторая неопределённость классификации видов тор-

говли. Но, с этими оговорками, приводимые ниже цифры заслуживают всё же большого внимания.

	По всей губернии			Вне городов		
	Число евреев	Всего	% евреев	Число евреев	Всего	% евреев
Торговое посредничество	17	115	14,8	5	32	15,6
Торговля (без точного определения)	117	640	18,3	108	563	20,4
“ живым скотом	22	118	18,6	18	105	17,5
“ зерновыми продуктами	35	207	17,0	30	169	17,7
“ ост. сельскохозяйст. продуктами	340	1782	18,8	125	541	23,1
“ тканями и одеждой	104	654	15,9	69	361	19,1
“ кожами и мехами	21	135	15,6	7	24	29,1
“ остальными предметами	42	781	15,4	24	511	4,7
Итого	698	4432	15,9	386	2306	16,8

	В городах			В Иркутске		
	Число евреев	Всего	% евреев	Число евреев	Всего	% евреев
Торговое посредничество	12	83	14,4	12	82	14,6
Торговля (без точного определения)	9	77	11,7	7	56	12,5
“ живым скотом	4	13	30,8	2	10	20,0
“ зерновыми продуктами	5	38	13,2	4	26	15,4
“ ост. сельскохозяйст. продуктами	215	1241	17,2	185	1135	16,3
“ тканями и одеждой	35	293	12,1	30	253	11,8
“ кожами и мехами	14	111	12,7	12	108	11,1
“ остальными предметами	18	270	6,6	18	170	10,6
Итого	312	2126	14,6	270	1830	14,9

Из приведённой таблички, прежде всего, видно, что еврейская торговля всех видов в деревнях и сёлах Иркутской губернии более распространена, чем в городах, – несмотря на то, что в городах еврейское население (по отношению к остальному населению) в 8 раз гуще, чем вне городов. Единственное исключение составляет торговля живым скотом⁷⁶, где, впрочем, торговец является специфическим посредником между деревней и городом.

Особенно значительным оказывается участие евреев в 4-х видах торговли:

- 1) торговля без точного обозначения её предмета,
- 2) торговля живым скотом,
- 3) торговля зерновыми продуктами,
- 4) торговля остальными сельскохозяйственными продуктами.

«Торговля без точного обозначения», – это, как мы знаем, по преимуществу универсальная деревенская торговля. Предметом её являются всевозможные товары, потребляемые в крестьянском быту. Эта торговля неизменно связывается в Сибири со скупкой хлеба и нередко принимает ясно выраженные формы менового торга: купец в течение года отпускает крестьянину мануфактуру, сапоги и рукавицы, кирпичный чай и железо, всё, что может потребоваться в деревенском быту, а в уплату крестьянин приносит ему зерно, масло, яйца и прочие продукты своего хозяйства.

⁷⁶ Мы не считаем сборной рубрики «торговли остальными предметами».

Эта торговля, как и другие три отмеченные отрасли торговли, является специфическим звеном обмена между деревней и городом.

Таким образом, перепись 1897 года, вскрыв значительное участие евреев в местной торговле, показала вместе с тем, что больше всего сосредоточивается евреев в тех отраслях торговли, в которых непосредственно осуществляется обмен между городом и деревней.

И эта сторона хозяйственной деятельности евреев имеет крупное значение.

Дело в том, что хозяйственное развитие колонизируемого края (каковым до сих пор является Иркутская губерния) требует, прежде всего, упрочения связей между центром – городом и отдалёнными деревнями и сёлами. И в этом именно направлении работает особенно много торговцев-евреев. Их деятельность, как торговых посредников, никогда не была столь необходима для правильного развития Иркутска, как именно теперь, когда город переживает кризис, единственным выходом из которого является развитие хозяйственных отношений и оживление обмена во всём иркутском районе. И само собой разумеется, стеснения, которым подвергаются евреи-торговцы за последнее время, приносят одинаково мало пользы Иркутску и деревням, поддерживающим с Иркутском хозяйственный обмен.

Впрочем, евреи отнюдь не являются монополистами в области торговли Иркутска с деревней. Утверждение, будто в тех или других частях губернии вся торговля на-

ходится в еврейских руках, — сильное преувеличение. В различных частях губернии евреи составляют от ¼ до ¼ посредников между городом и деревней, и если поверхностному наблюдению их численность в этой области представляется более значительной, то причина этого явления ясна: евреи-торговцы обнаруживают большую активность, большую предприимчивость, нежели их конкуренты, и благодаря этому накладывают свой отпечаток на всю торговлю.

Отсутствие необходимых статистических данных лишает нас возможности проследить более детально значение еврейской торговли по сравнению со всем торговым оборотом в различных частях губернии (в городах и вне городов). По той же причине лишены мы возможности представить в цифрах, насколько изменилась после 1897 года картина участия евреев в различных областях хозяйственной жизни края.

Более свежими и более подробными данными мы располагаем лишь относительно города Иркутска.

К анализу этих данных мы и приступим.

§ 5. Еврейская недвижимая собственность в Иркутске

Начнём с анализа *недвижимой собственности*, находящейся в еврейских руках в городе Иркутске.

По сведениям Иркутской казённой палаты, в 1912 году евреям принадлежало в городе не многим больше 2 сотен недвижимых имуществ. Эта цифра мало изменилась за истекшие два года.

В различных полицейских участках города число евреев-домовладельцев неодинаково велико, как это видно из следующей таблички:

	Число имуществ, подлежащих обложению	В том числе принадлежащих евреям	В %
В I участке	491	36	7,5
Во II "	1910	65	3,5
В III "	551	77	14
В IV "	1861	27	1,5
В V "	756	15	2
Всего	5569	220	4 ⁷⁷

Можно считать, таким образом, что численность евреев-домовладельцев несколько уступает относительной численности еврейской группы населения в городе.

Более детальный анализ показывает, что еврейская недвижимость в городе отличается некоторыми особенностями. Евреи владеют домами в центральных участках города, и им принадлежат, по большей части, ценные постройки, тогда как в 5½-тысячной массе «домовладельцев» подавляющее большинство составляют собственники деревянных лачуг, теснящихся на окраинах и в предместьях.

Этот характер еврейской недвижимости выясняется уже из того, что процент евреев-домовладельцев

⁷⁷ В число еврейских имуществ нами не включены дома, принадлежащие крещённым евреям, хотя бы и крестившимся после приобретения недвижимости; отметим также, что количество имуществ – как еврейских, так и не еврейских – здесь несколько преуменьшено, ибо податная инспекция, имея в виду только правильное взимание государственных налогов, часто соединяет 2 – 3 имущества вместе.

значительнее всего в I и III участках. Но гораздо определеннее выступает на вид эта особенность при сравнении *стоимости* еврейской и нееврейской недвижимости по участкам.

Это сравнение сделано на основании сведений податной инспекции в следующей табличке:

	Стоимость всех подлежащих обложению имуществ, руб.	Стоимость еврейских имуществ, руб.	Участие евреев во владении недвижим. имуществом по стоимости, %
В I участке	11 350 669	1 121 820	10
Во II "	12 345 000	1 487 000	12
В III "	13 442 880	2 963 509	22
В IV "	5 385 540	148 770	3
В V "	2 243 820	62 920	3
Во всём городе	44 767 900	5 784 010	13 ⁷⁸

Таким образом, евреи, составляя 4% среди иркутских домовладельцев, владеют, по сведениям податной инспекции, 13% недвижимых ценностей в городе. Ещё выше оказывается процентное участие евреев во владении недвижимыми ценностями города, по данным городской Управы, исчисляющей стоимость каждого имущества по иным признакам, чем податная инспекция. Соответствующие цифровые данные приведены в следующей табличке:

⁷⁸ Стоимость имуществ исчислена здесь из 10%-й капитализации валовой доходности. В следующей таблице, составленной по данным городской Управы, мы исчисляем стоимость из 10%-й капитализации чистой доходности.

	Стоимость всех подлежащих обложению имуществ, руб.	Стоимость еврейских имуществ, подлежащих обложению, руб.	Участие евреев во владении недвижим. имуществом по стоимости, %
В I участке	6 908 100	698 077	10
Во II "	6 830 358	861 593	12,4
В III "	8 281 022	2 245 377	27 ⁷⁹
В IV "	2 075 460	59 012	3
В V "	1 192 447	33 767	3
Итого	25 287 387	3 897 826	15,5

Оценку еврейских имуществ, данную в последней табличке, можно считать несколько преувеличенной. Но, беря среднюю из двух цифр (инспекции и управы), можно, не боясь ошибки, определить, что евреям, составляющим $\frac{1}{25}$ среди иркутских домовладельцев, принадлежит приблизительно $\frac{1}{5}$ всех недвижимых ценностей в городе.

Соответственно этому, средняя стоимость каждого еврейского владения оказывается значительно выше, чем средняя стоимость всех владений вообще в данном участке.

Это видно из следующей таблички, в которой участки расположены не в порядке их полицейской нумерации, а в порядке их зажиточности, определяемой средней стоимостью находящихся в них домов.

⁷⁹ Для III-го участка, где всего более еврейских имуществ, в соответствующей графе предыдущей таблицы мы видели 22%. В настоящей же табличке мы имеем целых 27%. Это несовпадение цифр Казённой палаты и городской Управы объясняется тем, что доходность еврейских имуществ исчисляется Управой относительно выше, чем Казённой палатой.

	Средняя стоимость 1-го имущества, подлежащего обложению, руб.	Средняя стоимость каждого еврейского имущества в участках, руб.	Отношение средней стоим.-ти еврейского имущества к средней стоим.-ти имущества вообще, %
В круглых цифрах			
В I участке	24 300	37 800	156
Во II "	23 000	33 900	147
В III "	6500	22900	352
В IV "	3000	5500	183
В V "	3000	4000	133
Во всём городе	8000	27 000	337

Интересно отметить, что евреям принадлежит в Иркутске $\frac{1}{8}$ крупнейших и наиболее ценных сооружений. По сведениям Казённой палаты, в 1912 году в городе было 48 домов стоимостью в 100 000 рублей и больше. Из них евреям принадлежало 8, а именно – 1 в I-м участке, 2 – во II-м и 5 – в III-м.

Чистая доходность еврейских домов в городе приблизительно соответствовала их стоимости, исчисленной из капитализации 10% валовой доходности. Но в некоторых участках, по-видимому, еврейские дома отличались повышенной доходностью. Чистая доходность в них составляет большую часть валового дохода, чем в остальных домах. Так, в I-м участке все дома вообще приносили 678 000 рублей годового дохода, что по отношению к их стоимости (11 351 000 руб.) составляет 6%. Еврейские же дома приносили 90 000 (при стоимости 1 282 000 руб.), что составляет 7,5% годовых.

Что касается до причин отмеченных особенностей еврейского домовладения в Иркутске, то, не вдаваясь в подробности, мы можем высказать такое предположение:

При дешевизне земли в городе, при льготных условиях её аренды, при дешевизне строительных материалов в Иркутске обзаводятся домиками не только богачи, но и малосостоятельные люди – мелкие чиновники, приказчики и даже рабочие. Евреев среди них нет, так как еврей всегда помнит о грозящей ему высылке и о готовом обрушиться на его голову дамокловом мече разъяснений, толкований и усмотрений. Еврей обзаводится недвижимостью, лишь достигнув значительной зажиточности, а до тех пор предпочитает пускать свои сбережения в оборот. Кроме того, до 1906 года иногородние евреи, проживавшие в Иркутске, наталкивались на серьёзные препятствия при заключении купчей крепости на недвижимые имущества в городе⁸⁰.

Оттого-то так мало евреев среди мелких домовладельцев в Иркутске, тогда как общая ценность принадлежащей им недвижимости приблизительно (хотя и не вполне) соответствует их доле участия в торгово-промышленном обороте.

⁸⁰ В 1913 г. иркутские нотариусы вновь получили указание не свидетельствовать никаких сделок на недвижимость, совершаемых евреями, не располагающими «абсолютным правом жительства» в городе.

§ 6. Хозяйственная деятельность евреев в Иркутске,
по сведениям Управы
о выбираемых свидетельствах

От анализа еврейской недвижимости в Иркутске перейдём к более детальному выяснению участия евреев в торгово-промышленной жизни города. С этой целью рассмотрим, прежде всего, официальные сведения о числе свидетельств, выбираемых евреями из городской Управы.

По данным городской Управы, к 1 января 1913 года в Иркутске было выдано всевозможных гильдейских, торговых, промышленных, личных и тому подобных свидетельств свыше 2½ тысяч (2582). Из них евреи взяли 453 свидетельства, то есть 17,5%.

Это довольно большая цифра. И она покажется нам ещё более значительной, если мы вспомним, что в год переписи евреи в Иркутске составляли 6,2% среди лиц, занятых обрабатывающей промышленностью, 10% среди ремесленников и 14,6% среди лиц, занятых в торговле.

Высокий процент евреев, выбирающий из городской Управы разнообразные свидетельства, может иметь три причины:

- 1) Среди евреев, занятых в торговле и промышленности, выше, чем среди русских, процент самостоятельных хозяев-предпринимателей и соответственно ниже процент простых наёмных служащих.
- 2) Среди евреев-торговцев и промышленников больше, чем среди русских, число людей, ведущих

несколько дел сразу и потому выбирающих из Управы несколько свидетельств на одно имя.

3) В частности, на выборку евреями купцами гильдейских свидетельств оказывают влияние некоторые особенности правового положения евреев.

К 1 августа 1913 года в городе было всего 148 купцов 1-й и 2-й гильдии. Среди них евреев было 84 человека, не евреев – только 64. В частности, купцов 1-й гильдии было 22, среди них евреев – 17, не евреев – только 5. Купцов 2-й гильдии было 126, среди них евреев – 67, не евреев – 59.

Таким образом, евреи составляли абсолютное большинство во 2-й гильдии купечества и квалифицированное большинство в $\frac{3}{4}$ в 1-й гильдии. Столь высокий процент евреев, записывающихся в купеческое сословие, в значительной степени зависит от того, что гильдейское свидетельство даёт еврею-купцу право отлучки в Россию (на 6 месяцев по 1-й гильдии и на 3 месяца по 2-й гильдии), право, которым он не пользуется в том случае, если производит торговлю по простому торговому свидетельству, – хотя бы высшего разряда.

Но нужно отметить и то, что евреи-купцы 1-й гильдии в Иркутске принадлежат к числу представителей старейших торговых фирм в городе. Из них только 3 человека состоят в купеческом сословии меньше 10 лет, 4 платят гильдию уже от 10 до 15 лет, 6 – от 15 до 20 лет, 2 – от 20 до 25 лет, а 2 состояли в сословии больше четверти века⁸¹.

⁸¹ Старейшие еврейские купцы 1-й гильдии в Иркутске – Штамбок, Дубников, Арон Патушинский и Шепшелевич.

Что касается до евреев-купцов 2-й гильдии, то из них состоят в сословии:

меньше 10 лет – 25 человек,
от 10 до 15 " – 14 "
от 15 до 20 " – 22 "
от 20 до 25 " – 5 "
свыше 25 лет – 1⁸² "

Кроме 67 гильдейских свидетельств, евреями к 1 августа 1913 года было выбрано в Иркутске:

4 свидетельства на торговые предприятия 1-го разряда.
56 " " " " 2-го "
148 " " " " 3-го "
63 " " " " 4-го "

Всего, следовательно, 271 свидетельство на торговые предприятия различных разрядов.

Число выбранных евреями свидетельств на промышленные предприятия было таково:

1 свидетельство на пром. предприятие 4-го разряда,
5 " " " " 6-го "
13 " " " " 7-го "
24 " " " " 8-го "

Всего 43 свидетельства на промышленные предприятия. Наконец, 61 свидетельство было взято евреями на личные промысловые занятия и 11 свидетельств – на открытие складочных мест.

По отношению к общему числу выданных Управой различных свидетельств, особенно значительным представляется процент евреев среди лиц, выбрав-

⁸² Старейший еврей-купец 2-й гильдии в Иркутске – Перцель, состоящий в гильдии с 1874 г.

ших свидетельства на промышленные предприятия. Здесь евреи составляют около 25%: ими выбрано 43 свидетельства из общего числа 177. Среди лиц, выбравших свидетельства на торговые заведения, евреи составляют 20%. Но в распределении их по разрядам предприятий наблюдается одна любопытная особенность.

Евреям принадлежит:

из свидетельств 1-го разряда 40%,				
"	"	2-го	"	29%,
"	"	3-го	"	17%,
"	"	4-го	"	14%.

Таким образом, данные Иркутской городской Управы свидетельствуют о численном преобладании евреев среди владельцев промышленных и *крупных* торговых предприятий.

§ 7. Хозяйственная деятельность евреев в Иркутске по сведениям податной инспекции

Приведённые данные о числе выбираемых иркутскими евреями свидетельств не дают всё же ясного представления о роли евреев в торгово-промышленной жизни Иркутска. Гораздо показательнее в этом отношении сведения о числе принадлежащих евреям торговых и промышленных предприятий, о сумме их годового оборота и размере приносимой ими прибыли. Все эти сведения имеются в распоряжении иркутской податной инспекции.

По этим сведениям, в Иркутске в 1912 году было всего 1394 предприятия, подлежавших обложению. Из них евреям принадлежало 239 предприятий, то есть 17% (цифра – почти точно совпадающая с процентом взятых евреями свидетельств). По податным участкам участие евреев в торгово-промышленных предприятиях представляется в таком виде:

	Число предприятий, подлежащих обложению	Число еврейских предприятий	% еврейских предприятий
I податной участок	690	77	12
II податной участок	704	162	23

Но фактическое участие евреев в торгово-промышленном обороте Иркутска несколько выше показанного процента: общий оборот торговли и промышленности в городе в 1912 году, по сведениям податной инспекции, был около 31 миллиона рублей, оборот же еврейских предприятий составлял больше 7 миллионов. По поданным участкам еврейский оборот, по сравнению с общим оборотом, определялся такими цифрами:

	Годовой оборот всех подлежащих обложению предприятий, руб.	Годовой оборот еврейских предприятий, руб.	Еврейский оборот в %-м отношении ко всему торговому обороту, %
I податной участок	14 837 000	2 559 000	17
II податной участок	16 130 764	4 629 000	28
Всего	30 967 764	7 383 000	23

Итак, на долю еврейского капитала приходится в Иркутске почти $\frac{1}{4}$ всего торгово-промышленного оборота. Впрочем, эта цифра имеет условное значение. Податная инспекция исчисляет доходы только *местных* предприятий, то есть таких предприятий, главное управление которых находится в городе. Между тем в Иркутске имеют значительные торговые обороты и иногородние фирмы. Так, пассаж Второва и разбросанные по городу его отделения являются, бесспорно, хозяевами местного мануфактурного рынка. Но главная контора этого предприятия помещается в Москве. Там ведётся учёт его оборотов, там взимается с него государственный налог. Для иркутской же податной инспекции, а следовательно, и для статистики, которой мы пользуемся, Второва и его магазинов как бы не существует. Равным образом, иркутская инспекция не отмечает таких торговых заведений, как отделения Морозова, Т-ва «Треугольник», Цинделя, Сытина. Если принимать во внимание все эти фирмы, то общий промышленный и торговый оборот Иркутска окажется значительно выше 31 миллиона в год. И соответственно с этим понизится процентное значение еврейского оборота.

Оставаясь при учёте только местных предприятий, подлежащих ведению иркутской инспекции, следует отметить, что в среднем оборот еврейских предприятий в городе несколько выше, чем оборот местных предприятий, принадлежащих не евреям.

Средний годовой оборот еврейского предприятия в обоих податных участках 28 000 рублей.

Средний же оборот не еврейского предприятия:

в I податном участке..... 16 000 руб.,
во II податном участке..... 22 000 руб.,
во всём городе.....19 000 руб.

Сравнительно высокий средний оборот еврейских предприятий в Иркутске отчасти объясняется тем, что евреям принадлежит значительная часть крупнейших предприятий в городе. Всего предприятий с годовым оборотом в 100 000 рублей и выше в Иркутске в 1912 году было 73 (35 в первом податном участке и 38 – во втором). Из них евреям принадлежало 22 предприятия (9 в первом участке и 13 – во втором). Евреи были, таким образом, владельцами 30% крупнейших предприятий в городе.

Интересно отметить, что прибыльность еврейских предприятий в Иркутске несколько ниже, чем прибыльность предприятий, принадлежавших не евреям. Евреям принадлежит, как мы видели, 22% всего торгово-промышленного оборота в городе, но им достаётся только 29% всей прибыли, извлекаемой из этого оборота.

Средняя прибыль еврейского предприятия в Иркутске 2000 рублей в год, при годовом обороте в 28 000 рублей, то есть 7,2%. Средняя же прибыль не еврейских предприятий – 1600 рублей в год, при годовом обороте в 19 000 рублей, то есть 8,4%. Главной причиной такого явления нужно считать стеснённое правовое положение евреев, затрудняющее их в наиболее целесообразном использовании капитала. Обстоятельство, заслуживающее особенно серьёзного внимания в виду кризиса, переживаемого Иркутском и всего болезненнее отразившегося именно на еврейской торговле.

Сумма сборов и налогов, уплачиваемых еврейскими торгово-промышленными предприятиями, соответствует их относительной доходности: как и остальные фирмы, они уплачивают ‰ со всей прибыли в виде раскладочного сбора и, на круг, 5% с прибыли за промысловое свидетельство и в виде обложения избытка прибыли. Таким образом, евреи в Иркутске являются плательщиками 20% всех торговых сборов и налогов.

Эту цифру (20%) вообще следует считать приблизительным коэффициентом участия евреев в торговле и промышленности Иркутска.

§ 8. Евреи в отдельных отраслях торговли и промышленности

В различных отраслях торговли и промышленности в Иркутске влияние евреев неодинаково значительно. Поэтому, в дополнение к приведённым общим цифрам об участии евреев в хозяйственном обороте Иркутска, коснёмся вопроса о тех отраслях торговли и промышленности, в которых всего сильнее заметно участие евреев.

В числе крупнейших торговых предприятий (с годовым оборотом не ниже 100 000 руб.), принадлежащих иркутским евреям, мы находим:

- 4 крупчаточных фирмы,
- 4 мясных торговли,
- 4 магазина готового платья,
- 4 бакалейных торговли.

Роль менее крупных торговцев евреев в различных видах торговли может быть охарактеризована сравне-

нием числа еврейских предприятий с общим числом торговых заведений данной специальности. Такое сравнение показывает, что относительная численность евреев в различных отраслях торговли колеблется в весьма широких пределах – от 0 до 75%. Ограничиваясь торговыми предприятиями, находящимися в черте Иркутска, и притом лишь теми отраслями, где присутствие евреев особенно заметно, мы можем изобразить распределение их в этих видах торговли следующей табличкой:

Предмет торговли	Число еврейских фирм	Общее число предприятий	% еврейских фирм
1. Мелочная торговля	60	503	12
2. Мясная торговля	21	75	28
3. Кожа и обувь	18	64	28
4. Хлебные припасы	15	24	62
5. Рыба	15	46	33
6. Часы, ювелирные изделия	12	16	75
7. Аптекарские товары	10	16	72
8. Жесть и железо	9	22	41

Кроме того, евреи играют преобладающую роль:
 в торговле лошадьми, где им принадлежат 3 предприятия из 5;
 в торговле стеклом и красками, где они владеют 5 предприятиями из 7;
 в торговле пушниной и мехами.

Наконец, сильно развит в Иркутске один вид торговли, заведённый евреями и остающийся до сих пор почти целиком в еврейских руках: это – торговля дешёвым готовым платьем и поддержанными вещами («барахлом»). Это мало заметная торговля, в которой торговцы являются нередко такими же бедняками, как и покупатели. Но для низов населения и крестьян, приезжающих за покупками в город, торговля «барахольщиков» евреев имеет большое значение. Что касается до Иркутской губернии в целом, то о характере торговли, которую ведут здесь евреи, мы уже говорили⁸³.

Интересно отметить, что в сношениях Иркутска с Монголией евреи проявляют особенно большую активность и нередко выступают пионерами.

В числе иркутских фирм, ведущих сношения с Монголией, одной из крупнейших является еврейская фирма Горбоносова и Бороховича. В северо-западной части страны, в частности в Ахайчуне, эта фирма ведёт торговлю почти монопольно. В Урянхайском крае действует 10 российских фирм. Из них – две еврейские.

Предметы торговли этих фирм в Монголии очень разнообразны. После китайской революции и разрыва сношений монголов с Китаем, эти фирмы получили возможность сбывать монголам разнообразные мануфактурные товары русского изготовления: сукна, далямбу, цветную бязь, даже шёлк. Эти товары закупаются преимущественно у московских мануфактуристов

⁸³ См. главу II, § 7.

Морозова, Второва и др. Наряду с этим купцы сбывают монголам скобяной и железный товар, закупку которого производят ежегодно на Нижегородской ярмарке. За последнее время те же фирмы начали экспортировать в Монголию и русский табак.

Играет ли тут роль способность евреев к колониальной торговле или тут действуют иные причины, но обороты еврейской торговли в Монголии быстро растут. И уже теперь из Тунки отправляются ежегодно в Монголию караваны из нескольких сотен верблюдов, навьюченных товарами евреев-торговцев. Это вносит оживление и в местные хозяйственные отношения: тункинские крестьяне охотно принимаются за извозный промысел, у них появляются деньги, расширяется местная сельская торговля.

Благодаря энергичному развитию торговых сношений с монголами, евреи и во многих других отношениях оказываются в этом полудиком, малозаселённом крае пионерами и проводниками европейской культуры. Так, еврейская фирма выхлопотала разрешение спустить пароход в озеро Косогол. Этот пароход, собранный там же на месте, был первым пароходом во внутренних водах Монголии.

Евреи явились в Монголии и пионерами европейского сельского хозяйства. Ими устроена первая молочная ферма на 200 коров, обслуживаемая частью монголами, частью русскими рабочими. Евреи же начали обрабатывать участки земли под посевы.

Особенно энергично ведут торговлю в Монголии забайкальские евреи. Но значительные обороты име-

ют там и иркутские еврейские фирмы – упомянутая фильма Горбоносова и Бороховича, Горбунов, Кринкевич. Последний ведёт крупные дела по скупке скота.

Впрочем, для Иркутска имеют значение и те торговые дела, которые создаются в Монголии не иркутскими торговцами. По своему географическому положению Иркутск является посредником между Россией и Монголией. Развитие капиталистических отношений в Монголии должно отразиться развитием торговли в Иркутске.

С этой точки зрения заслуживают нашего внимания и заграничные фирмы, оперирующие в Монголии. А среди этих фирм еврейские предприятия занимают видное место. Так, крупным торговцем в Улюсатае и Урге является Бидерман – еврей, высланный из Москвы и теперь проживающий в Лейпциге. Там же имеет торговлю Рохильштейн, – тоже высланный из Москвы еврей. В Урге действует довольно большой кишечный завод Шефтеля. Наконец, большое участие принимают евреи и во многих оперирующих в Монголии торговых товариществах.

Не может подлежать сомнению, что деятельность всех этих предпринимателей в Монголии содействует хозяйственному развитию Иркутска⁸⁴.

В различных отраслях *промышленности* в Иркутске евреи распределяются так же неравномерно, как и между различными отраслями *торговли*.

⁸⁴ Иркутская администрация долгое время не желала пускать евреев в Монголию, считая, что по договору с Китаем торговать в Монголии могут лишь *русские* купцы. Потребовалось особое разъяснение Сената (по делу Прейсмана), чтобы внушить иркутской администрации более широкий взгляд на смысл международного договора между Россией и Китаем.

Почти всецело в еврейских руках находится *мыловаренное* дело. Это производство развито в Иркутске сравнительно сильно: иркутские мыловаренные заводы обслуживают не только губернию, но и значительную часть Приленского края. Евреи могут считаться организаторами данной отрасли промышленности, так как им принадлежат в Иркутске самые старые мыловаренные заводы⁸⁵.

Такую же преобладающую роль играют евреи в *дрожжевом* деле и в изготовлении *искусственных минеральных вод и квасов*. Самые старые заводы этого рода построены евреями и до сих пор остаются в их руках⁸⁶.

Евреям принадлежит, далее, большая часть *краскотёрочных* заводов в Иркутске. Эти заводы, изготавливающие наряду с тёртыми красками также олифу и замазку, обслуживают район от Красноярска до Читы. В еврейских руках находится приблизительно $\frac{3}{4}$ этого производства.

Видную роль играют евреи-предприниматели и в области *обработки металла*. Евреям принадлежит значительная часть находящихся в городе слесарных, меднолитейных, сеточных и тому подобных мастерских заводского типа. Из специальных отраслей металлообрабатывающей промышленности, заведённых в городе евреями, нужно отметить производство железных кроватей.

Наконец, много евреев работает в различных отраслях ремесленного производства – в качестве портных,

⁸⁵ Первым мыловаром в Иркутске был Левенберг.

⁸⁶ Первый дрожжевой завод и первое заведение минеральных вод в Иркутске открыты Перцелем.

башмачников и т. д. Среди ремесленников евреев в Иркутске преобладают хозяева-одиночки, работающие без наёмных рабочих, часто даже без подмастеров и учеников. Это, по большей части, бедняки-труженики того же типа, что и ремесленники в западном крае. В горячее время они работают свыше сил, в глухое время перебиваются впроголодь, а иным из них приходится даже порой обращаться в общину за благотворительной помощью.

Особенно много такой бедноты среди шапочников. Шапочники среди еврейских ремесленников почти то же, что «барахольщики» среди еврейских торговцев. Шапочное дело в Иркутске, можно сказать, создано евреями, но здесь бедняки работают на бедняков.

За последнее время развилось среди евреев и чулочное производство.

Готовое платье, барахольное дело, шапочное производство – всё это области, в которых иркутские евреи доставляют предметы потребления для низов населения. Но эти области не могут считаться особенно характерными для деятельности евреев в Иркутске. Как мы видели, не менее характерно для них участие в сравнительно крупной торговле и в области развития капиталистических отношений.

Для полноты картины нужно ещё упомянуть, что иркутские евреи принимают заметное участие в местной угольной промышленности, в подрядах и в транспортном деле.

Право евреев на участие в казённых подрядах в 90-х годах подвергалось сомнению со стороны иркут-

ской администрации. Дело дошло до Сената, и Сенат разъяснил, что сомнения иркутской администрации в данном вопросе лишены основания⁸⁷. В постройке Великого Сибирского пути евреи, в качестве подрядчиков, играли видную роль. Более скромную, но всё же ещё довольно заметную играли евреи-подрядчики и позже, на постройке Амурской железной дороги.

§ 9. Евреи в золотопромышленности

Для выяснения роли евреев в хозяйственной жизни Иркутска необходимо остановиться особо на участии евреев в золотопромышленности.

В настоящее время Иркутск утратил то значение главного центра золотопромышленности, которое принадлежало ему каких-нибудь десять лет тому назад.

Но всё же и теперь ещё золотые промыслы, рассеянные в пределах губернии, в Приленском крае и особенно за Байкалом, оказывают большое влияние на местную хозяйственную жизнь.

Через Иркутск идут рабочие на промыслы. Из Иркутска отправляются туда жизненные припасы и товары. Многие из этих товаров являются продуктами местного иркутского производства. Для других товаров Иркутск является торговым посредником. Сношения с приисками – видная область иркутской торговли, и мало кто из промышленников в Иркутске не имеет постоянных деловых связей с золотопромышленными предприятиями.

⁸⁷ Решение Сената по делу А.Я. Прейсмана.

Поэтому, говоря о хозяйственной жизни Иркутска, невозможно обойти молчанием золотопромышленность. Но благодаря тому, что город лишь *косвенно* связан с золотопромышленным делом, трудно определить степень участия евреев в поддержании этих связей простым численным коэффициентом – как определяли мы в процентах участие евреев в различных отраслях торговли. Приходится обратиться к более детальному анализу.

Характеризуя роль евреев в развитии золотопромышленности, мы должны, прежде всего, остановиться на деятельности барона Г.О. Гинцбурга, создавшего Ленское золотопромышленное товарищество (Лензото), которое в настоящее время сосредоточивает в своих руках большую часть добычи золота в Приленском крае по Олёкминской и Витимской системам.

Участвуя в целом ряде предприятий, Гинцбург является организатором крупнокапиталистической промышленности и в других золотоносных районах, от Урала до восточных пределов Сибири. Через посредство его в сибирскую золотопромышленность были привлечены крупные капиталы из-за границы. В числе этих заграничных капиталов были и деньги, принадлежащие иностранным евреям.

Но Г.О. Гинцбург – не местный, не сибирский еврей. Это – предприниматель, делец, финансист, ведущий свои предприятия из Петрограда при помощи почты, телеграфа и целой армии агентов.

Из местных сибирских евреев в качестве крупных золотопромышленников выделялись сравнительно немногие.

Евреи получили свободный доступ в сибирскую золотопромышленность только в 1870 году⁸⁸. А в 1893 году последовало сенатское разъяснение, в силу которого за евреями сохранилось право производить разведки и искать золото исключительно лишь в местах приписки.

До 1870 года крупным золотоискателем из числа евреев был лишь Б.Л. Хотимский. Работал он с партией в несколько сот человек рабочих. Впрочем, его работы были разбросаны в Енисейской губернии, в стороне от хозяйственного влияния Иркутска. В то время работал в Нерчинском и Читинском округах ещё один еврей-золотоискатель – Каплунов, но его операции ограничивались скромными размерами.

В середине 70-х годов и позже среди золотопромышленников появился целый ряд евреев: И.М. Хейсин, И.Л. и Л.Ф. Флееры, И.С. Лейбович, Мильштейн, Тонконозовы, Каминеры, Вульфович, Бронштейны, Новомейские, Кальманович, Шепшелевич, Фризер, Риф и др. Особенно много золотопромышленников евреев выдвинулось за Байкалом, в округах: Баргузинском, Читинском и Нерчинском, то есть в тех золотопромышленных районах, судьба которых наиболее тесно связана с хозяйственной жизнью Иркутска. Интересно отметить, что в этих районах не заметно ни концентрации золотопромышленности, ни реорганизации её на крупных капиталистических началах, а наблюдается даже обратный процесс, – дробление золотопромышленности, возвращение её к кустарным формам.

⁸⁸ По новому Уставу о частной золотопромышленности, утверждённому 11 июня 1870 г. См. *Леванда*. *Op. cit.* С. 1120 – 1121.

Здесь, в районах, не попавших в сферу крупной капитализации добычи золота, евреи внесли в золотопромышленность кое-что своё. Так, отмечают стремление евреев-золотоискателей эксплуатировать старые отвалы и покинутые, опустошённые хищническим путём россыпи. Подобная разработка покинутых приисков успешно производилась уже в 70-х годах Б.Л. Хотимским.

Эту роль евреи-золотоискатели сыграли, впрочем, не по доброй воле, а в силу необходимости.

Дело в том, что разрешение евреям золотопромышленности в 1870 году совпало с началом упадка добычи золота. К этому времени почти весь золотоносный район (особенно в Енисейской губернии) был занят заявками, и на долю евреев достались либо выработанные прииски, либо месторождения с бедным содержанием золота. Волей-неволей новым золотоискателям евреям приходилось действовать с известной осмотрительностью.

Крупную услугу местной золотопромышленности оказали Я.Д. Фризер и другие многочисленными разведками и снаряжением поисковых партий. Если большая часть поисковых партий возвращалась на место отправки ни с чем, то в отдельных случаях поиски увенчивались успехом и приводили к неожиданно блестящим открытиям⁸⁹.

Барону Гинцбургу, Фризеру и другим евреям пришлось принимать энергичное участие и в работах многочисленных петроградских съездов и совещаний,

⁸⁹ См. Белковский Г.А. *Op. cit.* С. 120.

посвящённых нуждам сибирской золотопромышленности и платинопромышленности.

Для характеристики роли евреев в золотопромышленности ближайшего к Иркутску района отметим ещё, что евреи первые ввели на своих приисках в Баргузинском районе гидравлические работы (на Королонских приисках у Я.Д. Фризера и на Цыпиканских приисках у А.Х. Новомейского) и положили начало дражным работам в том же районе (в 1913 году на приисках Новомейского).

Но как мы отметили уже, полными правами участия в золотопромышленности евреи пользовались очень недолго. Уже в 1893 году последовало сенатское разъяснение, по которому за евреями признаётся право производить разведки и искать золото исключительно лишь в местах приписки, — фактически в пределах одного какого-либо уезда или округа.

Это ограничение, с первого взгляда как будто несущественное, оказалось чревато для еврейской золотопромышленности, да и для золотопромышленности вообще, весьма тяжёлыми последствиями.

Дело в том, что при условиях, существующих в Сибири, золотопромышленность требует самой широкой свободы передвижения. Редко-редко золотоискателю посчастливится сразу напасть на богатое месторождение золота, где можно вести работы целые годы и десятилетия. Большинству золотоискателей приходится бросаться с места на место, пытаться счастья и здесь, и там, в десяти местах сразу. В одних местах они даром теряют и труд, и время, и деньги. В других местах еле-еле оправдывают свои расходы.

И так бьются нередко целые годы, пока не нападут, наконец, на богатое место.

Только возможность одновременных поисков во многих местах сразу смягчает крайнюю рискованность золотопромышленных предприятий. И при таких условиях ограничить золотоискателя районом его приписки, запретить ему производство разведок и поисков за пределами данного участка – это то же самое, что указать охотнику: «ходи лишь по этой тропинке, никуда не сворачивай в сторону».

Ограничение евреев-золотоискателей в правах передвижения и последовавшие за этим иные административные стеснения нанесли тяжёлый удар не только по евреям, но и всей золотопромышленности. Так была разорена золотопромышленность в Чикойской системе, на границе с Монголией. В 80-х годах здесь добывалось по несколько десятков пудов золота ежегодно. Крупнейшими промышленниками были здесь евреи Рубинштейн и Клейман. С выдворением евреев из пределов 100-вёрстной пограничной полосы, прииски были заброшены. В настоящее время по всей системе вырабатывается лишь несколько пудов золота в год, и промышленное развитие местности замерло. Между тем естественные условия добычи золота здесь приблизительно такие же, как в Баргузинском районе. И главное различие между обоими районами то, что там, за Байкалом, евреям разрешается работать, а здесь, в пограничной полосе, они признаны нетерпимыми.

В настоящее время участие евреев в золотопромышленности вообще гораздо меньше, чем было в

80-х годах. Сравнительно много евреев занято только в золотопромышленности Баргузинского округа.

Гораздо значительнее участие евреев в торговых сношениях Иркутска с приисками.

В деле доставки на прииски припасов и товаров евреи приобрели значение ещё в середине минувшего века. В 50-х годах видными поставщиками на приисках енисейского района были Хотимский и Каминер. Позже, в 60-х и 70-х годах, крупнейшими поставщиками в районе были Хейсин и Мильштейн. В настоящее время Иркутск отправляет припасы и товары в Приленский край и на многочисленные прииски Забайкалья. Но Ленское золотопромышленное товарищество само производит закупку и заготовку товаров для своих приисков. Из остальных золотопромышленников подобную операцию выполняют сравнительно немногие, так как у большинства для этого не хватает оборотных средств. У торговцев, поддерживающих сношения с приисками, намечаются два вида операций: доставка запасов на приисковые склады крупных золотопромышленников (транспортно-комиссионная операция) и доставка товаров на прииски с целью продажи в розницу приисковому населению (торговля с приисками, в более узком смысле слова). В обеих операциях евреи принимают большое участие.

Мы уже знаем, что иркутские евреи играют крупную роль в местной торговле хлебом и вообще сельскохозяйственными продуктами. В этих продуктах, прежде всего, и нуждаются прииски. И среди фирм, снабжаю-

щих хлебом ленские прииски, на почётном месте стоят многие еврейские торговые фирмы.

Что же касается до приисков Забайкалья, то снабжением их припасами и товарами заняты чуть ли не все баргузинские торговцы. А среди них значительную часть составляют евреи.

Роль евреев, как приисковых поставщиков, заслуживает большого внимания, так как развитие этого вида торговли имеет огромное значение для всего края.

Затруднения с доставкой фуража и провианта часто являются главным тормозом при постановке правильной добычи золота в далёких и малозаселённых местах забайкальской тайги. Чем сильнее действует торговая конкуренция, тем ниже оказываются цены на прииске. А в зависимости от этого облегчается постановка дела золотоискателям, располагающим ограниченными средствами. С другой стороны, только удешевление средств продовольствия открывает перед золотопромышленностью возможность эксплуатации участков со сравнительно бедным содержанием золота.

Участие евреев в торговле с приисками важно ещё в одном отношении.

В местной золотопромышленности уже издавна установился порядок кредитования золотоискателей поставщиками. Поставщик, заинтересованный в расширении своих оборотов, заинтересован и в развитии дел своих покупателей. Поэтому он охотно отпускает им товары в кредит, под предстоящую добычу золота. Когда-то такой порядок был общепринятым по всей Сибири. Теперь кредит товаров под предстоящую добычу золота всё

шире практикуется в Баргузинском округе, то есть там, где благодаря присутствию торговцев евреями всего сильнее развита конкуренция между поставщиками.

Намеченными причинами объясняется наблюдаемое повсюду дружественное отношение золотопромышленников к поставщикам евреям.

Впрочем, деятельность поставщиков евреями имеет значение не только для золотопромышленников. Такое же значение имеет она для хозяйственной жизни края вообще.

Ведь Иркутский район ежегодно отправляет на прииски на Лену и за Байкал миллионы пудов всевозможных продуктов. Большая часть этих продуктов идёт через иркутские (и отчасти баргузинские) фирмы. И все местные производители, естественно, заинтересованы в оживлении сношений с приисками, в привлечении к этим сношениям больших капиталов и большего числа предприимчивых людей.

§ 10. Евреи в кредитном обороте в Иркутске

Приведённые на предыдущих страницах сведения характеризуют участие евреями в хозяйственном обороте Иркутска и их роль в отдельных отраслях торговли и промышленности.

Но этими данными не исчерпывается вопрос о хозяйственном значении евреями для Иркутска и для района, центром которого является Иркутск.

Иркутск – город молодой, развивающейся промышленности. И различные элементы его хозяйственной

жизни нужно оценивать, главным образом, со стороны их динамического, движущего влияния на развитие хозяйственных отношений. С этой стороны должны мы взглянуть и на хозяйственную деятельность евреев в Иркутске.

Мы упоминали уже, что евреи в Иркутске являются специфическими носителями капиталистического духа, ферментом капиталистического развития. Эту роль их мы попытаемся выразить в цифрах по данным кредитно-банковской статистики.

Кредит является движущим нервом современной хозяйственной жизни и, в особенности, движущим нервом капиталистического развития. Наилучшим показателем интенсивности хозяйственной деятельности той или иной группы населения можно считать *степень участия её в кредитном обороте*, – мы имеем в виду коммерческий кредит, практикуемый банками.

Банковский кредит есть кредит производительный (или торговый) по преимуществу. Хозяйственное значение его – перераспределение свободных общественных капиталов, перемещение их в наиболее способные руки, передача их туда, где имеется налицо предприимчивость, способная привести их в движение наиболее целесообразным образом.

В сфере торгового кредита банки редко учитывают векселя наобум. Сумма задолженности банкам их клиентов соответствует, более или менее точно, кредитоспособности каждого клиента, признаваемой за ним общественным мнением торгового мира. Здесь учиты-

вается и фактическое положение дел данного клиента, и его предприимчивость, и его добросовестность.

Большая задолженность указывает здесь на большую кредитоспособность клиента и на большую его предприимчивость, хотя может свидетельствовать вместе с тем и о затруднительном, стеснённом положении, в котором находится в настоящее время данный предприниматель.

Предприятие, которое, извлекая из своих операций определённую прибавочную стоимость, отдаёт её в банк, помещает её в государственную ренту или в чужие предприятия, – такое предприятие развивается медленнее, нежели окружающая его хозяйственная среда. Наоборот, максимальную живучесть, максимальную способность развития обнаруживает то дело, которое поглощает на своё расширение всю приносимую им прибавочную стоимость, а равным образом, и часть стоимости, извлекаемой другими предприятиями.

Поясним это положение простым примером.

Рядом действуют два предприятия А и В. Первое предприятие отдаёт часть своих доходов второму на его расширение, довольствуясь, со своей стороны, получением установленного дисконтного процента. Может ли быть более несомненное доказательство, что второе предприятие находится в более надёжных руках, является действительным носителем хозяйственного развития?

Вот те общие соображения, которые должны быть положены в основание анализа имеющихся в нашем

распоряжении данных об обороте действующих в Иркутске банков.

Всего в Иркутске действует 6 банков: Государственный, Медведниковский, Волжско-Камский, Русско-Азиатский, Сибирский и Банк Иркутского общества взаимного кредита.

Во всех этих банках клиенты евреи составляют довольно внушительную группу. Число их колеблется от 30 до 50% общего числа клиентов каждого кредитного учреждения⁹⁰. И фигурируют они не столько в роли вкладчиков, сколько в качестве векселедателей и предъявителей, обращающихся в банки за кредитом под учёт векселей. Среди евреев клиентов банков преобладают численно мелкие и средние предприниматели. Благодаря этому, средний размер кредита, открытого в банках клиентам евреям, оказывается несколько ниже средней суммы кредита, открываемого в тех же банках клиентам не евреям⁹¹. Но со стороны евреев замечается стремление использовать предоставленный

⁹⁰ Так, например, в Русско-Азиатском банке в 1912 – 1913 гг. евреи составляли 30 – 15% среди клиентов банка. Ещё выше был процент евреев среди клиентов, пользовавшихся открытым счётом в Иркутском отделении Государственного банка. Но, несмотря на это, до недавнего времени евреи не имели права участия в Учётном комитете Государственного банка. Это право было исходатайствовано для иркутских евреев лишь в 1906 г. управляющим Иркутского отделения банка.

⁹¹ В Государственном банке средний кредит клиентов евреев был, например, в два раза с лишком ниже среднего кредита остальных клиентов. В Русско-Азиатском банке к 1 августа 1913 г. в портфеле банка было векселей приблизительно на 1 500 000 руб., в том числе еврейских векселей приблизительно на 400 000 руб., т. е. евреи имели использованный кредит в размере 27% кредита, открытого банком всем клиентам вообще, тогда как они составляли до 35% клиентов банка.

им кредит возможно полнее. И таким образом задолженность их перед банками оказывается относительно выше, чем кредит, которым они пользуются.

Всего яснее мы можем проследить отмеченные явления на примере Иркутского общества взаимного кредита, обслуживающего, главным образом, местную мелкую и среднюю торговлю и промышленность.

К 1 января 1913 года Общество имело всего 572 члена. Среди них было 225 евреев и 347 не евреев, то есть евреи составляли здесь 39%.

Сумма кредита, открытая всем членам общества, была 2 544 000 рублей. В этой сумме евреи – члены Общества пользовались кредитом в 913 000 рублей, а не евреи в 1 631 000 рублей. Таким образом, евреи, составляя 39% среди членов Общества, располагали 35% общей суммы кредита. Следовательно, евреи в Обществе взаимного кредита были сравнительно мелкими клиентами.

В среднем, кредит, открытый каждому еврею – члену Общества, равнялся 4000 рублей, а кредит членов Общества – не евреев – 4700 рублей на каждого.

Но это отнюдь не означает, что евреи считались в Обществе малокредитоспособными, что кредит открывался им ту же, с большей неохотой, чем остальным клиентам. Это означает только, что среди членов евреев преобладали мелкие капиталисты, – как в том нетрудно убедиться и из статистики вкладов.

Всего Общество имело к 1 января 1913 года вкладов на 760 370 рублей. В этой сумме еврейских вкладов было лишь на 197 800 рублей, остальные 562 570 рублей

были внесены не евреями. Значит, евреи внесли лишь 26% того капитала, которым оперировало Общество⁹².

Для интенсивности хозяйственной деятельности евреев – членов Общества характерно, в какой мере использовали они свой кредит. Оказывается, из 226 евреев – членов Общества кредитовалось в нём 196 человек, то есть 86%. Между тем из остальных 347 членов имели к 1 января 1913 года задолженность Обществу 256 человек, то есть 74%. Таким образом, у 26% членов Общества не евреев кредит лежал неиспользованным. А среди евреев процент лиц, не пытавшихся использовать свой кредит, был в 2 раза ниже (13%).

Обратимся, наконец, к сумме задолженности членов Общества.

Всего за членами Общества к 1 января 1913 года было 1 801 644 рубля. В том числе за евреями 757 309 рублей, за не евреями 1 044 335 рублей. Следовательно, еврейская задолженность составляла 42%.

По отношению к сумме открытого кредита еврейская задолженность составляла 83%, а не еврейская только 64%. Среди евреев – членов Общества лица, задолжавшие банку в полном объёме открытого им кредита или свыше этой суммы, составляли 28%, среди остальных членов Общества только 16%.

Наконец, для характеристики интенсивности участия евреев в кредитном обороте сопоставим их за-

⁹² Эту цифру нельзя, впрочем, считать особенно показательной, так как цифра не еврейских вкладов сильно повышалась большим вкладом одного вкладчика, вкладом, составлявшим чуть не ½ всех еврейских взносов.

долженность в Обществе взаимного кредита с величинной их вкладов. Оказывается, что заложенность евреев почти в 4 раза превышала сумму их вкладов, тогда как задолженность остальных членов Общества не доходила до удвоенной суммы сделанных ими вкладов.

Этим точнее всего характеризуется хозяйственная активность евреев-предпринимателей в Иркутске.

В годы кризиса эта активность поставила евреев-предпринимателей в сравнительно тяжёлое положение, так как у них оказалась максимальная задолженность при использованном до конца кредите, при отсутствии запасных, не пущенных в оборот, средств. Этим объясняется значительное число неплатежей, объявленных за последнее время еврейскими торговыми фирмами в Иркутске.

Но с другой стороны, именно максимальная хозяйственная активность населения является залогом экономического развития края; именно максимальная хозяйственная активность требуется в годы кризиса для того, чтобы промышленно-торговая жизнь города снова наладилась, снова стала развиваться. И в этом — хозяйственная роль и значение евреев в Иркутске.

Приведёнными данными не исчерпывается вопрос о влиянии евреев на хозяйственную жизнь Иркутска и Иркутского района. По этому вопросу можно было бы сказать ещё многое.

Но мы полагаем, что и приведённый анализ хозяйственной роли евреев в Иркутске и Иркутском районе

достаточен, чтобы считать прочно установленными следующие положения:

1) В силу особенностей хозяйственной обстановки Иркутска и Иркутской губернии, хозяйственная роль и хозяйственное значение местных евреев гораздо выше численного значения еврейской группы населения.

2) Как городской, торговый элемент, по преимуществу, евреи играют роль носителей капиталистического духа, роль фермента капиталистического развития в процессе колонизации Иркутской губернии.

3) Играя ничтожную роль в добывающей промышленности (кроме золотопромышленности), местные евреи оказываются влиятельной группой в обрабатывающей промышленности и в торговле.

4) В торговле значение евреев особенно велико там, где торговля теснее всего связана с развитием капиталистических отношений, – в сношениях города с деревней, промышленных районов – с глухой золотоносной тайгой России, с Монголией.

5) Играя крупную роль в хозяйственном обороте в крае, евреи играют ещё большую роль в дальнейшем развитии этого оборота, в дальнейшей капитализации всех местных отношений, что проявляется в весьма широком участии евреев во всевозможных кредитных операциях.

И отсюда читатель сам сделает вывод о том, как должны отражаться на жизни края гонения и стеснения, которым подвергаются иркутские евреи наравне со всеми евреями Сибири.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ЕВРЕИ И МЕСТНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

§ 1. Особенности иркутской общественной жизни. – § 2. Евреи и иркутская администрация. – § 3. Евреи и иркутское общество. – § 4. Евреи и политика в Иркутске. – § 5. Евреи в иркутских общественных учреждениях. – § 6. Евреи и изучение Сибири

§ 1. Особенности иркутской общественной жизни

Своеобразный уклад хозяйственных отношений в Сибири определяет особенности общественной жизни и общественных группировок в сибирских городах. В предыдущей главе, желая выяснить положение и роль евреев в *хозяйственной* жизни Иркутска, мы должны были начать с характеристики хозяйственного быта города. Мы характеризовали значение Иркутска как центра колонизируемой окраины, и эта характеристика дала нам ключ к решению вопроса, почему хозяйственное значение евреев в городе в несколько раз превосходит относительную численность данной группы населения.

К характеристике Восточной Сибири как колонии, а Иркутска как центра колонизации должны мы вернуться и теперь, при выяснении участия евреев в местной общественной жизни.

Борьба за существование выливается в Иркутске в несколько иные формы, чем в старых городах Европейской России. Тут почти не чувствуется конкуренции, вытекающей из тесноты, из большого предложения рабочих рук при малом спросе на труд. Тут нет такого положения, что всё распределено, размечено, и каждый лишний человек как бы увеличивает тесноту, занимает чье-то место. Короче, тут нет тех условий, на почве которых вырастают всевозможные антагонизмы, в частности и антагонизмы национальные.

Больше того. В хозяйственной жизни Иркутска и Иркутского района замечаются прямо противоположные черты.

Кругом – земельный простор, не исчерпанный даже усиленной колонизацией последних лет, не распаханые участки, не использованные леса, не исследованные реки, огромные естественные богатства в тысячах мест – скрытое от глаз людских золото.

Повсюду не хватает людей. И в этой обстановке лишний человек, лишний капитал не увеличивает тесноты, не обостряет условий конкуренции, но, напротив того, увеличивает размах хозяйственной жизни.

Исследователи Сибири все в один голос твердят, что край нуждается в людях и в капитале. То же самое видят и твердо знают обыватели каждого сибирского города. Слишком ясно здесь каждому, что лишний человек, а в

особенности, человек энергичный и подвижный, или талантливый и знающий – приобретение для края.

Приобретение – лишний торговец в деревне, лишний поставщик на приисках, лишний ремесленник, опытный рабочий, врач, учитель. И когда такой новый человек появляется в крае, у него не спрашивают, откуда пришёл он и в какого Бога он верует. Хозяйственные условия Сибири учат сибиряков широкой религиозной и национальной терпимости.

Мы говорили уже, насколько приспособленными оказались евреи к хозяйственным условиям Сибири. Отметим, насколько содействовали они капиталистическому развитию края. И из представленной характеристики ясно, что местное русское население не имело оснований жаловаться на поселившихся среди него евреев.

Евреи и не евреи в Иркутске и иркутском районе живут приблизительно одинаковой жизнью, иногда ведут общие дела, но не выступают друг против друга, как непримиримые противники-конкуренты.

В частности, еврейские бедняки слабо конкурируют с бедняками других национальностей, так как сосредоточиваются в особой хозяйственной сфере. Русский бедняк в Иркутске и иркутском районе – это либо неудачник-новосёл, либо чернорабочий. Бедняк-еврей – либо прогоревший мелкий торговец, либо не приспособившийся ремесленник, либо инвалид. Конкуренции между ними нет. Существенно в этом отношении и то обстоятельство, что евреи, по мере своих средств, сами поддерживают своих пауперов. Последние не обраща-

ются к общей благотворительности или прибегают к ней лишь в редких исключительных случаях.

Таким образом, ни преуспевающие евреи в Иркутске, ни неудачники, ни большинство еврейского населения, которое работает, не преуспевая и не разоряясь – ни те, ни другие, ни третьи не подают повода к враждебному, неприязненному отношению со стороны остального населения.

Для положения евреев в общественной жизни Иркутска имеет значение и то, что состав городского общества и его жизнь в Сибири иные, чем в России.

Сибирь не знала крепостного права и до сих пор не знает – или почти не знает – крупной земельной собственности. В Сибири нет родовой аристократии. И элементы сословной спеси, пережитки феодальных нравов, которые до сих пор сказываются в жизни любого города Европейской России, эти элементы отсутствуют в Сибири. Здесь немыслимы такие общественные группировки, при которых евреи бы оказались низшей, презираемой группой.

В России враждебное отношение к еврейству обыкновенно поддерживается представителями «культурнейшего» главенствующего сословия – дворянства. Представители этого сословия имеются и в Иркутске. Но в Иркутск, как и вообще в Сибирь, представители дворянства прибывают, главным образом, как чиновники, и они остаются по отношению к местному обществу внешним, почти враждебным элементом. Для Сперанского иркутская буржуазия и иркутское чиновничество представляли два воюющих лагеря. Сперан-

ский пытался сгладить эти враждебные отношения, пытался примирить, сблизить пришлое чиновничество и местное общество. Но работа его в данном направлении оказалась не особенно плодотворна. Во второй половине минувшего столетия, при Муравьёве-Амурском, антагонизм между иркутским обществом (буржуазией), с одной стороны, и чиновничеством (администрацией), с другой стороны, был ещё в полной силе. Муравьёву приходилось считаться с этим антагонизмом, и он то воевал с обществом, подчёркивая своё презрение к нему, то, наоборот, заискивал перед ним, пытался с ним сблизиться.

Такое положение осталось и позже.

В Европейской России чиновничество каждого большого города сближается с окрестными дворянскими элементами и с буржуазными слоями местного общества. Образуется известная среда, накладывающая свой отпечаток на местную жизнь. В Сибири, в частности, в Иркутске, этого процесса, по-видимому, не наблюдалось. Официальный мир здесь оставался чуждыми по отношению к коренному местному обществу.

Этот строй взаимоотношений власти и общества в Иркутске следует считать одной из причин того, что администрация не могла заразить иркутское общество ядом антисемитизма.

Ведь та или иная степень антисемитизма – чуть ли не необходимый признак официальной благонамеренности, почти такая же принадлежность русского чиновника, как кокарда на фуражке или блестящие пуговицы на мундире. Посылая в Сибирь чиновников, Петроград

тем самым накачивал в Сибири антисемитизм. И это накачивание особенно энергично производилось именно через Иркутск как главный административный центр Восточной Сибири.

Идеи антисемитизма, привозимые в Сибирь, могли бы распространиться и в обществе, если бы...

Если бы 1) в местной *хозяйственной* жизни были элементы соперничества между евреями и не евреями. Если бы 2) основным моментом иркутской *общественной* жизни не была бы с незапамятных времён война общества и администрации...

Идеи антисемитизма не находят благоприятной почвы в Иркутске и Иркутской губернии ещё и потому, что здесь, как в колонизируемой области, царит свободный дух, враждебный суевериям и предрассудкам.

И это понятно.

В городе, население которого составляет из пришлых людей с самым разнообразным прошлым, не могут развиваться настроения консерватизма. Тут люди склонны к радикализму во всех его проявлениях. Более зажиточные, более обеспеченные слои населения таких городов становятся носителями либеральных идей. Но реакционерам взяться здесь неоткуда.

Отсутствие почвы для антисемитизма в Иркутске определяет роль евреев в местной общественной жизни.

Ведь участие евреев в общественной жизни того или другого города теснейшим образом зависит от степени развития в нём антисемитической заразы. Где царит антисемитизм, там общественная деятельность

евреев сводится, главным образом, к защите прав еврейства как такового. Там у евреев складывается своя изолированная общественная жизнь, и общественные деятели евреи становятся *еврейскими* общественными деятелями по преимуществу. Там история еврейской общественной жизни становится мартирологом, историей борьбы на все фронты за право жить и дышать, за право говорить на своём языке.

Иное дело – города и районы, в которых нет места для антисемитизма в обществе.

Здесь евреи выделяют определённые силы и на свои общинные дела, создают свою общественность. Но эта общественность не может поглотить все силы еврейства. И значительная часть общественных деятелей евреев получает возможность работать наравне с культурными работниками других национальностей, не выделяясь, не обособляясь от них.

Таково именно положение в Иркутске.

При выяснении роли евреев в общественной жизни Иркутска необходимо также иметь в виду некоторые черты, вытекающие из отмеченных выше особенностей города как центра колонизации.

Колонии всегда свойственна скудость духовной жизни, так как деловая суета неизменно оттесняет на задний план запросы духа. Это применимо и к Иркутску. Напрасно стали бы мы искать здесь ярких проявлений общественности. Но бедна ли, богата ли общественная жизнь Иркутска, всё же евреи участвуют в ней наравне с представителями других национальных групп населения. И в политической, культурной, духов-

ной жизни города активность евреев не ниже, чем в области хозяйственной.

В силу особых условий русской жизни, к области общественных явлений относится не только то, что делает общество, но также и то, что делают с обществом. Эту сторону общественной жизни нельзя обойти, говоря об евреях. Мы начнём наш обзор положения евреев в общественной жизни Иркутска с очерка отношения к евреям местной администрации. Затем очертим взаимоотношения, существовавшие и существующие в городе между евреями и не евреями. А после этого остановимся на том, что сделано евреями в различных областях местной культурно-общественной жизни.

§ 2. Евреи и иркутская администрация

До 70-х годов, пока число евреев в Иркутске не превышало нескольких сот человек, иркутская администрация ничем не проявляла особого интереса к евреям. По-видимому, господствовавшее среди иркутских властей настроение по отношению к евреям было то самое, какое выражал в своё время Сперанский: общая, ничем не подкреплённая антипатия к еврейству и наряду с этим сознание, что евреи полезны для края, что принимать какие бы то ни было меры против евреев неразумно и несправедливо.

Отдельные, более видные представители еврейского населения в Иркутске пользовались в то время покровительством администрации. Так, Домбровский был в дружественных отношениях со Струве, играв-

шим видную роль в официальных кругах Иркутска при Муравьёве-Амурском. За евреев-ремесленников, мастеров и торговцев иркутскими властями не раз возбуждались ходатайства перед Петербургом. Но евреи вообще, евреи как таковые, и в то время не пользовались симпатиями официальных кругов Иркутска.

Типичным выразителем такого официального, чиновничьего антисемитизма был в начале 70-х годов иркутский генерал-губернатор И.П. Синельников (1871 – 1873 гг.).

Ещё не ступив ногою на землю Сибири, не ознакомившись даже поверхностно с сибирскими делами, Синельников уже наперёд знал, что главное зло вверяемого ему управлению края – евреи. И прежде чем отправиться в Восточную Сибирь, новый генерал-губернатор возбуждает в Петербурге ходатайство об отчислении от должности члена совета Главного управления Восточной Сибири чиновника К., которому он ставит в вину «защиту еврейского элемента». Чиновник К., который, по словам самого Синельникова, «владел пером и даром слова», от должности отчислен не был. И генерал-губернатор выехал в Иркутск под впечатлением этой «интриги».

В Сибири во всех нестроениях местной жизни Синельников видит злобную руку евреев.

В деревне много кабаков... Оказывается, крестьян открывать кабаки вынуждает начальство вместе с кагалом «жидов».

В городе повысились цены на хлеб... Оказывается, и в этом виновны евреи.

На приисках творятся безобразия... Оказывается, и здесь корень зла в «еврейском элементе».

Синельниковым недовольны в Петербурге... Значит, и там действуют еврейские происки и капиталы.

И так – во всём. Генерал-губернатор привёз с собой готовую мерку для оценки всех явлений, для решения всех вопросов. И о всех явлениях местной жизни он судит и доносит в Петербург сообразно этой мерке.

В этом отношении особенно характерна его война с виноторговцами и винозаводчиками. В то время винокурение и скупка хлебных запасов сосредоточивались в руках крупных промышленников, решивших использовать выгоды своего положения для повышения цены на хлеб. В этих недопустимых спекуляциях вместе с миллионерами из числа русских промышленников участвовал также и один еврей – Домбровский. Домбровский был богачом по сравнению с остальными иркутскими евреями, но рядом с промышленниками-миллионерами он казался чуть ли не бедняком.

Из 6 водочных заводов, находившихся в губернии и вырабатывавших 407 040 вёдер спирта ежегодно, ему принадлежал один завод с годовой выработкой 22 000 вёдер. Кроме того, он состоял совладельцем другого более крупного завода, в числе владельцев которого были богачи Базанов и Трапезниковы⁹³.

Тем не менее генерал-губернатор приписал евреям повышение цен, а Домбровского признал «главным

⁹³ См. *Ларионов Д.Д.* Очерк экономической статистики Иркутской губернии. Иркутск, 1870. С. 280 – 284.

эксплуататором». Передают, что, вызвав к себе Домбровского, Синельников потребовал от него, чтобы цены на хлеб были понижены, пригрозив в противном случае в 24 часа повесить его властью, полученной от Государя...

Возможно, что последний рассказ не чужд преувеличений. Но, во всяком случае, за всё время своего генерал-губернаторства Синельников в борьбе с еврейским элементом видел одну из основных задач управления краем и в обоснование этого своего взгляда неизменно приводил историю хлебных спекуляций, с которыми столкнулся в первый год своего пребывания в Иркутске⁹⁴.

Миллионеры – действительные виновники этих спекуляций – остались для него выше подозрений. За всё должны были ответить евреи. И счастье иркутских евреев, что Синельников пробыл на посту генерал-губернатора Восточной Сибири недолго. В 1873 году, после ряда столкновений с министерством, Синельников ушёл на покой.

После его ухода отношение администрации к евреям в Иркутске несколько улучшилось. Остался общий антисемитический дух, но проявления его стали более безобидны.

В 1875 году генерал-губернатор Фредерикс⁹⁵ решил произвести однодневную перепись евреев, проживающих в Иркутске. Зачем именно понадобилась

⁹⁴ См. Записки сенатора И.П. Синельникова // Исторический вестник. 1895. №1 – 7.

⁹⁵ Фредерикс был генерал-губернатором в Иркутске с 1874 по 1880 г.

администрации эта перепись, мы не знаем. Выполнение переписи было возложено на полкового старшину Ларионова, который должен был «записать решительно всех евреев, находящихся в городе во время переписи, оба пола со всеми подробностями их семейного состава».

По окончании переписи официальные «Иркутские губернские ведомости» констатировали, что «евреев в Иркутске не особенно много, но, однако, их оказалось вдвое больше того, что предполагали и сколько считали их сами евреи».

Отчёт об этой первой еврейской переписи в Иркутске показывает, что в это время, в середине 70-х годов, местное еврейство и администрация жили сравнительно в мире и согласии.

В это время, по словам отчёта, в городе было много непрописанных евреев: так, без всяких документов проживали члены семейств осуждённых каторжан и ссыльных, ожидавших отправки в волость. Несмотря на это, перепись не вызвала паники среди евреев. Ни у кого из иркутских евреев в то время не явилось мысли, которая неизбежно бы возникла в наши дни:

– Не к добру эта перепись... как бы не вышло чего? Выселять будут.

Напротив того. Как отмечают «Губернские ведомости», «старейшины евреев и цивилизованный класс еврейского населения весьма сочувственно отнеслись к переписи своей братии (!) и охотно давали указания и советы к успешному выполнению её, сознавая трудность этого дела».

Но отмечая такую лояльность иркутских евреев, автор отчёта о переписи не может удержаться, чтобы попутно не лягнуть евреев вообще – если не сибирских, так хоть российских.

«К чести наших (!) евреев надо сказать, пишет он, что в Иркутске не было ни одного комического (?) случая уклонения от записи – на подобие бывших в западных губерниях Империи, – так же, как упорства (?) или бегства(?)»⁹⁶.

Следовательно, приступая к переписи евреев, чиновники ожидали чего-то комического, нелепого. И не встретив ожидаемого, они не постеснялись поставить это обстоятельство в особую заслугу, в особую честь местных, «наших» иркутских евреев.

Впрочем, это была довольно невинная форма чиновничьего антисемитизма.

В 1881 году по России прокатилась кровавая волна погромов. Впервые был брошен в народ клич: «Бей жидов!». Проповедь антисемитизма приобрела самую опасную, самую вредную форму, – началось натравливание под видом защиты.

Но в Иркутске для открытого натравливания не было почвы. Да и генерал-губернатором Восточной Сибири был в то время Анучин – человек, не склонный к эксцессам⁹⁷.

Управляющий губернией Гарф опубликовал по городу обращение к населению, в котором писал:

«Прискорбные вести о произошедших на юге России столкновениях невежественной толпы с еврей-

⁹⁶ Иркутские губернские ведомости. 1875. №40.

⁹⁷ Анучин был генерал-губернатором с 1880 по 1885 г.

ским населением стали смущать и спокойствие жителей г. Иркутска, а в последнее время было даже два открытых случая подобного смущения.

Да будет ведомо плодящим эти тревожные слухи, что наущение к преступным беспорядкам на юге России – дело лихих людей, врагов нашего Отечества; что Государь Император смотрит на всех своих подданных без различия вероисповедания и племени, что закон одинаково строго покарает виновных в насилии, против кого бы оно употреблено ни было.

А потому приглашаю всех жителей отнестись с презрением к этим безумным толкам, которые только смущают мирных граждан, и не подавать малейшего повода к беспорядкам».

Но за успокоение народных страстей принялось и духовенство. Любопытным памятником таковой его деятельности осталось слово кафедрального протоиерея о. Виноградова «по случаю известий о народном (?) преследовании евреев на юге России».

Текстом для проповеди о. Виноградов избрал слова ап. Павла: «Не побеждён бывай от зла, а побеждай благим злое». Таким образом, говоря перед паствой, не питавшей никаких неприязненных чувств к евреям, проповедник исходит от того положения, что еврейство есть зло, и что весь вопрос в том, как и чем («благим» или «злым») победить его.

Южнорусские погромы (подстроенные, как известно, извне) проповедник изображает как «взрыв народных страстей», как «народное самоуправство». Скорбит о карах, которым подверглись и подвергнутся

участники погромов. Затем начинает защищать евреев. И как защищает!

«Правда, предки наших граждан иудейской веры виновны в величайшем преступлении в наших глазах: они распяли нашего Господа и Спасителя; они совершил Богоубийство. Но разве справедливо мстить детям за грехи их отцов?»

Дальше ещё лучше:

«Христианин, мстящий своему врагу, бесчестит имя христианина»... То есть иными словами: еврей твой враг, но не мсти ему.

И как трогательно оплакивает проповедник страдания «народа», устроившего погром, как кротко, любовно усовещает его!

«Тяжело нам стало жить от евреев, говорил народ. Пусть так, пусть сограждане наши иудейской веры и виновны были в разных притеснениях народа»...

«И что пользы в подобных бесчинствах народа? — вопрошает протоиерей. — Ничего, кроме вреда». Почему так? А вот почему: «Тысячи граждан иудейской веры остались теперь после народного (?) погрома без пищи и одежды и средств к жизни. Их нужно правительству одеть и накормить».

И вот проповедник, обращаясь к слушателям, привыкшим не делать различия между русским и евреев, приглашает их пожалеть... правительство.

«Подумал ли (православный народ) о том, что может сделать правительство со своими гражданами иудейской веры? Удалить их, но куда? Их целые миллионы в пределах юго-западной России. Нет государства,

которое согласилось бы принять их, нет пустынной области в России, которая могла бы всех их вместить и прокормить».

Призывая слушателей к образованию, трудолюбию, честности, проповедник говорит далее:

«При образовании ты не дашься легко в обман другому, при трудолюбии тебе не будет нужды прибегать к тяжёлой часто помощи граждан иудейской веры, своей честностью ты заставишь честно вести дела всех, тебя окружающих... Тогда не будут опасны и страшны для тебя никакие обманы злых людей».

Мы привели длинные выписки из этой проповеди о. Виноградова, так как видим в ней не случайные риторические упражнения случайного батюшки, а нечто большее. Эта проповедь была впоследствии отпечатана в губернской типографии в виде особого листка и широко распространялась в городе. И пройти молча мимо этого документа представляется нам невозможным. Ведь в чём смысл и значение его?

Только что в 6000 верстах от Иркутска произошли погромы. Были вызваны они извне, но затем им постарались придать видимость стихийного взрыва народных страстей. И вот в Иркутске, где нет розни между евреями и христианами, где нет даже почвы для такой розни, в Иркутске с церковного амвона бросают в народ поучение:

Евреи твои враги!

Евреи эксплуатируют, обирают, обманывают тебя!

Евреи Христа распяли!

Это должно было производить впечатление на слушателей. А кроткие увещания не устраивать погрома

были бесполезны, так как и без них никакого погрома в Иркутске не произошло бы.

Так в начале 80-х годов насаждался антисемитизм в Иркутске людьми, призывающими к любви и миру.

80-е годы ознаменовались вообще ухудшением отношений иркутской администрации и евреев. Начались толки о высылках. Такие разговоры пошли вскоре после приезда в Иркутск генерал-губернатора графа Игнатьева⁹⁸.

Впервые полиция назначила к высылке из Иркутска одного еврея в 1885 году. Обрушилась эта кара на лесопромышленника Гершевича, издавна проживавшего в Иркутске, приписанного к иногороднему мещанскому обществу. И поводом в высылке его явилось совершенно случайное обстоятельство, – частная ссора, в которую вмешался полицейский чиновник, имевший касательство к выдаче паспортов. Когда Гершевич обратился в полицию, чтобы взять отсрочку по паспорту, чиновник сделал на его документе пометку, что такой-то не имеет права жительства в Иркутске и должен немедленно выехать из города. Основывалась эта пометка на 30 ст. Устава о паспортах.

Иркутские евреи, узнавшие об этом случае, сперва не склонны были придавать происшествию серьёзное значение. Но потом, сопоставляя данный инцидент с тем, что происходило в то время в России, поняли, что это – первая ласточка гонений, и насторожились.

⁹⁸ Граф Игнатьев был генерал-губернатором с 1885 по 1889 г.

Распоряжение полиции было обжаловано в губернское правление. Но там председательствовал в то время Давыдов, пользовавшийся в городе репутацией крайнего антисемита. Губернское правление нашло решение полицейского чиновника правильным: Гершевичу было предписано выехать из Иркутска.

Самое худое в этом решении губернского правления было то, что оно отдавало добрую половину иркутских евреев в руки полицейского произвола. В Иркутске в то время жили сотни евреев, приписанных к иногородним мещанским обществам. Отныне любого из них полиция могла выслать на таком же основании, как Гершевича. А между тем у многих в городе были дела, иные владели недвижимостью.

Над сотнями семейств навис призрак разорения. И случилось это не потому, что появился новый закон, изменивший правовое положение сибирских евреев. Случилось это потому, что полицейский чиновник поссорился с евреем Гершевичем, а во главе губернского правления оказался человек с антисемитическими взглядами...

Евреи отправили к генерал-губернатору графу Игнатьеву депутацию просить его защиты и заступничества.

Граф Игнатьев принял депутатов, прочёл их прошение, выслушал объяснения и заявил:

— Я даю вам честное слово, что всё сделаю.

Депутатам оставалось только ответить, что они не могут не верить графскому слову.

Но граф Игнатьев сдержал слово довольно своеобразно. При нём полиция не оставляла иркутских ев-

реев в покое. Непрерывно происходили конфликты, недоразумения, объяснения, которые улаживались чаще всего так, как принято в России улаживать недоразумения между полицией и обывателем...

Но Игнатьев не был ещё наиболее ярким представителем административного антисемитизма в Иркутске. Он явился здесь лишь скромным предтечей Горемыкина.

Иркутский генерал-губернатор Горемыкин (1889 – 1900 гг.) памятен местным евреям. И память о нём не стёрлась даже теперь, после генерала Селиванова.

Основным пунктом административной программы Горемыкина был антисемитизм. И этот пункт своей программы он проводил последовательно и энергично повсюду, где только мог. Но хуже всего было то, что образчиком гражданской доблести и административной мудрости Горемыкин избрал себе Синельникова. К этому источнику обращался он при всех затруднительных случаях, к этому источнику направлял он и своих подчинённых. При нём синельниковские всеподданнейшие доклады, проникнутые нескрываемой ненавистью к евреям, сделались для иркутской администрации своего рода библией.

И это получило своё отражение в местной административной практике.

При Горемыкине полиция знала, что притеснение евреев всегда будет оценено, как служебное усердие. Можно было усердствовать вовсю. На этой почве развилось лихоимство, установились нравы, характерные для западного края.

В первую голову подверглись стеснениям иногородние евреи, проживавшие в Иркутске. Но немало неприятностей пришлось перенести и тем евреям, которые были приписаны к мещанскому и купеческому обществам Иркутска⁹⁹.

При Горемыкине иркутская администрация возбудила перед Петербургским правительством ряд принципиальных вопросов о праве жительства определённых категорий евреев. При Горемыкине широко пошло в оборот в местной жизни понятие «прочное домообзаводство», в зависимости от которого полиция ставила выселение еврея или его оставление в городе¹⁰⁰.

Иркутские евреи вздохнули свободно лишь тогда, когда на генерал-губернаторском посту Горемыкина сменил Пантелеев (1900 – 1904 гг.).

⁹⁹ В это время жестоким гонениям подверглись и евреи, проживавшие вне города в различных частях Иркутской губернии. Полиция занялась перетасовкой их по месту приписки. О том, с какой энергией производилась эта перетасовка, можно судить хотя бы по следующим примерам. Полиция арестовала шамеса черемховской синагоги и переслала его в Усть-Уду. Там же, в Черемхове, схватили еврея Бенциина, имевшего собственный дом и баню, и повезли его в Балаганск. В тюрьме несчастный помешался. Тогда его отправили этапом в Томск, где он и умер в тюремной больнице, – довольно жестокая кара за то, что человек завёл дом и баню в 80 верстах от места приписки! Но при Горемыкине выселяли «мерами полиции» даже за выезд из черты приписки на... полверсты. Так в феврале 1897 г. была выселена из Малышовки семья балаганского купца Цыбулевского: не дав даже времени для сборов, женщину и её детей (9 человек) вытащили из избы, посадили на лошадей, перевезли по льду через Ангару и выбросили на берегу. Случай, который заслуживает особого внимания потому, что Малышовка, где жила семья Цыбулевского, отстоит от Балаганска, куда её выселили, на 200 – 300 саженей.

¹⁰⁰ См. главу I, § 6.

Но Пантелеев продержался на своём посту недолго. В 1904 году в Иркутск был назначен Кутайсов.

Его приезду в городе предшествовали мрачные для евреев слухи. Говорили, что новый генерал-губернатор ненавидит евреев, что в смысле антисемитизма он идёт дальше Горемыкина, являясь верным единомышленником всесильного В.К. Плеве.

Вскоре после вступления графа Кутайсова в отправ-ление генерал-губернаторских обязанностей, среди иркутских евреев пронёсся ещё более тревожный слух. Передавали, что будто на запрос правителя канцелярии как относиться к евреям, начальник края приказал лаконично:

— Евреев — давить!

Все эти слухи произвели на местных евреев столь гнетущее впечатление, что община, вопреки традиции, решила не принимать участия во встрече нового генерал-губернатора и не послала обычной депутации представляться ему.

Одной из первых мер, предпринятых графом Кутайсовым во вступлении его в управление иркутским генерал-губернаторством, было издание циркуляра, воспрещавшего евреям именовать себя в прошениях и других официальных бумагах, а также на вывесках христианскими именами. Нечего говорить, что эта мера не способствовала росту популярности нового начальника края.

Симпатиями общества пользовался в то время иркутский губернатор Моллериус, вступивший в управление губернией ещё при Горемыкине. И местные евреи

всячески старались по всем делам обращаться к Молериусу, минуя грозного генерал-губернатора.

Когда пришло время устраивать традиционный еврейский благотворительный вечер, организаторы его нашли бесполезным возбуждать перед графом Кутайсовым вопрос о разрешении. Выждали, когда генерал-губернатор выехал из города на ознакомление с вверенным его управлению краем, и устроили вечер с танцами в его отсутствие.

Характерно, что в первые месяцы управления Кутайсова так же недоверчиво относилось к нему почти всё иркутское общество. Но позже отношения смягчились.

Трагически закончилась карьера министра внутренних дел В.К. Плеве. Началось политическое оживление в стране. Заговорили о «доверии» к местным силам. Пахнуло весной. Администраторы на окраинах усвоили новую тактику – не раздражать населения. И граф Кутайсов подпал под это настроение. Он ничем больше не проявлял своих «крайних» взглядов.

В чествовании графа Кутайсова по поводу 50-летия его пребывания в офицерских чинах, наряду с другими депутациями, участвовала и депутация от еврейской общины. Генерал-губернатор, всего год перед тем приказывавший, по слухам, «давить евреев», благодарил еврейскую депутацию за приветствие.

Изменилось в это время и отношение к евреям со стороны низшей администрации. Преследования евреев прекратились. Да и не до того было полиции и местным властям: начинался 1905 год.

В тревожные дни подъёма граф Кутайсов старался лавировать между подводными камнями так, чтобы избежать больших потрясений в городе. Задача, которая особенно усложнялась тем, что генерал-губернатор, как и все администраторы в то время, находился под действием противоположных влияний.

От него требовали поддержания порядка. Но от него же требовали и устройства погрома...

Граф Кутайсов лично погромной деятельностью себя не запятнал. Правда, у него не было ни решительности, ни силы, чтобы призвать к порядку тех чинов подвластной ему администрации, которые старалась в то время организовать хулиганов и натравить их на евреев и интеллигенцию. Но с другой стороны, он не допустил расстрела толпы войсками. А хулиганы так и не добились его согласия на погром. Наконец, не мешая желающим организовать хулиганов, Кутайсов не мешал общественным кругам Иркутска принимать меры предосторожности против погрома – организовать самооборону.

Некоторые члены официального мира Иркутска в это время распространяли в городе черносотенные воззвания. Были предпринимаемы и определённые шаги к устройству погрома.

Так, был назначен еврейский погром на ночь с 19 на 20 октября. Погром решили начать с Рабочей Слободки. Местом сбора для хулиганов назначили площадь Казанского собора. Из собора предполагалось вынести царский портрет и хоругви, и под звуки военного оркестра толпа должна была двинуться к ближайшим

еврейским домам. Погром готовился настолько открыто, что представители местной чёрной сотни прямо обращались к некоторым промышленникам с просьбой отпустить раньше рабочих и служащих, а то, дескать, они на погром не успеют...

Уверяли, что и от высшего начальства было получено разрешение бить жидов. Но в решительный момент граф Кутайсов не оправдал надежд чёрной сотни.

Он не решился дать сигнал к началу кровопролития. Погром не состоялся.

Весь ноябрь 1905 года прошёл в толках о погромах.

3 ноября генерал-губернатор опубликовал успокоительное объявление, в котором категорически заявил, что бесчинства допущены им не будут. Но слухи не прекращались. И под влиянием их городская дума приняла 17 ноября постановление о создании городской самообороны и о желательности заменить городскую полицию гражданской милицией. Иркутский губернатор, основываясь на полученных из Петрограда предписаниях, опротестовал это постановление¹⁰¹.

Смятение увеличилось: создалось впечатление, будто администрация хочет оставить горожан неподготовленными, беззащитными перед лицом опасности.

Иркутские черносотенцы не теряли энергии. Продолжали поговаривать о погроме, придумывали более удобные и легче осуществимые формы для него. И остановились, в конце концов, на повторении Варфоломеевской ночи. Задумали ночью ударить в набат со

¹⁰¹ Иркутские губернские ведомости. 1915. 24 ноября.

всех иркутских церквей и, воспользовавшись смятением, произвести резню евреев, интеллигентов и вообще крамольников¹⁰².

И на этот раз граф Кутайсов оказался противником безумного плана. Этот план встретил противодействие и со стороны архиепископа Тихона.

Вот что рассказал об отношении архиепископа Тихона к погрому депутат от духовенства протоиерей Фивейский, когда в Иркутской городской думе был поднят вопрос об увековечивании памяти архиепископа:

«В одну из декабрьских ночей бурного 1905 г. группу местных лиц было задумано устроить в городе погром. Представители группы явились к архиепископу с ходатайством о разрешении им ударить в 2 часа ночи в набат с колоколен местных храмов. По звукам набата и должен был начаться погром. Покойный владыка категорически воспрепятствовал этому злему умыслу и не только отказал в разрешении ударить в набат, но и обратился к делегатам со словами увещевания, убедив их оставить свою затею, мирно разойтись по своим домам и лечь спать. Таким образом, единственно лишь благодаря усилиям покойного и его личному почину, было предотвращено злое дело, которое причинило бы городу сотни тысячные убытки, стоило бы множества человеческих жертв и покрыло бы Иркутск позорным пятном на многие годы»¹⁰³.

¹⁰² Об этом плане упоминает В.Л. Попов в письме в №4227 «Иркутских губернских ведомостей» (14 декабря 1905 г.).

¹⁰³ Известия Иркутской городской думы. Т. II. №13 – 14. С. 31.

Конечно, не только личному почину архиепископа обязан Иркутск избавлением от погромов. Но этот рассказ интересен и как характеристика Тихона, и как характеристика настроений 1905 года.

Странно ставить в заслугу людям то обстоятельство, что они были противниками погромов. Но бывают эпохи, когда и такая заслуга выделяет людей, даёт им право на благодарность со стороны общества.

За эту заслугу иркутское общество простило графу Кутайсову эксцессы первых месяцев его генерал-губернаторства. Когда в конце 1905 года он покинул пост генерал-губернатора, его проводили не поминая лихом.

Временные военные генерал-губернаторы, сменявшиеся один за другим в Иркутске после графа Кутайсова, были озабочены борьбой с крамоллой в городе. У них не было времени проявить свою энергию в разрешении еврейского вопроса. Только временному генерал-губернатору Алексееву пришлось снова столкнуться со слухами о погромах и выяснить своё отношение к этому методу внутренней политики.

Весной 1906 года, перед еврейской пасхой, по всей России ожидали погромов. Министерство предписало губернаторам и генерал-губернаторам успокоить евреев, внушить им, что все меры против погромов приняты, и что никаких бесчинств и насилий допущено не будет.

Исполняя это предписание, Алексеев вызвал к себе раввина С.Х. Бейлина и рассказал ему, что он лично проверил слухи, которые распускаются в городе с провокационными погромными целями, убедился во вздорности этих слухов и принял все меры против погромной агитации.

Раввин, поблагодарив генерал-губернатора, заметил, что вся история еврейских погромов с несомненностью доказывает одно: погромы возникают там, где этого желает начальство, и не возникают там, где их не устраивают извне. На это Алексеев поспешил заверить представителя еврейской общины:

– Я не желаю погромов и никогда не желал их.

Время было такое, что на заявление администратора о нежелании погромов (то есть грабежей и убийств) приходилось смотреть, как на выражение либерализма, как на проявление гражданского мужества.

В заключение беседы с раввином начальник края пожелал узнать, почему так высок процент евреев среди лиц, арестованных незадолго перед тем на сходке. С.Х. Бейлин в ответ указал ему на все ограничения, оскорбления и обиды, которым подвергаются евреи и которые способствуют развитию оппозиционных настроений среди евреев, в особенности – среди еврейской молодёжи.

Выслушав эти соображения, Алексеев обещал «принять их к сведению».

Но принять их к сведению ему не пришлось. Вскоре Алексеев покинул пост временного генерал-губернатора. В Иркутск прибыл генерал Селиванов.

Своё административное образование генерал закончил в западном крае, и оттуда вывез он самый бесшабашный антисемитизм. Позже, на Дальнем Востоке ему пришлось подвергнуться покушению. Соответственным образом настроенное воображение генерала приписало это покушение проискам евреев. И Селиванов, ко време-

ни своего назначения в Иркутск, готов был в каждом еврее видеть личного врага.

Новый генерал-губернатор ни от кого не скрывал своей задачи «искоренить» евреев в Иркутске. Вообще, это был фанатик искоренений. «Искоренение» евреев было для него лишь первым пунктом программы-минимум...

Вскоре после того, как в руки Селиванова перешли бразды правления иркутского генерал-губернаторства, по городу было опубликовано следующее:

Объявление от иркутского полицмейстера

«Ввиду имеющих фактических данных, доказывающих проживание в Иркутске многих евреев без законных к тому оснований, предлагается всем находящимся в Иркутске инородцам-евреям в месячный срок предъявить имеющиеся у них на право проживания в Иркутске разрешения, в соответственную по жительству каждого из них полицейскую часть, для регистрации такого разрешения. Евреям, не имеющим по закону или по особым разрешениям права жительства в Иркутске, предлагается в течение того же срока выдвориться из города во избежание выселения мерами полиции».

Это объявление породило панику среди евреев. Ясно было, что при предъявлении в полицию разрешений и при ссылке на закон, все разрешения, все законы подвергнутся административно-полицейскому разъяснению. Сотням семейств, тысячам евреев приходилось

увязывать пожитки, подыматься с насиженных мест и убираться из города...

На этот раз высылки предполагались не по кустарному методу игнатьевских и горемыкинских времён, когда полиция привязывалась то к тому, то к другому обывателю. Теперь дело было поставлено на широкую ногу: все назначены к высылке, и каждому предложено в отдельности доказывать своё право оставаться в городе. Ближайшим исполнителем «искоренительной» программы Селиванова должен был выступить иркутский губернатор Гран, не уступавший генерал-губернатору в ненависти к евреям.

Община послала к генералу Селиванову депутацию в составе раввина С.Х. Бейлина, Я.Д. Фризера, И.С. Дубникова. Депутация должна была пояснить генерал-губернатору жестокость и неосновательность его распоряжения и убедить его переложить гнев на милость.

Начальник края принял евреев, окружённый телохранителями: по-видимому, он опасался, как бы под видом депутатов общины к нему не проникли заговорщики-террористы.

Выслушав депутатов, Селиванов ответил им кратко:

– Зачем вы лезете? Вы знаете основной закон: евреям въезд в Сибирь воспрещается. И всё же лезете. В Иркутске слишком много евреев. Буду выселять.

В ответ на это еврейская депутация начала доказывать генералу, что высылки евреев разорят общину. Указывали на труды, положенные еврейским обществом на создание училища. Всё это генерал-губернатор выслушал молча. Но когда депутаты заговорили о том,

что за последние годы, во время войны и революции, на евреев обрушилось слишком много бед, что тысячи евреев рассчитывали хоть теперь оправиться от разорения, иметь кусок хлеба, генерал снова возвысил голос.

— Зачем вы лезете? Хотели воспользоваться тем, что за вами не следили? Но когда хлеб лежит на столе, а хозяин отвернулся, разве можно хватать его руками?

Депутация снова заговорила о нищете, выгнавшей евреев из мест приписки, заставившей их искать заработка в городе. Селиванов перебил эти речи:

— Знаю. Видел.

И опять повторил свою фразу о хлебе... Затем, смирившись, он заявил, что согласен дать выселяемым евреям время на ликвидацию дел и на сборы.

— Даю вам на сборы по месяцу за год, прожитый в Иркутске, — сказал он. — А поселенцев из дальних мест оставляю здесь до начала навигации.

Так и ушла еврейская депутация от генерала Селиванова, ничего большего не добившись.

Но вопрос был слишком серьёзен. Взгляд администратора-антисемита, вообразившего, что вверенный его попечениям край подобен лежащему на столе хлебу, грозил слишком тяжёлыми последствиями...

Местные еврейские деятели обратились к юристам. В несколько дней была составлена докладная записка, выяснившая юридическую несостоятельность предпринимаемой Селивановым «чистки» города от евреев.

Докладная записка была вручена генерал-губернатору, а сокращённая копия с неё была по телеграфу отправлена в Петербург министру внутренних дел Столыпину.

На генерал-губернатора юридические доводы записки произвели слабое впечатление. Гораздо сильнее заинтересовал его полученный им анонимный донос.

Этот донос настолько ярко характеризует описываемую эпоху, настолько ярко вскрывает, от каких случайностей может зависеть судьба евреев, что необходимо упомянуть об этой трагикомической истории.

Донос, переполошивший генерал-губернатора, был составлен в форме прошения, но не простого прошения, а коллективного ходатайства 281 еврея. Только по странной случайности под этим ходатайством не было ни одной подписи, так что оставалось тайной, кто эти 281 еврей.

Просители заявили генерал-губернатору, что все они, отправляясь из России в Иркутск, были твёрдо уверены, что из Иркутска их не погонят. Такая уверенность просителей имела под собой веские основания. Евреям в западном крае доподлинно известно, что иркутский раввин вместе с одним из местных коммерсантов, председателем правления синагоги, дважды в год делают обход евреев и собирают с них деньги для подкупа иркутского генерал-губернатора. С этой целью ими и теперь собрано 1500 рублей для вручения начальнику края. Только на основании этих достоверных сведений просители бросили свои старые гнёзда, ликвидировали дела, распродали скарб и приехали в Иркутск. Теперь же выясняется, что раввин собранных денег администрации не передал, и полиция приступает к массовым высылкам. Таким образом, просители попали из огня да в полымя. И потому они наде-

ются, что генерал-губернатор войдёт в их бедственное положение и приостановит высылку.

Подписей под этой бумагой, как мы уже упоминали, не было.

Но таково было умонастроение генерала Селиванова, что он принял всерьёз это безграмотное бормотание и поспешил произвести расследование.

С этой целью вызвал он к себе членов депутации, ходатайствовавшей незадолго перед этим о приостановке высылки евреев.

Депутаты поспешили в генерал-губернаторский дворец в уверенности, что они услышат наконец ответ на своё ходатайство. Эта уверенность укреплялась в них тем, что за три дня перед этим в городе было получено телеграфное распоряжение Столыпина о приостановке высылки, с опубликованием которого администрация почему-то медлила. Но велико было изумление еврейской депутации, когда начальник края вручил им прошение-донос и потребовал объяснений.

Депутаты объяснили ему, что приведённый документ является либо злостным клеветническим доносом, либо мистификацией. Тогда генерал стал настаивать, чтобы ему назвали автора этого доноса. Нечего говорить, что депутаты не могли исполнить это требование. Один из членов депутации высказал лишь догадку, что донос писан в кругах, примыкающих к Русскому собранию, человеком, стоящим весьма далеко от еврейских дел.

Понял ли генерал, что смешно возиться с анонимным доносом, или в голове его созрел новый план расследования, — но он отпустил депутатов с миром.

Спустя несколько дней в Иркутске был опубликован циркуляр Столыпина (знаменитый циркуляр 22 мая 1907 года), временно разрешивший вопрос о праве жительства в городе для значительной части евреев. Этот циркуляр, распространявшийся на всю Россию, как мы знаем, предписывал губернаторам «приостановить, впредь до пересмотра в законодательном порядке общего вопроса о праве жительства евреев, выселение всех тех из числа поселившихся до 1 августа 1906 г. в местностях, где им жительство воспрещено, кои 1) или поселились в названных местах на законном основании, но засим утратили это право; 2) или имеют семью и домообзаводство»¹⁰⁴.

Селиванову пришлось оставить мысль о массовом выселении евреев из города. Но столыпинский циркуляр оставлял довольно простора для изобретательности антисемитической фантазии. Непременным условием применения к евреям льготы, допущенной циркуляром, Столыпин, как мы знаем, установил «уверенность административной власти в том, что еврей, оставляемый на жительство в местности, ему запрещённой, не вреден для общественного порядка и не вызывает неудовольствия со стороны населения, среди которого он проживает».

И достаточно было, чтобы у генерала Селиванова или у ближайших помощников его поколебалась эта уверенность относительно того или иного из проживавших в городе евреев, и этому еврею грозила не-

¹⁰⁴ См. главу I, § 7.

медленная высылка. А какие были гарантии у еврея, что у местной администрации не исчезнет завтра или послезавтра уверенность в том, что он «не вызывает недовольствия» среди соседей?

Иркутская черносотенная газетка «Сибиряк» открыла, например, кампанию против местного купца Шнейдермана. Истинной причиной кампании было личное столкновение, происшедшее у Шнейдермана с одним типом, который в 1905 году был просто хулиганом, а в 1907 году оказался сотрудником «Сибиряка». Этот господин напечатал в своей газетке про Шнейдермана, будто тот уволил двух рабочих за подписание верно-подданнической телеграммы и не выдал им заработанных денег.

Генерал-губернатор, прочитав эту заметку, основываясь на столыпинском циркуляре, вызвал к себе Шнейдермана и велел ему оправдаться в 24 часа, под угрозой самых невероятных кар. Шнейдерман отделался легко только потому, что имел возможность выставить свидетелями своих русских служащих и рабочих.

Основываясь на том же циркуляре Столыпина, Селиванов организовал слежку за прибывающими из России евреями. Эта слежка постепенно развивалась, совершенствовалась и достигла апогея в 1909 – 1910 годах. В это время в Иркутске разыгрывались сцены, живо напоминающие киевские «облавы»...

На станции Иннокентьевской, в 7 верстах от Иркутска, был устроен специальный антиеврейский кордон. Полиция обшаривала приехавшие с запада поезда, искала евреев. У пассажиров, похожих (по виду) на

евреев, спрашивали паспорта. На еврейские паспорта накладывали особую печать: «Въезд в Иркутск воспрещён». Задерживали евреев на вокзале, на улице. Проверяли еврейские документы на частных квартирах.

В эту травлю пытались втянуть и обывателей: им грозили высокие штрафы за проживание у них без прописки, – и под эти штрафы в первую голову должны были попасть обыватели, которые оказали бы приют иногороднему еврею, не имеющему возможности прописаться в городе.

Конечно, все эти преследования, обрушившиеся на иркутских евреев, были отражением определённых реакционных течений, шедших из Петербурга. Но в этих преследованиях слепая ненависть Селиванова к евреям играла не меньшую роль, чем волевые импульсы Столыпина.

В конце 1907 года Селиванов задумал внести большую планомерность в дело выселения евреев из Иркутска и решил привлечь к этому делу раввина. Вызвав к себе раввина С.Х. Бейлина, он сказал ему:

– Вы знаете, что в Иркутске много евреев. А по основному закону евреям въезд в Сибирь не разрешён. Дайте мне точный список евреев, проживающих в городе!

Раввин ответил:

– Таких сведений в моём распоряжении не имеется. Я знаю только своих прихожан. Но многие числятся в нашем приходе, а живут вне Иркутска – в Черемхове, Баргузине и даже Петербурге. С другой стороны, не все иркутские евреи посещают синагогу. Я могу сообщить

вам число рождений, браков, смертей среди иркутских евреев. Но всех евреев в городе я не знаю.

Генерал рассердился и закричал:

– Я вам не верю. Что неизвестно генерал-губернатору, известно раввину. Даю вам две недели. В этот срок вы должны составить мне полный поимённый список евреев, проживающих в городе.

Сознавая всю незаконность требования Селиванова, раввин всё же попытался исполнить его приказание и составить для него список евреев. За основание он принял список прихожан, имеющих места в молитвенном доме. Пополнив этот список именами евреев-избирателей в Государственную думу, раввин получил перечень из 604 лиц. Этих лиц он принял условно за главы соответствующего числа еврейских семейств. Прибавив сюда число лиц, пользующихся материальной помощью от общины, не вошедших в счёт первых групп, он определил приблизительное число евреев в Иркутске в 1000 семейств, или 5000 душ. Ту же цифру давал подсчёт евреев, принимающих участие в общественной праздничной молитве.

Список евреев, представленный раввином, не удовлетворил генерал-губернатора.

Несмотря на повторные заявления раввина, что полицейская регистрация и перепись населения не входят в круг его функций, что на нём лежат лишь религиозно-общественные обязанности, генерал предъявил раввину категорическое, ультимативное требование: в 10-дневный срок представить ему новый список, в котором были бы поименованы все иркутские евреи,

без всяких пропусков. «Если новый список будет неполный, заявил генерал-губернатор раввину, я войду в министерство с представлением об отрешении вас от должности и высылке из пределов моего генерал-губернаторства».

Никаких иных источников, кроме использованных при составлении списка из 604 имён, в распоряжении раввина не было. Самое требование Селиванова представлялось ему по-прежнему явно незаконным. Но послушаться было слишком опасно.

И вот раввин переписывает свой старый список сызнова на более плотную бумагу и вторично представляет его генерал-губернатору с мотивированной запиской.

Записка не убедила Селиванова и не удовлетворила его. Но выслать раввина ему не хотелось. Вернее всего, не хотелось потому, что дело неизбежно дошло бы до Петрограда, а там повод высылки мог бы представить генерал-губернатора в странном виде. Генералу бы указали, что он сам, через полицию, должен знать, сколько евреев проживает у него в городе; что неуместно обращаться за подобными справками к раввину. Да и сама предпосылка, из которой исходил Селиванов, «что неизвестно генерал-губернатору, известно раввину», могла вызвать недоумение.

Впрочем, может быть, здесь действовали и иные соображения. Во всяком случае, Селиванов не привёл в исполнение своей угрозы о высылке раввина. Удовлетворился тем, что предложил ему «добровольно» отказаться от должности.

С.Х. Бейлин этого предложения не принял.

Тогда Селиванов на время оставил его в покое и принялся за прихожан. В это время в городе образовалась особая профессия доносчиков, промышлявших специально на еврейском бесправии. Эти доносчики собирали справки о проживающих в Иркутске евреях, разнюхивали, разведывали – и, получив нужные сведения, сообщали в полицию. А чаще, вместо донесения в полицию, они просто шантажировали евреев, боявшихся высылки, и брали с них деньги за молчание.

При Селиванове за 4 года было выселено из Иркутска не меньше 300 семейств, или около полутора тысяч душ евреев.

Перед самой своей отставкой Селиванов снова вспомнил о раввине С.Х. Бейлине. Отказавшись утвердить его выборы, он предложил ему в месячный срок покинуть город. Прошение раввина об отмене этой кары генерал оставил без последствий. И раввину пришлось бы оставить город, если бы как раз в это время не пришла телеграмма об отставке Селиванова и о назначении на его место Л.М. Князева¹⁰⁵.

¹⁰⁵ Приведённые чёточки не дают полной картины эпохи Селиванова в Иркутске. Всё правление Селиванова было войной его с местным обществом. Война с иркутскими евреями была лишь наиболее ярким эпизодом его войны с иркутскими жителями вообще. И в самых различных слоях общества генерал оставил по себе такую же точно память, как среди еврейской группы населения.

С уходом Селиванова официально-административный антисемитизм в Иркутске на время сошёл со сцены. Осталось в силе бесправие, созданное сенатскими разъяснениями и циркулярами последних лет. Но прекратилась травля евреев ради травли, питаемая не предписаниями из центра, а личным недоброжелательством.

Только в самое последнее время, в 1913 году, в разгар националистической свистопляски по всей России, официальный антисемитизм отчасти поднял голову и в Иркутске.

Началось натравливание на евреев населения на почве легенды о ритуальных убийствах. Кульминационной точки достигло это натравливание в разгар дела Бейлиса. Была произнесена проповедь, переполошившая местное сообщество.

Ввиду значительного интереса, представляемого проповедью, мы приведём её почти полностью.

«Вспомним жизнь Иосифа и его братьев. Десять кровожадных евреев возненавидели одного и кого: своего брата. Они хотели его бесчеловечно умертвить только за то, что он лучше их, за то, что он шёл путём праведности. Если своя кровь, кровь еврея и брата, не могла остановить их от зверского поступка, то как бы поступили эти изверги с человеком чужого и ненавистного племени, каковым, например, является человек христианского племени в отношении к поганому племени жидовскому».

От библейской истории Иосифа проповедник перешёл к киевскому процессу.

«Сейчас в Киеве разбирается на суде ужасное злодеяние, содеянное жидами – там пролита христианская кровь... На защиту этого злодеяния поднята вся жидовская печать, вся, так называемая, мыслящая часть общества, эти приспешники жидовства и его присные, все они всеми силами силятся изгладить и затенить это изуверство. Защитникам Бейлиса шлют телеграммы медные лбы, железные затылки и недоучившиеся студенты. Все кричат о якобы некультурности и темноте нашего народа, силятся доказать, что есть только преступление, но нет преступников и не участвует в этом деле еврейство. А между тем чистая кровь мученика выжата по каплям... Нужно ли было преступнику обескровливать свою жертву и наколоть на шее тринадцать ран?»

Характеризовав таким образом дело Бейлиса и отношение к нему интеллигенции, проповедник перешёл к более общему вопросу – о евреях вообще, и о совершаемых евреями зверствах в частности.

«Евреи не стесняются никакими средствами для того, чтобы одолеть тех, кого они считают врагом; так было в прежнее время, когда они, нападая на своих врагов, избивали их целыми племенами, так и теперь, после Христа, когда их неодолимая злоба к христианам перешла уже всякие границы. Напрасно стараются доказать, что это бесовское племя теперь не употребляет крови в своих религиозных обрядах. Кровавый обряд обрезания говорит за это, и множество других...».

«Жидов обыкновенно привыкли считать учителями, гениями, между тем ни одним из этого обречённого племени не создано ни одной положительной науки. В

нашем мире всё разделено на науки: математика, геометрия, военная наука, электротехника, история, это всё науки, созданные человечеством, и между тем ни в одной из них активно не участвует еврейство. Например, математика? Она началась у арабов и завершили её французы, а жидаы, хотя и бойки в счёте и разных нечистых спекуляциях, но между тем в создании науки о математике ни прямо, ни косвенно не участвовали. И так во всём».

«Что касается религии, тот тут еврейство развернулось во всю ширь, коварство и силу. Ни одной нет на земле религии, в которую бы это нечистое племя не внесло свою мутную струю: будь то христианство, магометанство или какая иная религия. Ко всякой религии жидаы высказывают свою дьявольскую нетерпимость и злобу, и особенно к христианству, которое вышло из еврейства же, и которое они отвергли».

«Жидаы в киевском, этом вопиющем к небу деле, желают прикрыться гуманизмом: что-де допытываться, кто убил да с какой целью; убит, так слава и Богу, на земле, мол, страдать перестал. Бога де нет совсем, а человек жил да убит, вот и всё...»

«Православные, бойтесь закваски жидовской; мир окутан и отравлен разложением богомерзким. В мире есть две силы: христианская и жидовская, одна – путь к спасению, другая – к гибели. Вот мы сейчас предстоим пред лицом Бога в сём великолепном и святом храме. Кто его создал? Его создал один благочестивый купец... Он любил Бога, и он создал ему храм – это христианское мирозерцание, а был бы

он жидовского мирозозерцания, он бы эти деньги отдал на поганую жидовскую синагогу или построил какое-нибудь увеселительное заведение и, в лучшем случае, прокутил бы их в вертепах Лондона и Парижа, содержимых теми же поганцами».

Этим призывом закончилась проповедь...

Эта речь явилась сигналом. Сразу после неё начались в различных учебных заведениях Иркутска «беседы» учителей с учащимися. Детям старались внушить, что евреи их враги, что евреи употребляют в своих обрядах христианскую кровь, что в Киеве евреи замучили христианского мальчика.

Ученикам евреям пришлось пережить благодаря этой агитации немало тяжёлых минут, – в школах начались между детьми ссоры и даже драки. Но националистическая травля в школах вызвала единодушное негодование в самых разнообразных кругах иркутского общества. Может быть, благодаря этому, вскоре прекратились проповеди на политические темы, а законоучители перестали беседовать с учащимися о ритуальных убийствах.

Описанное выступление – последний по времени эпизод из истории официального антисемитизма в Иркутске. Но нет оснований для уверенности, что этим закончилось навсегда накачивание антисемитических настроений в городское население¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Справедливость требует отметить, что над насаждением антисемитизма работают в Иркутске представители очень различных ведомств. Вносит свою лепту в это дело даже министерство путей сообщения. Проявление «путейского» антисемитизма можно видеть в § 34 договора, заключённого Сибир. ж. д. с содержателями станционных буфетов. В силу

§ 3. Евреи и иркутское общество

Как мы отмечали уже, главная особенность административного антисемитизма в Иркутске – его беспочвенность, отсутствие общественных элементов, среди которых могли бы привиться идеи человеконенавистничества и национальной вражды.

Главную и основную причину этого явления мы уже указали в начале главы. Здесь же, говоря об отношении иркутского общества к евреям и еврейскому вопросу, мы считаем необходимым напомнить, что сибирское общество издавна воспитывается на свободных идеях, проводником которых в Сибири уже четвёртое столетие служит политическая ссылка.

Как известно, политическая ссылка в Сибири значительно старше, чем ссылка уголовная. «Чуть ли не первыми были высланы в Сибирь в 1592 г. угличане по делу убийства царевича Дмитрия. Затем по поводу всякого недовольства, всякого волнения высылали туда целыми деревнями сотни и тысячи лиц... В Сибири очутились в 60-х годах XVII столетия тысячи украинских казаков и поселян, недовольных присоединением Украины... Вначале уголовная ссылка была незначительна, между тем как сотнями и тысячами притекали в Сибирь всякого рода непокорные: “стрельцы, раскольники, запорожцы, шведские военнопленные и польские

этого § каждый содержатель буфета обязуется не держать буфетчиков, поваров, прислуги и приказчиков евреев. Характерная мелочь, свидетельствующая о заботливом отношении к пассажирам, здоровье которых могло бы пострадать от вторжения евреев в буфетное дело.

конфедераты.... Особенно Пётр I, ослабивший уголовную ссылку, поднял до высокой степени ссылку политическую и государственную»¹⁰⁷.

Влияние ссыльного политического элемента и до сих пор даёт себя чувствовать в жизни сибирских городов, в частности, и в жизни Иркутска.

И это влияние оказывается своего рода антисептическим средством, заранее введённым в поры общества и предохраняющим его от заразы хулиганства и антисемитизма¹⁰⁸.

В последние годы, после революции, после погромов, которыми ознаменовались в России октябрьские дни, повсюду увеличилась замкнутость еврейского общества. Это замечается и в Иркутске. Но здесь это явление не может быть поставлено на счёт антисemitических настроений местного населения.

В российских городах обособленность, замкнутость еврейских кругов явилась ответом на национальные обиды и оскорбления, на то равнодушие, с которым отнеслись определённые слои общества к погромам, издевательствам, обрушившимся на голову еврейского народа.

Но в Иркутске замкнутость еврейского общества, наблюдаемая за последние годы, скорее всего, явля-

¹⁰⁷ *Серошевский В.Л.* Ссылка и каторга в Сибири // *Сибирь, её современное состояние и её нужды*: Сб. ст. / Ред. И.С. Мельник. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1908. С. 202 – 203.

¹⁰⁸ В Иркутске существует Союз русского народа и родственные ему организации. Но они ничем не проявляют своей деятельности, работают исключительно среди своих, и обыватели знают об их существовании только по вывескам над окнами снимаемых ими квартир.

ется отражением настроений, волновавших евреев в Европейской России и заставивших всех евреев вообще – не только в России, но и за границей – сплотиться в более тесные группы.

В дореволюционные годы в общественной жизни Иркутска, по словам старожилов, национальные и вероисповедные группировки не играли никакой роли. На проявление религиозной или национальной нетерпимости в культурных слоях общества смотрели, как на постыдную дикость.

Добрые отношения, существовавшие в городе между евреями и не евреями, особенно бросались в глаза евреям, приезжавшим в Иркутск с западного края, из городов и местечек, где еврей должен быть постоянно настороже, должен каждую минут ждать оскорбления.

Но если не наблюдалось антисемитизма в открытой общественной жизни, в культурных слоях населения, это не значит, что в городе совершенно не было людей, мечтавших об еврейских погромах, осуществимых в Европейской России и почему-то невозможных в Иркутске...

В 1881 году под влиянием известий о российских погромах иркутские евреи пережили несколько тревожных дней, опасаясь за свои жизни и имущество.

В 1895 году каким-то тёмным личностям понадобилось пустить в Иркутске слух о ритуальном убийстве христианского ребёнка евреями. Об этом случае мало кто помнит в городе. Но теперь, в эпоху воскрешения старых изуверских легенд об употреблении евреями христианской крови, не лишним будет напомнить, как

добывали христианскую кровь иркутские евреи всего каких-нибудь 20 лет тому назад.

Вот что рассказывает об этом случае «Недельная хроника Восхода».

5 июля пропал годовалый ребёнок у проживавшего в Иркутске поселенца Камкина. Нянька ребёнка, девочка 12 лет, оставив ребёнка на улице, зашла в дом. Когда вслед за тем, вместе с матерью ребёнка, она возвратилась на улицу, ребёнка там не оказалось. Нянька заявила, что оставила ребёнка на руках какой-то «чёрной» женщины. Кинулись в поиски, но все поиски остались безрезультатны. По городу пронёсся слух, что младенец похищен евреями в целях употребления его крови.

Полиция арестовала несколько евреек, но вскоре выпустила их. В городе стали опасаться погрома. Но в это время пропавший младенец был найден. Нашёлся он у православной крестьянки Екатерины Дьяковой, которой передала ребёнка другая крестьянка Прасковья Буянова. Похитительница ребёнка Буянова откровенно объяснила, что она украла у Камкиной младенца для того, чтобы усыновить его, так как собственные дети у неё умирали.

Ребёнок был возвращён родителям. Но этим дело не окончилось. Ребёнок заболел дизентерией, которая свирепствовала в то время в городе, и умер. Кто-то пустил слух, что ребёнок замучен евреями, выпустившими кровь из него. Пошли толки о следах уколов, будто бы обнаруженных на ножках младенца. Для выяснения обстоятельств дела трупик был подвергнут судебно-медицинскому вскрытию. Было

установлено, что причина его смерти – острое расстройство кишечника.

Но страсти были возбуждены. И губернатор Булатов счёл необходимым расклеить по городу объявление, в котором излагалась подробно история пропажи младенца, а также его болезни и смерти.

Тогда только в городе перестали говорить о «замученном жидом христианском ребёнке».

Прошло десять лет после этого случая, и иркутским евреям снова пришлось пережить ожидание погрома. Но на этот раз вместе с евреями опасалась погрома вся иркутская интеллигенция.

Было это в 1905 году, в смутные октябрьские дни.

По городу ходили погромные прокламации. Во многих домах были получены анонимные письма с требованием выселить из квартир евреев. За неисполнение этого требования хозяевам угрожали поджогом и погромом... На администрацию нельзя было полагаться... Генерал-губернатор граф Кутайсов держался от всего в стороне, соблюдая нейтралитет между хулиганскими и общественными кругами. Гражданам приходилось самим позаботиться о своей безопасности.

И вот в городе создались дружины самообороны. Действовали и партийные дружины, и беспартийные, и дружины, выдвинутые отдельными профессиональными и национальными группами. Назначены были в различных частях города квартиры для дежурства дружинников. Установлены были обходы города патрулями. А для того, чтобы не быть застигнутыми погромом врасплох, дружинники установили разведку на окраи-

нах города, по трактирам и притонам, по всем углам, где ютится босяцкая голь, отравленная алкоголизмом и восприимчивая к яду погромного национализма. Разведчики, в лохмотьях босяков, обходили притоны, прислушивались к разговорам и, по мере возможности, противодействовали погромной агитации.

Благодаря этому, обыватели знали более или менее точно размеры грозившей им опасности. А хулиганы, подбиваемые на погром, знали, что евреи будут защищаться.

Эти меры предосторожности были одним из условий, спасших Иркутск от тех бесчинств, какие происходили около того времени в Томске.

Некоторое подобие погрома разразилось лишь в Глазкове. Городская самооборона не решилась перебросить свои силы в это предместье, так как боялась, что начавшийся рекостав отрежет дружинников от города и оставит город беззащитным. В Глазкове произошла драка между каким-то кавказцем и солдатом. В этой драке солдат был убит. В миг около места происшествия собралась толпа босяков и золоторотцев. Бросились бить кавказцев и громить их убогие лавочки. Свыше 10 человек было убито, прежде чем подроспела полиция.

Но в городе эти тревожные дни прошли без большого кровопролития. Некоторые иркутские евреи в это время не раздевались, ложаь спать. Другие проводили ночи без сна. 17 октября кучка хулиганов пыталась начать погром. Но сил у них было слишком мало. Дело не пошло дальше битья стёкол в окнах магазинов.

В последующие дни какие-то тёмные личности нападали на прохожих (без различия национальности) и

отбирали у них деньги. Развились и участились выступления «кошевичников». В этих подвигах можно было узнать руку «патриотов». Самооборона распубликовала объявление о том, что грабители будут подвергнуты расстрелу, и установила ночные дозоры в опасных и глухих местах города. Этим мер оказалось достаточно. Ночные нападения прекратились.

Из евреев за эти дни в городе было убито три человека – братья Винер и Бляхер. Бляхер был убит случайно. Что же касается до Винеров, то пали они не как жертвы национальной вражды, а как защитники граждан. Обстоятельства их смерти таковы.

Несколько хулиганов на Графо-Кутайсовской улице накинулись на проходившего мимо них молодого человека, телеграфиста, и принялись бить его как забастовщика. Братья Винер, оказавшиеся свидетелями этой сцены, бросились в толпу, чтобы остановить хулиганов, отнять у них их жертву. Вся ярость толпы обратилась против нежданных заступников. Телеграфист успел скрыться. Братья же Винер получили смертельные ранения. Свершив своё дело, толпа разбежалась.

Похороны Винеров превратились во внушительную демонстрацию. За гробами убитых шла многотысячная толпа, в которой евреи перемешались с христианами. И кроме общего политического значения, эта демонстрация имела особый смысл как проявление тесного единения прогрессивных еврейских и русских кругов общества.

В это время даже в консервативных кругах Иркутска обвинение в антисемитизме считалось обидным.

И люди, сеявшие вокруг себя чувства человеконенавистничества и вражды, спешили отпереться от этого дела, когда противники уличали их в проповеди антисемитизма.

Так обиделся и поспешил оправдаться священник и законоучитель о. В., когда в печати появились сообщения о том, чему учит он детей на уроках Закона Божьего. Своим обвинителям о. В. возражал письмом, напечатанным в «Иркутских губернских ведомостях».

«Приписывают мне вражду к евреям, — писал пастырь. — Но почему же за 20 лет моего законоучительства среди евреев у меня не было врагов, по крайней мере, я их не знаю. А напротив, многие иркутские евреи относились ко мне дружественно и даже больше — с уважением (я это слышал)? Почему в бытность мою законоучителем городского училища Императора Александра III мои уроки охотно посещались евреями, которые хорошо учились и до сих пор относились ко мне сердечно, а при встрече нередко и дружественно беседовали?»¹⁰⁹.

Нам не важно, правы были или не правы обвинители о. В. Важно, как показатель общественных настроений в Иркутске в 1905 году, что законоучитель, обвинённый в антисемитизме, спешил оправдаться, очиститься от этого обвинения, как обвинения позорящего.

Начиная с 1905 года, в Иркутске уже не заметно той близости между различными национальными группами, которая наблюдалась до революции. Совершился некоторый перелом в общественных настроениях.

¹⁰⁹ Иркутские губернские ведомости. 1905. 26 января. №4217.

Местное христианское общество и теперь отрицательно относится к проявлениям антисемитизма. Но это отношение уже не так решительно, как прежде. Впрочем, правовые стеснения евреев встречают по-прежнему единодушный протест и осуждение в иркутских торговых кругах, которые, согласно с теорией зоологического национализма, должны были бы радоваться стараниям защитить их от еврейской конкуренции.

Характерна в этом отношении докладная записка, поданная иркутскими купцами в Биржевой комитет 1 ноября 1912 года. В этой записке, подписанной *всеми* значительными коммерсантами города (не евреями), выясняется весь вред, причиняемый местной торговле стеснением евреев-сибиряков в праве приезда в Иркутск для устройства и урегулирования торговых дел. В заключение торговые люди, подписавшие докладную записку, просят Биржевой комитет «войти с ходатайством к г-ну Иркутскому Генерал-Губернатору о предоставлении иногородним купцам-евреям права приезда в Иркутск и временного в нём пребывания, как в Москве и Петербурге (купцам 1-й гильдии и торгующим по свидетельству I разряда в течение 6 месяцев, а 2-й гильдии и торгующим по свидетельству II разряда в течение 3 месяцев, без особых на то разрешений), евреям же сибирякам других категорий – права временного пребывания в Иркутске каждый раз с особого на то разрешения и на сроки, установленные законом».

Как ни скромны, в конце концов, пожелания, высказанные в этой записке, самый факт подобного хо-

датайства русских купцов за расширение прав евреев представляется нам характерным и поучительным.

Как показатель отношения иркутского общества к преследованиям евреев, не менее характерна история иркутского городского Коммерческого училища.

23 сентября 1903 года иркутское Купеческое общество, находя безусловно необходимым учреждение в городе Коммерческого училища, постановило взыскивать на устройство училища при выдаче торговых документов по свидетельствам 1-й гильдии 50 рублей и по свидетельствам 2-й гильдии 20 рублей. Но обязательным условием таких отчислений общество выставило требование, чтобы в училище принимались *дети всех вероисповеданий без ограничения*.

С постановлением Купеческого общества согласилась вполне и Иркутская городская дума (в составе которой, как известно, нет ни одного еврея). И таким образом, в устав училища был введён § 9 о приёме в училище детей без каких бы то ни было вероисповедных ограничений.

9 августа 1907 года устав училища был утверждён Министерством торговли и промышленности.

С 1908 года училище начало функционировать и сразу в составе обучающихся в нём мальчиков оказалось довольно много учеников евреев.

	Общее число учеников	Число учеников евреев
В 1909/1910 учебном году	107	40
В 1910/1911 учебном году	135	45
В 1911/1912 учебном году	150	47

Но 22 августа 1909 года вышли новые правила о приёме евреев в коммерческие училища. В силу этих правил в училище разрешается принимать учеников евреев не свыше как в числе 10% к общему числу учащихся. Так как иркутское Коммерческое училище было учреждено на особых основаниях, и § 9 был введён в его устав как бы в силу договора между городским самоуправлением и Купеческим обществом была надежда, что министерство не будет настаивать на применении к этому училищу правил 22 августа. Но осенью 1911 года, перед началом учебного года, в Попечительный совет училища поступило предписание из Министерства торговли и промышленности о применении в училище 10%-й нормы при приёме евреев.

Попечительный совет постановил доложить об изменении устава училища городской Думе и Купеческому обществу, от которых зависело дальнейшее направление дела. Вместе с тем Совет попытался добиться сохранения старого порядка приёма учащихся путём ходатайства через иркутский Биржевой комитет.

Биржевой комитет согласился выступить в защиту учащихся евреев и, выражая волю торговых кругов города, представил председателю Совета министров докладную записку, в которой указывалось, «что местное купеческое общество, в котором имеется значительный процент евреев, изъявляя согласие на обложение его сбором в пользу Коммерческого училища, имело в виду утверждённый тогда устав сего училища, в котором никаких ограничений для детей евреев не заключалось. Сбору этому подлежат все евреи иркут-

ские купцы без исключения, тогда как с введением упомянутой нормы должно оказаться, что далеко не все будут иметь возможность отдавать своих детей в Коммерческое училище. Введение этой нормы есть изменение устава училища, а изменение сего устава должно было бы последовать не иначе, как по соглашению с содержащими училище учреждениями, т. е. с иркутским городским Управлением и Купеческим обществом. Несомненно, Купеческое общество на такое изменение устава не согласилось бы»¹¹⁰.

Но ни записка Биржевого комитета, ни ходатайство Попечительного совета, ни личные обращения к председателю Совета министров не привели ни к чему. 7 ноября 1911 года канцелярия Совета министров предписала Попечительному совету училища ввести процентную норму для вновь принимаемых учеников евреев.

Немедленно после получения этого предписания Купеческое общество на общем собрании своём 16 ноября постановило: «Взнос на иркутское городское Коммерческое училище, ввиду изменения министерством § 9 устава означенного училища, с 1912 года прекратить».

Это решение грозило существованию училища, так как половина его средств составлялась из обложения торговых документов. Это обложение дало училищу:

в 1909/1910 году 13 900 рублей из 26 500 рублей;

в 1910/1911 году 17 400 рублей из 34 200 рублей;

в 1911/1912 году 14 800 рублей из 31 000 рублей.

¹¹⁰ См. Отчёт иркутского Биржевого комитета за 1912 г.

Попечительный совет, защищая интересы училища, принуждён был обратиться к Купеческому обществу с просьбой пересмотреть принятое решение. Общество, однако, отклонило это ходатайство.

Тогда Попечительный совет, считая принципиальное отношение Купеческого общества к нарушению устава училища правильным, обратился к иркутскому генерал-губернатору с просьбой оказать своё содействие в Петрограде ходатайству Совета о приёме евреев без ограничений. В крайнем случае, Совет просил разрешения проводить ограничительную норму при приёме евреев постепенно (40%, 35%, 30% и т. д.).

Все эти шаги остались безрезультатны. Но, в конце концов, Купеческое общество решило всё же возобновить взносы в пользу училища, так как признало несправедливым заставлять страдать учащихся за распоряжение министерства.

Таким образом, против посягательства на права учеников евреев запротестовало всё иркутское купечество. Против введения процентной нормы со всей энергией выступили именно те общественные элементы, во имя защиты которых от еврейской конкуренции, от еврейского засилья вводятся обыкновенно процентные ограничения.

Достаточно этих фактов, чтобы видеть, что и в послереволюционные годы зоологический национализм и антисемитизм не привились в Иркутске.

Ценный материал для характеристики настроений иркутского общества даёт нам и иркутская повременная печать.

С 1857 года начали выходить в Иркутске «Губернские ведомости». Несмотря на официальный характер этого издания, общественная жизнь Иркутска получила в нём довольно полное отражение. Но напрасно мы будем отыскивать в статьях этой бойкой и разносторонней газеты грубо националистические нотки. Только в цитированном выше полицейском отчёте о переписи евреев в 1875 году наталкиваемся мы на отзвуки антисемитизма, но антисемитизма официального, а не общественного.

К тому же официальному антисемитизму следует отнести отдельные выпады против евреев, встречавшиеся в «Иркутских губернских ведомостях» в позднейший период.

Впрочем, даже в 1905 году, когда официальная печать почти всюду стремилась дискредитировать освободительное движение разоблачением его «еврейского» происхождения, когда во многих городах нельзя было провести границу, где кончается официальное сообщение и начинается призыв к погрому, даже в 1905 году «Иркутские губернские ведомости» не позволяли себе грубых выпадов против евреев. В 1905 году местные «Губернские ведомости» несколько раз меняли своё направление. До 6 сентября они велись в умеренно либеральном духе. Затем направление газеты резко изменилось, пошли перепечатки из «Нового времени». После октябрьской забастовки газета опять перешла в новые руки. Нововременство было изгнано с её столбцов. Но с 17 ноября газета опять приняла специфическое направление, — впрочем, без специального «жидоедства».

Сравнительно прилично в этом отношении велись до последнего времени «Епархиальные ведомости».

Резким диссонансом в согласном хоре иркутской печати прошлых десятилетий выделяется только старая «Сибирь», которая в конце 70-х годов вела довольно откровенную травлю против евреев. В 17 и 18-м номерах этой газеты за 1878 год мы находим огромную статью, посвящённую выяснению роли евреев как колонизаторов Сибири. Статья блещет всеми перлами кабацкого антисемитизма¹¹¹.

Автор её восстаёт против предложения петербургской газеты «Слово» предоставить евреям права повсеместного жительства в России и, защищая Сибирь от угрожающей ей опасности, восклицает:

«Над Сибирью почти три столетия тяготеет зло, и зло, пожалуй, не меньшее, чем еврейство. Я говорю о ссылке и поселенцах. Каторжные и поселенцы для Сибири не лучше евреев западного края. Зачем же к одному злу присоединять ещё другое новое?»

Как большинство произведений антисемитической литературы, статья содержит и полицейский донос, – прямой донос на евреев, покидающих места

111

– Евреи плодятся, как свиньи...

– Евреи унаследовали веками свои эксплуататорские паразитические свойства...

– Характерное прозвание еврея «пархатый»...

– Во всех родах деятельности еврей проявит всегда свои специфически спекулятивные свойства еврея.

– Ничего, кроме кабацкой деятельности и ростовщичества, не может принести Сибири этот народ со своим излюбленным гешефтом...

Достаточно этих примеров, чтобы судить о стиле и направлении статьи.

приписки и перебирающихся, в погоне за заработком, в город.

Но характерно, что даже эта бесшабашная статья пропитана российским, а не сибирским антисемитизмом. Автор её готов признать, что «в Сибири туземные евреи, то есть потомки большей частью сосланных из западного края, потеряли многое из своих природных свойств». И совершенно в том же тоне, как автор отчёта о переписи евреев¹¹², публицист из «Сибири» замечает: «Нельзя, между прочим, не сказать похвалу нашим (!) сибирским евреям, что между ними замечается вообще стремление давать своим детям приличное образование, что одно только может сделать из обыкновенного жида – честного еврея, как человека и гражданина».

Кто автор этой статьи, мы не знаем. Цитированная статья подписана псевдонимом «Осибирячившийся». Вся ответственность за неё лежит на редакции газеты (издателем её в то время был А. Несторов, редактором Н. Тюменцев).

Разбираемая статья привлекла к себе внимание иркутского общества. В газету посыпались возражения. Но редакция «Сибири» не склонна была отказаться от занятой позиции. В №20 «Сибири» в отделе «Ответы редакции» мы находим такую заметку г-ну З-ву в Иркутске и г-ну Бланкову в Балаганске:

«Для выражения своих мыслей ищите подходящий орган печати. В частности, г-н З-в напрасно из

¹¹² См. главу IV, § 2.

общих рассуждений о предпочтении известной нацией известного рода занятий и о неспособности её к занятиям другого рода выводит заключение, что мы хотим фанатизировать общественное мнение. И мы далеки от этого, да и время фанатизма, к счастью, прошло».

Впрочем, спустя два месяца, «Сибирь» нашла возможным поместить статью, автор которой пытался возражать г-ну «Осибирячевшемуся». В №28 газеты появились рассуждения Василия Шевича «О евреях в Сибири», рассуждения, пересыпанные полемическими примечаниями самой редакции.

Василий Шевич защищает евреев, – но да избавит Бог всякого от подобных защитников!

«Каждая нация имеет свои характерные недостатки, – заявляет он. – Мизантроп всегда найдёт, чем упрекнуть и немца, и поляка, и француза, и русского «авосиньку», тем паче сына Иакова, прошедшего по воде аки по суше, вышедшего из печи огненной невредимым и наконец удивившего мир своею изворотливостью, своим шахер-махером (?)».

И для того, чтобы покончить раз навсегда с еврейским вопросом, редакция «Сибири» сопровождает эту статью таким замечанием, устанавливающим «правильную точку зрения» на дело: за исключением 10 – 20 человек, «всё остальное еврейство занимается гешефтом»; и потому «пока у нас мыслимы жидовские проценты, всевозможные подкупы и тому подобные (неразб.) профессии, до тех пор мы будем против наводнения Сибири этим племенем».

Этими выписками достаточно характеризуется отношение к евреям «Сибири» в конце 70-х годов, — отношение, которое не вплетёт лишнего лавра в венок культурных сибиряков, работавших в то время в этой газете.

Но нужно отметить, что в 1881 году, когда в России началась погромная агитация против евреев, руководители «Сибири» проявили большую осторожность в отношении еврейского вопроса.

В №21 газеты за 1881 год редакция поместила заявление о том, что «по известным читателям причинам» она считает несвоевременным помещать получаемые ею корреспонденции с «жалобами на эксплуатацию местного населения евреями». И это своё заявление редакция заканчивает такими строками: «Мы не можем ещё раз не напомнить жалующимся, что собственно евреи здесь ни при чём. Пускай они обратят свои взоры на тех русских „иудушек“, которые потворствуют проискам людей, которые в погоне за наживой не брезгают „ни хапаным, ни цапаным“, может быть, следуя в этом своей морали. Эти свои „иудушки“ поопаснее всяких иудеев: они и русских-то сделали жидами»¹¹³.

В позднейшее время, когда в Иркутске выходило много газет, антисемитической пропаганды в местной серьёзной печати не было и в помине. Все газеты придерживались более или менее определённых левых течений, все отстаивали начала веротерпимости и равноправия.

¹¹³ Сибирь. 1881. 31 мая.

Только в 1906 году начала выходить в Иркутске правая газета «Русский Восток», а в 1907 году появился чисто хулиганский листок «Сибиряк», каждый номер которого был ушатом помоев против евреев. Но о том, что представлял из себя этот листок, можно судить по одной коротенькой цитате, по характеристике популярного иркутского депутата Мандельберга, данной в №14.

«Как о холере, чуме и вообще всякой скверне, молчаливым соглашением принято в порядочном обществе не говорить, так среди иркутян избегают разговоров о депутате с.-д. еврее Мандельберге».

Не многим отличался от «Сибиряка» и «Русский Восток».

В 1912 году появились в городе два новых издания этого рода: «Запорожец с Востока» и «Иркутский вестник». «Запорожец с Востока» издавался и составлялся психически больным субъектом. И хотя этот субъект много писал о евреях, но разбирать его газетку мы не будем.

Гораздо интереснее для нас «Иркутский вестник», ежедневная, предвыборная газета, орган союза приходов, иркутских националистов и вообще вицмундирных и рясофорных кругов города. Газета велась в духе ясно выраженного антисемитизма: всё зло в русской жизни видела в еврействе, признавала ненависть, кровную вражду к России – основной чертой еврейства и патетически восклицала:

«Русь, помни об евреях!»

Газета, полемизируя с кадетами, постоянно доказывала, что конституционно-демократическая партия

есть партия евреев. Полемизируя с крайне левыми, доказывала, что евреями создана русская революция. Даже вопросы иностранной политики газета пропускала сквозь антисемитическую призму.

Об Иркутске, в частности, газета писала, как о центре еврейского засилья в Сибири.

Этими чертами достаточно определяется идейный багаж, с каким вступил в избирательную борьбу орган иркутского союза приходов. Но от других газет родственного направления «Иркутский вестник» отличался одной особенностью – внешней корректностью.

Когда местная либеральная газета задала редакции «Иркутского вестника» иронический вопрос: «Скоро ли доберутся они до жида?» – редакция смиренно и кротко ответила:

«Слово “жид” не встретится на страницах нашей газеты, так как это слово еврейский народ считает бранным».

И в дальнейшем руководители газеты в каждой статье шпыняли евреев, но старались делать это не слишком демонстративно. Не кричали о своём антисемитизме, а скромненько скрывали его под видом благожелательного отношения ко всем населяющим Россию народностям.

Этот лицемерно замаскированный антисемитизм, быть может, ещё хуже чем откровенные выкрики какой-нибудь «Курской были». Но этот маскарад характерен, как показатель общественных настроений в Иркутске.

«Иркутский вестник» решительно не имел успеха в городе, читали его только чиновники да духовенство, но задачей его было определённое воздействие на общество, и потому руководители газеты старались пропагандировать свои идеи на языке понятном и приемлемом для Иркутска.

И люди, которые в Курске, в Волыни или в западном крае стали бы завывать по-марковски, вопить по-дубовински, в Иркутске должны были заявить:

«Мы не употребляем слова “жид”, так как евреи считают это слово бранным».

В Иркутске языком «Курской были» и «Русского знамени» мог говорить лишь психически больной человек, издававший «Запорожца с Востока».

Настолько и в послереволюционные годы сохранились в иркутском обществе терпимые отношения между евреями и русскими.

§ 4. Евреи и политика в Иркутске

В героический период существования Иркутска, до середины минувшего века, евреев в городе было мало, и значение еврейской группы населения было ничтожно. В списке иркутских общественных деятелей этого периода мы не встречаем еврейских имён.

Но в последние годы 5-тысячная еврейская масса оказывается уже заметным фактором общественно-политической жизни Иркутска. И в прогрессивном настроении, которое характерно для иркутского обще-

ства, известную роль играет присутствие в городе этой значительной и влиятельной группы.

Иркутские евреи выдвинули из своей среды ряд общественных деятелей левого направления, среди которых первое место занимает депутат от Иркутска во 2-й Думе Виктор Евсеевич Мандельберг.

Мандельберг был в Думе членом социал-демократической фракции. Но господствующим среди иркутских евреев следует считать другое политическое направление – умеренно-либеральное, может быть, даже более умеренное, чем настроение еврейских кругов в западном крае.

Это явление будет понятно нам, если мы вспомним состав и хозяйственное положение евреев в Иркутске. Значительный процент самостоятельных хозяев-предпринимателей делает еврейскую группу наиболее буржуазной из всех национальных групп в городе. Пролетарские элементы, составляющие подавляющее большинство еврейского населения в западном крае, в Иркутске представлены сравнительно слабо. И если атмосфера бесправия толкает иркутских евреев влево, как и всех евреев в России, всё же это влияние не может пересилить действие их классового положения.

Благодаря сравнительной зажиточности еврейской группы, радикальные настроения находят для себя почву почти исключительно среди её молодёжи, но не становятся господствующими для всей группы.

Политические настроения иркутского еврейства лучше проявились во время государственных выборов.

Характерно, что ко всем кандидатам в Государственную думу еврейские избиратели в Иркутске подходили со стороны отношения данного кандидата к *еврейскому* вопросу.

Перед выборами в 1-ю Государственную думу среди иркутских евреев возникла мысль организовать и выступить на выборах в виде сплочённой группы, отдавая все голоса тому кандидату, в пользу которого выскажется большинство еврейских избирателей.

Были сделаны шаги к осуществлению этой идеи. Состоялось между прочим одно большое предвыборное собрание евреев-избирателей. Но выборы в 1-ю Думу в Иркутске не состоялись. Дума была распущена, и Иркутску пришлось выбирать своего представителя прямо во 2-ю Думу.

И на этот раз еврейские избиратели выступали организованно и сплочённо. При опросе их выяснилось, что абсолютное большинство их (немного больше половины) сочувствуют к.-д. партии. Но несмотря на это, избирательный еврейский комитет не решился отдать к.-д.-там голоса еврейских избирателей. Вступив в соглашение с левыми и прогрессивными группами (с.-д., к.-д. и народники), еврейская группа получила 8 мест в списке выборщиков (из 80). В заключительной стадии выборов выяснилось, что кандидаты, выставляемые к.-д., решительно не удовлетворяют еврейских избирателей. Те же кандидаты, которых указывал к.-д.-там еврейский избирательный комитет, оказались неприемлемы для руководящих к.-д. кругов. Тогда избирательный комитет произвёл среди евреев вторичную

анкету по вопросу о том, за кого голосовать еврейским выборщикам. На этот раз анкета велась не на программах, а на именах, – конкурировали не партийные, а личные кандидатуры. Против к.-д. кандидатов было выставлено имя с.-д. кандидата В.Е. Мандельберга. Эта кандидатура собрала подавляющее большинство голосов. И 8 еврейских выборщиков отдали свои голоса с.-д. кандидату.

Нужно отметить, что Мандельберг прошёл в Государственную думу исключительно благодаря этой поддержке, так как выборщики народнического направления *все* голосовали против него, а часть народников отдала даже свои голоса конкурировавшему с Мандельбергом кандидату к.-д. партии.

Но голосование за Мандельберга со стороны иркутских евреев отнюдь не было голосованием за с.-д. партию, не было даже голосованием за наиболее оппозиционного кандидата. Это было голосование за деятеля, пользовавшегося наибольшими симпатиями евреев в городе – и только.

Тем не менее эти выборы упрочили за иркутскими евреями репутацию несвойственного им радикализма. При чистке списков избирателей перед выборами в 3-ю Думу $\frac{2}{3}$ евреев были вычеркнуты. Оставлены были в списках лишь цензовики из числа местных помещан и бывших николаевских солдат, да лица с высшим образованием. Благодаря этому, влияние евреев на исход выборов уменьшилось. Но Иркутск и в 3-ю, и в 4-ю Думу выбирал всё же представителей с.-д. течения – устранение евреев от выборов не спо-

собствовало созданию правого большинства среди избирателей.

Симпатии евреев в Иркутске на последних выборах делились между конституционно-демократами и левыми. И внешним выражением веса еврейской группы на выборах нужно считать выработавшуюся в городе традицию: левые партии одно из 6 мест в списке выборщиков¹¹⁴ отдают евреям.

§ 5. Евреи в иркутских общественных учреждениях

Общественная жизнь в Иркутске течёт множеством ручейков. И почти в каждом ручейке можно найти, наряду с другими течениями, также струю энергии, активности еврейской группы населения.

Только в общественном самоуправлении Иркутска евреи не принимают никакого участия, так как с 1892 года они лишены права выбирать гласных городской думы.

До 1892 года в думе было два гласных еврея. Теперь же каждый раз при составлении списков городских избирателей на новое 4-летие из списков цензовиков исключаются лица иудейского вероисповедания¹¹⁵.

Устранение евреев от общественного самоуправления Иркутска следует оценивать с двух точек зрения: 1) с

¹¹⁴ По новому избирательному закону, число выборщиков от Иркутска сокращено до 6 человек.

¹¹⁵ Так в 1913 г. из I-го списка (избирателей по имущественному цензу) было исключено 172 еврея-домовладельца, а из II-го списка (избирате-

точки зрения справедливости и разумности этой меры, 2) с точки зрения интересов городского хозяйства.

Мы знаем, что евреи являются коренными обитателями города в не меньшей степени, чем остальные группы его населения¹¹⁶. Мы знаем, что в руках евреев почти $\frac{1}{4}$ всего торгово-промышленного оборота Иркутска, что евреям принадлежит 14% недвижимой собственности в городе, что евреи являются плательщиками 20% налогов, взимаемых с городского населения¹¹⁷. Мы знаем, что в городе нет вражды между евреями и не евреями.

Эти факты достаточно говорят за себя. И при наличии их нет надобности пространно доказывать несправедливость и неосновательность выделения евреев в особую группу бесправных горожан.

Что касается до того, выигрывает ли город от этой несправедливости, то по этому вопросу едва ли возможны два мнения.

На каждых выборах в Иркутске снова и снова ощущается одно и то же затруднение: невозможность наметить из числа цензовиков необходимое число надёжных людей, которые обладали бы необходимой

лей по торгово-промышленному цензу) – 63 еврея. Насколько чувствительно сократилось благодаря этому число избирателей, видно из того, что после всех исключений в первом списке осталось 1314 человек, а во втором – 142. Право участвовать в городских выборах было признано, таким образом, за 1456 человеками, а за бортом осталось 235 евреев, то есть группа, составляющая 16% избирателей, допущенных к урнам, и почти 40% по отношению к числу избирателей, фактически явившихся на выборы.

¹¹⁶ См. главу II, § 4.

¹¹⁷ См. главу III, § 6, 7, 8.

подготовкой, достаточным досугом и добрым желанием для работы в думе.

Большое значение имеет в этом смысле устранение от выборов еврейской группы, которая представила многочисленные доказательства своих деловых и организаторских способностей и могла бы дать городу 1½ – 2 десятка деятельных и энергичных гласных¹¹⁸.

Евреи лишены также права занимать должности ремесленного головы и цеховых старшин. Это запрещение мешает им развернуть деятельность в иркутском ремесленном обществе. Но местные ремесленники, начиная с 1886 года, неизменно избирают евреев на общественные должности, – то в качестве «заведующего цехом», то в роли учётчика общественных сумм, гласного, члена управы или члена ревизионной комиссии. И это несмотря на то, что среди «цеховых ремесленников» в Иркутске число евреев относительно невелико. Интересно отметить, что за тридцать лет не было ни одного случая, чтобы в среде иркутских ремесленников поднялись голоса против избрания на общественные должности лиц иудейского вероисповедания.

Там, где общественная деятельность евреев не наталкивается на внешние преграды, иркутские евреи работают наравне с деятелями других национальностей.

Так, мы встречаем евреев среди членов и активных работников во всех местных просветительных об-

¹¹⁸ В уездном городе Иркутской губернии Балаганске местные обыватели-мещане несколько раз выражали желание избрать городским головой (старшиной) еврея. Но оказывалось, что закон не даёт им права такого выбора. Губернатор лишил балаганцев даже приглашённого ими на городскую службу писаря В., так как последний оказался евреем.

ществах – «Просвещение», «Общедоступные курсы», «Знание» и др.

В развитии школьного дела в Иркутске и в Иркутской губернии евреи активно участвуют уже 40 лет.

Так, в 1873 году Я.С. Домбровский устроил в Верхоленске первое женское начальное училище, для которого выстроил и оборудовал дом. В это время обывательская масса в Верхоленске была настолько малокультурна, что Домбровский оказался единственным жертвователем в пользу училища. Городское и окрестные крестьянские общества за отсутствием средств отказали в материальной поддержке его начинанию. Школа была открыта на его личные средства. И девочки всех национальностей и вероисповеданий в Верхоленске долгое время обучались за счёт иркутского еврея.

В том же 1873 году, по ходатайству Я.О. Лейбовича и на его средства, было открыто в Балаганске первое училище для мальчиков и девочек. Лейбович выстроил для этого училища двухэтажный деревянный дом и в первое время выдавал на содержание училища по 1000 рублей ежегодно. По ходатайству Лейбовича, училищу было присвоено наименование «Алексеевского» в честь Великого князя Алексея Александровича, незадолго перед тем посетившего Сибирь. Учредитель училища получил выражение благодарности от Государя и Великого князя, именем которого было названо училище. Балаганское городское общество избрало Лейбовича почётным блюстителем школы. Но дело кончилось анекдотом.

Избрание Лейбовича блюстителем училища пошло на утверждение в Министерство народного просвещения, и перед министерством встал трудный вопрос: может ли еврей быть попечителем училища, в котором учатся православные дети?

С одной стороны, как будто может, – раз само училище создано его попечениями.

С другой стороны, – нельзя же допускать к такому делу еврея!

Решению министерства позавидовал бы сам Соломон. Лейбовича утвердили блюстителем училища, «но без представления ему права на какое-либо участие в делах этого училища по учебной и воспитательной части»¹¹⁹. Иными словами, министерство признало, что еврей может заботиться о стёклах в окнах, о печах в классных комнатах, о полах и потолках в школьном здании, – но только не о детях, обучающихся в школе.

Несмотря на такое отношение Министерства народного просвещения к просветительной деятельности евреев, несмотря на начавшиеся стеснения в правах поступления в школу для еврейских детей, иркутские евреи и позже охотно отдавали и деньги, и личный труд на развитие просветительных учреждений. В этом отношении интересно ещё раз вспомнить историю иркутского Коммерческого училища.

Мы видели, как защищало иркутское купечество права и интересы еврейских детей, обучавшихся в этом училище. Этой защитой купцы-христиане, в известном

¹¹⁹ Сибирский архив. 1912. №1. С. 205 – 206.

смысле, уплачивали свой моральный долг иркутским евреям. Дело в том, что инициатива открытия коммерческого училища в Иркутске принадлежала евреям. Евреи же дали училищу значительную часть денежных средств. Таким образом, возникновением и существованием училища город был обязан евреям.

Впрочем, в области просветительной деятельности иркутские евреи ничем не обособлялись от представителей других национальностей. И это делает затруднительным определение в точных цифрах их деятельности в данной области.

То же самое следует сказать и об участии евреев в делах благотворительности.

Во всех благотворительных сборах, благотворительных комиссиях, вечерах, спектаклях, концертах иркутские евреи принимают деятельнейшее участие. Еврейские имена встречаются неизменно и в списках устроителей кружечных сборов с продажей значков на улице. Вообще участие иркутских евреев в местной благотворительности не ниже их участия в местной торговле.

Весьма заметно участие евреев и в таких сторонах городской жизни, как театр, вечера и концерты, общественные собрания. Уже в 1882 году в иркутском Коммерческом собрании, первом местном клубе, было до 10% членов евреев (16 евреев среди 160 членов собрания). Более демократический клуб – Иркутское ремесленное собрание – возник впоследствии, в значительной степени, по инициативе евреев: в числе официальных учредителей его было 3 еврея.

Интересна последующая история этого Собрания. Руководители его, заботясь о развитии клуба, открыли доступ в него между прочим и разнообразным служащим, мелкочиновничьему элементу. С этим новым элементом в Собрание проникла струя антисемитизма, захватившая кое-кого из коренных членов клуба. В 1909 году разразился на этой почве целый ряд бурных скандалов. Дело кончилось тем, что один из ставленников антисемитической группы, дорвавшись до казначейской должности в Собрании, забрал деньги и скрылся. А виднейшие члены этой группы, вынужденные покинуть клуб, открыли в противовес ему второе, Ремесленное, собрание. Новый клуб оказался чисто союзнической организацией, но под руководством истинно русских главарей быстро превратился в игорный притон и был закрыт по распоряжению губернатора за азартную карточную игру. Что же касается до первого Ремесленного собрания, то оно, под именем Торгово-Промышленного собрания, существует и поныне, и по-прежнему евреи принимают живое участие в его делах.

Но всего значительнее участие евреев в местной печати.

Если откинуть газеты официального характера («Епархиальные» и «Губернские ведомости») и органы казённого происхождения («Иркутский вестник»), если ограничиться обзором газет, так или иначе связанных с местной общественной жизнью, то в числе руководителей и ближайших сотрудников всех их окажутся журналисты-евреи. Это лишнее доказательство того, что еврейская группа иркутского населения проявляет

значительную активность не только в хозяйственной области, но и в развитии духовной культуры края.

§ 6. Евреи и изучение Сибири¹²⁰

Говоря об евреях в иркутской общественной жизни, трудно пройти молчанием участие евреев в изучении того огромного района, культурным и административным центром которого является Иркутск. В этой области работа, выполненная евреями, особенно заметна.

Правда, работали здесь не иркутские уроженцы, а люди, заброшенные в Сибирь из России. Но эти культурные работники все прошли через Иркутск, а многие и жили подолгу в городе. Поэтому мы считаем себя обязанными упомянуть о них в книге, посвящённой иркутским евреям.

Среди евреев, работавших над изучением Восточной Сибири, прежде всего, следует назвать *Владимира Германовича Богораза* и *Владимира Ильича Иохельсона*. Оба они – политические ссыльные.

Богораз (Тан) был сослан в Сибирь в 1889 году за участие в Южной организации «Народной Воли». Вместе с другими ссыльными, он был водворён в Среднем Колымске, где ему предстояло пробыть 10 лет. Первые годы ссылки Богораз мало интересовался обычаями дикого края, в котором ему пришлось жить. Но в 1895 году он получил приглашение принять участие в известной

¹²⁰ Материалы для настоящего параграфа любезно сообщены нам М.А. Кролем.

сибиряковской экспедиции, снаряжённой для изучения Якутской области. При распределении работы между участниками экспедиции на долю Богораза выпало изучение племени чукчей. В сравнительно короткое время он овладел их речью настолько, что составил словарь и грамматику чукотского языка. В дальнейших скитаниях среди чукчей Богораз собрал богатейший материал по фольклору и другим отраслям этнографии. И этот материал оказался настолько интересен, в нём оказалось столько данных, проливающих свет на общие вопросы этнографии, что Богораз явился основателем целой новой области этнографической науки – чукчеведения. Несколько месяцев он прожил в Иркутске, работая в «Восточном обозрении», вокруг которого группировались в то время культурные силы Восточной Сибири. Затем он получил возможность вернуться в Россию. Но и после окончания ссылки Богораз остался одним из крупнейших работников в деле изучения Сибири. В 1899 году он получил от Нью-Йоркского музея естественных наук поручение исследовать северо-восточный берег Азии и быт живущих в этом районе инородцев. Эту работу он выполнил совместно с Иохельсоном.

Иохельсон, как и Богораз, попал в Сибирь в качестве ссыльного (по делу последнего исполнительного комитета «Народной Воли»). В Среднем Колымске он встретился с Богоразом и вместе с ним принял участие в сибиряковской экспедиции. В этой экспедиции Иохельсону пришлось изучать остатки вымирающих племён юкагиров и ламутов. Ему удалось составить словари и грамматику языка обоих племён и собрать

большой материал по фольклору. Это упрочило за ним имя в этнографической науке. И когда Нью-Йоркский музей обратился в нашу Академию наук с просьбой указать учёных, которые с наибольшим успехом могли бы принять на себя исследование юго-восточной окраины Азии, Академия назвала Иохельсона и Богораза.

Интерес экспедиции Иохельсона и Богораза заключался в том, что они изучали по определённой программе инородцев Азии в то время, как американские учёные по такой же точно программе исследовали жизнь и обычаи диких племён, уцелевших в северо-западной части Северной Америки. Эти параллельные исследования должны были разрешить старый вопрос о связи и общении, существовавшем в доисторические времена между Старым и Новым Светом, и о происхождении азиатских и американских инородцев¹²¹. Трёхлетняя работа Иохельсона и Богораза разрешила этот вопрос: древнейшие сношения и общность происхождения племён Азии и Америки были установлены как бесспорный факт.

Позже Иохельсон принял участие в экспедиции, снаряжённой Рябушинским для изучения Алеутских островов.

В ряду других исследователей сибирских инородцев почётное место занимает *Лев Яковлевич Штернберг*.

Штернберг попал в Сибирь по одному делу с Богоразом, и в Иркутск они прибыли в одной партии. Но здесь им пришлось разлучиться. Штернберга власти

¹²¹ См. Американская северная тихоокеанская экспедиция и русская этнография // С.-Петербургские ведомости. 1899. №297.

считали особо опасным преступником и заядлым террористом, и потому его отправили в самое отдалённое место ссылки, на Сахалин. Здесь его первоначально поместили в Александровском посту. Но после телесного наказания, произведённого над политическим Мейснером, среди ссыльных началось движение. Один из ссыльных, Домбровский, в виде протеста покончил с собой. Штернберга решили перевести в более глухое место. Его водворили в отдалённый «кордон» – в избушку, стоявшую среди тайги и служившую этапным помещением для проходивших мимо арестантских партий. Бродя по лесу вокруг кордона, Штернберг познакомился с окрестными инородцами-гиляками. Овладев их языком, он начал приглядываться к их обычаям. Когда у сахалинской администрации явилась мысль произвести перепись гиляков, эту работу поручили Штернбергу, как единственному человеку, который мог справиться с этой задачей. Таким образом, Штернберг получил возможность посетить все гиляцкие сёла на острове и расширить круг своих наблюдений. Кроме гиляков, он изучал также орочей, айнов и гольдов. Получив разрешение покинуть Сахалин, Штернберг переселился во Владивосток, где в течение 2 лет стоял во главе газеты ярко прогрессивного направления. В настоящее время Штернберг как знаток сибирских инородцев состоит старшим хранителем коллекции Музея Академии наук и продолжает работать в области этнографии Сибири.

Крупные заслуги в деле изучения Сибири принадлежат *Моисею Ароновичу Кролю*.

Кроль первоначально попал в Сибирь так же, как Богораз, Иохельсон и Штернберг. Он был сослан на 10 лет за участие в Южной организации «Народной Воли». Из Иркутска его отправили за Байкал, в Селенгинск. Здесь Кроль занялся изучением быта и жизни бурят. Получив право передвижения сперва по уезду, затем по всей области, Кроль объездил кочевья бурят и собрал материалы относительно их правового, семейного и хозяйственного быта. После пятилетней работы по этнографии Сибири, Кроль получил возможность переехать в Иркутск. Здесь он принял участие в газете «Восточное обозрение». Кроль продолжал работать над изучением Сибири и по возвращении в Петербург, где сотрудничал в газете «Сибирь»¹²². В 1897 году Кроль принял участие в экспедиции, организованной комиссией для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Им был составлен 10-й том трудов, изданных комиссией, посвящённый вопросу о формах землепользования в Забайкалье.

В настоящее время Кроль состоит председателем иркутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения её быта.

Наряду с названными лицами, работали над вопросами сибиреведения и другие невольные колонисты Сибири – евреи.

Недавно умерший *Соломон Лазаревич Чудновский*, попавший в Сибирь после знаменитого дела 193, много работал по вопросам статистики и этно-

¹²² Под этим названием выходила в то время в Петербурге газета, посвящённая сибирским нуждам.

графии. Ему принадлежит заслуга изучения Алтая и алтайских инородцев.

Ценный вклад в изучение якутов сделал *Наум Лазаревич Геккер*. Он был осуждён в 1881 году по делу Южнорусского рабочего союза, отбыл 10-летнюю каторгу на Каре, а после каторги попал в Якутку. Геккер участвовал в сибиряковской экспедиции. Позже, живя в России, он сохранял связь с культурной работой в Сибири, являясь сотрудником иркутской печати.

Ознакомлению публики с Сибирью немало содействовал *Исаак Владимирович Шкловский* (Дионео), изучивший северо-восток Сибири и обработавший свои наблюдения в форме полубеллетристических очерков.

В 80-х годах много работал в области сибирской этнографии ссыльный *Феликс Кон*. Наконец совершенно исключительные услуги изучению Сибири оказал *Мартьянов*, организатор всемирно известного музея в Минусинске.

Отметим ещё, что целый ряд интеллигентных работников евреев группируется в местных отделах Географического общества и Общества изучения Сибири.

Иркутск – естественный центр изучения Восточной Сибири. И он должен помянуть добрым словом всех, кто потрудился над исследованием жизни этого края. Ведь эти люди выполняли научно-культурную миссию города.

Значительное число еврейских имён среди этих культурных работников подтверждает высказанную нами мысль о роли евреев в развитии духовной жизни Иркутска, иркутского района и вообще Восточной Сибири.

Часть II

ИРКУТСКАЯ ОБЩИНА
Её возникновение
и развитие

ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩИНЫ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩИНЫ

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИРКУТСКАЯ ОБЩИНА Её возникновение и развитие

§ 1. Изучение общинной жизни иркутских евреев. — § 2. Материалы для истории иркутской общины. — § 3. Время зарождения общины. — § 4. 60-е и 70-е годы. Я.С. Домбровский. Первые шаги в деле объединения общины. — § 5. Внутренний быт общины в 60-х и 70-х годах. Кантонисты и николаевские солдаты. Раскол общины. — § 6. 80-е годы. Положение общины. — § 7. Борьба внутри общины в 80-х годах. — § 8. Переходное время. Эпоха Горемыкина. — § 9. Гонения на евреев. Объединение общины. — § 10. Вторая половина 90-х годов. На заре нового времени. — § 11. Новое время

§ 1. Изучение общинной жизни иркутских евреев

В первой части нашей книги мы видели иркутских евреев как участников хозяйственной и общественной жизни, связывающей их со всем остальным населением. В экономической жизни их роль и значение определялись общим удельным весом, который имеет класс посредников и торгующих при существующих хозяйственных отношениях в Сибири. В общеполитической жизни они, вместе с остальным населением, выступали так, как это диктовалось их социальными интересами.

Но мы ещё не встречались с иркутскими евреями как с частью определённого национального коллектива. А меж тем в книге, посвящённой истории евреев в одном лишь городе, позволительно искать исчерпывающий ответ и на вопрос: где же и как проявляют себя евреи как национальная совокупность? Ответ на этот вопрос можно найти, изучая историю общины, её внутреннюю жизнь на всех стадиях развития. Не следует думать, конечно, что в общине мы всегда встречаемся со всеми группами иркутских евреев. Иркутская община, как и все прочие еврейские общины России, имеет свои периоды отлива и прилива отдельных групп. Но независимо от количества евреев, которых объединяет община, она всегда остаётся национальным коллективом. Только в общине мы встречаемся и с той обездоленной массой еврейского населения, которая была почти вне поля нашего зрения, пока мы говорили о роли евреев в хозяйственной и общественной жизни. Эта масса – неизменная основа еврейской общины. Еврейской массе нужен центр, куда она несёт свою нужду, своё горе, своё бесправие... И этим центром является община, общинные учреждения, совокупность которых образует своеобразную духовную, если так можно выразиться, территорию еврейских масс.

Но что такое еврейская община?

Какими нормами предопределено её существование?

Проще говоря, что представляет собою еврейская община в законе и жизни?

«Еврейская община»... «Общинные учреждения»... «Совокупность общинных учреждений»...

Вместе с читателем мы сознаём полную неясность в определении понятия «община». И эта неясность зависит раньше всего от того, что еврейскую общину знает жизнь, но не признаёт закон. Как ни обширно российское законодательство о евреях, но в нём мы напрасно будем искать ясно установленных норм, определяющих форму и функции общины, её права и обязанности. самого термина «еврейская община» нет в нашем законодательстве о евреях. Но если не юридически, то фактически, еврейская община в наши дни складывается из ряда учреждений, вызванных к жизни силой и логикой обстоятельств.

Закон признаёт молитвенные общества, состоящие из всех евреев, собирающихся в ту или иную молитвенную школу или синагогу для совершения обрядов веры и молитвы. Но административная практика полноправным прихожанином признаёт только того, кто делает ежегодно определённый взнос на нужды молитвенного дома.

Закон обязывает «городские еврейские сословия наравне с обществами других вероисповеданий иметь попечение о призрении престарелых, увечных и больных своих единоверцев, печься (то же, что печься. — *Прим. ред.*) об отвращении бродяжничества своих членов»... Закон разрешает в каждом городе, где имеются еврейские общества, открывать еврейские училища. Эти «права» и «обязанности» составляют юридический источник существования общинных учреждений.

Но кого же мы должны считать членами еврейской общины?

Неужели только тех прихожан, которые вносят на нужды молитвенного дома не менее той суммы, которую угодно было установить местной администрации?

Неужели только членов просветительных и благотворительных учреждений?

Нет, жизнь даёт нам право считать членами общины не только прихожан, делающих *определённый администрацией* взнос на нужды молитвенного дома, но и таких, которые, ничего не внося или внося менее, по своей религиозной потребности, являются постоянными членами молитвенного собрания. Эти непризнанные администрацией прихожане, не имея права участвовать в общих собраниях, всё же оказывают весьма часто значительное влияние на дела синагоги.

Жизнь даёт нам право считать членами общины не только дающих, но и берущих пожертвования, ибо и те и другие — пусть по разным причинам — тяготеют к одним и тем же центрам. Короче говоря, если учреждениями, составляющими общину, приходится считать молитвенные дома, благотворительные и просветительные общества, то членами общины являются не только официальные члены этих обществ, но и все те, кто этими учреждениями пользуется или в той или иной форме им содействует.

В соответствии со всем тем, что мы только что сказали, мы различаем в Иркутске, как в каждом другом городе, где имеется более или менее значительная масса еврейского населения, три группы

общинных учреждений: религиозные, т. е. синагоги или молитвенные дома, благотворительные и просветительные.

Оставаясь только в пределах истории иркутской общины, мы должны сказать, что в исторической перспективе синагога является здесь центром, около которого концентрическими кругами располагались остальные общинные учреждения. Религиозная потребность – вот первый стимул объединения евреев на заре их жизни в Иркутске. Религия – их единственная идеология. Конечно, отсюда не следует, что история синагоги тождественна с историей общины. Но говоря об истории возникновения и развития общины, мы – на определённой ступени её развития – невольно остаёмся в стенах молитвенного дома, как в центре объединения иркутских евреев. Здесь же зарождаются и просветительные, и благотворительные учреждения, организация которых прямо диктуется еврейской религией и традицией.

Но религия давно уже не является единственной объединяющей идеологией значительных масс еврейского населения. Естественно, что и синагога давно уже потеряла своё значение единственного центра объединения евреев, столицы еврейской общины. Единог такого центра не знает современная еврейская община в России. Нет его, конечно, и в Иркутске. Поэтому, желая познакомиться с дальнейшей эволюцией быта и идеологии иркутских евреев, остающихся в общине, мы должны последовать в благотворительные и просветительные учреждения последней.

Эти учреждения, вырастая из реальных потребностей обездоленных масс, обслуживаются и управляются по преимуществу общинной интеллигенцией. Её духовный мир давно уже ушёл от религиозной традиции, но питается определёнными идеалами национального самосохранения. Таким образом, изучая историю просветительной и благотворительной деятельности иркутской общины, мы должны будем сосредоточить своё внимание на эволюции всего быта более широких масс иркутских евреев. Мы остановимся на последовательном изменении форм и программ этой деятельности и на всех тех этапах, которые последовательно проходила в своём развитии местная еврейская общинная интеллигенция.

Современная еврейская историография в России стоит перед задачей правильного и всестороннего изучения жизни отдельных еврейских общин в прошлом и настоящем. Плодотворность этого монографического метода стоит вне всяких сомнений.

Только изучая в отдельности каждую еврейскую общину, её социальную структуру, экономическое положение каждой группы её членов, мы получим такие существенные детали материального положения еврейского народа, которые, при применении других методов, неизбежно ускользают от нашего внимания.

Приподнявши завесу над взаимоотношениями между отдельными группами в общине, мы знакомимся с яркими чертами быта еврейского народа.

Изучая борьбу различных течений в еврейских учреждениях каждой общины, мы знакомимся не только

с идеологией той или иной группы еврейского населения, но и с непосредственным отражением идейного течения в быте более или менее широких масс.

Конечно, не на все вопросы может ответить история каждой общины. Всё зависит от того, какую общину изучаешь. То, что может дать изучение виленской, минской или варшавской общины, того не даст изучение одесской или иркутской...

Обращаясь к нашей истории иркутской общины, мы должны признать, что не всё в ней будет представлять одинаковый интерес для каждого читателя. Некоторые имена и лица, даже отдельные события, представляющие определённый интерес для члена иркутской общины, быть может, ничего не скажут «уму и сердцу» всякого другого читателя. Но даже и локальные подробности, (которые, как мы смеем думать, всё же не лишают нашей книги общего интереса и значения), как ни ничтожны они сами по себе, могут получить и общее значение, если окажется, что под влиянием однородных факторов они нашли место и в других общинах. Тогда и эти подробности будут иметь своё значение для будущей исчерпывающей истории евреев в России.

§ 2. Материалы для истории иркутской общины

Каков тот материал, которым мы пользовались при изучении истории общины?

Почти весь писанный материал заключается в небольшом, сравнительно, синагогальном архиве, в кото-

ром самые старые записи относятся к 1878/1879 году. Это отнюдь не значит, конечно, что именно в этом году зародилась в Иркутске еврейская община, или что до этого времени никто из евреев, живших в Иркутске, не вёл никаких записей общественного характера. У нас есть все основания предполагать, что и ещё кое-что, помимо того, что мы нашли, записывалось.

Как увидим ниже, начиная с середины 60-х годов, по частной инициативе одного из основоположников иркутской общины, введены были метрические записи о рождающихся, бракосочетающихся и умирающих. Но от этих записей остались лишь 2 книги, относящиеся к концу 70-х годов.

Скудность писанных материалов в иркутской общине – не случайное явление, а прямой результат всей её истории, её социального состава в недавнем прошлом. До записей ли было в чужой, далёкой среде появившимся в Иркутске, с начала XIX века, евреям? Да и умели ли они писать?

Но и помимо социального состава иркутской общины, предопределившего скудость материала, освещающего раннюю жизнь последней, были и случайные причины, благодаря которым даже из скудного материала не всё могло уцелеть. К таким причинам следует отнести особенно иркутский пожар 1879 года. Пожар этот истребил только что выстроенную, но ещё не освящённую открытием синагогу, а с ней вместе и все те бумаги, которые тогда уже в ней находились.

Что так именно и было, видно из следующего официального обращения в 1880 году старосты молельни

Якова Моисеевича Перцеля в канцелярию генерал-губенатора:

«9 апреля 1877 года последовало разрешение господина Министра Внутренних Дел на постройку в г. Иркутске еврейской молельни, но в общем пожаре, бывшем в г. Иркутске в 1879 году, копия с разрешения господина Министра, между прочими бумагами молитвенного дома, сгорела, а потому, по встретившейся надобности, честь имею просить копию с такового разрешения».

Но и то, что могло остаться после пожара 1879 года, и то, что вновь записывалось, начиная с 1880 года, слишком скудный материал для правильного суждения о жизни общины.

Даже после 1881 года, когда была официально освящена вновь отстроенная после пожара синагога и избрано и утверждено духовное правление, не велось правильных записей, отражающих жизнь общины. Большинство записей этого времени представляет собой протоколы об избрании кого-либо в старосты и казначеи молитвенного дома, официальную переписку со станowymi приставами и полицейскими участками, носящую характер справок, протоколы о скандалах, имевших место в синагоге. Документы, которые дали бы возможность заглянуть во внутреннюю жизнь общины, имеются в самом ограниченном количестве. Это объясняется тем, что записи того времени не были плодом ясно сознанной потребности хранить историю общины. Записывалось обязательно только то, что могло понадобиться при возможных объяснениях с начальством.

Первые сознательные попытки оставить в памяти потомства наиболее значительные события общинной жизни надо отнести к началу 90-х годов, когда старостой молитвенного дома состоял Михаил Меерович Шейнис. По его поручению записывается кое-что из истории местной «Талмуд Торы»¹²³, по его же, очевидно, приказанию сохранена не только официальная переписка, но и целый ряд частных писем к нему, дающих некоторый материал для характеристики еврейской жизни в Сибири в эпоху генерал-губернатора Горемыкина. Правда, внимательно разбирая эти документы, мы замечаем, что они как-то тенденциозно ставят в центре всех событий М.М. Шейниса. Но тем не менее за всем этим налётом «человеческого слишком человеческого», остаётся яркая страница подлинно пережитого. При Шейнисе же была сделана первая попытка собрать по годам и хранить все бумаги, бывшие в канцелярии молитвенного дома, причём в особой книге была составлена опись всех бумаг.

Но что стало с этой попыткой? Об этом лучше всего говорят два протокола хозяйственного правления¹²⁴ от 20 и 29 октября 1900 года.

Первый протокол гласит: «Члены хозяйственного правления иркутской еврейской молельни, найдя дела молельни хранящимися в беспорядке (буквально валяющимися в коридоре на окне, ничем не прикрытыми, разбросанными и расшитыми), постановили: все дела,

¹²³ См. главу VI «Просветительная деятельность общины».

¹²⁴ Хозяйственное правление введено в иркутской общине, как увидим ниже, только в 1895 г.

найденные нами в наличности, собрать, рассортировать по годам, сложить в папки, составить вновь краткую (по делам) опись и таковую записать в книгу... При этом нижеподписавшиеся просят членов хозяйственного правления, как служащих в настоящее время, так и будущих, иметь наблюдение за сохранением этих дел и держать их в порядке, как всегда нужных для разных справок и *интересных в историческом отношении*¹²⁵. Более важные бумаги¹²⁶ держать отдельно в каменном шкафу, устроенном в стене молельни».

29 октября того же года хозяйственное правление вновь обсуждало вопрос «о приведении в порядок архивных бумаг», которые находятся в самом неприглядном порядке, причём оказывается, что «крепостной акт имеется только на землю, на которой построена молельня. Других же актов, как например, о закладной и об окончании постройки, нет». Не имеется документов даже на дом, принадлежащий еврейскому обществу уже свыше 20 лет. Констатируется отсутствие записи входящих бумаг и т. д.

И что же? Практическим шагом для урегулирования всего этого ответственного дела хозяйственное правление признаёт приглашение письмоводителя за 25 — 30 рублей в месяц, т. е. человека почти безграмотного. Из отчётов хозяйственного правления молитвенного дома мы действительно узнаём, что до 1900 года письмоводителя не было, но и после вышеупомянутых

¹²⁵ Курсив наш. — *Авт.*

¹²⁶ Крепостные акты, утверждённые планы, действующие страховые полисы.

постановлений таковой не был приглашён. Вместо этого значится статья расхода: «приведение в порядок архивных дел – 66 руб. 20 к.». Приведение архива в порядок не было поручено наёмному «письмоводителю». За это дело взялся член хозяйственного правления Леонтий Исаевич Таубер¹²⁷. 60-летний старик, прошедший кантонистскую службу, потом тянувший лямку николаевской службы, понял постановление коллегии, членом которой он состоял, глубоко правильно.

Получивший образование всего только в кантонистских казармах, Леонтий Исаевич Таубер, автор цитированной уже в первой части книги-хроники, сослужил вполне сознательно большую службу еврейской общине.

Он вновь распределил весь архивный материал по годам, заключил бумаги каждого года в папки и каждую из них снабдил подробной описью тех бумаг, которые в ней заключаются. Как ни скудно содержание синагогального архива, всё же он является наиболее ценным по своей достоверности материалом, и сохранение его является заслугой хозяйственного правления¹²⁸ 1900 года, и в особенности Л.И. Таубера.

Таков писанный материал, который лёг в основу предлагаемой читателю *истории общины*. Наряду с этим материалом мы использовали также те статьи и заметки, относящиеся к общинной жизни, которые мы нашли в периодической иркутской печати.

¹²⁷ Автор цитированной в 1-й части «хроники».

¹²⁸ Состав правления в 1900 г.: председатель А.Л. Шепшелевич, Л.С. Пастернак, Л.И. Таубер, Я.Е. Брегель, З.И. Помус, А.Л. Самсонович, раввин Хоммер.

Мы ничего не можем, к сожалению, сказать вообще о тех материалах, которые могут быть использованы всяким, кто заинтересуется историей еврейских общин в России. Традиционные общинные летописи «Пинкосы», где они и имеются, слишком бедны содержанием, чтобы ответить на более и менее существенные вопросы, могущие возникнуть при изучении каждой общины. А об иркутском «Пинкосе» и говорить не приходится. Первый кладбищенский «Пинкос» был выписан из Вильны в 1869 году. Выписали его исключительно с целью узнать до мельчайших подробностей весь ритуал омовения и погребения умерших. Записи в нём ничтожны и, кроме имён и фамилий некоторых членов погребального братства и некоторых похороненных, ничего не содержат. Общинный «Пинкос» приобретён в начале 90-х годов при старосте Шейнисе. Приговор общего собрания прихожан гласил, что «Пинкос» этот приобретён для того, чтобы в него заносить имена тех, кто крупными пожертвованиями или деятельностью своей творил добро общине, дабы ведали потомки имена этих людей и вдохновлялись добрыми примерами. Одна эта задача «Пинкоса» показывает, что он мог бы иметь ещё свой ограниченный смысл для истории, если бы иркутская община просуществовала лет 200 – 300. Но ведь этот «Пинкос» приобретён только в 90-х годах... Неудивительно поэтому, что в «Пинкос» внесены только имена пяти лиц.

Для настоящего времени, как это вполне справедливо констатировало недавно хозяйственное правление петербургской общины, когда ведётся правильная отчётность по всем учреждениям общины и все засе-

дания правлений этих учреждений и общих собраний протоколируются, «Пинкосы» являются анахронизмом, совершенно устарелой формой общинной летописи.

Для истории иркутской общины, как и для истории старых еврейских общин России, немаловажную роль играют всякого рода устные и письменные воспоминания, предания и даже легенды. Такого рода материалом пользовались и мы. Но из него брали мы только то, что казалось нам наиболее несомненным, благодаря повторению в рассказах разных лиц или благодаря косвенному подтверждению в других материалах, будь то синагогальный архив, «Законодательство о евреях в Сибири» или надписи на могильных плитах. Но и при таком строгом отношении к этому материалу, надо признать ограниченную ценность его. Только изучив историю общины вплоть до наших дней и идя постепенно от более известного к менее известному, мы могли восстановить картину зарождения еврейской общины в Иркутске.

§ 3. Время зарождения общины

Об официальном существовании еврейской общины где-либо в Сибири до конца 60-х годов говорить не приходится. Закон концентрирует еврейскую общину вокруг молелен. А меж тем только 19 января 1868 года высочайше утверждено положение Комитета министров о предоставлении права министру внутренних дел «по представлениям губернских начальств, разрешать в уважительных случаях еврейским общества, могущим, на основании действующих постановлений,

образовываться и вне черты постоянной оседлости евреев, учреждать молельни и при них хозяйственные правления на тех началах, кои установлены для существующих в С.-Петербурге подобных учреждений». В частности иркутские евреи получили разрешение на постройку молельни только в 1878 году. Выстроили и освятили только в 1881 году, и этот же год является официальной датой начала существования общины.

Но для нас не существенны в данном случае официальные даты. Как ни уродлива еврейская община на почве нашей действительности, всё же её подлинная жизнь бьёт далеко за пределы официальных берегов. В Иркутске лет за двадцать и больше до официального разрешения еврейской молельни созрели все элементы еврейской общинной жизни.

Автор «хроники» приехал в Иркутск 6 августа 1858 года и о том, что было за 20 – 30 лет до его приезда, рассказывает нам уже «по преданию». Из этого «предания» видно, что тогда миньён¹²⁹ едва составлялся приглашением евреев-кантонистов из местного батальона, которых начальство в то время (1837 – 1856 гг.) неохотно выпускало из казарм для свидания с их родственниками и единоверцами.

Настоящее «предание» косвенно подтверждается и одним официальным документом. Документ этот – высочайше утверждённое положение Комитета министров от 18 июня 1842 года «О порядке приведения к

¹²⁹ Собрание десяти человек, достигших религиозного совершеннолетия, т. е. имеющих не менее 13 лет от роду, присутствие которых обязательно для совершения общественного Богослужения.

присяге на верность службы евреев в тех местах, где нет еврейских обществ и синагог».

Обстоятельства дела таковы: «Генерал-губернатор Восточной Сибири, представляя Министру Внутренних Дел о затруднении, встреченном в городе Иркутске в приведении к присяге рекрута из евреев... *потому что в сём городе, как и вообще в Иркутской губернии нет Миньёна и Бесдина*¹³⁰, должествующих на основании 110 ст. Евр. Рек. Уст. находиться при приводе еврейских рекрутов к присяге, также нет синагоги или школы, реестра еврейским праздникам и раввина, — испрашивал разрешения, как должно поступать в подобных случаях». Комитет министров постановил значительно упростить обрядности при присяге, но для придания присяге, совершаемой без всяких обрядов, бóльшей важности, прибавить перед концом, что присягающий отрекается от своей веры, если не исполнит данной им клятвы.

Отсутствие в Иркутске, в начале 40-х годов, миньёна, бесдина, раввина, элементов торжественности при присяге, было восполнено следующим характерным прибавлением к тексту её: «но если, по слабости моей или по чьему внушению, нарушу даваемую мною на верность военной службе присягу, то сим сделаюсь изменником своей веры и не буду называться иудеем, и проклятие вечное да падёт на мою душу и да постигнет вместе со мною всё моё семейство...»

Итак, официальный документ подтверждает предание «хроники», указывающее, что в начале 40-х годов

¹³⁰ Или «Бет Дин»: буквально «дом Суда». См. подробно об этом учреждении: Еврейская энциклопедия. Т. VI. С. 406.

никакой организованной еврейской ячейки в Иркутске не существовало. Это подтверждается также и другим преданием, объясняющим, как и когда стали хоронить евреев на особо отведённом еврейском кладбище.

В конце 30-х годов, говорит это предание, умер еврей по имени Пинхос. Сестра его (крещённая) была служанкой у генерал-губернатора Рупперта. По её просьбе Рупперт приказал отвести небольшое пространство на католическом кладбище, куда приказал хоронить исключительно евреев¹³¹. Следует отметить, что Рупперт был генерал-губернатором с 1837 по 1848 год, и ему же, значит, принадлежит обращение в Сенат за разъяснением, как быть с присягой рекрутов-евреев. Надо, однако, думать, что место, отведённое Руппертом под еврейские могилы, выбрано им не случайно, и что ещё до его прибытия здесь хоронили евреев.

В настоящее время в Иркутске три еврейских кладбища. На первом кладбище, о котором сейчас у нас речь, хоронили до 1873 года. А меж тем из архивных документов видно, что только в 1893 году, т. е. 20 лет спустя после того, как на нём перестали хоронить, староста молитвенного дома Шейнис испросил разрешение «загородить старое еврейское кладбище, находящееся среди католического». Неудивительно, что кладбище это совершенно запущено. Большинство памятников ушло в землю, и, чтобы разобрать надписи на них, их приходится вытаскивать из земли. Из извлечённых нами памятников самый старый относится к 1836 году, как то следует

¹³¹ Предание это записано Иудой Леонтьевичем Нейманом.

из сохранившейся на нём даты, изображённой древнееврейским алфавитом. Сохранилось ещё слово «иелед», что значит «дитя». Очевидно, это могила ребёнка.

Этот факт не противоречит нашим предыдущим указаниям на отсутствие в 40-х годах элементов организованной еврейской общественности в Иркутске. Из остальных памятников первого еврейского кладбища, как это можно установить по сохранившимся датам, только незначительное количество относится к 40-м и 50-м годам, большинство же к 60-м.

В 40-х и 50-х годах обязательной для каждой еврейской общины полурелигиозной организации погребального братства в Иркутске тоже не существовало. Делом погребения, согласно воспоминаниям старожилов, заведовал старый николаевский солдат, служитель военного госпиталя.

Всё нами здесь сказанное находится в полном соответствии с движением еврейского населения по Иркутской губернии, на котором мы достаточно остановились во 2-й главе этой книги¹³². Указанный там факт расселения евреев раньше по деревням и сёлам Иркутской губернии и устремление их в город лишь с начала 60-х годов находит себе подтверждение в отсутствии признаков подлинной общинной жизни в самом Иркутске до этого времени¹³³.

Для более или менее полного развития общинной жизни необходимо численно достаточное и устойчи-

¹³² См. с. 75 – 124.

¹³³ Этот факт не лишне будет подтвердить с обратной стороны, т. е. доказательством, что сохранившиеся более ранние признаки общинной

вое еврейское население, а таковое в Иркутске образовывается только в 60-х годах.

Для того времени основным *легальным* источником еврейского населения в Иркутске являлась не ссылка, а солдаты евреи, освободившиеся от военной службы и «не пожелавшие возвращаться на родину, в черту оседлости, откуда они исторгнуты были детьми от 8 – 16 лет, и обосновавшиеся здесь прочной семейной жизнью»¹³⁴.

Помимо этого, выражаясь языком автора «хроники», были сильные двигатели жизни, «вызвавшие приток ев-

жизни в Иркутской губернии относятся и к более ранним местам оседлости евреев, к сёлам Балаганского и Нижнеудинского уездов.

Первая памятная книжка-календарь для Иркутской губернии вышла в Иркутске в 1861 г. В ней мы имеем некоторые статистические сведения, между прочим, по национальным и вероисповедальным признакам. Из них мы узнаём, что во всей Иркутской губернии имеется только один еврейский молитвенный дом, находящийся в Нижнеудинском уезде. По этой же статистике в 1860 году во всём Нижнеудинском уезде, в том числе и в самом Нижнеудинске, жило 189 евреев при общем населении в 41 400 человек. Кажется немного странным, каким образом 189 евреев, считая в том числе женщин и детей, разбросанные по целому сибирскому уезду, имели один дом, отведённый исключительно под молельню. Возможно, что дом этот случайно попал в официальную статистику в качестве синагоги, хотя вне времени молитвы служил и другим целям. Такая же синагога имелась и в Иркутске, однако она не зарегистрирована, хотя по той же статистике видно, что в самом Иркутске в то время жило 242 еврея. Очевидно, что официальные статистические указания не дают нам оснований для каких-либо заключений. Более основательным материалом для определённых заключений служат в данном случае кладбища и памятники. Они, кстати сказать, значительно исправляют не только официальные данные, но вносят определённый корректив и в рассказ автора «хроники». В памятной книжке за 1861 г. сказано, что во всём Балаганском уезде и в самом Балаганске вовсе нет евреев. Автор «хроники» говорит, что только в Зиме Балаганского уезда жили евреи (теперь там

реев в Иркутск. Сюда прибывали евреи из Западной Сибири, из уездных городов и сёл Иркутской губернии».

Мы уже знаем, что «сильными двигателями жизни» явились вино и золото, — золотопромышленность и свободное винокурение, принёсшие право евреям свободно курить вино и в Сибири. Прибывавшее в Иркутскую губернию еврейское население естественно тяготело к ранее осевшим там единоверцам. А среди этого населения выделялись своей большей сплочённостью, общностью пережитого и интересов, привычкой к дисциплине бывшие кантонисты и николаевские солдаты.

Из статистических сведений первой иркутской памятной книжки-календаря мы узнаём, что в 1860 году в Иркутске на 19 869 человек населения приходилось евреев 242 человека. Автор «хроники», прибывший в

живут преимущественно субботники). Между тем именно в Балаганском уезде, в селе Кутулик, была образована первая по времени еврейская община, которая к середине 60-х годов, ввиду «тяги» в город, уже успела окончательно распасться. В Кутулике была синагога, остов которой сохранился по настоящее время, вёлся Пинкос, который, по словам теперешних жителей евреев, пропал лет 8 тому назад. Было и благоустроенное, ныне совершенно запущенное, кладбище. Самый старый из сохранившихся на этом кладбище памятников представляет собой обломок, на котором обозначена дата «1839 год». Большинство памятников относится к 40-м и 50-м годам. К 60-м годам относится только 2 — 3 памятника. Характерной чертой почти всех надписей на памятниках является их безграмотность. И в этом, конечно, нет ничего удивительного. Таким образом, как раз в сёлах, в тех местах, где евреи раньше селились, остались следы более ранней общинной жизни. Эта общинная жизнь обслуживала, вероятно, исключительно религиозные потребности нескольких десятков, в лучшем случае сотен евреев. И к середине 60-х годов, вместе с расселением евреев по городам Сибири, окончательно замерла.

¹³⁴ Из «хроники» Л.И. Таубера.

Иркутск в конце 1858 года, застал там всего семь семейств¹³⁵. Кантонистов, говорит он, тогда уже не было¹³⁶, но было много евреев-солдат, состоявших на службе в местном батальоне. В число 242 человек, указанных в официальной статистике, включены солдаты и бывшие кантонисты, составлявшие значительный процент. Мы обращаем внимание читателя на это обстоятельство, ибо в последующем изложении отношения между так называемыми «вольными» и «военными» общинниками играют значительную роль. Ещё за 20 – 30 лет до того, как обнаружили свою мощь «более сильные двигатели жизни», вызвавшие значительный приток евреев в Иркутск, миньён составлялся благодаря кантонистам и николаевским солдатам, ухитрявшимся всякими способами вырываться по субботам и праздникам из стен казарм на волю помолиться Богу вместе со своими единоверцами или, по крайней мере, одним своим присутствием (так как зачастую они не умели и молитв читать) создать возможность общественного моления.

Вот эти, по преимуществу *солдатские* миньёны, начиная с 30-х годов, являются подлинной ячейкой развернувшейся впоследствии, к середине 60-х годов, иркутской общины.

В то время, в 60-х годах, религиозность стояла ещё очень высоко у евреев; с особой ревностью оберегалась она николаевскими солдатами и кантонистами, оставшимися в еврействе.

¹³⁵ См. главу II, § 2.

¹³⁶ Кантонистские батальоны отменены манифестом Александра II в 1856 г.

И это не удивительно. Разве они не видели, как сотни их товарищей принимали крещение, лишь бы избавиться от тех мук и унижений, которым их подвергали в казармах?! И сознание, что они всё это пережили, во имя своей религии, и остались верными Богу предков своих, естественно на долгое время определяло их ревностное отношение к религии и тогда, когда они уже очутились за стенами казарм.

Вот почему религия на ранней ступени общинной жизни в Иркутске является отнюдь не внешним только признаком, объединяющим евреев, а основным фактором развития еврейской общественности.

Но быстрый рост еврейского населения в Иркутске, начиная с 60-х годов, и особый состав этого населения выдвигает целый ряд новых общественных потребностей, искони удовлетворяющихся у евреев общиной. Этими нуждами должны были заинтересоваться более оседлые элементы еврейского населения в городе. А таковыми являлись, с одной стороны, «солдаты», а с другой – в начале 60-х годов – несколько семейств ссыльных. Из этих последних быстро выдвинулся Яков Савельевич Домбровский. Его влияние на общинную жизнь в 60-х и 70-х годах было огромно. Вокруг его имени создались целые легенды, в которых элементы истины смешались с фантазией. И многие из тех, которые его помнят и теперь, рисуют его добрым или злым гением иркутской общины на заре её существования.

Мы надеемся в дальнейшем изложении восстановить подлинный образ Домбровского. Но одно и для нас несомненно: эпоха от 60-х до 80-х годов, эпоха за-

рождения и первоначального развития еврейской общины в Иркутске, самым тесным образом связана с его именем. К этой эпохе мы и перейдём.

§ 4. 60-е и 70-е годы. Я.С. Домбровский.
Первые шаги в деле объединения общины

Эпоха, обнимающая 60-е и 70-е годы, в истории иркутской общины не лишена драматизма.

Вспомним, из каких элементов складывается еврейское население в Иркутске. Кто они, эти евреи, стягивавшиеся в Иркутск с 60-х годов? Ведь среди них пришедших в Сибирь по своей воле, энергичных искателей счастья, вырвавшихся по собственной инициативе из душного гетто «черты», – крайне ничтожный процент. И неудивительно! Какой нужно обладать исключительной предприимчивостью, чтобы в те годы, при тогдашних путях сообщения рискнуть отправиться в Сибирь, далёкую, неведомую, страшную страну преступников, да ещё без... «правожительства».

И вот людям, перенёвшим все муки пути «по Владимирке» и каторги, людям, оторванным в раннем возрасте от родителей и заключённым в кантонистские казармы, приходилось начать сызнова жить.

Как у них всё же уцелело стремление к сохранению своего национального «я»?

По отношению к евреям-ссыльным нас этот вопрос не занимает, ибо они были оторваны от привычного быта в зрелом возрасте. Но николаевские солдаты и кантонисты? – Они, ответим мы на поставленный воп-

рос, заботились о сохранении не своей национальности в широком смысле этого слова, а религии. Им была дорога религия, за которую они «претерпели».

Им было дорого, быть может, не столько внутреннее содержание еврейской религии, до которой они в массе и не могли подняться, а внешняя, обрядовая сторона. И только через религию, за которую «претерпели», они могли прийти и до осознания своего национального единства.

Евреям, попадавшим в Сибирь, пришлось вести долгую, упорную борьбу за существование, за материальное упрочение. В то время, в начале 60-х годов, еврейское население в Сибири, на всём её огромном протяжении, нигде не было, очевидно, материально устроено, ибо, в противном случае, золотопромышленность и винокурение не вызвали бы такого притока евреев в Иркутск в начале 60-х годов. А приток евреев в город был в это время настолько велик, что не все могли сразу пристроиться на работу. Таким образом увеличившееся численно еврейское население одновременно стало перед вопросом создания общественной благотворительности. Масса тогдашнего еврейского населения в Иркутске чувствовала эту потребность, но она была слишком некультурна, чтобы разрешить её. И на почве разрешения представших задач выросла фигура Я.С. Домбровского, который, благодаря счастливому стечению обстоятельств и собственным дарованиям, сумел использовать свой авторитет и связи для создания и упрочения еврейской общины. Правда, еврейская община на время трагически разбилась, от-

части по вине того же Домбровского. Но об этом в своё время. А пока познакомимся поближе с этой, в некоторых отношениях, замечательною личностью.

Я.С. Домбровский, сын бедных родителей, родом из Юрбурга, Ковенской губернии, родился в 1794 году. По обычаю евреев того времени его женили в ранней юности. Лет семь он прожил со своей женой в Кроже, близ границы. Мы не знаем, чем именно его не удовлетворяла жизнь в Кроже, но в одну тёмную ночь он перебрался через границу и в течении 12 лет жил сначала в Германии, а затем в Лондоне. Тщетно искали его родители жены, которая осталась «агуной»¹³⁷ с детьми.

В Лондоне, по одной версии, Домбровский устроился мелким служащим в доме Ротшильда, по другой, более правдоподобной, — он несколько лет служил старшим шамесом (служителем) у тогдашнего лондонского раввина раби Натана Адлера. Когда наконец родители его жены узнали, где он обретается, они отправили специального «шелиаха» (посланника), который должен был воздействовать на Домбровского и уговорить его возвратиться домой к жене. Не знаем, воздействовало ли красноречие посланника. или сам Домбровский пожалел брошенную жену, но он согласился возвратиться на родину. Это было в разгар ликвидации польского восстания 1831 года.

Яков приехал с целью дать жене развод, но дома от него потребовали, чтобы он остался жить со своей

¹³⁷ Жена, которую муж оставил, не давши ей развода.

семьёй. На это Домбровский не согласился. Когда угрозы ни к чему не привели, у него взяли развод и, чтобы «отомстить», написали донос куда следует. В доносе этом указывалось не только на «тайный переход границы» и на самовольную отлучку за рубеж, но был сделан намёк на то, что Яков Савельевич причастен к польскому мятежу. В этом доносе и дана была ему фамилия с польским окончанием на «ский», очевидно, для большего правдоподобия его участия в польском мятеже. В действительности его фамилия была Домбровер, но так уже с тех пор он остался Домбровским.

Новоявленного «мятежника» и «польского патриота» Домбровского арестовали. Не знаем, сколько времени тянулось следствие, но в конце концов он очутился в Москве, в знаменитом в то время Колымажном дворе. Тут он ждал своей участи. Ему предстояла перспектива: или очутиться в солдатах, или отправка в Сибирь. Последняя более улыбалась Якову Савельевичу, чем казарма того времени. Но как попасть в Сибирь?

Случай выручил.

Однажды, во время пребывания его в Колымажном дворе, последний посетили какие-то английские путешественники. Арестанты были выстроены в две шеренги. Обходя арестантов, «знатные иностранцы» заметили в руках Домбровского какую-то книжку. Поинтересовались узнать, что читает арестант, и вдруг книжка на родном их английском языке! В течение нескольких лет жизни в Лондоне Яков Савельевич научился английскому языку. Англичане расспросили диковинного арестанта о его злоключениях, узнали, что ему грозит, и пообещали

содействие, т. е. скорейшую отправку в Сибирь взамен ожидаемой солдатчины. И действительно, вскоре ему было объявлено, что он ссылается в Восточную Сибирь.

Изведав все мытарства этапного пути, он наконец в 1833 или 1834 году очутился в Оёках (Оёкская волость Иркутской губернии) близ Иркутска, куда и был приписан. В Оёках Яков Савельевич не засиживается. С ящиком на ремне через плечо он отправился в Иркутск. В этом ящике был товар собственного приготовления: вакса. С этой ваксой заглядывал он и в уездный город Нижнеудинск, где некоторое время оставался учителем, заглядывал и в окружающие сёла. Слава об Якове «дер-энглендер»¹³⁸ быстро распространилась. И неудивительно! Ведь это подлинно был первый и долгое время единственный еврейский интеллигент на всю Сибирь! Еврей, знающий все обряды еврейской религии, знающий Библию и смыслящий даже в Талмуде – да таких вовсе и не было в Иркутске. И это одно доставило ему почёт и уважение среди еврейского населения. А внешний европейский лоск и природный ум дали ему быстро возможность бросить ящик с ваксой и стать первым по времени богачом-евреем в Иркутской губернии. Дабы, кстати, дать понять читателю, насколько евреи в Сибири в то время были далеко от богатства, достаточно будет сказать, что первый еврейский богач Я.С. Домбровский в 1859 году, когда он окончательно переселился в Иркутск, имел не более 50 тысяч денег.

Мы не станем долго останавливаться на внешних данных биографии Домбровского, и передадим только

¹³⁸ Яков-англичанин.

основные факты из дальнейшей его жизни. Во время своих наездов в Иркутск, он познакомился с зажиточным евреем неким Мелеховичем, жившим на Илге в Верхоленском уезде и ведшем там сравнительно большую торговлю. Мелехович пригласил Домбровского к себе в дом, отдал за него одну из своих дочерей и принял его участником в своём деле.

На Илге Я.С. Домбровский прожил двадцать лет и не только успел разбогатеть, но приобрести большие связи в административном мире, благодаря удачно выполненным поставкам хлеба и спирта в Якутскую область. Этими связями он был особенно дорог евреям-поселенцам, прибывавшим по этапу.

Его хлопоты об оставлении его несчастных единоверцев тут же, на Илге, вместо отправки в Киренский уезд или Якутскую область всегда увенчивались успехом, и это создавало ему славу человека, который может сделать всё, что ему угодно. А если к этому ещё прибавить, что он же многим давал заработок, который так исключительно дорог вновь прибывающему поселенцу, то станет ясно, каким ореолом благодетеля и печальника народного окружила его имя «народная молва» задолго до его переезда в Иркутск.

Ещё в 1857 году, как гласит официальный документ, г-н председательствующий в Совете Главного управления Восточной Сибири, во внимание к хорошему поведению Домбровского на месте ссылки в течение слишком 20 лет, обратился в Министерство юстиции с ходатайством о дозволении ему переселиться в город Кишинёв. Ходатайство это было уважено, но Яков

Савельевич им не воспользовался, а переехал в 1859 году в Иркутск.

Причины, побудившие Домбровского ходатайствовать о переезде в Россию, заключались в следующем: согласно закону, дети мужского пола, старше 5 лет, должны были уезжать обратно «в черту», откуда был сослан отец или же отдавались в кантонистские казармы. Естественно, что Яков Савельевич не имел желания отдавать своих детей в кантонисты. Но так как вскоре после воцарения Александра II институт кантонистов был отменён, то само собой отпала необходимость в переезде «в черту», и он предпочёл остаться в Сибири.

Здесь, в Иркутске, дела его замечательно расширились. Он приобрёл золотые прииски в Нерчинском округе и два винокуренных завода в компании с известными русскими купцами: Сибиряковым, Немчиновым, Базановым и т. д.

В 1867 году Домбровский возбудил ходатайство о разрешении ему приписаться иркутским купцом. И ему на том основании, что он прибыл в Иркутск до 1837 году, было разрешено записаться в иркутские купцы. Этого мог достигнуть только Домбровский, благодаря своим отношениям с местной администрацией. И когда генерал-губернатором стал Синельников, первый представитель официального антисемитизма, он пользовался каждым случаем, чтобы в своих «литературных» приказах в губернских ведомостях подчеркнуть те «милости», которые сыпались на еврея Домбровского...

В Иркутске Домбровский также широко пользовался своими связями в административных сферах для

оказания помощи евреям-поселенцам и их семьям, в смысле оставления их в городе. И самый факт переезда Домбровского в Иркутск привлекал многих евреев в город.

Иркутские евреи встретили Домбровского с распростёртыми объятиями и окружили его большим почётом и уважением. Авторитет человека, знающего основательно все обряды еврейской религии и их смысл, основательно знакомого с еврейским вероучением, как мы сказали, не мог не стоять весьма высоко среди тогдашних иркутских евреев, сплошь религиозных и в то же время искренне сознающих себя «амей-гоорацим»¹³⁹. А Яков Савельевич соединил в себе с этими знаниями авторитет человека, «который всё может». В глазах администрации он действительно выделялся среди тогдашнего еврейского населения Сибири своей интеллигентностью и внешним европейским лоском.

Я.С. Домбровский был большим поборником просвещения среди своих единоверцев. Поэтому вскоре после переезда в Иркутск, он озаботился приобретением помещения, где бы обучались грамоте дети бедноты. Для своих детей он выписал в качестве учителя известного в те годы еврейского писателя некоего Бавли¹⁴⁰. Он оставался, как многие представители Гаскалы (просвещения) в России в то время, человеком искренне религиозным. Но вместе с тем боролся с предрас-

¹³⁹ Невеждами.

¹⁴⁰ Отношение Домбровского к просвещению видно из его пожертвования на постройку училища для девочек в Верхоленском уезде.

судками, фанатизмом, слепой приверженностью к обрядности. Эта борьба имела свои корни не в желании его очистить религию от исторически наслоившихся обрядностей, а в стремлении насадить «европеизм».

С этой стороны Я.С. Домбровский бессознательно является предтечей будущих сторонников крайне упрощённой, безыдейной ассимиляции в Иркутске. У самого Домбровского эта борьба за европеизм питалась в значительной степени и личной драмой его жизни. Разве не фанатизм привёл его к неудачной ранней женитьбе и к ссылке в Сибирь? Правда, как написано на его памятнике, «Сибирь его возвеличила». Но, «возвеличив», она не залечила старых ран...

Вскоре по приезде в Иркутск, куда он прибыл не только с семейством, но и со своим резакоем Евсеем Иосифовичем Рябкиным, Домбровский нанял дом специально под молельню. А так как постоянной молельни тогда в Иркутске не было, все стали собираться к Домбровскому для молений, тем более что благодаря увеличивающемуся еврейскому населению «миньён» составлялся легко. Вскоре для молений стали собираться и по несколько десятков. Увеличивавшееся еврейское население нуждалось и во внешней урегулированности своей жизни. Евреями, окончившими каторгу или приписавшимися куда-либо на поселение, власти переставали интересоваться. Это объяснялось не «легкомыслием» тогдашней сибирской администрации, а тем обстоятельством, что евреи ещё не успели к началу 60-х годов прийти в соприкосновение с различными сторонами тогдашней общественности: они ещё не

учились и не записывались в купцы. А когда со времени приезда Домбровского население не только увеличилось, но быстро и энергично было вовлечено в водоворот экономической жизни, явилась потребность и в особой регистрации. И Я.С. Домбровский впервые, по собственной инициативе, стал вести книги о рождающихся, бракосочетающихся и умирающих.

Копии с записей в его книгах заменяли евреям метрические свидетельства. Кто знает, какой большой вопрос и по сию пору у евреев эта регистрация рождения и смерти, тот поймёт какую неоценимую услугу оказал этим Яков Савельевич своим единоверцам. И теперь ещё в Иркутске много таких евреев, которые по метрическим свидетельствам, выданным Домбровским, учились, вступали в брак...

Всё, казалось, сулило, что молодая еврейская община организуется, укрепится, заживёт своей жизнью, удовлетворяя посильно свои нужды. Но случилось иное. Не успевшая ещё окончательно организовать себя община раскололась на два враждебных лагеря. На одной стороне стали все «вольные», т. е. не побывавшие в казармах, с Я.С. Домбровским во главе, а на другой – еврейские «служилые люди», т. е. бывшие кантонисты и николаевские солдаты. Вражда была долгая, упорная и даже... с кровопролитием. Один был в Иркутске человек, который мог бы своим авторитетом предупредить эту рознь, это Я.С. Домбровский. Но на деле он оказался источником распри.

Если, с одной стороны, он затаил глубокую ненависть к порядкам, царившим в кагальных организа-

циях Литвы, то с другой – в нём самом прочно укоренились замашки кагальных главарей. Он не только требовал беспрекословного подчинения себе, но настаивал, чтобы всё в общине делалось по его личной воле. Вместе с тем он совершенно неспособен был подняться до понимания психологии своих общинников – солдат и кантонистов. Он предстал перед ними не только как просвещёнейший и авторитетнейший, но и как кагальный староста со всеми его неприятными замашками властвующего, третирующего их как невежд, недостойных восточной стены храма...

Я.С. Домбровский был сложной натурой и, при спокойном анализе событий маленького мирка иркутской общины, он не является пред нами её однотонным гением добра или зла. Он – глубоко интересный еврейский национальный тип 60-х годов, удивительно сохранившийся во всём своём разнообразии и в далёкой Сибири. И сам Домбровский даёт ключ к уразумению некоторых черт своего «я» в тех надписях, которые высечены на его могильном памятнике.

Говорят, он сам при жизни составил себе эпитафию. Вернее всего, что это одна из легенд. Но его семья, очевидно, вся была преисполнена верой в величие их отца.

«Удержите Ваши слёзы», – сказано на одной стороне памятника. «Не плачьте о несчастье, что Яков ушёл в свой путь-дорогу¹⁴¹ и нашёл здесь свою могилу. Яков не умер. Он жив! Он оставил своё хорошее имя, которое дороже елея».

¹⁴¹ Мы передаём дословно.

На другой стороне: «Спрашивают в долине плача: Кто нашёл себе отдых под этим бугорком земли? 90-летний старик, который удостоился двух столов¹⁴², Раби Яков, сын Саула, Домбровский. Кто тебя не знает?»

Надпись на третьей стороне в лаконической и красивой форме даёт нам этапы всей его жизни: «Жмудия его родила. Англия его просветила. Сибирь его возвеличила. Земля Иркутска его покрывает».

Таковы этапы, пройденные Яковом Савельевичем, и мы уже знаем, какие неизгладимые черты его характера создал каждый из этих этапов. В столкновениях Домбровского с евреями-солдатами нам следует искать только ключ к уразумению возникшего в общине конфликта. Весь же конфликт в целом станет нам понятным, если мы поближе познакомимся с психологией евреев-солдат и внутренним строем всей общины в целом.

§ 5. Внутренний быт общины в 60-х, 70-х годах.

Кантонисты и николаевские солдаты.

Раскол общины

Автор «хроники», с лаконичностью летописца, не мудрствующего лукаво, так повествует об этом конфликте: «Евреи-солдаты, *принимая горячее участие во всём, что касалось интересов еврейской общины*¹⁴³, что-то стали недовольствоваться порядками, царившими в общине во-

¹⁴² Образное выражение, обозначающее, что покойный пользовался достатком и почётом в мире и будет восседать вместе с праведниками за одним столом и на том свете.

¹⁴³ Курсив наш. — Авт.

обще, и в частности в молитвенном доме Домбровского, и потому скоро отделились от купцов и мещан, образовали свою общину, а для своих собраний на молитву купили на 2-й Солдатской улице дом. Таким образом, в Иркутске образовались как бы две еврейские общины. Раскол этот продолжался до окончательного созрения вопроса о постройке нового каменного молитвенного дома».

Для нас крайне ценно указание очевидца этого раскола, что солдаты евреи принимали горячее участие во всех делах общины. И неудивительно! Ведь солдаты не только по времени основатели иркутской общины. Они явились первыми из евреев, имевших абсолютное право жительства в Иркутске, они были единственными элементами еврейского населения города Иркутска, официально признаваемыми. Даже сам Домбровский до 1867 года, когда его записали иркутским купцом, жил в Иркутске только по особому разрешению начальства.

Ведь только им, солдатам, в конце 70-х годов официально разрешено было построить молитвенный дом, хоть об этом хлопотали также купцы и мещане во главе с Домбровским.

Что солдаты и кантонисты всё, что касалось общинной жизни, принимали близко к сердцу, не подлежит никакому сомнению. Но в то же время они не требовали особых признаний своих заслуг. Ибо всё, что они делали, они делали для себя. Жертвуя, например, на школу, они жертвовали для своих детей, ибо дети солдат составляли значительный процент в той Талмуд Торе, которая возникла в начале 60-х годов. Общинная организация, как уже говорили в начале главы, наи-

более дорога именно массе еврейского населения. А солдаты и кантонисты и составляли эту массу.

Экономический быт еврейской общины Иркутска в 60-х и первой половине 70-х годов не оставлял ещё мест для «классовых противоречий». Помимо семей Домбровского и Лейбовичей, в Иркутске только к концу 60-х годов образовались ещё 2 – 3 более зажиточные семьи, а большинство иркутской общины принадлежало к материально устойчивому, но не богатому слою. Среди евреев, бывших солдат, в описываемое нами время, не было богатых. Таковые из их среды явились впоследствии. А в то время большинство из них занималось ремеслом или торговлей в небольших размерах. Бедноты в Иркутске было ещё мало, и вербовалась последняя преимущественно не из постоянных членов общины, а являла собой текучий элемент: проезжающие через Иркутск ссыльнопоселенцы, вдовы или жёны каторжан, инвалиды. Были ещё некоторые элементы, зависевшие от Домбровского и Лейбовичей, служившие у них и получающие у них работу, но они, психологически тяготея к солдатам, всё же официально принуждены были в возникшем конфликте держаться в стороне.

Таким образом, пред нами как бы поединок солдатской еврейской массы и естественного главаря общины Я.С. Домбровского. Отсутствие экономических противоречий не сглаживало этой борьбы, а только определяло бедноту её содержания. А общность быта и отсутствие внешних элементов подчинения превращало этот конфликт в упорный, долго длящийся распад в одной разросшейся семье.

Общность в быту коренилась раньше всего в одинаковости материального положения большинства общинников. Жизнь нескольких богатых семей тоже не отличалась существенно от жизни большинства остальных. Богатые семьи находились в периоде «первоначального накопления», когда, естественно, общий тон жизни остаётся ещё весьма скромным. С другой стороны, и весь тон жизни Иркутска мало напоминал современный город, а евреи, в частности, в то время стояли ещё вдали от общегородской жизни.

Отдалённое от своих центров еврейское население Сибири быстро утрачивает (как в деревнях, так и в городах) те черты домашнего обихода, которые отличают евреев в юго-западном крае, но довольно долго и устойчиво удерживает религию со всеми обрядностями. Правда, начиная с 80-х годов, религиозный быт быстро разрушается, но для 60-х и 70-х годов крайне характерным является своеобразный синтез внешней ассимиляции и строгого сохранения религиозного лица. Приверженность к обрядам в годы, сейчас описываемые, была настолько велика среди евреев, что она приводила и к бессмысленным жертвам. Известно, что еврейки, по обрядам религии, в известные дни каждого месяца должны посещать специальные особо устроенные ритуальные бассейны «Микво». Но в то время ни одна община в Сибири не в состоянии была обзавестись подобного рода учреждением.

И так как одним из главных религиозных требований в устройстве этих бассейнов является присутствие свежей проточной воды, то эти бассейны заменялись

холодными реками Сибири, а зимою – прорубями в этих реках. Неудивительно, что бывали случаи, когда женщины в несколько дней погибали после таких омощений. Кстати, Домбровский, оставаясь сам безусловно религиозным и верующим человеком, вёл борьбу с такого рода фанатизмом. Он же не только боролся, но и настаивал на отмене бритья головы у девушек, выходящих замуж. Но то, чего не мог сделать Домбровский, очень быстро, как увидим ниже, сделало время.

Иркутск да и вся Сибирь не знали той тяжёлой междоусобицы, которую пришлось пережить евреям «черты» из-за борьбы между «миснагидами» и «хасидами», а впоследствии между теми и другими вместе, на одной стороне, и так называемыми представителями Гаскалы¹⁴⁴, на другой. Но вглядываясь в психологию иркутской еврейской массы изучаемого времени, мы можем в ней заметить черты хасидизма, как своеобразного еврейско-народнического движения. Подобно хасидам, она изучение Торы и Талмуда, по целому ряду случайных причин, им недоступных, хотела заменить верой, молитвой, строгой приверженностью к обрядам. Домбровский как раз был противником хасидов. У него и здесь были стычки и столкновения, когда он боролся против громких молений, неистовых раскачиваний.

Для полноты картины внутреннего быта иркутской общины в 60-х и 70-х годах нам следует ответить ещё на один вопрос: «Была ли у иркутских евреев жива связь с массой своих единоверцев из „черты“?»

¹⁴⁴ Эпохи просвещения.

Безусловно, была! Во-первых, в Сибирь притекали беспрерывно новые семьи ссыльных, которые поддерживали переписку с родными из «черты». А во-вторых, особыми носителями национального единства в то время были так называемые «мишулахи», т. е. посланники от разных ешиботов «черты» и от благотворительных учреждений и ешиботов Палестины. Они разъезжали, начиная с 60-х годов, а может быть, и раньше, по всей Сибири и собирали деньги для просветительных и благотворительных целей. Так как Иркутск как еврейский центр Сибири быстро рос, то он естественно становился излюбленным местом их посещений. В то время они пользовались в Иркутске особым уважением, и о некоторых из них осталось по сию пору наилучшее воспоминание. Речи посланников слушались тогда с особым удовольствием. Их призывы к сохранению религиозных традиций находили благодарную аудиторию. А с другой стороны, и сами посланники были людьми искренне верующими, делавшими эту утомительную поездку зачастую бескорыстно.

С особой любовью здешние старожилы вспоминают одного «посланника» раби Арне Акиве, 35 лет подряд посещавшего Сибирь и увозившего по несколько тысяч в пользу мирского и волошинского ешиботов. Его моральный авторитет среди всех сибирских евреев стоял очень высоко, и к словам его прислушивались все слои сибирских общин. Конечно, трудно думать, чтобы даже лучшие из посланников в своих речах (они почти всегда бывали и проповедниками) поднимали своих слушателей до осознания национального единства

в каком-либо современном смысле этого слова. На данной ступени общинной жизни они играли вполне определённую роль. Они рассказывали о страданиях евреев «черты», в их речах звучала и скорбь нищеты, и ужасы пережитого во время погромов, и страдания от непрерывной цепи гонений.

Все эти муки еврейского народа в их освещении имели, конечно, один источник: наказание Бога за равнодушие к религии. Их призывы к строгой приверженности к религии, как естественный вывод из всего их мирозерцания, как и призывы к пожертвованиям на ешиботы, как на рассадники религиозного образования, находил тогда сочувственный отклик, благодаря преобладавшему в общине религиозному настроению.

Кажется непонятным, каким образом при такой общности в быте и настроении, при отсутствии существенной разницы в экономическом положении большинства общинников, мог разыгаться в общине конфликт, обессиливший общину, задержавший её развитие.

Конфликт этот, примитивный по своему содержанию, является чисто психологической распрей, и в нём не следует искать стороны правой или виноватой.

Постараемся обрисовать психологию солдат-общинников и понять их так же, как выяснением личности Домбровского мы старались выяснить мотивы его действий.

Властные черты характера Домбровского, присущий ему деспотизм, преувеличенное самомнение, черты властвующего кагального старосты в его характере, — всё это приводило к тому, что даже самые лучшие ре-

формы, которые он проводил в общине, благодаря его способам действия и форме, в которую эти реформы облекались, встречали противодействие. Горячие общинники, евреи-солдаты не могли мириться с тем, что их постоянно оттирают на задний план. Они добивались сначала только равных прав в общине, а когда им беспрерывно указывали, что они невежды, «амей гоарацим», они сами заняли положение нападающей стороны, ибо они в действительности и на себя смотрели, как на привилегированных членов общины, имеющих особые заслуги пред общиной и пред еврейством.

«Мы не только не запятнаны пред правительством и обществом каким-либо преступлением, подобно даже любому из “учёных” ссыльных, – говорили они. – Но каждый из нас может рассказать печальную повесть о своих страданиях в кантонистских казармах и в николаевской рекрутчине. И эти страдания испытывали мы только потому, что захотели остаться и остались евреями».

В еврейских исторических журналах и сборниках уже появились воспоминания кантонистов пойманных и николаевских солдат. Но мы не считаем излишним и здесь привести два рассказа местных старожилов, дабы читатель имел пред собой не только наш вывод, но непосредственный материал для уразумения их настроений.

«Начиная с 50-х годов ужасы кантонистских казарм значительно ослабели, – рассказывал нам Леонтий Исаевич Таубер. – Но всё же они не были под силу девятилетним или десятилетним мальчикам. Помню, как будто бы это случилось сейчас. Я проводил уже последний

год в кантонистских казармах и готовился к переходу в солдатские казармы, т. е. к страшной 25-летней службе. В этом году, раннею весною, как раз в праздник Пурим, к нам в Омский кантонистский батальон пригнали из Житомира 70 еврейских мальчиков. И что же? К пасхе, т. е. ровно через 4 недели, 1 из них умер, 60 приняли крещение и только 9 остались ещё евреями».

Одновременно с Леонтием Исаевичем Таубером в том же батальоне содержался и другой иркутский старожил, Яков Моисеевич Перцель. Вот что, глубоко волнуясь, рассказывал нам этот старик:

«Я и сам не знаю, каким образом я остался евреем. При одном воспоминании о прошлом я вновь переживаю весь этот кошмар. Меня пороли. Пороли за то, что я без спросу убежал в город к единоверцам. Пороли за какую-то детскую шалость, борьбу с товарищем из-за ножика. Когда мне предстояла третья порка, я не выдержал наконец и сказал, что я хочу креститься. Это освобождало от порки. Тогда был обычай, всем, согласившимся креститься, давать новые имена, которые вскоре принимались ими и при Святом Крещении. Меня нарекли Александром. Но, как видите, я остался Яковом.

Я не знаю сам, что так пламенно удерживало меня в еврействе. Национальный инстинкт?

Слёзы матери, молившей меня, восьмилетнего мальчика, остаться евреем?

Или естественное инстинктивное упорство, противодействие тем, которых я не мог не считать своими врагами?

Я согласился креститься, но от горя заболел. Меня поместили в больницу. Вскоре меня пришёл навестить наш кантонистский батюшка, отец Александр. Принёс мне гостинцев. Увидев его, я страшно взволновался... Сейчас, сейчас меня окрестят, и всё будет кончено... Я припал к груди отца Александра и горько рыдал. Добрый отец Александр искренне меня утешал, говорил о той радости, которая ждёт меня после крещения.

– А вы, отец Александр, сильно плакали бы, если бы ваш сын перешёл в еврейство? – спросил я сквозь слёзы.

– Что ты, дитя моё, Господь с тобой! Конечно, плакал бы!

– Но ведь и моя мать горько будет плакать, когда узнает, что я крестился.

И я ещё горше заплакал.

Я не знаю, что подействовало на отца Александра, – мой наивный вопрос, оказавшийся в то же время, помимо моего сознания, столь коварным, мои слёзы, слёзы больного ребёнка, но отец Александр поспешно ушёл из больницы. Меня никто не тревожил и тогда, когда я вновь перешёл в казармы. С того времени отец Александр, который вообще слыл среди нас добрым человеком, больше никогда не появлялся у нас. Вскоре Александр II уничтожил институт кантонистов. Моей заветной мечтой было ещё хоть один раз увидеть отца Александра. И когда я материально немного устроился, я отправился в Омск, но отец Александр как в воду канул. И мне так и не пришлось увидеть доброго отца Александра, свидетеля моих страданий, моего страстного желания остаться евреем...»

Могли ли эти общинники тогда, когда впечатления всего пережитого были ещё так свежи, согласиться с тем, чтобы их третировали, чтобы их не удостаивали призывов к Торе, что почиталось ими как особая честь, и могли ли они согласиться с тем, чтобы все нужды общинной жизни разрешались без их непосредственного участия, а только по указанию Домбровского? Могли ли они согласиться с тем, чтобы все дела молельни разрешались одним лицом, без их представителя, без их «габе»¹⁴⁵? Могли ли они согласиться, чтобы их резака, бывший в то же время и главным духовным лицом в общине, Евсей Иосифович Рябкин, был всецело в зависимости от Домбровского и во время конфликтов всегда принимал сторону их противника? – Конечно, нет!

И они вынуждены были отделиться, устроить себе особую молельню, пригласить себе даже своего особого резаку¹⁴⁶. Каждый спор, каждый конфликт имеет свою логику. И раз начавшись, он всё более разгорался. Порядки, устанавливаемые Домбровским, и способы, которыми эти порядки устанавливались, вызывали противодействие, питавшееся из различных источников. В нашей характеристике Я.С. Домбровского мы указали на те противоречивые черты, которые сочетались в нём под влиянием условий его жизни.

Противоречивы были также черты характера у представителей противоположной стороны. Не нужно думать, что они были только стороной, оскорблённой в своих лучших чувствах. Они бывали и напада-

¹⁴⁵ Синагогальный староста.

¹⁴⁶ Раби Ицхок Иранан.

ющей стороной. Таковыми в особенности являлись кантонисты из России, среди которых бывали и пойманники, а также николаевские солдаты. Те и другие рекрутировались из беднейшей части еврейского населения «черты». Они имели основание затаить злобу против господствующих и «учёных», пользовавшихся жестокими услугами ловцов, чтобы спасти своих детей. И в свете далёких воспоминаний богачи и «учёные» являлись пред ними более мрачными и жестокими, чем кантонистские казармы и 25-летняя военная служба.

В наших руках сумбурная и безграмотная книжка одного такого пойманника¹⁴⁷ Ицхока Виника. Эта брошюра в 5 страничек доказывает пользу распространения земледельческого труда среди евреев. Сразу и не разберёшь, действительно ли её написал «любящий брат еврейского народа», как подписывается автор.

«Когда евреи через Польшу вошли в Россию, пишет он между прочим, им встретились три чуда. Первое чудо – Император Александр I, да будет благословенно имя его, второе чудо Николай I, да будет благословенно имя его и третье чудо Александр II». И если, несмотря на эти три чуда, евреи остались и «глупыми и болезненными, пархатыми и с коростами», – то исключительно потому, что они не занимались земледелием. Но виновны в этом не бедные евреи, ибо Пятикнижие всецело посвящено возвеличиванию земледельческого труда. Виновниками являются средневековые иезуиты, а в наше

¹⁴⁷ Обосновавшегося в Иркутске.

время раввины-талмудисты и богачи. И со страшной ненавистью набрасывается автор на последних.

Эта брошюра помечена 1909 годом, но для нас нет сомнения, что этот, по-своему искренне любящий свой народ – «крестьянин Иркутской губ., отставной фельдфебель из Виленских пойманников р. Ицхок бен Арье а Лейви Виник», как гласит его полный титул в брошюре, затаил свою ненависть к раввинам и богачам ещё с той ночи, когда его в раннем детстве насильно оторвал от матери страшный ловец, ради сына какого-нибудь богача.

Насколько глубока была эта злоба, видно и из того, что этот пойманник, будучи уже стариком и состоятельным человеком, прибыв на родину свою, в Вильну, и узнав, что жив ещё тот еврей-ловец, благодаря которому он попал в кантонисты, потребовал от тамошних раввинов суда над ним.

Таким образом, мы можем заключить, что в тайниках души евреев-солдат были особые чувствительные места, которые не только легко было задеть, но в которых самостоятельно ковалось чувство злобы против правящих кругов общины, напоминавших им обо всём пережитом и о тех, кого они считали главными виновниками своих былых страданий.

Мы не будем останавливаться подробно на всех перипетиях этой борьбы, да они и не важны. Но один кровавый эпизод глубоко врезался в память иркутских общинников. Один из противников Домбровского, заподозрив своего бывшего друга в измене, в переходе на сторону Домбровского, затаил вражду, которая

привела к убийству. Вечером, в праздник, во время богослужения, ворвался противник Домбровского в синагогу и ударом ножа уложил предполагаемого изменника на месте.

Кровопролитие, братоубийство в синагоге! Тяжёлой болью отозвалось это убийство в душе всех евреев. Острее, чем когда-либо почувствовали все необходимость положить конец этой розни. И случай этому скоро представился.

Читатель уже знает, что никакого разрешения на устройство молельни ни та, ни другая сторона не имела. А вместе с численным ростом общины всё серьезнее вставала необходимость хоть как-нибудь оформить её существование. А так как синагога – основная и единственная официально разрешаемая ячейка общины, то сам собою возник вопрос об исходатайствовании разрешения на постройку молитвенного дома.

Первой возбудила соответствующее ходатайство солдатская община, а вскоре за ней и «купеческо-мещанская община», как официально называла себя другая враждующая сторона. Ходатайство солдатской общины было уважено министром внутренних дел 9 апреля 1878 года. А другой стороне в аналогичном ходатайстве было отказано именно на том основании, что разрешение на постройку синагоги в Иркутске уже выдано евреям-солдатам, а для Иркутска, где евреев мало, достаточно и одной синагоги. Но солдаты евреи, имея разрешение на постройку молельни, не имели средств для того, чтобы воздвигнуть приличное каменное здание и соответственным образом его оборудо-

вать. А другая сторона не имела разрешения, но обладала средствами. Вывод напрашивался сам собою: надо объединиться, выбрать комитет для заведывания постройкой, в который входили бы представители обеих сторон. И психологически эта задача облегчилась. Обе стороны были утомлены борьбой. К тому же Я.С. Домбровский, этот видимый для одной стороны виновник конфликта, к тому времени уже значительно состарился и сходил со сцены. Он оставался ещё львом иркутского еврейского общества, но старым и умирающим львом. «Купеческо-мещанская» община имела тогда своим представителем коренного сибиряка, тоже богатого купца Леонтия Осиповича Лейбовича, человека, оставившего по себе добрую память. Он далеко уступал Домбровскому в интеллигентности и талантливости. Но он удовлетворял обе стороны своей мягкостью, глубокой богобоязненностью, исключительной добротой. К тому же как природный сибиряк, т. е. родившийся и выросший в Сибири, он был ближе и солдатам.

К концу лета 1879 года синагога была уже вполне готова. Но случившийся в это время страшный пожар, уничтоживший более половины Иркутска, оставил лишь стены от почти законченной постройки синагоги. Необходимо было приступить к постройке нового здания. Требовавшееся особое напряжение денежных средств на время ещё более объединило общину.

При всей примитивности описанной борьбы она продолжалась всё же почти 20 лет. Упорство этой борьбы можно объяснить, однако, не только психологией обеих враждующих сторон. В значительной степени оно

объясняется и простотой экономических отношений до середины 70-х годов, державшей культурный уровень общины довольно долго на одном низком уровне. Но развернувшаяся экономическая жизнь не замедлила разрушить старые перегородки, делившие общину на солдатскую и мещанскую половину. Вместо старого деления еврейского общества на «солдат» и «вольных» была установлена новая группировка, по признакам экономического характера. И некоторые из ещё столь недавних врагов (солдаты и вольные) очутились в одном лагере имущих или неимущих. Но развившаяся экономическая жизнь, уничтожив старые перегородки, не уничтожила борьбы в общине, а только усложнила её. Знакомая нам борьба между «солдатами и вольными», хотя и трогательная, но примитивная по своему содержанию, отошла в область истории, а общинная жизнь наполнилась шумом более сложной борьбы между «интеллигентско-купеческой» партией и «ангарщиной».

§ 6. 80-е годы.

Положение общины

Раньше, чем перейти к той борьбе внутри общины, которая тянулась в течение 80-х годов, остановим своё внимание на социальном составе общины, её формах правления и взаимоотношениях между ней и внешним миром, главным образом администрацией, в течение этого десятилетия.

Наша задача при определении социального состава общины была бы значительно облегчена, если бы в

наших руках были статистические сведения о составе еврейского населения в Иркутске в 80-х годах. Правда, мы говорим только об общине, не о евреях вообще. Но дело в том, что в описываемое нами время, все или почти все евреи, жившие в Иркутске, тяготели к общине.

Но так как соответствующих статистических сведений у нас нет, то нам придётся восстановить картину социального состава общины на основании других данных.

Первым долгом обратим внимание на отчёт по постройке молитвенного дома. Последний до и после пожара обошёлся в 77 284 рубля. Если из этой суммы исключить 16 476 рублей, полученных в виде премии от Страхового общества после пожара 24 июня 1879 года, то мы всё же получим колоссальную для иркутской общины того времени цифру в слишком 60 000 рублей.

Как составила́сь эта сумма?

Поступило пожертвований от разных лиц – 22 374 рубля. Получено за места, купленные различными лицами в вечное владение, 22 495 рублей. То же за места, купленные во временное владение, 2625 рублей. Собрано в старых молитвенных домах¹⁴⁸ 4092 рубля. Позаимствовано из капитала Данишевского 3584 рубля¹⁴⁹. Позаимствовано из капитала, собранного на училище – 2436 рублей¹⁵⁰. Взято займы у Л.О. Лейбовича – 3362 рубля.

¹⁴⁸ В солдатском и мещанском молитвенном доме.

¹⁴⁹ Некий Данишевский оставил иркутской общине в 70-х гг. 3000 руб. Это первое пожертвование в пользу иркутской общины.

¹⁵⁰ См. главу «Просветительная деятельность иркутской общины».

Самыми характерными цифрами являются первые две, показывающие сумму пожертвований и сумму, заплаченную за приобретение мест в вечное владение.

Разрешение на постройку синагоги было дано 9 апреля 1878 года. В этом же году было приступлено к постройке. Как бы щедры ни были пожертвования солдат и средних классов, всё же, очевидно, нужно было и участие значительной группы купцов и имущих, дабы в короткое время было собрано 22 000 рублей. Ведь в это время – и это надо иметь в виду – не уменьшались расходы на текущие нужды как по содержанию обоих молитвенных домов, которые функционировали вплоть до окончательного открытия и освящения вновь построенной синагоги, так и по содержанию общинных учреждений, (Талмуд Торы, богадельни) и по поддержке бедняков. 17 января 1881 года состоялось общее собрание прихожан молитвенного дома для суждения об изыскании средств на отстройку синагоги после пожара.

На нём присутствовало свыше ста прихожан, ибо одних подписей под приговором имеется 93. На этом собрании 28 лицам были проданы места, и за них выручено 22 000 рублей.

Из краткого отчёта молитвенного дома за время от 1 сентября 1881 года по 1 сентября 1882 года видно, что в течение этого года были ещё куплены места в вечное владение, за которые заплачено 1600 рублей. Таким образом ясно, что к началу 80-х годов в иркутской общине образовалась уже солидная сравнительно группа богатых и зажиточных евреев. Если мы вспомним, что всего 20 лет тому назад в начале 60-х годов в городе

была только одна богатая семья Домбровских, то нам придётся констатировать поразительно быстрый рост зажиточности среди иркутских евреев, и, пожалуй, станет ясным тот источник, откуда черпала свой антисемитизм тогдашняя газета «Сибирь»...

Подлинник приговора общего собрания прихожан 17 января 1881 года даёт нам возможность не только констатировать факт образования компактной группы зажиточных евреев-купцов, но и несколько глубже заглянуть в социальный состав общины. Вот как распределяются по сословиям те 93 прихожанина, которые подписали протокол этого собрания:

иркутских мещан	59
иркутских 2-й гильдии купцов	22
иркутских 1-й гильдии купцов	1
крестьян из ссыльнопоселенцев	2
цеховых	2
иностранцев 1-й гильдии купцов	4
иностранцев мещан	2
солдат	1
Итого	93

Среди 59 иркутских мещан большинство составляли бывшие кантонисты и николаевские солдаты. Намечающееся в вышеприведённых цифрах соотношение различных общественных групп в еврейской общине в 80-х годах нам надо будет иметь в виду при знакомстве с борьбой внутри общины.

Ещё одна характерная чёрточка имеется в этом приговоре – это подписи прихожан. Среди 93 прихожан 29 было совершенно безграмотных, за них «по их личной просьбе», расписывались другие. Но по остальным 64 подписям можно безошибочно заключить, что $\frac{2}{3}$ из тех, кто собственноручно подписались, еле-еле выводили свою фамилию.

Всё это даёт некоторые основания к уразумению социальной физиономии общины к началу 80-х годов.

Наряду с образованием группы зажиточных и богатых в общине появился постоянный кадр бедняков, явившийся отчасти результатом «относительного перенаселения», которое образовалось после наплыва евреев в город в течение 60-х годов. Главным же образом число постоянных пауперов увеличилось после того, как город потребовал сразу после пожара много рабочих рук, а затем, отстроившись, уже не нуждался более в привлечённых ремесленниках, среди которых было много евреев-ссыльных, оставшихся всё же в городе.

Картина в общем, значит, такова: с середины 70-х годов из среды еврейской общины поразительно быстро выделилась значительная группа сравнительно богатых купцов; остальная же масса евреев в своём большинстве представляла собою в то время материально устойчивый элемент, а в меньшинстве – кадр постоянных пауперов.

Пока молитвенный дом строился и вновь отстраивался после пожара, в еврейской общине был определённый подъём: для будничных столкновений не могло быть места. Тем более что обе враждовавшие ранее стороны благоразумно оставались каждая при

своей молельне. Сойтись можно было только в нейтральном, вновь отстроенном молитвенном доме. В «Каноссу» никто не хотел шествовать.

Но будни начались вскоре по окончании постройки молитвенного дома. Они сказались сразу в установившейся форме правления.

Министр внутренних дел, разрешая в Иркутске постройку молельни, указал вместе с тем, что нужно избрать правление для заведывания хозяйственной частью, каковое правление установлено для всех молелен вне «черты». Но два обстоятельства способствовали тому, что в Иркутске всё шло так, как будто этот сибирский город находится в центре «черты». Иркутские евреи и иркутская администрация не знали о том, что такое хозяйственное правление.

Община установила у себя так называемое духовное правление синагоги «черты». Ведь большинство из членов общины были выходцами из «черты», а, кроме того, при духовном правлении сохраняется должность старосты «габе», которому принадлежит главное руководство всеми делами – и это представлялось общине весьма существенным. Подняться выше этого «габе» общинники не могли и не хотели.

Староста молитвенного дома – это законный представитель всей общины. Им должен, следовательно, быть человек богатый, со связями в обществе и административном мире, короче говоря, кто-нибудь из купцов. Правда, при старосте в духовных правлениях имеется ещё, так называемый, «учёный еврей» и казначей. Но это уже второстепенный персонаж; главное – староста.

80-е годы в иркутской общине можно было бы назвать и «эпохой старост» по той борьбе, которая разгорелась вокруг их имён, когда каждая группа в лице старосты хотела видеть своего ставленника.

Иркутская администрация того времени почти совершенно не касалась внутренних дел еврейской общины. А если она где и вмешивалась, то отнюдь не с целью указать, какова должна быть форма правления, а единственно с требованием отчётности, которая вплоть до избрания в старосты Бориса Леонтьевича Горфина хромала на обе ноги. За время 1882 – 1885 годов нет почти никаких следов отчётности, и на это обстоятельство в своё время обратили внимание даже судебные власти, начавшие следствие, хотя дело до суда не дошло.

Администрации удобнее всего было иметь дело с одним лицом, который был обязан пред ней не только отчётностью в суммах, но и доставлением сведений о рождающихся, умирающих и бракосочетающихся. К старосте администрация обращалась и тогда, когда разыскивался какой-нибудь еврей, и тогда, когда нужно было хоронить еврея, и тогда, когда нужны были полицейские «статистические» сведения. Всё это заставляло администрацию мириться с той формой правления, которую установила у себя община, хотя эта форма и не соответствовала велению закона. Законный порядок, как увидим ниже, восстановил только в начале 90-х годов генерал-губернатор Горемыкин.

Еврейская община в Иркутске в 80-х годах пользовалась, можно сказать, большой автономией, и будь она тогда на определённой культурной высоте, она могла

бы использовать эту автономию в подлинных интересах всех своих сочленов. В действительности же вся энергия, которую она проявила, была затрачена на внутреннюю борьбу. В этой борьбе хотя и были идейные интересы, но они смутно сознавались самими участниками борьбы. И потому все столкновения велись вокруг имён старост, как будто в них одних заключался весь смысл общинной жизни. Мы имеем основания утверждать, что сама община, в лице тех же старост, гораздо больше беспокоила администрацию, втягивая её во все свои споры, чем администрация того желала.

Сибирская печать того времени игнорировала еврейскую общину. И до 1890 года, когда в газете «Восточное обозрение» впервые появилась большая заметка под названием «Раздоры среди городского еврейства»¹⁵¹, в местной печати, кроме известных нам злобных статей «Сибири» о евреях, иркутская еврейская жизнь не получала никакого отражения. Впрочем, в газете «Сибирь» за 1885 год в №41 была помещена маленькая заметка, посвящённая общинным делам. Дабы читатель сам судил о ней, мы приводим её полностью:

«Новый еврейский староста Гдалий Яковлевич Домбровский, как нам сообщают, завёл при молельне хор под управлением г-на Ротенберга (он же кантор). Жаль только, что этот последний торжественную молитву „За Царя и Отечество“ исполняет соло и притом бесцветно»...

Суммируя всё сказанное нами о положении общины в 80-х годах, мы можем установить следующую картину.

¹⁵¹ См. ниже.

Еврейское общество, значительно увеличившееся количественно, дифференцировалось на обособленные экономические группы.

Благодаря сохранившейся религиозной устойчивости, оно почти целиком объединялось в общине.

Последняя, вопреки установленных Министерством внутренних дел правил, управлялась не хозяйственным правлением, а отдельными старостами, которые являлись вершителями всех общинных дел.

Благодаря невмешательству администрации, община пользовалась большой свободой в деле самоуправления. Но благодаря своей общей некультурности, отсутствию интеллигентных сил, община не только не сумела использовать своей «автономии», но значительно ослабела под влиянием жестокой распри, поднявшейся в ней.

Каково же содержание этой распри? Каков её подлинный смысл?

§ 7. Борьба внутри общины в 80-х годах

Прекращение к началу 80-х годов борьбы между «солдатами» и «вольными» объясняется двумя причинами.

Первая и основная причина заключается в перетасовке различных групп, которая произошла под влиянием новых экономических условий. В этой перетасовке многие из солдат и кантонистов заняли видное место среди сформировавшейся еврейской буржуазии 60-х и 70-х годов, и новые интересы и привычки, отдаляя их, с

одной стороны, от старых товарищей, с другой – сближали их всё больше и больше с новой средой.

Вторая причина, как мы уже указывали, – временная и случайная: необходимость объединиться с купеческо-мещанскими слоями для сооружения молитвенного дома.

Естественно, что среди бывших солдат и кантонистов оставались непримиримые, настроения которых не замедлили сказаться, как только постройка синагоги была закончена. Эти настроения могли бы и заглухнуть, если бы купеческо-мещанская партия к тому времени выросла духовно и стала интеллигентнее; если бы она оставила своё стремление к гегемонии, сумела к управлению общины привлечь лучших представителей всех слоёв еврейского населения. В действительности же между наиболее зажиточной группой общинников и всем остальным еврейским населением была вырыта пропасть. И голос той кучки «служилых евреев», которая осталась верна своему солдатскому знамени, потонул в общем хоре недовольных, состоявших из двух наибольших групп еврейского населения: из всего среднего класса, выдвигавшего из своей среды идеологов этой борьбы и вожаков, и всей бедной массы.

Неужели источником борьбы являлось только стремление к власти? Неужели каждая из борющихся групп имела только одну задачу: посадить «своего человека» на «старостинское место»?

Нет, в основе этой борьбы лежали причины более глубокие.

Раньше всего нам следует констатировать образовавшееся различие в быте отдельных групп иркутского еврейства.

Для 60-х годов и отчасти 70-х характерным являлось именно единство быта еврейского населения, несмотря на борьбу между «военными» и «вольными». Вот почему та борьба и осталась примитивным по своему содержанию столкновением в одной большой разросшейся семье. Но единство быта было в конце концов утрачено. Утрата эта была вызвана, раньше всего, бóльшей экономической дифференциацией, которая, раз начавшись, росла неуклонно.

Пожар 1879 года вызвал приток рабочих рук, потребовавшихся для отстройки города, и в Иркутск потянулись мастеровые евреи, ссыльные из отдалённых деревень. Хорошие мастера недурно устроились и обзавелись, выражаясь официальным языком, «прочным домообзаводством», но многие пополнили затем ряды нуждавшихся в общественной помощи. Если свободное винокурение и золотопромышленность вызвали в 60-х годах приток еврейского населения в Иркутск и способствовали, в большей или меньшей степени, материальному устройству многих евреев, то, зато начиная с середины 80-х годов непрерывные стеснения и преграды, которые ставились евреям, работавшим в этих отраслях, привели многих к лишению заработка. Так всё более резко росло различие в материальном положении отдельных групп евреев. Если одни элементы еврейского населения, удерживаясь на поверхности экономической жизни, упрочивались материаль-

но всё более и более, то другие, терявшие равновесие, опускались всё ниже по социальной лестнице. Было ещё одно обстоятельство, которое в предыдущие два десятилетия сглаживало различия в быте быстро образовывавшихся различных экономических групп еврейства. Оно заключалось в общем характере тогдашней иркутской жизни. По мере общего роста хозяйственной жизни Иркутск всё более становился современным городом, и тем естественнее росло и различие в быте отдельных экономических групп населения. Созданные развившимся экономическим неравенством бытовые различия в свою очередь способствовали распространению своеобразных «идеологий» в разных кругах иркутского еврейства. И подлинным содержанием разыгравшейся борьбы является именно столкновение сложившихся таким путём двух «идеологий».

В предыдущей главе было указано, как редко проявлялся в то время в Иркутске общественный антисемитизм. Там же указаны были и те условия, благодаря которым общественный антисемитизм не мог развиваться в Иркутске. Иркутские евреи особенно дорожили своими добрыми отношениями с христианским обществом, тем более что доносившиеся вести о погромах давали им ясно понять, насколько их положение в Иркутске лучше положения их собратьев в «черте». Страстно цепляясь за своё благополучие, буржуазные круги пытались создать свою собственную «идеологию», которая, по их мнению, должна была раз и навсегда застраховать их от тех отношений к евреям, которые господствовали в «черте». Это была идеология самой безыдейной ассимиляции.

Когда Я.С. Домбровский боролся против слепой приверженности к обрядности, он искренне стремился к искоренению невежества. А иркутская буржуазия периода «первоначального накопления» имела одно лишь желание: чтоб их единоверцы как можно меньше походили на евреев «черты».

Пока в Сибири евреям жилось и дышалось легче, чем в «метрополии», пока волна определённой политики не дала себя почувствовать в Сибири так же, как и во всей России, пока посыпавшийся град разъяснений и сенатских толкований не объединил окончательно Сибирь со всей Европейской Россией, поставив первую в смысле ограничений даже в исключительно тяжёлые условия, — многие иркутские евреи из буржуазной среды были глубоко уверены, что их сравнительное благоденствие объясняется исключительно тем, что они — особые евреи, чем-то отличающиеся от «российских». И на этой почве у них развилась даже особая неприязнь к российским евреям. Правда, они по-старому откликались на нужды евреев, давали посланникам, посылали деньги и в Балтский комитет для оказания помощи пострадавшим от погрома (как это видно из архива), и евреям-погорельцам, но за всем тем они оставались при убеждении, что сибирские евреи — это совсем не то, что «российские». Чтобы закрепить эти различия, которые они сами вряд ли сумели бы ясно формулировать, главари общины сочли нужным ввести в общине целый ряд «реформ». Эти реформы они вводили собственной своей властью, не считаясь с тем, что на низах масса оставалась в Иркутске такой же консервативной, как в

«черте». Реформы эти были исключительно направлены на внешние стороны общественной жизни.

Не имея в своей среде в то время ни одного ещё подлинно интеллигентного человека, главари общины не могли ничего существенного сделать ни в области просветительной, ни в области благотворительной. В этом отношении община шагнула даже назад в сравнении с тем, что было у неё в 70-х годах¹⁵². Таким образом, непрерывно раздражая массу еврейской общины, третируя её, главари ничего положительного не могли дать ей. Тех из этой массы, которые пытались заявлять о своих «правах», и своих наиболее активных противников из среды средних классов, они окрестили презрительной кличкой «ангарщина».

«Ангарщиной» в то время в Иркутске звали тех рабочих, которые занимались солением омулей. Рабочие эти вербовались из отпетых людей. Кличка «ангарщина» равносильна кличке «золоторотцы» или «босяки».

Не трудно себе представить, какое возмущение вызывало в еврейской массе такое отношение к ней. Правда, освобождающиеся евреи-каторжане были невежественны, некультурны, сохраняли в себе черты уголовщины, но, в смысле культурности, нечем было хвастать и тогдашней буржуазии, которая, приобретая капитал и внешний мещанский лоск, так скоро забыла своё собственное недавнее прошлое.

В небольшой папке с бумагами одного из старост, Бориса Леонтьевича Горфина, с которым мы в даль-

¹⁵² См. главы VI и VII.

нейшем познакомимся поближе, мы нашли обращение к нему, не подписанное, к сожалению, в котором автор просит старосту ввести ряд реформ в синагоге. Каковы же эти реформы? А главное – во имя чего они должны быть введены? Предоставим слово самому автору реформы и передадим существенную для нас часть письма без всяких изменений.

«Живя среди русского населения, где евреев очень малый процент жителей Иркутска, в молельню заходят очень часто русские и большей частью порядочные люди. Поэтому, чтобы не подвергаться насмешкам, этих посетителей¹⁵³, мне бы хотелось ввести в молельне некоторый порядок. Для этого я полагаю ввести некоторые нововведения и упразднить некоторые обычаи, но, чтобы не навлечь на себя нарекания здешних нескольких фанатиков, я обращаюсь к Вам за разрешением. Во-первых, для утишения¹⁵⁴ народа, вместо стука по книге, я полагаю устроить электрический звонок, это по-моему будет приличнее, чем стучать постоянно по книге. Но можно ли это? Не будет ли подражанием церковному колоколу, как наши фанатики говорят? Во-вторых, мне бы хотелось упразднить благословение народа священниками¹⁵⁵. По-моему, это писано не для Иркутска. Представьте себе: заходят на амвон несколько поселенцев, лишённых всех прав состояния, уволенные только что из каторги... и эти-то „коганим“ (т. е. потомки Аарона) начинают петь мотивом песни „милосердия“,

¹⁵³ Курсив наш. – Авт.

¹⁵⁴ Понимай: для успокоения, «введения тишины».

¹⁵⁵ Т. е. евреями, считающими себя потомками Аарона.

поющей партией в пути, соответствующие молитвы... Мне кажется, что здесь выходит какая-то насмешка»...

Затем следует ещё ряд реформ в том же духе.

Как видно из процитированного отрывка письма, источником желания реформы является далеко не взбунтовавшееся религиозное сознание, а определённое сервилистическое настроение, боязнь оказаться смешным в глазах русских посетителей синагоги, мысль о том, «что о нас люди скажут», где под людьми подразумевается только окружающее русское население.

Мы бы не остановились на этом письме, если бы оно не выражало в наиболее откровенной форме мысли большинства тогдашнего иркутского купечества. В архиве молитвенного дома соответствующих годов имеются несколько протоколов собраний прихожан, под председательством старост – ставленников купеческой партии, занимавшихся теми же вопросами. Имеются и копии полицейских протоколов, из которых видно, что нарушители «благочиния» в храме, т. е. общинники, не подчинявшиеся вновь установленным правилам и непочтительно относившиеся к старостам, подвергались преследованиям даже полицейскими мерами.

Весь этот бурный натиск на «ангарщину» со стороны купеческой партии не имел, как мы можем заключить из имеющихся в нашем распоряжении материалов, в своей основе ничего, кроме желания угодить, понравиться «лучшим русским людям». И все меры, принимавшиеся купеческой партией в этом направлении, наталкивались, с одной стороны, на консервативную

религиозную устойчивость, а с другой – на противодействие тем способам, которыми эти меры проводились. Если бы в основе предпринимавшихся реформ лежала искренняя идейность, то при всей ожесточённости борьбы, между правящими кругами общины и её низами всё же оставался бы определённый контакт. Правящие круги старались бы найти возможные точки соприкосновения, тем более что найти их было вовсе не трудно. Выросшее число постоянных неимущих и общая крайняя нужда в просвещении вызывали жгучую потребность в просветительной и благотворительной деятельности. Но к просветительной деятельности верхи не были готовы: они сами нуждались в просвещении. А благотворительность в это время была совершенно не организована¹⁵⁶. Ввиду всего этого мы должны, в известной доле, признать правильными те упреки, которые были сделаны в газете «Восточное обозрение» «именитому еврейскому купечеству» за его нерадение к интересам и нуждам еврейской бедноты.

Мы говорим «в известной доле», ибо всё же были причины, умалявшие вину купечества. Мы разумеем две причины: неизбежная некультурность тогдашнего иркутского купечества и административные препятствия всякой попытке расширения общинной организации. Но массе общины в это время как раз была важна помощь, а на деле она видела полный произвол старост. А отсутствие отчётности, вызвавшее даже одно время судебное преследование, давало основательный повод

¹⁵⁶ См. главы VI и VII.

к подозрению, что с общественными суммами поступают не так, как того требуют интересы общины.

Не трудно представить себе, какие резкие столкновения вызывали в общинной жизни все перечисленные явления: высокомерие купечества, забравшего через своих старост всю общину в свои руки, игнорирование религиозного чувства масс, полный застой в деле благотворительности и просвещения, и всё больше разраставшийся на верхах индифферентизм к общинной жизни, перешедший, как увидим ниже, даже в полный и сознательный бойкот.

Кто в это время в общине противостоял «купеческой партии»?

Как мы уже сказали: бедная неимущая масса и средние классы. Что касается неимущей массы, всегда искавшей в общине материальной и духовной помощи, а с развитием гонений – и защиты от административных притеснений, то вряд ли её чувства и мысли поддаются какому-либо формулированию, ибо она, по своему положению, не способна была к какому-либо сознательному волеизъявлению. За неё и опираясь на неё говорил и действовал средний класс.

Раньше всего попытаемся определить ясно, что мы здесь понимаем под «средним классом». Деление на классы, которое мы здесь проводим, совершенно условно, но соответствует тем понятиям, которые установились в иркутском еврейском обществе в 80-х годах.

Несмотря на общий медленный темп иркутской жизни, среди еврейского населения, в течение трёх десятилетий, от 60-х до 90-х годов, происходила быстрая

смена одного экономического состояния другим. Материальное благосостояние некоторых богачей первого поколения к середине 80-х годов совершенно рушилось, и от состояния, например, Домбровских и Лейбовичей не осталось и следа. Но формировалось медленно и упорно новое поколение зажиточных и богатых людей. Ко времени, к которому относится наш рассказ, это купечество новой формации ещё окончательно «не вышло в люди», и к нему естественно, по родству и быту, тяготели и те элементы, которые надолго остались в разряде только материально обеспеченных. Вот эти-то круги мы и называем здесь средним классом.

Чем же в сущности отличался этот новый средний класс от старого купечества?

Раньше всего у него было одно преимущество: у него было будущее. Его противники жили прошлым, хоть и недавним. И на основании этого прошлого хотели править, хотели создать бесконтрольную наследственную олигархию. Неудивительно, что в конце концов они потерпели крушение. Представители первой еврейской буржуазии создали свои богатства уже в преклонном возрасте, когда их дети были уже взрослыми. Вот почему даже грамотных среди них было мало. Представители нового среднего класса, из которых уже многие метили в купцы, и дети которых были первыми евреями-гимназистами в Иркутске, в значительной своей части были интеллигентнее.

После открытия и освящения синагоги в русско-еврейской прессе, в «Восходе» и «Русском еврее», были помещены корреспонденции двух общинников. Обе они

принадлежат перу двух представителей этого среднего класса. Значит, среди этого класса нашлось хоть двое более или менее грамотных, сумевших передать о событии, довольно значительном в то время для общинной жизни.

Когда мы говорим об «идеологии» старокупеческой партии, или об «идеологии» среднего класса, – это тоже следует понять крайне условно. Ни та, ни другая сторона не имела определённых взглядов, за которые она могла бы и хотела бороться. Борьба за материальное существование и упрочение занимала всё время и помыслы обеих сторон. И игнорирование евреями своих общественных нужд вызвало впоследствии строгую критику не только со стороны самих евреев, но и со стороны определённой части русского общества в Иркутске. Но по отдельным взглядам, мыслям, поступкам представителей той и другой стороны можно всё же уловить преимущественные настроения каждой из них.

Средний класс имел много точек соприкосновения со старокупеческой партией. И раньше всего – в своих ассимиляционных тенденциях. Но в этих своих тенденциях средний класс шёл слишком далеко. Среди семейств *старой* купеческо-мещанской партии были всё же и некоторые консервативно религиозные элементы, которые энергично протестовали бы против религиозных новшеств. А *новый* средний класс был совершенно индифферентен к религии, и его представители впервые нарушали субботу и другие религиозные узаконения. В их ассимиляторских взглядах были также явные мотивы угодничества, но была и определённая цель, дававшая им преимущество перед их

противниками: ими двигали не только боязнь казаться смешными в глазах русских посетителей синагоги, но и сознательное желание, чтобы еврейское общество, по крайней мере, его верхи, слились с образованным иркутским обществом того времени.

На их стороне было ещё одно преимущество: их относительная демократичность. Старокупеческая партия пыталась превратиться в родовую аристократию общины, замкнутую касту, действующую бесконтрольно; средний класс хотел коллегиальных действий и публичной отчётности.

В конце концов, денежная запутанность и запущенность во всех общинных учреждениях помогли при выборах казначея молитвенного дома в 1887 году одержать победу среднему классу. После долгой борьбы и кассации выборов противной стороной был избран (и утверждён администрацией) казначеем молитвенного дома небогатый подрядчик, сын синагогального шамеса, Борис Леонтьевич Горфин.

Когда Б.Л. Горфин был выбран казначеем, в общине был полный развал. Предыдущий казначей¹⁵⁷, только номинально числившийся таковым, был уволен по болезни; староста Гдалией Яковлевич Домбровский был в отпуску и условием своего обратного вступления в управление старостинских обязанностей ставил назначение ему жалования в 1500 рублей в год. Таким образом, должность и старосты, и казначея, и «учёного еврея» относил тогда старый резака Е.И. Рябкин.

¹⁵⁷ Павел Яковлевич Маркевич.

Не трудно представить себе, как запущены были тогда все дела в общине. Но и это положение считалось более приемлемым для старой купеческой партии, чем присутствие какого-нибудь общинного «крикуна», «ангарщика» в правлении. Они готовы были ещё примириться с казначеем в надежде, что он не будет играть никакой роли при старосте Г.Я. Домбровском, для которого его сторонники составили приговор о назначении ему 1500 рублей жалованья из общинных сумм. Но когда новый казначей познакомился с состоянием общинной кассы, его первым делом было сообщить губернскому управлению, что приговор о назначении жалования старосте не должен быть санкционирован за полным отсутствием средств для самых вопиющих нужд общины. И губернское правление с этим мнением казначея согласилось. Молитвенный дом остался без старосты, и на Бориса Леонтьевича было возложено исполнение и этих обязанностей.

Какой конфуз! — Сын шамеса — староста и казначей! Вместо интеллигента (все купцы того времени искренне мнили себя интеллигентами) представителем общины является «ангарщик»... И купеческая партия совершенно отстранилась от общинных дел, подвергнув её вполне сознательно бойкоту.

Тяжёлое наследство досталось на долю нового старосты и казначея. Первым долгом он созывает собрание прихожан, на котором в горячей речи указывает на все недуги общинной жизни и призывает всех сплотиться. Вот какими словами закончил свою речь Б.Л. Горфин:

«Восстановление благосостояния общины и, наоборот, окончательный упадок будет зависеть вполне от вашего, господа, решения и мер, кои изберёте для осуществления этих целей... Доброе начало будет встречено всеми с теплотой и сочувствием, и смею надеяться, что финансисты и более крупные коммерсанты не откажутся помочь...»¹⁵⁸

Но это была напрасная надежда. «Финансисты и крупные коммерсанты» отказались поддержать даже такое учреждение, как Талмуд Тора, которой в это время заведывали первые еврейские гимназисты, дети в большинстве случаев этих же представителей среднего класса¹⁵⁹. На сколько уменьшились доходы общины из-за бойкота «купцов и финансистов» видно хотя бы из следующей сравнительной таблички поступлений:

В 1882 году поступило за места, призывы к Торе и пожертвованиями в круглых цифрах 5500 рублей, да числилось долгов за прихожанами 3000 рублей.

В этом же году были собраны значительные суммы для пострадавших от погрома.

На 1887 год остаток составлял 1058 рублей, приход составлял 6000 рублей, весь доход выразился в 7000 рублей.

В 1888 году – первый год несения должности старосты и казначея Б.Л. Горфиным – был вновь после нескольких лет перерыва выпущен и разослан печатный отчёт. Из него следует, что поступлений было 3799 руб-

¹⁵⁸ Вся речь Горфина мы нашли в папке с бумагами.

¹⁵⁹ См. главу VI.

лей 65 коп., а с остатком на этот год в 928 рублей 43 коп., всего 4728 рублей 08 коп. На 1889 год весь доход с остатком составлял 2686 рублей 89 коп. В 1890 году – 2567 рублей 62 коп.

Вот как значительно понизился доход молитвенного дома!

«Купеческо-интеллигентская партия», как сама называла себя противная сторона, пыталась подчинить себе общину рублём¹⁶⁰.

Призыв, с которым обратился Горфин к общине в своей речи, остался без ответа со стороны «финансистов и более крупных коммерсантов». И не только молитвенный дом, но и все учреждения общины чахли, владели самым жалким существованием.

Б.Л. Горфин вступил в отправление обязанностей казначея 10 ноября 1887 года, а 30 января 1888 года, согласно указу губернского правления, на него же были возложены и обязанности старосты. Без всякой материальной поддержки со стороны имущих членов общины, лицом к лицу с возраставшей нуждой, он чувствовал себя совершенно одиноким и искал какого-либо выхода из затруднительного положения. Созвать общее собрание при наличии полного упадка и разложения общинной жизни было крайне трудно. Поэтому он составляет проект создания комитета, или Попечительного совета молитвенного дома, состоящего из 7 человек, представителей всех групп еврейского населения. Этот проект рассылает он по домам для

¹⁶⁰ В отчёте Горфина за 1888 г. имеется одна статья расхода, достаточно ясно указывающая на те настроения, которые создались в то время в ма-

подписей. Собрав достаточное количество подписей, хотя среди них не имеется ни одной, принадлежащей кому-либо из членов старокупеческой партии, Горфин представил этот проект начальству.

Комитет из 7, согласно проекту, имел целью, ввиду невозможности частого созыва общих собраний: 1) входить в обсуждение всяких вопросов, касающихся молитвенного дома и общинной благотворительности; 2) изыскивать средства и употреблять таковые на надобности существенные; 3) следить за правильной отчётностью по приходу и расходу общественных сумм; 4) предлагать по своему усмотрению правлению молитвенного дома входить в присутственные места и к начальствующим лицам со всякого рода бумагами и ходатайствами по делам, касающимся молитвенного дома, разрешений и учреждений разных благотворительных и учебных заведений.

Все заседания этого «Комитета 7-ми», в числе не менее четырёх его членов, должны считаться состоявшимися. Решения, принятые большинством, или равной половиной, на стороне которой председатель собрания, должны считаться *окончательными*. Решения и постановления комитета должны приниматься прихожанами и членами молитвенного дома без всяких возражений и споров и исполняться в точности и своевременно.

ленькой иркутской общине. Эта статья расхода гласит: «наряд казаков во время праздников – 58 р.». Правда, и раньше, до этого года, и ещё долго позже, на праздники приглашали 2 – 3 городских для острастки возможным нарушителям благочиния и порядка. Ну, а в этом году предусмотрительно приглашён был целый наряд казаков. Ясно, что создались такие отношения, при которых можно было ожидать и большого скандала.

Все эти «статусы» проектировавшегося «Комитета 7-ми» направлены к тому, чтобы подчинить старосту молитвенного дома, который должен будет быть избранным из среды купечества, воле этого комитета. А уж в комитете из 7 человек можно будет иметь своё большинство. Таким образом, и «волки будут сыты, и овцы целы».

Но этот проект не был утверждён городским управлением благодаря члену Управы, представившему к проекту своё заключение. «Заключение» представляет серьёзную и искреннюю критику этого проекта, и мы считаем не лишним привести его заключительную часть.

«Принимая во внимание, что предоставляемым приговором избранным семи лицам предоставлено неограниченное право распоряжаться всеми делами молитвенного дома, т. е. лица эти в течение трёх лет будут облечены властью, какой облечено всё общество, так что существующее Духовное Правление евреев будет исполнительным органом только семи человек, а за отсутствием всего числа их вопросы будут решаться только двумя лицами, смотря по тому, на какой стороне будет председатель, причём постановление этих лиц будет обязательно к исполнению правлению молитвенного дома; что по существующим законоположениям еврейский молитвенный дом есть исполнительный орган постановлений всего общества евреев; что нигде в законе нет указания, чтобы еврейское общество могло уполномочивать отдельных лиц для решения всех вопросов по молитвенному дому, централизуя власть целого обще-

ства в нескольких руках; что по смыслу настоящего приговора евреи-прихожане молитвенного дома учреждают новую должность из нескольких лиц, заменяющих собой целое общество; ...я не признаю, со своей стороны, возможным утверждать приговор еврейского общества. Но ввиду того, что в числе мотивов, послуживших ходатайству об утверждении комитета, высказана также настоятельная необходимость о более рациональной постановке дела молитвенного дома, то, мне кажется, следовало бы рекомендовать старосте предложить обществу выбирать каждый раз или на более продолжительное время комиссии для подготовки всех вопросов молитвенного дома, подлежащих разрешению общества прихожан, что, по моему мнению, не будет противоречить закону, и этим одинаково почти достигнутся цели, намеченные настоящим приговором».

Нельзя отказать этому заключению в логичности и искренней принципиальности. К тому же, если бы проект Горфина и был утверждён, вряд ли комитет из семи человек, без явного преобладания одной какой-либо стороны, был способен к общественной работе, при том взаимном недоверии и той разрухе, которые господствовали в то время в общине. Неудача этого проекта, рост общинных нужд при растущем обеднении массы, всё большее отчуждение от общины наиболее богатых её членов, – всё настойчивее побуждали Б.Л. Горфина отказаться от исполнения хотя бы старостинских обязанностей, и он неоднократно созывал общие собрания для выбора старосты. Но эти собрания ни к чему не приводили. Выставлялись каждый раз много-

численные кандидаты, а необходимого большинства не собирал ни один из них. 26 декабря 1888 года общее собрание прихожан выносит следующий приговор:

«Мы, нижеподписавшиеся прихожане Иркутского Еврейского молитвенного дома, быв сего числа в общем собрании для выбора старосты и учёного еврея молитвенного дома и вырешения вопросов, касающихся его, мы по баллотировке избрали только учёного еврея, должность же старосты далее имеет относить до нового выбора и вступления другого лица исправляющий ныне эту должность согласно указа Ирк. Губ. Правления, казначей молитвенного дома – Б.Л. Горфин, а потому нашли мы нужным выразить, что все действия, распоряжения и производство за время служения его до сих пор, мы признаём правильными и вполне полезными, а равно представляем ему и в будущем во всём, что потребуется для пользы молитвенного дома и благотворительности для бедных евреев, действовать самостоятельно: для содействия же себе по общественным делам может он пригласить из числа прихожан людей достойных, и все правильные и полезные со стороны их действия имеем мы также признавать благими, в чём мы постановили настоящий приговор с запиской его в книгу приговоров. Общим решением присутствующих признано считать собрание по наличному числу всех членов состоявшимся и законным». Под этим приговором 32 подписи, из них ни одна не принадлежит кому-либо из купеческой партии.

Несмотря на это постановление общего собрания, на другой же день, 27 декабря, опять кем-то созывает-

ся общее собрание, и в старосты избирается 2-й гильдии купец¹⁶¹. Это, очевидно, ставленник какой-то кучки прихожан, не могущей опереться ни на одну из двух больших партий. 28 декабря новое собрание, новые выборы старосты. В результате ни тот, ни другой не утверждается, и старостинское бремя осталось на плечах Горфина.

Пред ним снова встал вопрос о средствах для общины. При самом скудном поступлении пожертвований, при бойкоте общины со стороны так называемых «финансистов», оставался один источник: кошерное мясо. В то время община содержала двух резак, платя им до 3600 рублей в год. Коробочного сбора не было и нет, к счастью, в Сибири, и суммы для покрытия расходов по резке скота по еврейскому обряду и по содержанию резак составлялись из добровольно установленного всеми общинного налога в 40 коп. с каждого пуда кошерного мяса. Этот налог непосредственно уплачивался мясниками, которые уже в свою очередь перекладывали его на потребителей. По сведениям городской Управы, евреи употребляли тогда не менее 12 000 пудов кошерного мяса в год. Таким образом, доход общины за вычетом жалованья резакам, не считая дохода от резки птиц, должен был достигать двух тысяч рублей. Между тем в действительности в общинную кассу поступали гроши. Всё это являлось следствием безотчётности и бесконтрольности, царившей в общине. На это обстоятельство и обратил внимание Б.Л. Горфин.

¹⁶¹ Некий Меерович.

Он вступил в переговоры со старыми резаками об уменьшении им жалования до 2400 рублей в год и о полном подчинении их контролю правления общины. Не встретив сочувствия с их стороны, он выписал из Тобольска нового резаку за плату 900 рублей в год. Это обстоятельство вызвало бурю в общине.

Старые резаки, пользовавшиеся авторитетом как в старых влиятельных семействах, так и религиозных низах, объявляли с амвона, что мясо, приготовленное новым резакой – трэфное, а сами они отказывались резать скот. Доходило дело и до обращения к администрации с указанием на отсутствие права на жительство нового резаки в Иркутске... А за разрешением религиозной стороны вопроса, имеет ли право новый резака устраивать старым конкуренцию, обе стороны обратились с телеграммами к знаменитому ковенскому гаону раби Ицхоку Элхонону Спектору. Посылались телеграммы в сотни слов. На почве старой вражды этот инцидент достиг особенной силы. Некоторые из приезжавших посланников тоже приняли сторону «влиятельного купечества» и старых резак, и не только, что называется, «подливали масла в огонь», но старались дискредитировать новые начинания в иркутской общине на страницах еврейской прессы.

Среди бумаг Горфина мы нашли дословный перевод его корреспонденции, помещённой в газете «Еврейский народный листок», в ответ на те нападки, которые там были помещены. Корреспонденция эта заканчивается советом великому гаону Спектору быть осторожным в выборе посланников для сбора денег на школу

ковенских отшельников, ибо если и впредь будут приезжать «подобные подстрекатели, то они или вовсе ничего не соберут, или в лучшем случае соберут только половину того, что дали бы достойному посланнику».

Желая упорядочить сбор с кошерного мяса и поставить его не только под свой контроль, но и под контроль властей, Б.Л. Горфин, приговором общего собрания прихожан, возбудил ходатайство о введении в Иркутске коробочного сбора. Ясно, что он не отдавал себе отчёта во всём том зле, которое представляет «коробочный сбор» в «черте». Но, к счастью, губернское правление отказало в этом ходатайстве на том основании, что коробочный сбор существует только для черты оседлости. В конце концов, как мы можем заключить из непрерывного падения бюджета, все мероприятия ни к чему не привели, а общинная разруха и распри всё росли.

На царившие в общине беспорядки и раздоры откликнулась, наконец, и еженедельная иркутская газета «Восточное обозрение», поместив в 24 номере за 1900 год в отделе «Недельная хроника Иркутска» большую заметку «Раздоры среди городского еврейства». Заметка эта интересна не потому, что она даёт подлинную картину раздоров и их причины. Наоборот. Газета, очевидно, поняла свою задачу только, как разоблачение резак, обращающихся неправильно с общественными суммами, чего в действительности быть не может и не было (были только традиционная бесконтрольность и отсутствие подлинно интеллигентных сил). Но любопытны сказывающиеся в этой заметке

прочно укоренившиеся предрассудки по отношению к еврейской общине, в которой есть, будто бы, какие-то свои особые загадочные интересы.

Вот каким предисловием начинается эта заметка:

«Давно уже известно, что еврейство во многих отношениях живёт своей отдельной жизнью, узнать о которой весьма трудно, порою почти невозможно стороннему наблюдателю. По-видимому, эта внутренняя жизнь правоверного еврейского общества течёт тихо и мирно, сдерживаемая силой суеверий и религиозным фанатизмом и ставя преграды всякому новшеству. На самом деле, в этой среде, как и во всём остальном мире, идёт также внутренняя борьба старого с новым. У нас в Сибири при низкой степени культурности еврейства эта борьба ещё не захватывает религиозных вопросов или суеверий Талмуда, но зато проявляется иногда в других сторонах жизни. Такое явление мы наблюдаем в настоящее время в Иркутске. Городское еврейское население состоит из нескольких различных элементов: отставных воинских чинов и их потомков, причисленных к городским сословиям, коим разрешено построение молитвенного дома, мещан и крестьян из ссыльных, пришлых по воле ремесленников и богатых коммерсантов, играющих роль главных заправил в этой среде. С тех пор, как новым старостой здешней синагоги был избран сравнительно молодой и энергичный человек, среди еврейского общества возникли споры из-за порядка расходования еврейских сумм. Новый староста обнаружил крайний беспорядок ведения денежной отчётности, бывший до вступления

его в эту должность, и представил еврейскому обществу краткий доклад о печальном положении дел...»

Затем следует одностороннее освещение обстоятельств конфликта между старостой и резаками с обвинением их в присвоении всех доходов, поступающих от резки скота. Заканчивается эта заметка следующим строками:

«Чем кончится этот спор, – неизвестно, но двум резакам, из которых один публично объявил на свитке Закона, что он не сделает никаких уступок, и тем произвёл большой соблазн (!) среди единоверцев, следует помнить, что общественные суммы, где бы они ни собирались, не должны представлять из себя общественного пирога, а должны расходоваться сообразно своему назначению».

В №31 той же газеты, т. е. через полтора месяца появилось письмо в редакцию одного из представителей купеческой партии. Главная цель этого письма – восстановить доброе имя резаков. Автор письма доказывает, что резаки получают по 1500 рублей в год не самовольно, а по постановлению общих собраний прихожан и никогда общественными суммами не распоряжались самовольно. «Автор заметки, – говорится в письме. – Ознакомлен с вопросом крайне односторонне, что рельефно видно из всей статьи и в особенности из того места, где говорится: “влиятельные капиталисты из евреев стали противиться всякому контролю сумму, расходуемых резаками” ... *Капиталисты в последнее время – к сожалению – держатся в стороне от общинных дел*»¹⁶².

Заканчивается письмо следующей ламентацией:

«Грустное впечатление наводят порядки, или вернее отсутствие всякого порядка, в нашей общине. Но ещё грустнее то, что упорно поддерживается раздор. Кто не знает, что всякая ссора до добра не доведёт».

Настоящее письмо редакция сопровождала следующей заметкой: «Печатая это письмо, с которым вполне солидарны и некоторые крупные еврейские капиталисты, мы предоставляем самой еврейской общине разобраться, кто прав: автор ли письма с компанией или противная партия, группирующаяся вокруг нового старосты г-на Горфина. Последние имеют за собой то похвальное качество, что они искренне преданы интересам общины и стараются лишь обратить часть общественных сумм на её нужды. А таких нужд много. Например, ночлежный дом, или приют для бедняков евреев на Саломатовской улице представляет в настоящее время лишь смрадную вонючую конуру. На это гнездо заразы не мешало бы обратить внимание и санитарной комиссии».

Затем следует опять полемика с автором письма по поводу того, сколько в действительности забирали резак за свою службу обществу и указывается, что от «коробочного сбора резаков» за некоторые годы, как видно из книг, представленных Горфиным, оставалось всего лишь по 60 рублей. Снабдив письмо этим примечанием, редакция действительно больше не давала высказываться ни той, ни другой стороне.

¹⁶² Курсив наш. — Авт.

В бумагах г-на Горфина мы нашли его письмо в редакцию в ответ на вышеприведённое, но оно уже не было помещено.

Мы уделили этому спору так много места, ибо он и до сих пор памятен многим общинникам, а главное потому, что на почве общей неурядицы он способствовал ещё большему распаду общины. Спор о резаках сам по себе не имел бы никакого значения, если бы он косвенно не указывал, как далеко ушла деморализация общинной жизни, причины которой коренились, как мы уже указывали, довольно глубоко.

В нашем распоряжении отрывки из переписки двух современников-единомышленников. Эти письма стильны и характерны. Один из корреспондентов утешает и ободряет г-на Горфина, а Горфин в ответ изливает свою наболевшую душу. Но самое ценное в этих письмах то, что они вскрывают подоплёку раздоров.

По истечении первого года своей общественной службы Б.Л. Горфин пригласил прихожан на общее собрание для выслушания подробного отчёта. Мало того, он разослал печатный отчёт предварительно всем прихожанам. И что же? На это собрание никто из «именитых прихожан» не явился. Это наполнило душу энергичного и преданного общинным интересам казначея и старосты горечью обиды, которую он высказал, очевидно, своему корреспонденту в письме, в ответ на которое ему пишут:

«Доставлением отчёта в городскую управу Вы исполнили возложенную на правление молитвенного дома законом обязанность; других отчётов подавать

Вы никому не обязаны. Рассылкою же всем прихожанам краткого отчёта Вы исполнили собственное своё желание, чем сделали каждому из нас честь, за которую, как и за труды и старание, приложенные Вами... мы в свою очередь не можем не выразить Вам охотно искреннюю нашу благодарность и вместе с тем для успокоения Вас прибавляем, что этого краткого отчёта для ознакомления с делом и проверки Ваших действий вполне достаточно. Что касается того обстоятельства, что прихожане медлят, или точнее сказать, совсем уклоняются от выбора старосты, то этот факт, к великому сожалению, чрезвычайно красноречиво свидетельствует, насколько мы, иркутские евреи, молоды и отстали от самоуправления молитвенным домом. И какие меры употребили бы евреи всего земного шара для избрания себе вождя, если бы сбылась наша молитва: „В будущем году в Иерусалиме” и если бы они при том были бы так же солидарны, как и мы (чего Боже упаси), — про то ведаёт Бог... Если в Иркутске есть тысяча евреев, то каждому желательно иметь своего старосту... Не надо быть пророком, чтобы предсказать, какой печальный исход ждёт нас в близком будущем, если только партизаны¹⁶³ не сольются с меньшей братией и не прислушаются к гласу их, если они не пожертвуют своим самолюбием, там где люди жертвуют гораздо большим для водворения мира и согласия.

Главным образом, непонятно то, как можно требовать от людей, не подчинённых, того, что редко до-

¹⁶³ Очевидно, автор письма хотел сказать: «патриции».

стигается в своей родной семье. А теперь несколько слов к Вам: „Там, где нет людей – будь человеком”. Вам следует твёрдо продолжать свой путь... Служба Ваша Вас не унижает; изречение учёных: „лучше быть головою лисицы, нежели хвостом льва”. Мужайтесь и идите вперёд, помянут Вас после те, которые теперь Вас, быть может, и не терпят. Я употреблял всегда слово „мы” потому, что пишу не от себя одного, от многих-многих».

Уже и это письмо даёт нам возможность вернуться к нашей исходной точке о некоторой значительности содержания той борьбы, которая в 80-х годах раздирала иркутскую общину. И в этом письме уже ясно намечены источники недовольства: требование такого подчинения, какого и в семье нельзя достигнуть, нежелание «именитых общинников» прислушаться «к гласу меньшей братии». Но борьба – так борьба! Если купечество бойкотирует общину, так пусть наш староста будет головою лисицы. Это всё же почётнее, чем остаться только хвостом, хотя бы и льва!

Гораздо интереснее то письмо, которое писал в ответ Горфин. К тому же оно в удивительно трогательной форме рисует, как глубоко и серьёзно переживалась эта борьба отдельными лицами. К сожалению, в наших руках только отрывок этого письма. В нём по пунктам разбиваются все те обвинения, которые выдвигались одной стороной против «ангарщины». Наш отрывок начинается с 8-го пункта.

«...Кто может опровергнуть тот факт, что ангарщина, при её нечувствительности и грубости нрава, всег-

да считала себя обязанной при перемене резак сочувственно отнестись к 30-летней службе старца¹⁶⁴, чем бы служба эта ни сопровождалась, участвуя в назначении ему пенсии в несколько сот рублей в год, предоставив его желанию делать что-либо общественное или совершенный покой... Чем провинилась вообще ангарщина перед интеллигентами? Разве тем только, что после десятков лет смирения и терпения она отказалась прозябать жизнью интеллигентов, чувствовать себя сытым, когда интеллигенты едят, не чувствовать жажды, когда интеллигенты пьют, и чувствовать себя удовлетворённым и довольным, когда интеллигентам хорошо?! Осмеливалась ли ангарщина когда-либо возвысить пред ними голос, осмеливалась ли ангарщина когда-либо не признать того, о чём интеллигент сказал: „быть по сему”? Разве не говорила ангарщина всегда к интеллигентам „придите и правьте нами, земля наша обильна, но порядка в ней нет”? Разве не говорила и в последнее время, *только уж действительному интеллигенту*¹⁶⁵ „приди, правь нами”, но к горькому прискорбию её слышит она в ответ: „ты, ангарщина, недостойная, не хочу прикасаться погрешностям твоим, не хочу излечивать тебя от недугов твоих”.

Простите, что я писал без всякого удержу, без соображения и соблюдения приличий, не я это писал, а скорбь, переполнившая душу, изливается без умолку. Если б была возможность приложить к сему письму сердце в удостоверение бушующих в душе чувств зло-

¹⁶⁴ Евсея Иосифовича Рябкина.

¹⁶⁵ Курсив автора.

бы и бессилия, то не преминул бы это сделать... Если Вы честный и справедливый судья... не оставьте критически разобрать настоящее моё письмо и доказать увлечение моё и несправедливость мою по отношению к интеллигентам. Я буду очень рад видеть заблуждение моё и несправедливость ангарщины для того, чтоб я мог за себя и за моих клиентов просить прощение. Оставляю писать до следующего раза. Ум мой помрачён, и глаза не видят, и рука не владеет, желаю Вам быть справедливым ко всему общественному, озарите меня ярким светом, чем подкрепите творение рук наших».

Конечно, многое в этом письме наивно. Чувствуется и примесь такой фразеологии, которая, быть может, не совсем верно выражает подлинные отношения. Но если мы отнесём некоторые преувеличения на счёт индивидуальности автора письма, стоящего в центре борьбы, то всё же мы получим довольно яркое подтверждение того взгляда, что мы здесь имеем дело не только со столкновением различных мелких групповых интересов, но и с борьбой мировоззрений старого и нового поколения иркутских евреев.

Община в конце концов зашла в тупик, и она вышла из него отчасти собственными силами, отчасти при посредстве внешнего воздействия. Мы разумеем тот официальный антисемитизм, который привёз с собою генерал-губернатор Горемыкин.

Надо думать, что идейных представителей так называемой «ангарщины» было очень мало. Не предоставляя общине материальных средств, она не способна была также организовать в солидную единую

моральную силу, а потому быстро расплылась. Когда же начались гонения против евреев, когда встал перед общиной даже такой знакомый «черте» вопрос, как вопрос об эмиграции – тут уж невольно «домашний старый спор» потерял свою остроту, хотя от времени до времени ещё вспыхивал. Пред иркутской общиной открылись сумеречные горизонты еврейской жизни. Она как-то сразу и в очень острой форме почувствовала, что сибирский еврей (в глазах, по крайней мере, администрации) ничем не отличается от российских...

Потребовавшиеся значительные средства для удовлетворения новых назревших нужд и необходимость заступничества за гонимых перед властью вновь выдвинули вперёд старую купеческую партию, из среды которой был наконец выбран в старосты Михаил Меерович Шейнис. Но это был последний староста, заключивший «старостинскую эпоху» в иркутской общине. Пять лет его старостинства представляют собой переходное время, в течение которого община с большой мукой ликвидировала свой юношеский период и подготовилась к более зрелой поре своей коллективной жизни.

§ 8. Переходное время. Эпоха Горемыкина

Мы видели, как и какими силами был ликвидирован первый период еврейской общинной жизни в Иркутске, протекавший под знаменем борьбы между «вольными» и «солдатами». И в то время, помимо ука-

занных нами чисто внешних причин, был органический основной фактор, парализовавший эту борьбу. Мы разумеем развитие участия евреев в хозяйственной жизни не только Иркутска, но и всей Сибири, которое привело многих из вчерашних противников «солдат» и «вольных» в один и тот же лагерь имущих или неимущих. Этим создались иные интересы и настроения, значительно превалировавшие над убогим содержанием борьбы внутри общины в 60-х и 70-х годах.

Как же и какими силами была ликвидирована борьба между «ангарщиной» и «интеллигентско-купеческой партией»?

Та роль евреев в хозяйственной жизни Иркутска, которая подробно очерчена в 3-й главе нашей книги, с достаточной ясностью обрисовалась уже к 90-м годам. В дальнейшем соотношения между различными еврейскими экономическими группами менялись мало. Если нарождались ещё 2 – 3 богатых семьи или несколько зажиточных, то зато другие разорялись. А беспрерывный административный гнёт и сенатские разъяснения в достаточной степени нивелировали те благоприятные условия, которые могли бы послужить не только дальнейшему росту влияния евреев в хозяйственной жизни, но и дальнейшему более или менее значительному изменению в соотношении общественных сил внутри самой общины.

Таким образом, социально-экономические различия в иркутском еврействе не изменились к следующему после 80-х годов десятилетию, а только яснее кристаллизировались. Купеческая группа наиболее упрочилась и разрослась. С ней слилось и то молодое купечество, ко-

торое ещё недавно было тесно, материально и идейно, связано со средним классом. Благодаря этому средний класс материально ещё более обособился от купеческой группы, и для привлечения его к участию во всех сферах общинной жизни ещё острее, чем когда-либо, чувствовалась необходимость в правильном и соответствующем групповом представительстве. Это тем более станет понятным, если мы будем иметь в виду, что партийных симпатий среди иркутских евреев тогда ещё не было и не могло быть. Что касается постоянных пауперов в Иркутске, то число их хотя и возросло, но незначительно. Тем не менее запросы, нужды в 90-х годах значительно умножились. Произошло это под давлением горемыкинских разъяснений, которые выбивали сотни семей из насиженных гнёзд. И тогда в иркутскую общину из всей Сибири понеслись стоны многих разорённых семей.

Генерал-губернатор Горемыкин, как мы уже знаем, не был первой ласточкой антисемитизма в Иркутске. У него был учитель и предшественник, генерал-губернатор Синельников. Но о генерал-губернаторе Синельникове в наше время мало кто из евреев и знает, а образ Горемыкина поблёк разве только после управления Селиванова. Чем же это объясняется?

Генерал-губернатор Синельников много говорил и писал об евреях. Он ставил себе задачу – вызвать определённо отрицательное отношение к евреям в обществе, но успех имел преимущественно в самом тесном кругу чиновничества.

Генерал-губернатор Горемыкин, напротив, не был ни оратором, ни писателем. Но он действовал, направ-

ляя свои удары по двум наиболее чувствительным местам, «разъясняя» права евреев на жительство и вмешиваясь во все общинные дела. Вот почему евреи Иркутска помнят его и до сих пор...

Антисемитизм Горемыкина поставил иркутских общинников лицом к лицу с вопросом о помощи выселяемым из Иркутска в волость и даже в черту оседлости. Это внезапное и беспощадное выселение разоряло не только выселяемых, но нередко и многих из остающихся...

Своим требованием немедленного введения раввината Горемыкин поставил общину в тупик, лишив её на время возможности отправления таких функций, как совершение обряда венчания и даже... погребения. Но переживания иркутских евреев определялись не только непосредственными гонениями, но и теми непрерывными унижениями и оскорблениями, которые давно уже выпали на долю евреев в черте оседлости и приближение которых невольно чудилось им и здесь в Иркутске вслед за реформами Горемыкина.

Антисемитизм – вот новый своеобразный фактор развития общинной жизни в Иркутске, начиная с 90-х годов, фактор, действующий и поднесь. И нам ещё неоднократно придётся учитывать его силу и значение. Для изучаемого нами времени он явился той внешней силой, которая отодвинула далеко на задний план описанную нами борьбу между «ангарщиной» и «интеллигентско-купеческой партией».

Наряду с этим внешним фактором действовал и другой: органический рост культурности еврейской общины. В нашем распоряжении нет ясных данных, которые

помогли бы читателю проследить рост культурности еврейской общины, и мы заключаем об этом росте по тому, что представляет собой община теперь. Но если читатель, по всему уже сказанному нами, смог представить себе духовный облик иркутской общины и её состав, то следующие сведения о количестве учащихся евреев во всех учебных заведениях города Иркутска за 1889 год будут достаточны, чтобы понять неудержимый рост общей культурности еврейской общины.

В 1889 году в четырёх средних учебных заведениях (в том числе и в девичьем институте, куда евреев не принимают) было 827 учащихся обоего пола, из них 73 – иудейского вероисповедания. В четырёх приютах и сиропитательных заведениях на 409 обучавшихся обоего пола приходилось – 6 евреев. В трёх специальных мужских учебных заведениях на 371 учащегося приходилось – 26 евреев. В мужских городских училищах, частных школах и воскресной школе на 1219 человек обучавшихся обоего пола приходилось 35 евреев. Всего в 1889 году официально зарегистрировано 3166 учащихся во всех существовавших тогда в Иркутске учебных заведениях. Из них евреев 183, что составляет без малого 6% всех обучавшихся. Процентное отношение евреев учащихся, таким образом, приблизительно совпадало и с процентным отношением числа жителей евреев к общему населению Иркутска¹⁶⁶.

¹⁶⁶ Большинство детей неимущих обучалось и содержалось в еврейской общине Талмуд Торе. См. следующую главу.

С этой табличкой небезынтересно сопоставить те данные по вопросу о грамотности и о стремлении к образованию, которые даёт нам пере-

Это показывает ещё, что уже к началу 90-х годов евреи были во всех учебных заведениях, где им учиться дозволено, в средних и низших, в платных и бесплатных. Иначе говоря, к 90-м годам учились уже дети всех слоёв еврейского населения Иркутска. Много было евреев, учащихся в средних и специальных учебных заведениях, откуда открывается путь в высшие учебные заведения, а особенно много в городских училищах (12%). Это даёт основание заключить, что в среднем классе и среди малоимущих было особенно сильное стремление к образованию.

Для характеристики роста культурности еврейской общины мы позволим себе остановиться ещё и на тех цифрах, которые мы нашли в материалах журнальной статистики, дававшихся еврейским журналом «Восход», начиная с 1885 года. С этого года, в течение целого ряда лет, в журнале давалась особая табличка, в которой указывалось число подписчиков по губерниям, а с 1892 года – и по городам. Сведения по губернии не столь интересны, ибо в сёлах Иркутской губернии жили политические ссыльные, и возможно, что именно на их долю приходилось большинство экземпляров. Но в самом городе ссыльных не было, а если и было, то не более одного-двух человек.

пись 1897 г. и которые мы уже использовали с достаточной полнотой во II главе нашей книги «Происхождение и состав еврейского населения в Иркутске». В 1897 г., как помнит читатель, евреи составляли 7% общего населения Иркутска, а число евреев, обучающихся во всех учебных заведениях Иркутска 11%. Всё мужское население Иркутска в целом давало 40% грамотных, а женское – 2,39%.

В то же время только еврейское мужское население – 45,5%, а женское – 27%. Эти цифры поразительны, если вспомнить, что только лет 20 назад грамотными среди евреев были почти только кантонисты.

В 1892 году в Иркутске получался 21 экземпляр «Восхода»,

в 1894 году – 14¹⁶⁷,

в 1895 году – 16,

в 1896 году – 17,

в 1898 году – 24.

Как мы увидим ниже, в середине 90-х годов в иркутской общине появляются первые иркутские студенты-евреи и окончившие университет. Они значительно усиливали культурный элемент общины, тем более что некоторые из них чуть ли не прямо с университетской скамьи попали в члены первого хозяйственного правления.

Таким образом, мы констатируем наличие двух новых факторов общинной жизни в Иркутске, начиная с 90-х годов: антисемитизм извне и органический рост культурности еврейского населения. Посмотрим, как сказались эти факторы на общинной жизни в первой половине 90-х годов.

Как помнит читатель, Б.Л. Горфин был выбран только казначеем молитвенного дома и при вступлении в отправление своих обязанностей застал в духовном правлении молитвенного дома только одного товарища, престарелого резаку Е.И. Рябкина, выбранного в своё время на должность «учёного еврея», а в действительности ко времени избрания Горфина испол-

¹⁶⁷ Уменьшившееся число выписываемых экземпляров следует объяснить отчасти и тем, что многие в эти годы не знали, где же им в конце концов придётся очутиться, и той подавленностью, которая царила в общине.

нявшего обязанность и старосты, и казначея. В таком же положении очутился вскоре и сам Горфин, так как из-за междоусобицы внутри общины ни о каких выборах и думать нельзя было. Горфин единолично представлял всё духовное правление.

К тому времени, когда истекал трёхлетний срок его полномочий, он не только утомлён был борьбой, но и материально разорён, ибо всё своё время он отдавал общинным интересам и не мог в достаточной мере следить за своими делами. Поэтому ко времени наступления новых выборов он обратился с письменным заявлением к прихожанам, в коем просил, ввиду расстроенного здоровья и материального положения, освободить его от занимаемых им общественных должностей. Общее собрание прихожан, состоявшее в большинстве из сторонников Б.Л., должно было уступить его доводам и вынесло постановление, в котором с большим чувством оценило его бескорыстные труды на пользу общины и назначило выборы всего состава духовного правления молитвенного дома.

Уже 28 декабря 1890 года иркутский губернатор сообщает, что им утверждены в должностях вновь выбранные: «учёный еврей» Исай Матвеевич Файнберг и казначей молитвенного дома Матвей Абрамович Прейсман. Вместе с тем вновь избранному и утверждённому казначею предлагается собрать сход для избрания старосты молитвенного дома вместо Горфина, и имеющий по сему состояться приговор представить на утверждение в установленном порядке. В синагогальном архиве нет никаких указаний, чтобы выборы

казначей и «учёного еврея» сопровождалась какой-либо борьбой.

Но один уже тот факт, что выборы старосты не могли состояться одновременно с выборами казначей и «учёного еврея», доказывает, что вокруг этого нового избранника должен был опять разгореться старый внутриобщинный спор. И если этого не случилось, так только благодаря тому, что община в запросе губернского правления от 23 января 1891 года, т. е. менее чем через месяц после утверждения двух членов духовного правления и предложения выбрать старосту, почувствовала серьёзную угрозу своему обычному укладу, к которому при всех его недостатках они уже привыкли.

Что же содержал в себе этот грозный запрос?

Он заключал в себе требование, адресованное старосте молитвенного дома, о немедленном доставлении следующих сведений: 1) когда и кем учреждена должность старосты иркутского молитвенного дома? 2) кем утверждён староста и с какого времени? 3) существуют ли в Иркутске и с какого года казённые раввины или их помощники и «учёные евреи»? 4) когда и кем учреждены эти должности?

2 февраля 1891 года исполнявший тогда ещё должность старосты молитвенного дома Б.Л. Горфин ответил губернскому правлению, что должности казённого раввина нет, религиозные обряды совершаются учёным евреем. Должность же последнего, как и должность старосты, утверждена одновременно с постройкой молитвенного дома.

Таким образом, после того, как в течение 11 лет староста неоднократно избирался и утверждался губернской властью, та же власть возбуждает вопрос о происхождении этой должности и спрашивает, кого и когда в ней утверждали. Этот запрос наполнил тревогой сердца общинников, до сих пор не испытывавших никакого вмешательства в свои внутренние дела со стороны администрации и почувствовавших, что одним этим запросом дело не ограничится. Эта тревога значительно способствовала притуплению старых распри, и выборы нового старосты прошли благополучно. Следует ещё заметить, что с уходом Б.Л. Горфина «ангарщина» не могла, в такое тревожное время, выставить достойного кандидата, а потому, почти единогласно, прошёл кандидат «интеллигентско-купеческой партии» Михаил Меерович Шейнис.

Партия эта, очевидно, перед выборами не была уверена в успехе. И по документам, относящимся к выборам, мы впервые можем найти следы мобилизации «партийных» сил. Общие собрания членов общины, на протяжении всего её существования, никогда не отличаются особой многолюдностью, и из небольшого числа прихожан, имеющих право голоса, почти всегда присутствует не более одной трети. Абсентеизм — постоянное явление общинных собраний. На этот же раз «купеческая партия» постаралась обеспечить себе большинство, и в бумагах, относящихся к этим выборам, мы находим ряд официальных доверенностей, коими члены общины из купцов, по тем или иным причинам не имевшие возможности присутствовать

при избрании старосты, отдавали свои голоса своим родственникам.

Но успех «купеческой партии» был обеспечен не этой мобилизацией, а, как мы уже сказали, общим настроением и тем ещё обстоятельством, что противная партия не могла тогда выставить из своей среды кандидата и потому отсутствовала на этих выборах. Из приготовленных к этому собранию списков прихожан видно, что правомочных членов общины правление насчитывало 173 человека, а из баллотировочного листа видно, что при выборах присутствовали 63 прихожанина, почти все сторонники «купеческой партии».

На должность старосты Шейнис избран в январе месяце 1891 года, но утверждён он был губернской властью в этой должности лишь в августе этого года. Причины такого замедления нам неизвестны. За эти несколько месяцев, прошедших до его утверждения, старостинские обязанности относил казначей М.А. Прейсман. На его долю и выпало представлять интересы общины в той глухой, но упорной борьбе, которая завязалась между общиной и властью, когда последняя постановила во что бы то ни стало ввести в Иркутске общественный раввинат, которого до эпохи Горемыкина община не знала.

С точки зрения законных установлений, община, конечно, должна была иметь общественного раввина. Но в 1879 году она была официально освобождена от необходимости содержать такового, согласно телеграфного ходатайства старосты молельни. Сущность ходатайства: разрешить иметь при молельне¹⁶⁸ «учёного»

из лиц, не пользующихся правом жительства в Сибири. Ответ министра внутренних дел на ходатайство, переданный общине губернатором в официальной бумаге, гласил следующее:

«Г-н Министр Внутренних Дел, отзывом от 25 июня текущего года¹⁶⁹ за №2254 уведомил генерал-губернатора Восточной Сибири, что староста еврейского молитвенного дома г. Иркутска телеграммой ходатайствует о разрешении евреям этого города, ввиду приближающихся праздников, иметь при молельне „учёного“ из лиц, не пользующихся правом жительства в Сибири... Сообщая такое ходатайство на усмотрение Его Высокопревосходительства, г-н Министр присовокупил, что хотя при малочисленности евреев г. Иркутска, для них едва ли достижимо содержание образованного раввина, посему представлялось бы возможным отнестись снисходительно к случаю выбора иркутскими евреями лица, не вполне соответствующего предписанию ст. 1038¹⁷⁰ XI т. I ч. св. Законов, но с этим вместе Статс-Секретарь Маков признаёт совершенно неудобным допустить, чтобы не имеющий права жительства в Иркутске приобрёл оное лишь путём избрания в учёные еврейского общества. Вследствие этого предписываю Иркутскому Городскому Полицейскому Правлению объявить о содержании отзыва г-на Министра Внутренних Дел

¹⁶⁸ Солдатской молельне.

¹⁶⁹ 1879 г.

¹⁷⁰ Соответствует 1322 ст. (по прод. 1906 г.) и касается образовательного ценза раввина.

старосте иркутского еврейского молитвенного общества на его ходатайство, а также и то, что Его Высочайшее превосходительство признаёт, согласно с вышеозначенным отзывом г-на Министра, и со своей стороны также невозможным, чтобы лицо, не имеющее права жительства в Иркутске, приобрело оное лишь путём избрания в учёные еврейского общества, а потому к утверждению в обязанности учёного может быть допущено только лицо, имеющее право на свободное жительство вообще в Сибири, хотя и не вполне соответствующее правилам, изложенным в ст. 1083 XI т. св. Зак. о дух. дел. Иностран. Исповед.».

Таким образом, ещё в 1879 году, в либеральную эпоху Александра II, министр внутренних дел пожертвовал статьёй 1083 XI тома Свода Законов во имя того, чтобы не допустить лишнего еврея в Сибирь. Это тем более странно, что в то время и в черте оседлости мало было евреев, удовлетворявших тем требованиям, которые предъявляло правительство к лицам, относящим должность раввина, и правительство, считаясь с этим обстоятельством, разрешило приглашение евреев-раввинов из Германии, хотя и еврей германско-подданный также абсолютно не имеет права жительства в России, как еврей русско-подданный в Сибири. Но нет ничего удивительного в том, что иркутский генерал-губернатор в 1879 году, на усмотрение которого было передано решение, по существу «со своей стороны» также не нашёл возможным того, чего не нашёл возможным и министр. И в результате иркутская община обогатилась «учёным евреем», на которого возложе-

ны были несоответствующие его правам и обязанностям раввинские функции.

Трудно установить те причины, которые непосредственно побудили иркутскую администрацию запросить о существовании раввина, а потом потребовать и немедленного установления раввинского института. Сначала – так мы и думаем – это было результатом тех антисемитских настроений, с которыми Горемыкин явился в Иркутск. А в дальнейшем это муссировалось и той распрей, которая возникла в самой общине между вновь избранными казначеем и «учёным». Дело в том, что вновь избранный учёный И.М. Файнберг не желал относить своих обязанностей. Сначала он ссылался на религиозные традиции и установления, которые запрещают еврею, не рукоположенному в духовные раввины, выполнять некоторые обряды, например, давать развод. А когда община настаивала, чтоб он не отказывался нести функции общественного и духовного раввина, он указал на действующий закон, строго очерчивающий круг обязанностей «учёного еврея» и карающий тех, кто относит обязанности общественно раввина, не будучи утверждённым в такой должности соответствующей властью. Община настаивала на сохранении старых традиций, а вновь избранный учёный еврей решительно забастовал и, чтобы разрубить гордиев узел, обратился «за разъяснением» к администрации. Результатом этого обращения было следующее официальное уведомление губернского правления от 9 апреля 1891 года на имя старосты молитвенного дома:

«Г.и.д. иркутского губернатора предложением от 8-го сего апреля... между прочим, уведомил сие Правление, что Вы, Милостивый Государь, не редко возлагаете на учёного еврея при иркутском еврейском молитвенном доме обязанность расторжения браков между евреями и совершения других религиозных обрядов. Его Превосходительство, имея в виду, что по точному смыслу 1079 ст. Уст. Иностр. Исповеданий, круг действия учёных евреев заключается лишь в объяснении сомнений, к богослужению или обрядам относящихся, и что потому никакие другие обязанности на этих лиц возлагаемы быть не могут, так как совершение обрядов предоставлено по закону исключительно раввинам и их помощникам, поручил сему Правлению незамедлительно устранить объясняемые выше неправильные действия Ваши и принять безотлагательно надлежащие меры к восстановлению в иркутском молитвенном доме законного совершения религиозных обрядов и о последующем уведомить Его Превосходительство. Передавая об этом, Губернское Правление поручает Вам, Милостивый Государь, отнюдь не позволить себе возложения на учёного еврея при молитвенном доме обязанностей, не входящих в круг его действий, а, для совершения всех обрядов еврейской религии, немедленно распорядиться об избрании соответствующих лиц на должность раввина и его помощника».

Настоящим категорическим требованием община была поставлена в критическое положение. Теперь уже дело было не в нежелании «учёного» отправлять те или иные религиозные обряды, а в категорическом

запрещении кому-либо, кроме раввина, выполнять эти требы. Но община не торопилась с выборами, а всячески отписывалась, доказывая невозможность для иркутской общины выбрать в раввины лицо, соответствующее действительным требованиям закона и в то же время могущее удовлетворить общину в качестве её официального представителя. Ниже мы приведём полностью те мотивированные объяснения, которые община, в виде приговоров, представляла губернской власти в доказательство невозможности для неё избрать раввина. Но эти объяснения, на наш взгляд, недостаточно полно определяли те мотивы, которыми в действительности руководствовалась община в своём поразительно настойчивом стремлении отделаться от необходимости избрать раввина.

Основная причина – консерватизм. Общине трудно было мириться с тем, что в её среду войдёт чужой человек, который к тому же сразу займёт такое видное положение. Ибо общественный раввин, по точному смыслу закона, в силу занимаемой им должности – первое лицо в общине. Отчасти, возможно, тут играла роль также непопулярность общественного раввината, которая определялась тем, что это установление чисто бюрократическое, навязанное еврейским общинам извне, а не вызванное к жизни подлинными потребностями культа или еврейской общественности. Играл тут роль и материальный вопрос.

Несмотря на малочисленность евреев в Иркутске, удельный вес иркутской общины среди прочих общин Сибири уже в то время был значителен, и, естественно,

что в раввины иркутская община желала бы выбрать лицо с высшим образованием, с определённым именем. А приглашение такого лица влекло бы за собой значительный расход, тогда как община ещё не имела в то время ни одного просветительного и благотворительного учреждения, правильно и официально функционирующего.

Таковы, по нашему мнению, те действительные причины, по которым община не желала пригласить раввина. Перейдём теперь к официальной переписке.

Получив категорическое требование озаботиться избранием раввина, исполняющий должность старосты созвал общее собрание прихожан для обсуждения создавшегося положения. А положение было тяжёлое, что видно и из нижеследующей заметки, помещённой в 17 – 18 номере издававшейся в Иркутске еженедельной газеты «Восточное обозрение».

«...Еврейское население Иркутска очутилось в весьма затруднительном положении: оно лишено возможности как заключать браки, так и расторгать их¹⁷¹. Дело в том, что по закону – совершать обряд венчания может один только раввин, а такового в Иркутске в настоящее время не имеется. Еврейский староста вздумал было возложить эту обязанность на так называемого „учёного еврея“¹⁷², но последний, не считая себя ком-

¹⁷¹ В действительности, община даже перестала вести метрические книги, ибо это функция раввина, а после категорического запрещения губернатора никто не дерзал прикоснуться к метрическим книгам. Это видно из ответа старосты на официальный запрос губернатора.

¹⁷² Здесь мы имеем дело с обычным неправильным представлением иркутской прессы того времени об общинной жизни евреев. Читатель

петентным в этом отношении, отклонил от себя предложение старосты. Когда же представители общины настойчиво потребовали от „учёного” принять на себя функции раввина, „учёный” за разъяснением вопроса обратился к губернской администрации, вполне согласившейся с мнением „учёного еврея” и предложившей еврейской общине позаботиться о приискании раввина. Мы слышали, что представители обратились по телеграфу с ходатайством к высшему правительству о разрешении возложить обязанность совершения венчального обряда на „учёного еврея”¹⁷³.

Странно, что иркутская еврейская община, далеко не нищенская, не может приискать для себя раввина».

Приговор общего собрания, созванного для обсуждения создавшегося положения, гласил: «Мы, нижеподписавшиеся, слушали предписание г-на иркутского губернатора относительно выбора казённого раввина. Избрать для нашего общества казённого раввина и его

уже знает, что не староста своей властью возложил эту обязанность на учёного еврея.

¹⁷³ Обратились через губернатора Светлицкого к министру внутренних дел со следующей телеграммой: «За невозможностью избрания на должность еврейского раввина соответствующего лица, удовлетворяющего требованиям закона, и дабы не оставить иркутское еврейское общество без исполнения религиозных обрядов, не признаёте ли Вы, Ваше Сиятельство, возможным испросить временное разрешение на предоставление исполнять обязанности раввина избранному обществом учёному еврею, хотя также не отвечающему требованиям 1083 ст. Устава Иностран. Исповед., но имеющему право жительства в Сибири». Г-н фон Плеве – заместитель министра внутренних дел признал ходатайство губернатора Светлицкого о замене в г. Иркутске раввина «учёным евреем» не подлежащим удовлетворению.

помощника мы совершенно согласны, но ввиду невозможности избрать ныне же из своей среды лица, вполне соответствующего требованиям закона, т. е. независимо от университетского образования, образованного и по-еврейски, постановили: предложить казначею молитвенного дома... самому или через доверенное лицо войти с ходатайством к начальнику губернии о разрешении временно, впредь до приискания такового, исполнять религиозные требы “учёному еврею” по примеру прежних лет, за всё время существования Сибири (sic)».

Во исполнение этого постановления общего собрания прихожан казначей молитвенного дома отправил губернатору пространное «донесение». Донесение это, конечно, имело целью убедить, что иркутская община, по целому ряду причин от неё не зависящих, не может пригласить раввина, и что вообще общественный раввинат не применим в условиях жизни евреев в Сибири. Отчасти здесь повторяются мотивы, высказанные уже в общем собрании прихожан, но всё «донесение» в целом настолько характерно, что мы решаемся привести из него наиболее любопытные места.

«На должность раввина между иркутскими евреями, т. е. сибиряками, не нашлось лица, которое соответствовало бы требованиям 1083 ст. Иностр. Исповед. По закону этому... в раввины может быть допускаемо лицо из окончивших курс в бывших раввинских училищах или еврейских учительских институтах, или же в общих высших или средних учебных заведениях. Но в Сибири, вне черты еврейской оседлости, по ст. 17-й Уст. о паспортах... разрешается въезд только лицам,

получившим высшее образование¹⁷⁴. Но для того, чтобы быть раввином, этого высшего университетского образования не только недостаточно, но даже совсем мало, так как лицо то, помимо нравственных качеств, должно... обладать эрудицией во всём том, что относится к духовной жизни евреев и соответствовать начертанному в 1087 ст. словам: Раввин есть блюститель и толкователь еврейского закона...»

Далее в донесении указывается, что такое лицо «недоступно» не только для сибиряков; в таких лицах, при издании соответствующего закона, был недостаток и в черте оседлости, что следует из разрешения выписывать раввина, через посредство Министерства внутренних дел, из Германии. При таких условиях сибиряки могли бы выбрать лицо, совершенно не отвечающее требованиям закона, «чем был бы причинён вред государству и потрясены были бы основы государства».

Что закон о раввинах должен применяться только в черте постоянной оседлости, говорится далее в «донесении», следует из предусмотренной законом особой нормировки жизни еврейских общин, вновь образовавшихся вне черты, так например: «в черте» синагоги и школы разрешаются губернским начальством, а вне черты разрешаются уже одни только молельни и притом лишь министром внутренних дел. Ст. 1085 Уст. Иностр. Исповед. имеет в виду сплошное население евреев и близкие расстояния, что также возможно только в черте оседлости, где подобно тому как несколько деревень

¹⁷⁴ Теперь, как известно уже читателю, и евреи с высшим образованием потеряли это право.

или селений крестьян причисляются к одной церкви и составляют один общий приход – евреи причисляются к ближайшему раввину и считаются его прихода. В Сибири это невозможно. Если бы даже иркутские евреи и нашли для себя возможность иметь раввина, то и в этом случае могла бы быть удовлетворена духовная жизнь только одних иркутян, но не всех тех евреев, которые разбросаны по широкой Сибири на расстоянии тысяч вёрст. Ибо одни за недостатком средств, а другие, как ссыльные, за неимением права отлучаться с места причисления, являться в Иркутск не могут; точно так же не обязаны иркутские евреи содержать раввина для прочих евреев Сибири, а иркутский раввин не может оставлять паствы своей и отлучаться Бог весть на какое расстояние¹⁷⁵.

Вообще применение закона о раввинах в Сибири было бы равносильно остановлению течения духовной жизни евреев с её насущными потребностями.

«Это значило бы обречь их на безбрачие, умерших оставить без погребения, детей без обрезания, родителей лишить возможности исполнять требования 173 и 174 ст. X т. I ч. изд. 1887 г.¹⁷⁶ и подвергнуть их вместе

¹⁷⁵ Трудно сказать, почему иркутские общинники предполагали, что их раввина придётся обслуживать всю Сибирь. Но если под всей Сибирью они подразумевали только Иркутскую губ., то следует признать, что они были весьма дальновидны, указывая, что всё остальное население, помимо Иркутска, всё равно будет обходиться без раввина. И в настоящее время евреи, живущие в уездах Иркутской губ., испытывают серьёзные затруднения при внесении своих детей в метрические книги, и им сплошь и рядом приходится получать метрические свидетельства для детей процессуальным порядком через окружной суд и оформлять свой брак у общественного раввина в Иркутске, когда у них уже имеются дети.

с детьми по целому ряду ст. Уложения о наказаниях уголовной ответственности, что с корнем вырвало бы основные начала нашего гражданского права: „Семья” и нарушило бы специальный закон о веротерпимости в государстве».

После ссылки на уже известное нам «снисходительное отношение» министра Макова в 1879 году к замене в Иркутске раввина «учёным евреем» из лиц, имеющих право жительства в Сибири, донесение заканчивается просьбой предписать члену правления молитвенного дома, утверждённому в должности учёного еврея, совершать обряды религии, как «не терпящие отлагательства».

История с выбором раввина тянулась долго. Пока писались всякого рода донесения, отписки, составлялись резолюции, община действительно находилась в тяжёлом положении, ибо никто не прикасался даже к метрическим книгам о родившихся. Но администрации такого рода «итальянская забастовка» в конце концов надоела, и 3 октября 1891 года она предписала уже утверждённому старосте Шейнису выбрать немедленно раввина. Делать было нечего, и 20 октября был наконец избран первый общественный раввин иркутской общины, витебский мещанин Дон Хаимов Медведников. На собрании присутствовал 71 прихожанин, судя по подписям, почти все из «купеческо-интеллигентской» партии.

Дон Хаимов Медведников был учителем в еврейском казённом училище города Симферополя.

¹⁷⁶ Архаические статьи, говорящие об обязанностях родителей воспитывать детей, учить их, выдавать дочерей замуж и т. д.

В Иркутск он попал по собственной воле учителем и жил здесь беспрепятственно, отчасти благодаря тому, что местная администрация в то время, когда он приехал, относилась равнодушно к проживанию бесправного еврея в Иркутске, а отчасти благодаря просьбам тех «именитых евреев», у которых он давал уроки. К моменту избрания его в раввины он служил по питейному делу у старосты Шейниса. Жалованья ему было назначено 600 рублей в год, причём прихожане были оповещены старостой, что за всякого рода требы, которые отнюдь не могут быть совершены кем-либо, помимо раввина, следует ему платить отдельно, «приняв в соображение, — как сказано было на вывешенном объявлении, — что г-н Медведников, согласившись принять на себя должность раввина за 600 рублей в год, сделал этим обществу немалое снисхождение, так как другому пришлось бы платить больше».

Наибольшая заслуга первого иркутского раввина была в том, что он брал с общества в целом недорого. Во всём прочем, он был служащим старосты г-на Шейниса... Так закончилась эпопея установления раввината в Иркутске, и этим самым в управлении иркутской общины были впервые введены «европейские» начала.

§ 9. Гонения на евреев. Объединение общины

Раввинат не был последним нововведением в строю общинной жизни. По воле самих общинников и с согласия администрации, вслед за установлением

общественного раввина, последовала отмена должности «учёного еврея», как института, совершенно не нужного. Главными реформами, однако, следует признать: во-первых, замену духовного правления хозяйственным, и во-вторых, установление так называемых «временных правил» для иркутского еврейского молитвенного дома.

Но в промежутке, между установлением раввина и введением института хозяйственного правления, разразились самые тяжёлые гонения Горемыкина на евреев, проживающих в Восточной Сибири и Забайкальской области, а именно: беспощадные выселения пришедших сюда по воле обратно в черту оседлости и отправка евреев ссыльных из городов в волости, к которым они были приписаны.

В синагогальном архиве осталось десятка полтора писем выселяемых на имя старосты Шейниса с просьбой, мольбой о материальной помощи и о заступничестве. Эти письма и теперь нельзя читать спокойно. Прочитируем только одно из них.

«...Я – вольный. Жил в Верхнеудинске с 1868 по 1892 г. Занимался ремеслом. Выселили. Ныне по старости (мне 69 лет, жене 63 г.) ничем не занимаюсь, живу на средства детей. Теперь отсюда гонят. При мне двое взрослых дочерей.

Куда идти, где преклонить голову на старости лет? С чем поехать за 6000 вёрст, в Ковенскую губернию?

Жил я помощью своих двух сыновей и тем, что зарабатывали дочери. Старшего сына выселили из Забайкалья, и он уехал в Америку с семьёй из 8 душ, взяв с собой

и младшего сына 17 лет... Средний сын служит в Иркутске дрожжевым мастером. Его тоже гонят. Обязали подпиской к выезду. Бог знает, чем и он поедет. Теперь нас 4 человека. Без средств, на старости лет, придётся идти в чуждую мне теперь несчастную, пресловутую „черту” – партией¹⁷⁷; храни и оборони Господь от этого всякого. Старые и больные, мы не перенесём этапную дорогу – и что тогда будет с взрослыми дочерьми?..»

Это одно из типичных писем.

Из Иркутска выселяли лиц, занимавших общинные должности, что, конечно, вновь грозило развалом несколько уже наладившейся общинной жизни. Выселяли двух резак и кантора.

В архиве остались копии писем старосты Шейниса к адвокату в Петрограде, в коих ему предлагают крупный, по тому времени для общины, гонорар и вечную признательность иркутских евреев, если он добьётся разрешения на жительство для указанных должностных лиц общины.

Вот как М.М. Шейнис в письмах к адвокату рисует растерянность и печальное положение евреев, создававшиеся под давлением выселений: «...Евреи, проживая в Сибири, не знали о «праве жительства». Теперь, спасаясь, хватаются, как утопающий, за соломинку. Так, одни в ходатайстве указывают, что они – потомки колонистов, получившие право жительства ещё от императора Николая I. Другие ходатайствовали о праве жительства, как ремесленники и т. д.».

¹⁷⁷ Т. е. этапом.

«У нас теперь настоящая беда; гонят ремесленников, гонят сибиряков, требуют, чтоб каждый жил на месте его причисления. Для сибиряков Иркутской губернии я пока выхлопотал у губернатора, чтоб оставить каждого на месте жительства, а иногородних, например, Томской и Енисейской губ., высылают. А с приездом из Петербурга генерал-губернатора лучшего ожидать трудно...».

Общая участь, постигшая евреев всех общин Восточной Сибири и Забайкалья, вызвала, очевидно, определённый обмен впечатлениями между ними, стремление выработать какие-нибудь меры, которые были бы направлены к улучшению создавшегося положения. Красноярская община отправила на высочайшее имя телеграфную просьбу¹⁷⁸ и копию её препроводила иркутской общине. Уже тогда иркутская община стала центром, куда обращались за помощью евреи не только из уезда, но и из других губерний и областей. И таким образом на иркутскую общину в эти годы усиленных гонений, как и не раз впоследствии, пала задача помогать не только своим бедным и выселяемым, но и таковым из различных мест Сибири. Тяжёлое настроение рождало самые нелепые предположения и слухи. Впереди,

¹⁷⁸ Вот что, между прочим, телеграфировали императору Александру III красноярские евреи: «...Осени милостью Твоею детей ссыльных евреев, пришедших за родителями, родившихся в Сибири, проживших десяти лет в городах, занимавшихся честным, полезным трудом. Семейства их распоряжением местного начальства поставлены на краю гибели. Сего апреля (1893 г.) начальство распорядилось в семидневный срок выдворить нас в деревни. Привыкшие к ремёслам: ювелирному, часовому, портняжному, сапожному, переплётному и малярному, а не

казалось, может быть только хуже и хуже. Против этого настроения среди бедноты, для которой, как известно, синагога, пред молитвой и в перерывах, является излюбленным местом обсуждения всякой злобы дня, – боролся М.М. Шейнис в свойственной ему форме. Он издаёт два «приказа». В одном он пишет, что синагога будет отворяться лишь за полчаса до начала молитвы. «Поэтому не следует торопиться до назначенного времени, чем и устранятся все праздные сборища, нелепые разговоры и рассуждения»... О необходимости борьбы с ложными слухами, «кои вредят даже общественному строю», он говорит и во 2-м «приказе», относящемся к караульному, коему вменяется в обязанность о всех таких возникающих слухах немедленно докладывать через письмоводителя ему, Шейнису.

Но несомненно, эти «приказы» также мало повлияли на настроение разоряемого населения, как и телеграмма красноярцев – на судьбу пославших её. Гораздо действительнее и важнее была материальная помощь, которую оказывала община выселяемым, хотя и эта помощь была ничтожна. По традиции, большинство нуждавшихся обращалось к старосте, единоличному представителю общины. Личное постановление ста-

к земледельческому труду, чем злосчастные займёмся в деревнях? Чем будем кормить, воспитывать невинных детей? Все взоры обращены к Тебе, Отец Всемиловейший. Воззри с высоты трона на мольбу гонимых евреев, на поток слёз, омывающих подножие Царственного Престола. Яви нам Монаршую милость. Отмени распоряжение нашего начальства. Позволь нам заниматься в городах своим ремесленным трудом. Да исполнится пророчество Исайя: «От края земли мы слышим пение Славы Праведному...»

росты никем не оспаривалось; тем не менее образовался комитет, наводивший справки о материальном и семейном положении просителя и занимавшийся сбором денег. Нечего говорить, что всё это делалось общиной по собственной инициативе, без санкции администрации, хотя и с её ведома. Сохранилась и часть отчётности, озаглавленной: «Список лицам иудейского вероисповедания, выселяемым из Иркутска в места их причисления, коим назначается вспомоществование на путевые издержки». «Отчёт» этот составлен 14 апреля 1893 года, т. е. вскоре после начала выселений. За короткое время обратились за помощью 202 человека, из них 36 одиноких и 166 семейных. 166 семейств состояли из 689 душ. Таким образом, уже в первые два месяца со дня объявления о высылке, выселение коснулось 700 душ с лишком. Роздана была мизерная сумма в 1232 рубля. Выдачи, естественно, самые ничтожные: в 5, 6, 7 и 10 рублей. По ведомости значатся только три выдачи в 15 рублей, 2 – в 20 рублей и 1 – в 50 рублей; нет сомнения, впрочем, что комитет помощи выселяемым помогал ещё многим. Отсутствие сведений об этих случаях вспомоществования объясняется отсутствием в то время строгой отчётности. А может быть, велась отчётность и этим выдачам, но соответствующие бумаги не дошли до нас. Кроме того, надо принять ещё во внимание, что при взаимном недоверии, – плод заглохшей, но ещё не изжитой распри, – и староста, и отдельные зажиточные члены общины нередко отдавали просителям свои и общественные средства по своему усмотрению.

Рост нужды в общине в связи с горемыкинскими гонениями мы можем ещё установить по следующей табличке, составленной нами по отчётам молитвенного дома:

В 1891 ¹⁷⁹ г. выдано бедным	1534 руб. 25 коп.
В 1892/1893 г.	1841 руб. 18 коп.
В 1893/1894 г.	1814 руб. 75 коп.
В 1894/1895 ¹⁸⁰ г.	2383 руб. 69 коп.

Не будем дольше останавливаться на доказательствах роста нужды в связи с выселениями. Гораздо важнее подчеркнуть, что молодая община, ещё столь недавно раздираемая междоусобицей, сумела всё же в должную минуту оставить раздоры, несмотря на растерянность и неуверенности в завтрашнем дне, которая царил в ней. Есть достаточно данных для такого суждения о настроении в общине. Вот два характерных факта.

Городская управа запрашивает старосту Шейниса о числе правоспособных прихожан. Староста отвечает, что в данное время, ввиду непрерывных выселений, он не может дать точного ответа, ибо неизвестно, кто завтра останется в городе. Этот ответ отнюдь не официальная отписка только, не слова одни. В это же время заведывавший кладбищами заявил старосте о своём желании оставить свою общественную службу. И староста просит его взять отставку обратно, ибо в такое

¹⁷⁹ С сентября по сентябрь.

¹⁸⁰ Год самых усиленных гонений.

время, когда не знаешь, кто останется в городе, нельзя заниматься новыми выборами...

Впрочем, объединение общины было чисто механическим, под давлением грубой силы антисемитизма.

Староста Шейнис был типичным представителем старокупеческой партии, и если бы община не была объявлена, благодаря горемыкинским гонениям, на военном положении, раскол в ней разгорелся бы заново. Но сам М.М. Шейнис оказался в центре всех зол и скорбей. К нему неслись просьбы и мольбы о помощи и защите. И надо отдать ему справедливость. Здесь он многое сделал и многим помог. Но он совершенно неспособен был учесть, что в общине, единоличным представителем которой он был и хотел остаться, замолкли раздоры *только* под давлением гнетущих внешних обстоятельств. Горемыкинские гонения не могли остановить общего роста культурности проявления новых сил, недовольных общим положением дел в общине. И это недовольство, временно заглушённое силою внешних обстоятельств, не замедлило сказаться, когда истёк срок старостинских полномочий Шейниса, и вновь наступили выборы.

§ 10. Вторая половина 90-х годов.

На заре нового времени

Нет ничего удивительного в том, что недовольство, царившее в общине, сказывалось каждый раз преимущественно при выборах. Общие собрания членов общины, или, вернее, прихожан молитвенного дома,

созывались крайне редко, раз-два в год, и почти всегда по инициативе старосты. Никакого другого органа для выражения своих желаний, кроме общего собрания, община не имела. И не всякий вопрос, обсуждавшийся на общих собраниях (а постановка вопросов зависела исключительно от воли старосты), мог дать основание для общей характеристики положения дел в общине. Таким образом, наиболее удобным поводом для критики являлись каждый раз выборы должностных лиц, происходившие не реже, чем раз в три года.

В архиве не сохранились, к сожалению, протоколы общего собрания конца 1894 года, посвящённого выборам членов духовного правления. Из оставшихся документов видно только, что в числе баллотировавшихся кандидатов были представители всех групп еврейского населения и что выборы не дали никакого результата. На представленные администрации протоколы выборов (не обошлось, вероятно, и без жалобы), обратил внимание генерал-губернатор Горемыкин. И дело с выборами получило совершенно неожиданное направление. Горемыкин увидел, что во главе общины (или, вернее, молитвенного дома) стоит духовное правление, т. е. институт, установленный для молитвенных домов в черте оседлости. Меж тем как в полученном разрешении на постройку синагоги было ясно указано, что последняя должна управляться, подобно молельне при Петербургском еврейском обществе, хозяйственным правлением¹⁸¹. Согласно прямому указанию министра

¹⁸¹ Хозяйственное правление для петербургской молельни, а затем и для всех молелен вне черты оседлости, было установлено по предло-

внутренних дел, генерал-губернатор потребовал немедленного введения законного образа правления в общине, т. е. замены духовного правления – хозяйственным. Такое требование получили в общине в августе месяце 1895 года. Избрание членов первого хозяйственного правления состоялось только в конце декабря.

Введением хозяйственного правления вместо духовного Горемыкин – помимо своей воли – сослужил большую службу общине.

Хозяйственное правление избирается на три года и состоит из шести человек; трёх действительных членов, из коих один является председателем, и трёх кандидатов к ним. Кроме того, избирается ревизионная комиссия в числе трёх членов общины и трёх кандидатов к ним. Установление хозяйственного правления положило конец архаическим порядкам в деле управления общиной: самовластию, бесконтрольности и тем отголоскам худших старых кагальных традиций, которые всплывали каждый раз на поверхность общинной жизни, когда заходила речь о выборах нового старосты.

К новым выборам община отнеслась с должной серьёзностью. Происходили частные совещания, на которых обсуждались как отдельные кандидатуры, так и общие задачи будущего правления в целом. Возможность избрать шесть представителей сразу, объ-

жению министра внутренних дел. Записка, посвящённая этому вопросу, принятая в Комитете министров, получила высочайшее утверждение 12 февраля 1865 г. Характеризуя задачи и функции хозяйственного правления, министр писал, что оно учреждается «для заведывания хозяйственными делами, не придавая сему правлению характера духовного правления»... См. *Леванда В.* Законы о евреях. С. 1026.

единённых в одном учреждении, где роль каждого определяется исключительно работоспособностью и преданностью общинным интересам, исключала необходимость бороться за того или иного представителя отдельной какой-либо группы в общине. Членов хозяйственного правления можно было наметить из различных слоёв еврейского населения. Важно было одно: чтоб все члены нового учреждения одинаково смотрели на задачи своей общинной деятельности, одинаково относились к нуждам общины.

Уже при предварительном обсуждении кандидатур выяснилось, что ни один из представителей старой «именитой» купеческой партии не имеет шансов пройти в хозяйственное правление, и М.М. Шейнис, её недавний представитель, сам снял свою кандидатуру. Тогдашняя мелкобуржуазная демократия в общине, так называемый средний класс, сумела увлечь за собой общину, и из шести членов хозяйственного правления пять человек были её непосредственными ставленниками. В числе последних был и уже знакомый читателю Б.Л. Горфин. Ещё сильнее сказалась её победа при выборах нового общественного раввина. Но об этом ниже. Здесь нам важно подчеркнуть одно существенное обстоятельство. Победили не имена кандидатов, из которых ни один, за исключением Б.Л. Горфина, не успел проявить себя в общественной деятельности. Над рутинной и слепой приверженностью к традиции взяло верх стремление к культурности. Проявлением этой победы следует считать избрание в председатели первого хозяйственного правления молодого врача,

первого иркутского еврея, окончившего высшее учебное заведение, д-ра Григория Леонтьевича Юдалевича.

Первому хозяйственному правлению досталось незавидное наследие. Последний представитель старостинской эпохи передал по описи всё общинное имущество своим преемникам. Из описи, оставшейся в архиве, видно, что имущество это, кроме каменного молитвенного дома, заключалось в свитках Торы, молитвенниках, некоторой синагогальной утвари и в 436 рублях наличными. Следует ещё отметить, что в 1890 году община получила первый дар по духовному завещанию. Один из старейших общинников, Яков Осипович Маркевич, оставил общине дом с тем, чтобы доход от него распределялся между беднейшими семьями. Дом этот, как видно из отчётов, приносил рублей 300 – 400 дохода. Теперь, спустя 25 лет, этот же дом приносит рублей 700 чистого дохода. Чтобы судить, насколько община преуспела материально за последние 20 лет, достаточно будет здесь сказать, что одно недвижимое имущество, принадлежащее общине, кроме молитвенного дома, по минимальной оценке, в настоящее время стоит 150 000 рублей¹⁸². Ко времени избрания первого хозяйственного правления весь бюджет общины достигал едва десяти тысяч. Теперь он достигает тридцати с лишним тысяч. К тому же не следует забывать, что со времени кишинёвского погрома, редкий год не требует особых сборов, достигающих внушительной цифры в несколько

¹⁸² См. приложение II ко 2-й части.

тысяч, идущих на удовлетворение «вопиющих нужд» евреев то в одном, то в другом конце России...

Тяжёлое положение общины ко времени избрания первого хозяйственного правления определялось, однако, отнюдь не одной лишь скудостью материальных средств, но и отсутствием правильно налаженных и официально существующих просветительных и благотворительных учреждений. Выйти из тяжёлого положения общине удалось, конечно, не потому только, что, по воле администрации, духовное правление было заменено хозяйственным; это обстоятельство – случайный благоприятствующий фактор.

Все описанные нами отрицательные явления общинной жизни, там где они не коренились в общеправовых условиях, были болезненными явлениями роста, медленного формирования собственной общинной интеллигенции. Естественно поэтому, что все эти явления исчезали по мере того, как община духовно мужала. Борьба между старой и ново-купеческой партией прекратилась благодаря растворению остатков первой в выросшей массе новой еврейской буржуазии в Иркутске. Таким образом общинные верхи приобрели более однородный состав. А выросшая из всех слоёв еврейского населения иркутская интеллигенция, по мере того, как она, хотя в незначительной своей части, посвящала себя работе на пользу общине, – одушевлялась теми задачами и идеями, которые в каждое данное время доминировали в еврейской общественности России. Начиная с конца 90-х годов те или настроения и течения в общинной жизни пере-

стают уже отражать интересы узких городских групп. Начальные традиции борьбы из-за власти отошли в область истории. Как ни ограничен размах и содержание иркутской общинной жизни при уродливых формах её существования, всё же от неё веет в наши дни духом современных идейных течений в еврействе.

Первые годы существования хозяйственного правления только отчасти ещё сопровождались отголосками былой борьбы со старокупеческой группой. Эта борьба проявилась, когда истекло второе трёхлетие служения раввина Дона Хаимова Медведникова и должны были состояться новые выборы.

Старо-купеческая группа, совсем уже малочисленная и невлиятельная к этому времени, старалась удержаться на посту своего ставленника. Но Медведников, личность совершенно бесцветная, был к тому же дискредитирован в глазах общинной массы, и особенно молодой интеллигенции, своей службой по питейному делу. На довольно многочисленных собраниях¹⁸³ были горячие дебаты, кого следует выбрать в общественные раввины. Выражаясь в общеизвестных терминах, можно было бы сказать, что победили «интеллигенты-ассимиляторы».

Один из ораторов, между прочим, говорил: «При выборе раввина нам следует руководствоваться тем обстоятельством, что общественный раввин является не только официальным представителем общины, но

¹⁸³ По странной случайности, и первого и следующего общественного раввина выбирали не уполномоченные от прихожан, а прихожане непосредственно.

и её гражданским наставником. Меньше всего нам, иркутским евреям, следует при выборе раввина считаться с тем, что раввин должен быть толкователем законов, относящихся к обрядам веры. Нам нужен человек с высшим образованием, чтобы он мог принести пользу общине своей просветительной деятельностью...»

Эта речь имела успех. Она была посвящена в частности защите определённой кандидатуры, сына иркутского старожила, агронома, окончившего высшее учебное заведение, Павла Марковича Хоммера. На первых выборах старый раввин и новый кандидат получили по равному числу голосов, но вторые выборы дали решительный перевес учёному агроному. П.М. Хоммер был избран и утверждён в должности общественного раввина. Община назначила ему мизерное жалование в 1000 рублей в год¹⁸⁴, без права получать что-либо за совершаемые требы. На почве стеснённого материального положения у нового раввина вскоре возникли конфликты с общиной... После истечения срока его полномочий, община избрала раввином С.Х. Бейлина¹⁸⁵.

Но общинная жизнь всё же налаживалась крайне медленно.

«Старо-купеческая партия», очевидно, не сразу сдала все свои позиции. Это видно, между прочим, и из большой заметки, которую иркутская газета «Восточное обозрение» посвятила общинным делам в номере

¹⁸⁴ В настоящее время иркутский общественный раввин получает 2400 руб. в год.

¹⁸⁵ Соломон Хаимович Бейлин единогласно избран уже на пятое трёхлетие.

от 28 сентября 1897 года. Мы приведём здесь только часть этой заметки¹⁸⁶.

«У нас в обществе распространено мнение, что евреи живут между собою солидарно, охотно помогая друг другу и бедняку в особенности. К сожалению, это далеко не верно вообще и, в частности, для г. Иркутска. Нас, несколько знакомых с местным еврейским обществом, напротив, поражает та рознь и полная отчуждённость, какая существует между отдельными его классами. „Именитое“ еврейское купечество, ведущее миллионные (!) торговые операции, совершенно отшатнулось от всякого участия в делах своей общины, бесцеремонно заявляя, что оно с евреями не имеет ничего общего, и лишь по временам выбрасывает жалкую грошовую подачку, делая это с заднего крыльца, второпях, оглядываясь и как бы стыдясь за свой поступок. Евреи-интеллигенты порвали связь со своими единовѣрцами, будучи ещё на школьной скамье. Последние годы в гимназии, годы студенчества всё более и более отделяют их от своих, и те немногие нити, которые связывали их со своими единоплеменниками, порываются одна за другой за этот промежуток времени. Многие из них ренегатствуют, а те, которые не идут на компромисс, — потому ли, что это тяжело, или за ненужностью — остаются евреями только по имени, а кровные интересы евреев им, к сожалению, чужды. Остаются средние и мелкие торговцы, ремесленники, просто домохозяева и беднота; вот это-то и

¹⁸⁶ Другую её часть, характеризующую положение еврейской школы в это время, мы цитируем соответственно в следующей главе, посвящённой просветительной деятельности общины.

составляет собственно местную еврейскую общину... Вот и теперь еврейской общине вскоре придётся подумать о выборе нового казённого раввина. Мы знаем, что подавляющее большинство евреев недовольно настоящим раввином и думает избрать другого. По нашему мнению, евреи должны выбрать на место раввина лицо с высшим образованием. Ведь казённый раввин является во многих случаях официальным представителем общины; он зачастую избирается третейским судьёй во многих запутанных делах, стороны которых не желают доводить их до суда... Кроме того, он может от имени общины входить с ходатайством к местным и другим властям и, наконец, он неперемный член хозяйственного правления. Все эти функции могут хорошо исполняться только лицом с большим образовательным цензом, проникнутым желанием потрудиться для пользы своих сообщинников, а не жаждущим только наживы, не исполненным стремлением только брать непомерную ругу за венчание и проч. ...Хороший раввин и начальная школа для бедных еврейских детей несомненно более существенные нужды, чем хороший хор в синагоге, стоящий общине чуть ли не 3000 руб. в год... Хороший раввин найдёт средство расшевелить многих индифферентных, но богатых евреев. И мы ещё раз повторяем наш совет, что если у иркутской общины мало сравнительно средств, то пусть она урежет хор, а добьётся школы, дома призрения и честного энергичного раввина».

В этом письме¹⁸⁷ достаётся всей общине. Ибо, если «именитое купечество» совершенно отказалось от какого-либо участия в делах, то кто же, собственно, вино-

ват был в том печальном положении общины, которое обрисовал автор?

В частности, это письмо тоже должно было содействовать избранию нового раввина. Мы уже знаем, насколько неудачен был выбор.

Всё то, чего по словам автора не хватало общине, через несколько лет было легко установлено. Представительный орган общины, хозяйственное правление, за всё время своего существования, вплоть до наших дней, пользовался и пользуется доверием общины, и это способствует постоянному притоку пожертвований.

В культурном отношении община за последние 20 лет настолько шагнула вперёд, что вся её предыдущая история кажется далёкой стариной, всеми уже давно и основательно позабытой.

Рост культурности, обогащение содержания общинной жизни, доверие к правильно избираемому представительному органу общины – всё это факторы, уничтожившие былую рознь в общине.

Еврейская община в Иркутске вышла наконец на тернистую дорогу еврейской общественности. Жизнь общины во всём её целом течёт по тому руслу, которое создаётся внешними условиями и равнодействующей всех течений еврейской общественной мысли, ибо почти каждое из этих течений имеет своих представителей в современной иркутской общине...

¹⁸⁷ Автор письма, очевидно, плохо разбирался в общинных делах Иркутска и некритически применял к Иркутску общие ходячие суждения о еврейской интеллигенции и общине.

§ 11. Новое время

К сожалению, ещё не настало время для исчерпывающей истории последних 15 лет жизни иркутской общины... И нам придётся ограничиться только общей характеристикой тех тенденций, которые более или менее отчётливо проявились в общинной жизни за последнее время.

Общинная жизнь евреев в России тесно связана с общеполитической жизнью страны. За последние пятнадцать лет эта зависимость сказалась в Иркутске особенно резко.

Первая половина 900-х годов, – время непрерывного нарастания политического подъёма в стране, – была, в частности, для Иркутска и эпохой материального обогащения. «Золотой дождь», лившийся на Иркутск в связи с постройкой Кругобайкальской дороги и русско-японской войной, способствовал как поднятию материального благосостояния более широких слоёв еврейского населения, так и обогащению отдельных лиц. Улучшение материального положения еврейского населения сказалось, в свою очередь, и на поднятии материального благосостояния общины как организации.

Пожертвования поступали обильные, и в течение нескольких лет община обогатилась целым рядом учреждений, обслуживающих просветительные и благотворительные нужды населения. С другой стороны, политический подъём в стране имел и некоторые отрицательные последствия для общины: он не мог не

отвлечь молодую «коренную» еврейскую интеллигенцию в Иркутске от общинной деятельности.

В бесперывном нарастании общественного подъёма было так много заманчивого, столь многообещающего...

Кишенёвский погром на время вернул еврейскую интеллигенцию к национальным проблемам в широком смысле этого слова. Распространились среди молодёжи сионистские кружки, идеи «национального максимализма»... Но для этой молодёжи уж слишком узкими и даже излишними показались будничные интересы маленькой общины...

1904 и 1905 годы «увлекли» не только общинную интеллигенцию, но и гораздо более широкие слои еврейского населения, даже такие его элементы, настроения которых меньше и реже всего определяются «политической погодой». В общине в это время собирали много средств на различные цели, но не определявшиеся непосредственно нуждами общины. Собирали на нужды жертв кишенёвского погрома; очень много давало еврейское население на нужды семейств евреев запасных, ушедших на войну, помогали евреям-солдатам из проходивших на Дальний Восток эшелонов. Но заметно уменьшились средства, поступавшие в общинные учреждения, хотя, как мы уже говорили, это были годы экономического расцвета¹⁸⁸.

¹⁸⁸ Нижеследующая табличка поступлений по молитвенному дому покажет нам, что даже и здесь годы подъёма отразились на бюджете. Хотя в синагогу не переставали ходить элементы, обычно её посещающие, но хозяйственное правление, очевидно, сосредоточило свой интерес на других нуждах и, поддавшись общему настроению, не было достаточно активным в сборе сумм, следуемых с прихожан по молитвенному дому:

Итак, экономический расцвет, увлечение надеждами и чаяниями, рождёнными общим политическим подъёмом в стране, временный «уход» общинной интеллигенции от местных нужд – вот самые характерные моменты жизни общины в первой половине 900-х годов.

Спала волна общественного подъёма. Наступила реакция... Не будем останавливаться над всеми разочарованиями, пережитыми евреями... О том, что эти годы реакции, в частности, принесли иркутским евреям, достаточно сказано в I и IV главах нашей книги...

Пред общиной ещё больше, чем в период Горемыкина, встал вопрос о помощи, в той или иной форме, выселяемым и гонимым...

С 1907 года, под давлением длительной депрессии в торгово-промышленной жизни Иркутска, значительно ухудшилось и материальное положение общины¹⁸⁹. Тем не менее – и это следует подчеркнуть – общинная

Год	Сумма поступлений, руб.	Год	Сумма поступлений, руб.
1898	8658	1904	11 089
1899	8829	1905	9591
1900	9249	1906	9186
1901	10 130	1907	12 821
1902	10 783	1908	11 392 (С этого года для молитвенного дома бюджет в тысячу одиннадцать становится обычным).
1903	11 958		

Даже на училищном бюджете отразился 1905 г. В то время, как 1903 и 1904 гг. дали поступлений на нужды школы 13 000 руб., 1905 г. дал всего лишь 7468 руб., с 1906 г. устанавливается обычный бюджет в 10 000 с лишним руб.

¹⁸⁹ За эти годы только за прихожанами молитвенного дома накопилось свыше 12 000 руб. долга.

жизнь в Иркутске значительно развилась, стала более сознательной.

Обуславливается это тем, что иркутская община объединяет самые различные слои еврейского населения в городе. Не остаётся вне рамок её в настоящее время и интеллигенция, которая безразлично и даже скептически относится к общинным делам в городах России.

Правда, это участие в общине ограничено преимущественно рамками просветительной деятельности. Но это легко объясняется отсутствием других, более интересных поприщ для деятельности, в особенности в условиях жизни иркутской общины.

Чем же объяснить это явление?

Вспомним, в какое время в Иркутске появилась первая интеллигенция. Она появилась как раз в то время, когда происходила последняя решительная схватка между старыми и новыми силами в общине. И всем своим авторитетом первого образованного еврейского поколения в Иркутске она стала на сторону новых сил.

Если общественная жизнь в Иркутске и в наши дни развита крайне слабо, то двадцать лет тому назад её почти и не было. И всякому еврейскому интеллигенту в Иркутске в то время, если его несколько влекла общественная деятельность, легко было найти хоть некоторое применение для своих сил в общине.

Помимо времени политического подъёма, которое, естественно, отвлекло внимание еврейской интеллигенции в Иркутске от задач и нужд общинной жизни, все остальные события в политической жизни страны и определившийся характер общины способствовали

и способствуют медленному, правда, но беспрерывно замечающемуся притоку интеллигенции в общину.

Современные общеполитические условия значительно содействуют возвращению еврейской интеллигенции к национально-народнической деятельности. Но эти условия действуют по всей России, а потому мы на них останавливаться не будем. Здесь мы отметим только особенность иркутской общины, которая делает возможным участие в ней интеллигенции самого разнообразного направления. Эта особенность заключается в её светском характере, в естественном отделении синагоги от всех прочих и самых важных сторон общинной жизни, меж тем как на заре общинной жизни синагога и её внутренние интересы играли преобладающую, если не исключительную, роль в общине.

Сама община зафиксировала эту эволюцию на своих последних общинных собраниях в двух весьма характерных постановлениях.

Первое постановление касается вопроса участия женщин на собраниях прихожан.

Эти собрания прихожан фактически являются общинными собраниями в широком смысле слова. И раз женщины играют большую роль в наиболее существенных сторонах общинной жизни, то неправильным представляется устранение их от участия в решении вопросов, обсуждающихся на этих собраниях. На общинном собрании 1913 года было предложено устранить эту несправедливость. Против предложения не было сделано ни одного возражения. Были сделаны только два указания. Одно касалось необходимости выяснить вопрос

с правовой стороны. На этих общинных собраниях, по временным правилам, изданным ещё при Горемыкине, имеют право голоса только те из прихожан, которые вносят не менее десяти рублей в год на нужды молитвенного дома. В законе, как и во временных правилах, нет прямого запрещения для участия женщин в этих собраниях. Но, с другой стороны, по традиции, никогда ни в какой общине до настоящего времени женщины не принимали участия в собраниях прихожан. Это обстоятельство и ставит – при наших условиях – общину в затруднение при решении вопроса с правовой стороны.

С другой стороны, было указано, что положительное разрешение этого вопроса во всём объёме и без всяких оговорок может натолкнуться на религиозные традиции, которые не допускают участия женщин в решении вопросов религиозно-синагогального характера. Община постановила запросить мнение еврейских духовных авторитетов.

Если в правовом отношении не встретится затруднений, вопрос о предоставлении женщинам права голоса будет решён положительно, ибо отрицательный ответ раввинов приведёт только к тому, что женщины не будут участвовать в решении вопросов узкосинагогального характера. Но такие вопросы редко когда и обсуждаются.

Другое постановление касается вопроса привлечения местной интеллигенции к более активному участию в обсуждении вопросов общинной жизни.

Участвуя в благотворительном обществе, жертвуя на училище, местная интеллигенция недостаточно влияет на весь уклад общинной жизни. А такое влияние крайне

желательно в интересах большего единения еврейской интеллигенции со своим народом. Правда, для участия в общинных собраниях необходимо вносить на нужды молитвенного дома не менее 10 рублей. Такие взносы могут быть принципиально неприемлемыми для людей нерелигиозных. Поэтому общее собрание в своей резолюции предлагает таким лицам не брать мест в синагоге, а записываться только членами молитвенного дома. А что суммы, внесённые как членский взнос, не пойдут обязательно на непосредственные нужды синагоги, видно из тех отчислений, которые ежегодно делаются из синагогальных сумм на просветительные и благотворительные нужды.

Эта резолюция особенно ярко подчёркивает путь, пройденный иркутской общиной от времени кантонистов, понимавших общину лишь в смысле хранительницы религиозных традиций, до наших дней.

Новая община не спрашивает от своих членов: «Како веруеши?» Она далека от религиозного консерватизма. Она всё более и более делается ячейкой культурно-национальной общественности. И сообразно с этим новая иркутская община не только не отталкивает от себя людей, порвавших с религиозной традицией, но сознательно стремится привлечь их к себе на почве тех задач и стремлений, которые связывают их с их народом.

Такова в общих чертах эволюция общинной жизни за последние годы.

В следующей главе, посвящённой просветительной деятельности общины, мы увидим, каковы те преимущественные идейные течения, которые представляет в общине местная интеллигенция.

ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРКУТСКОЙ ОБЩИНЫ

§ 1. Начало еврейской школы. — § 2. Дедушка Лазарь. — § 3. Гимназисты просветители. — § 4. Успех гимназистов. — § 5. Крушение надежды. — § 6. На перепутье. — § 7. Период Горемыкина. — § 8. Накануне легализации. — § 9. Первые годы легального существования. — § 10. Внутренняя жизнь школы от 1897 – 1907 год. — § 11. От конца 1907 года до наших дней. Внешний быт школы. — § 12. Внутренняя жизнь школы за последние годы. — § 13. Внешкольная просветительная деятельность в общине

§ 1. Начало еврейской школы

Просветительная деятельность иркутской общины, как организации, определяется преимущественно заботами о подрастающем поколении той части местного еврейского населения, которая сама материально не в состоянии воспитывать своих детей. Эта деятельность протекает почти исключительно в стенах еврейского общественного училища. Поэтому и содержанием настоящей главы является преимущественно история этого училища.

Училище это заслуживает нашего особого внимания, потому что в его истории отражаются не только типичные черты исключительного бесправия, но и весь своеобразный мир иркутской общины с постепенным ростом её духовных запросов, стремлений и чаяний. Мало того. Изучая историю местной школы, мы непосредственно знакомимся и с местной еврейской интеллигенцией, не порывающей связи с общиной от момента её появления на арене общественности до наших дней.

Когда же возникла еврейская общественная школа в Иркутске? Из каких потребностей она выросла? Кем была создана? Кем поддерживалась?

Мы уже достаточно говорили о скудости архива здешней общины. Следует добавить, что для истории школы на фоне всей общинной жизни до легализации школы материала особенно мало. Единственно ценный материал, имеющийся в архиве, обнимает период от 1882 по 1890 год. Но еврейская школа, называвшаяся то «Талмуд Тора», то «Приют для бедных детей», образовалась значительно ранее, не позже 1863 года.

Нами уже установлено, что в 60-х годах начинается усиленная тяга сибирских евреев в города, в особенности в Иркутск. Но увеличение еврейского городского населения сопровождается и ростом его пролетарских элементов. Своеобразная сибирско-еврейская беднота, ссыльнопоселенческие вдовы и сироты, освобождающиеся евреи-каторжане, выходившие на волю часто разбитыми и дряхлыми стариками, — естественно

тяготели к городу, к большой общине, где легче найти не только работу, но и соответствующую помощь.

Ещё далеко не созрели все элементы, необходимые для создания общины, а уж потребность в еврейской благотворительности начинает чувствоваться довольно остро. Особенно остро даёт чувствовать себя потребность в призрении дряхлых стариков и круглых сирот. И это тем естественнее, что в нескольких десятках вёрст от Иркутска помещались казённый Тельминский завод и Александровская каторга, а в 200 верстах, по Верхотенскому тракту, казённый Илгинский винокуренный завод. Всюду работали в числе других и евреи-каторжане, за которыми следовали их семьи, часто многочисленные. Естественно, что из этих слоёв рано стали рекрутироваться и беспомощные старики, и голодные бездомные дети, требовавшие приюта и призрения.

Общие соображения, указывающие на необходимое раннее происхождение школы-приюта, подтверждаются и целым рядом записей, официальных документов, устных и письменных воспоминаний старожилов, которые мы постепенно и приведём.

В 1892 году староста молитвенного дома, М.М. Шейнис, поручил кому-то написать историю иркутского еврейского училища. История эта, как мы знаем, носит характер «официозный» и написана тенденциозно. Но всё же она указывает и на такие факты из жизни школы от 1891 по 1893 год, которых мы без этой записи, пожалуй, и не знали бы. К этой части записки мы в своё время обратимся, сейчас же мы приведём только её вступительную часть.

«Еврейское училище под именем „Талмуд Тора“, по свидетельству старожилов, существовало в Иркутске с 60-х годов. В нём обучались круглые сироты и дети беднейших евреев. Они получали там же одежду и пищу. Для этого училища в 80-х годах иркутскими купцами Я.С. Домбровским и братьями Лейбовичами был пожертвован дом на 1-й Солдатской улице. Училище это влачило очень жалкое существование, вследствие скудности средств и отсутствия деятельного и энергичного человека, интересующегося этим учреждением».

Итак, 22 года тому назад, старожилы, которых теперь, быть может, уже и в живых нет, утверждали, что открытие школы следует относить к началу 60-х годов.

Что община уже на заре своего существования, когда она сама, в целом, была духовно беспомощна, заботилась о просвещении детей своих неимущих сочленов, видно и из следующих фактов.

И отчёт по постройке синагоги, и автор «хроники» указывают нам, что в числе других капиталов, ушедших на постройку синагоги, был и капитал, собранный на училище, именно: при первой постройке до пожара – 1184 рубля 85 коп. и во второй раз, после пожара, из сумм, собранных на училище, – 1241 рубль 42 коп. Значит, на школу собирали до 1877 года, собирали и после.

В синагогальном архиве имеется книга за 1878 год с надписью на ней: «Книга на записку пожертвований разных лиц на училище с 1878 года». 8 декабря по подписному листу 24 наиболее крупных жертвователя обязались вносить в Общество для распространения

образования между детьми бедных евреев г. Иркутска ежегодно от 100 до 500 р., всего на сумму 3215 рублей, и 10-го числа того же месяца уже внесли в счёт обещанного $\frac{1}{2}$ назначенной суммы, именно 1226 рублей. О дальнейших взносах в книге ничего не сказано. Но, очевидно, что, хотя зародившаяся мысль об учреждении какого-то Общества для распространения образования между детьми бедных евреев г. Иркутска и отцвела, не успевши расцвести, всё же кое-какие взносы продолжали поступать, ибо при отстройке синагоги после пожара была взята из денег, собранных на училище, сумма, большая чем 1226 рублей. Всё это нам станет ещё более понятно, если мы вспомним, что уже в 1873 году купцы Домбровский и Лейбович связали свои имена с двумя пожертвованиями на дело просвещения: один построил первую женскую школу в Верхотенском уезде, другой – первое городское училище в Балаганске. Каковы бы ни были мотивы, руководившие ими, но самое направление их благотворительности в данном случае указывает, что они понимали значение просвещения. Естественно, что они не могли не обратить внимания на бедную и беспризорную еврейскую детвору. А что они нашли сочувствие и в других имущих членах общины, доказывает и эта запись 24 жертвователей от 1878 года.

Каким же образом деньги, собранные на школу, были отданы на постройку синагоги? Каким образом могло санкционировать эту трату Общество для распространения образования среди детей бедных евреев г. Иркутска, хотя и нелегализованное, но члены

которого составляли один тесный кружок? Объясняется это очень просто. Г. Лейбовичу, возбудившему ходатайство об открытии школы, было в этом отказано¹⁹⁰.

В нашем распоряжении имелась записка, составленная в 1907 году Ильёй Михайловичем Погребецким по просьбе старожила Иуды Леонтьевича Неймана, бескорыстного любителя и собирателя всего, что касается еврейской старины в Иркутске.

И.М. Погребецкий вместе с целой группой гимназистов в середине 80-х годов играл видную роль в жизни интересующей нас школы. Записка Погребецкого озаглавлена «Иркутская Талмуд Тойра» с подзаголовком «личные воспоминания». Записка эта, которую мы впоследствии будем ещё цитировать, обнимает собой период от 1886 по 1889 год приблизительно, но вступление к ней рисует жизнь школы *в начале 70-х годов*. Вот что пишет в начале своей записки И.М. Погребецкий:

«Иркутскую Талмуд Тойру я ещё помню с детства, т. е. приблизительно лет 35. Помещалась она в старом двухэтажном флигеле во дворе, и нас, детей других хедеров, поражала своим убожеством, хотя и наши хедеры представляли из себя довольно жалкие помещения. Ютилась Талмуд Тойра вместе с

¹⁹⁰ Известный еврейский учёный Гаркави в своих «Петербургских “письмах”», помещавшихся в 60-х годах в журнале «Гамагид» рассказывает, что иркутская община возбудила ходатайство о разрешении открыть единственное для всей Восточной Сибири еврейское училище в память счастливого избавления императора Александра II от покушения Каракозова (1866 г.). Возможно, что именно это ходатайство безуспешно поддерживал Лейбович от имени общины.

богадельней и представляла из себя как бы филиальное отделение последней и ведалась обыкновенно теми же лицами. На содержание как богадельни, так и Талмуд Тойры почётные старики – сами себя для сего назначавшие – обыкновенно делали периодически сборы деньгами и провизией. Учителем бывал обыкновенно какой-нибудь старичок меламед, ведший дело обучения самым примитивным способом и буквально избивавший вверенных ему учеников. Я имел возможность близко наблюдать всё это, так как в переднем доме помещался частный хедер, в котором я учился. Это было приблизительно в начале 70-х годов».

Ниже мы приведём ещё одно свидетельство, подтверждающее, что школа образовалась ранее начала 70-х годов. А пока остановимся предварительно на этих строках, потому что они бросают свет на те причины, помимо правовых, по которым еврейская школа того времени влачила такое жалкое существование, равно и на то, почему все начинания в области просвещения бедных еврейских детей хирели безнадежно в самом начале и кончались полной неудачей.

В 60-х годах еврейское население начинает стягиваться в город из деревень. Но это население не принесло с собой ни знаний, ни интеллигентности. Оно принесло закалённость, жажду устроиться материально, способность довольствоваться малым и, за крайне редкими исключениями, самые жалкие обрывки еврейских знаний. Не много могли прибавить в культурном отношении освободившиеся кантонисты

и николаевские солдаты. В течение долгого времени процент знавших русскую или даже еврейскую грамоту был крайне ничтожен. Неудивительно поэтому, что в учителя еврейской грамоты – «в ребе» мог превратиться любой невежда из России, если ему это было выгодным.

Когда появились больные и немощные старики, когда появились дети, нуждавшиеся в призрении, в одежде и пище, купцы Домбровский и Лейбович наняли старый домик на 1-й Солдатской улице и поместили туда стариков и детей. Само собой понятно, что еврейских детей надо было учить слову Божьему, и вот на фоне убогого приюта, или сиропитательного заведения, появляется старый еврей из ссыльных, может быть, и скверно знающий своё дело, но преусердно обучающий уму-разуму своих питомцев трёхвостным ремнём...

Чуть ли не все учреждения благотворительно-просветительного характера, связанные с организацией еврейской общины, были налицо уже к тому времени, когда отправлено было ходатайство о разрешении открыть молитвенный дом. Но учреждения эти, особенно школа, долгое время существовали в виде эмбрионов. В течение почти двадцати лет, после неудачной попытки Лейбовича легализовать школу, не было сделано ни одной новой. Нет и следов попытки поставить в школе дело обучения и воспитания на должную высоту. И это естественно. Еврейская интеллигенция должна была родиться, вырасти и окрепнуть в Сибири. Она могла развиваться только, как туземное растение, но отнюдь

не как заморский товар. Для этого нужно было время. Только в конце 70-х годов появились в Иркутске первые еврей-гимназисты. Кроме этого необходима была ещё, как всегда, колоссальная затрата энергии, чтобы заставить действовать тот закон, который что-либо евреям разрешает...

И если школа всё же существовала, если с лишком 20 лет в её стенах ютились дети, часто, правда, голодные и полунাগие, то это возможно было не только потому, что в приюте для этих детей была насущная потребность, но и потому ещё, что нашёлся человек, которому, хотя и чужды были вопросы педагогики и воспитания, но для которого жить значило отдавать другим всё, что он имел, будь это последняя коврига хлеба его семьи или последняя собственная рубашка. На этом человеке, Лазаре Борисовиче Горальском, совершенно тёмном и безграмотном, но вся жизнь которого была сплошным подвигом беззаветной любви к людям, и которого все, знавшие его, вспоминают с любовью – на этом человеке нам следует остановиться подробнее.

§ 2. Дедушка Лазарь

Лазарь Борисович Горальский, оставшийся в памяти знавших его под именем «реб Лейзер дер Боково»¹⁹¹, или «дедушка Лазарь», родом из Гродненской губернии. В одном из местечек этой губернии

¹⁹¹ Боково, первая станция от Иркутска по московскому тракту.

отец его держал постоянный двор, «хсаню». Он был в Сибирь, в Каинск, в 1829 году. Здесь он прожил несколько лет.

Унаследовав от отца своего, умершего по дороге, профессию, он открыл в Каинске постоянный двор. И здесь – какая ирония судьбы – этот человек, честность и благородство которого покоряли всех, знавших его, подвергается ссылке второй раз в более отдалённую Иркутскую губернию. В 1838 году Лазарь Борисович Горальский приезжает в Иркутскую губернию и поселяется в селе Кутулик, где, как известно уже читателю из предыдущей главы, существовала одна из старейших еврейских общин.

Лазарь Борисович занялся торговлей. Кутулик лежит по многострадальному московскому тракту. Здесь этап и ночёвка. И в течение нескольких лет, пока здесь жил еврей Лазарь, и конвойные офицеры, и солдаты, и каторжане знали, что в дни остановок партии в Кутулике каторжанам готовится безвозмездно баня, раздают хлеб. А по пятницам и субботам, сколько бы в партии ни было евреев, они отпускались вместе с семьями своими на два дня к старику Горальскому.

В 60-х годах общая тяга в город увлекает и Лазаря Борисовича. Но он селится не в самом городе, неподалёку от него, в деревне Зуево, где он получил в аренду почтовую станцию. Здесь заботы Горальского увеличиваются, ибо надо было кормить и поить не только каторжан и поселенцев, но и пробирающихся пешком к Святителю Иннокентию странников и богомолков. Зажиточный хозяин, Лазарь Борисович часто оставлял

семью без хлеба и на все протесты её всегда и неизменно отвечал одно и то же: «Лазарю всякий подаст, а вот им надо сейчас дать, – им не всегда дают».

В 63 году станция в Зуево упраздняется и переносится в деревню ещё более близкую к Иркутску, в Боково. Поселившись в Боково старик Горальский – ему было тогда уже 76 лет – узнал, что в Иркутске имеется дом призрения для стариков и детей, и он всю свою остальную жизнь отдал так, как и понимал, этому учреждению.

Семь лет Лазарь Борисович Горальский в Боково, и в течение этих семи лет каждый четверг, забравши дома всё, что возможно было, он оправлялся в Иркутск и там обходил все еврейские семейства, собирая продуктами, вещами и деньгами. Продукты и вещи старик Горальский предпочитал деньгам, и дедушке Лазарю никто не смел и не думал отказывать. И этими подаяниями по преимуществу и жили в то время призреваемые дети и старики, и содержался тот «меламед», который при помощи плётки внедрял слово Божие в умы часто полуголодных детей. Два дня проводил дедушка Лазарь в Иркутске, а в пятницу вечером возвращался к себе домой, в Боково, «на субботу». Так продолжалось семь лет. В 1870 году старик Горальский совершенно переселяется в Иркутск, передав свои дела зятю и сыну. В Иркутске старик и все остальные 17 лет своей жизни, почти вплоть до самой смерти, отдал «своим деткам».

Из записки И.М. Поребецкого мы уже знаем, что представляла из себя еврейская школа в начале 70-х

годов. В дальнейшем мы увидим, что, несмотря на попытки преобразовать её, школа и в середине 80-х годов представляла из себя то же, что в начале 70-х.

Крайне характерна запись, которую мы встречаем в книге прихода и расхода по благотворительности за 1880 год. Запись в графе расхода гласит: «на учение бедных детей их родителям – 34 р.». Этот расход указывает, во-первых, на то, что не все дети бедных евреев учились в еврейской школе, и во-вторых, на то, что вопрос об обучении бедных еврейских детей так или иначе вставал перед общиной.

От 1881 года осталась крайне любопытная ведомость с подробными сведениями об учениках, обучавшихся в то время в Талмуд Торе. Ведомость эта составлена по приказанию старосты молитвенного дома, Л.О. Лейбовича, неким Мардухаем Коганом, который сам именует себя преподавателем «еврейского общественного частного учебного заведения „Талмуд Тора“». Из этой ведомости видно, что в 1881 году в Талмуд Торе обучалось 20 учеников, из них 2 – дети каторжанина, отбывающего наказание, 9 – дети отставных солдат, 7 – ссыльнопоселенцев, 1 – иркутского мещанина, 1 – каинского мещанина. Судя по тому, что у некоторых из этих детей отец сидел в тюрьме, а мать занималась нищенством, у других родители числились в безвестной отлучке, ясно, что значительная часть этих детей жила в этой Талмуд Торе, и только некоторые из них были приходящими учениками. Да из приходящих большая часть, наверное, нуждалась, по крайней мере, в платье и завтраке, так как из графы, указывающей на занятие родителей,

видно, что только один родитель мог считаться способным содержать свою семью: он имел «биржу», проще говоря, был легковым извозчиком.

Когда в 1881 году синагога вновь была отстроена, мысль еврейской общины вновь возвращается к школе. Уже в феврале 1882 года сзывается общее собрание, протокол которого гласит так:

«Мы, нижеподписавшиеся, евреи иркутского молитвенного общества, имели рассуждение о положении детей бедных евреев, проживающих в г. Иркутске и не имеющих средств к обучению их грамоте и вообще нравственным направлениям, поэтому постановили: применяя к 969 ст. 9 т. Свод. Зак. о состояниях изд. 1876 года, ходатайствовать об учреждении здесь для вышеозначенной цели училища, которое бы именовалось отделом Александринского детского приюта, на тех же началах и с тою же программой учения, какие существуют в приюте. Средства для содержания училища мы обязуемся доставлять своевременно. Для помещения же училища, торговые дома Яков Савельевич Домбровский с сыновьями и Братья Лейбович изъявили желание пожертвовать принадлежащий им дом на 1-й Солдатской улице, для чего и совершить крепость на имя этого училища. Попечителями над этим училищем избраны нами 1-й гильдии купец Анисим Моисеевич Пескин и жена купца Татьяна Леонтьевна Кальмеер, которые изъявили на это полное согласие. Ходатайство о дозволении учредить училище предоставляем старосте молитвенного дома Михаилу Яковлевичу Домбровскому».

Ходатайство это интересно не только, как доказательство определённого внимания, проявленного еврейским обществом в то время к делу просвещения, воспитания и призрения подрастающего поколения. Это ходатайство доказывает, что еврейское общество так остро чувствовало нужду в легальной школе, что готово было пойти по линии наименьшего сопротивления, отдав школу и средства в совершенно чуждое ему ведомство. Мало того, такого рода ходатайство доказывает ещё, что вопросы призрения стояли и тогда всё ещё далеко впереди вопросов педагогики и воспитания. К сожалению, у нас нет данных, чтобы утверждать, что ходатайство было возбуждено, но несомненно, что, если оно и было возбуждено, то осталось неудовлетворённым. Только одна запись, которую мы встретили в лоскутках отчётности молитвенного дома за 1882 – 1883 годы и которая гласит: «уплачено за еврейского учителя при Александринском детском приюте через попечительницу приюта 70 руб.», указывает нам, что некоторые из бедных родителей отдавали детей не только в тогдашнюю Талмуд Тору, но и в этот приют. И в то время общество содержало, очевидно, в Александринском приюте какого-нибудь «меламеда».

В общем, очевидно, всё шло по-старому. Всё так же дедушка Лазарь вместе в двумя-тремя другими помогавшими ему стариками собирал всем, чем можно было для школы. Всё так же частенько ученики испытывали и голод, и холод. Всё так же единственным источником знания являлся старый и суровый меламед...

Так продолжалось дело до 1886 года. Лазарю Борисовичу было *тогда уже 99 лет*. Горько было старику видеть, как всё обстоит печально в его любимом детище. И он обращается с просьбой к гимназистам старших классов, которых тогда уже было в Иркутске несколько человек. Вот что пишет в своей записке по этому поводу И.М. Погребецкий.

§ 3. Гимназисты просветители

...«В первой половине 80-х годов, когда я уже был человеком взрослым, мне пришлось опять посетить Талмуд Тору с заведовавшим тогда ею Лазарем Борисовичем Горальским. Я был поражён, что в течение полутора десятка лет несчастной Талмуд Торы не коснулся ни малейший прогресс, ни в материальном отношении, в отношении постановки учебно-воспитательного дела. Ученики были всё такие же голые, босые заморыши, меламед всё такой же подслеповатый старик в нижнем белье и с плёткой в руках, всё тот же смрад... Словом, время точно прошло мимо. Старик Горальский, небезызвестный всем иркутским старожилам своей добротой и отзывчивостью, собственных средств не имел, а посвящал всё своё время сборам деньгами и натурой для поддержки богадельни и Талмуд Торы. Он был глубоко рад, что даёт возможность нескольким десяткам еврейских детей научиться молитве и не умереть с голоду, а до остального он не касался. Заметив, что я заинтересовался Талмуд Торой, он предложил мне помогать ему в заведовании ею,

так как он уж очень стар и ему тяжело делать объезды за сборами. Я ответил, что охотно соглашусь принимать участие, но при условии, если мне разрешат совершенно реформировать это учреждение и наружно, и внутренне, применительно к благоустроенным низшим учебным заведениям»...

На всё это Лазарь Борисович охотно согласился. Он с радостью дал дорогу молодым и не только сам ценил высоко труды юных гимназистов, но с горячим призывом обращался он к еврейскому обществу помочь тому делу, которому посвятил себя кружок молодых людей. Это было в конце 1885-го или в начале 1886 года.

Получив согласие, так рассказывает далее И.М. Погребецкий, он первым долгом приступает к организации кружка, поняв, что одному человеку будет не под силу заняться этим делом. Некоторые гимназисты старших классов охотно согласились взять на себя учебную часть. В кружок этот, кроме автора воспоминаний, вошли брат его, Иосиф Михайлович Погребецкий, Григорий Леонтьевич Юдалевич, впоследствии председатель первого хозяйственного правления, и др. Время от времени кружок этот пополнялся другими гимназистами, учениками и более младших классов.

Первым долгом кружок этот решил добыть денег, для чего решено было устроить концерт. Концерт этот состоялся в августе 1886 года, как то следует из отчёта о нём, представленного И.М. Погребецким старосте молитвенного дома. Это был первый концерт в Иркутске, устроенный в пользу бедных еврейских детей. С тех

пор концерты стали традиционным источником дохода на содержание школы, и, как увидим ниже, источником весьма солидным. Концерт этот был устроен в частном доме. В нём приняли участие музыканты евреи и артисты местного театра. Доход с концерта, как пишет автор воспоминаний, превзошёл все ожидания, он составил 274 рубля 28 коп.

Принялись за реформирование школы. Раньше всего за чистку здания. Под Талмуд Тору заняли передний дом и флигель; вставили стёкла, выбелили, вымыли, подкрасили, подновили, завели классную мебель. В более благообразный вид привели и учеников, сшили им кой-какое платье. Наконец перешли и к организации учебной части.

«Училище разделили на 3 группы. Преподавались русский язык, арифметика, география, начальная история евреев и чистописание. Всё это преподавали бесплатно вышеупомянутые гимназисты. Для преподавания еврейского языка были приглашены 2 учителя за плату, один получал 30 руб. в месяц, а другой, в качестве помощника, 15 руб. Не будучи компетентным в вопросах преподавания еврейского языка, мы пригласили в качестве контролёра Дона Хаимовича Медведникова, тогда ещё не бывшего раввином, и кроме того время от времени приглашался ещё духовный раввин и резака. Для детей, в городе никого не имеющих, в надворном флигеле был устроен пансион, где они жили. Все остальные ученики были полупансионерами, т. е. пользовались содержанием в течение целого дня, но ночевать уходили домой. Одежда и обувь выдавалась всем».

Как же добывались средства для всех этих расходов? И были ли достаточны те средства, которыми тогда располагала школа? По словам автора воспоминаний, средства на содержание добывались путём ежемесячных определённых сборов, ежегодного устройства концерта, а также единовременных пожертвований и кружечного сбора.

«Средств этих на всё хватало и за время нашего заведывания, недостатка ни в чём не чувствовалось, и общество отнеслось к нашему детищу с необыкновенным сочувствием». Так ли это было на самом деле? Нам кажется, что автору воспоминания его юности представляются естественно преувеличено в розовом свете, хотя и несомненной, что начавшееся оживление в школе и та бодрость и энергия, которую внесла работоспособная молодёжь, вызвали в еврейском обществе определённое сочувствие и действенный интерес к школе.

Взявши на себя труд по реорганизации и устройству школы на новых началах, кружок молодёжи столкнулся со страшной беднотой, царившей в школе, и с полным равнодушием общества к этому незаконному детищу. Вот почему они решили начать с обращения к обществу. Обращение это носит одновременно и характер доклада и горячо написанного воззвания, представленного через старосту молитвенного дома общему собранию прихожан. Но воззванию нужно было придать авторитетный характер. Естественно, что оно должно было исходить не от кружка гимназистов, а от лица, пользующегося авторитетом и всеобщим уваже-

нием. Таким лицом и был дедушка Лазарь. Конечно, будучи человеком безграмотным, Лазарь Борисович не мог сам написать этого воззвания. Писали гимназисты с его слов и от его имени.

Вот эта записка Горальского, которую мы приводим почти полностью:

«М.Г. Вы знаете, что я уже несколько лет взял на себя труд попечителя и казначея нашей благотворительной школы „Талмуд Торы“. Не имея деятельных помощников, при всём моём старании я не мог обставить школу так, чтобы совершенно ни в чём не нуждалась. Бедность, этот незванный гость, постоянно туда заглядывала. Нынче небольшой кружок гимназистов изъявил своё великодушное желание бесплатно давать уроки русской первоначальной грамоты ученикам „Талмуд Торы“. Они постоянно жаловались мне на печальное состояние училища, просили помощи для уничтожения зол, тяготевших над нашей школой в продолжении стольких лет пренебрежения и застоя, но, не имея достаточно средств для удовлетворения их просьб вполне справедливых и полезных, я должен был просить их „обождать“.

Что же я имел в виду, вследствие чего я просил „обождать“?

Зная, что еврейское общество всегда особенно заботится об устройении благотворительной школы „Талмуд Торы“, у меня созрел план, просить помощи у общества... Я думаю, господа, что то, что выскажу сейчас, уже лежит тяжёлым бременем на душе каждого, и полагаю, что каждый из Вас с сочувствием отзовётся на мои слова...

...Несмотря на малое количество учеников, средств на содержание их почти никогда не хватает, а главное бедствие этой школы, или вернее приюта, – это зависимость её от какого-либо лица: принялся энергично кто-нибудь за сбор средств – воспитанники относительно благоденствуют; нет – так голодают. Между тем остальные члены общества не хотят и знать школы: „ты, мол, взялся за гуж, так не говори, что не дюж”. Всем известно, что не в далёком прошлом для поддержания учеников, т. е. чтобы они буквально не умерли с голоду, приходилось попечителям и членам школы ездить с сумою по домам и собирать милостыню хлебом и припасами для воспитанников... Теперь единственным ресурсом „Талмуд Торы” являются годовые взносы отдельных лиц. Поддержка эта была бы довольно сносная, если бы деньги вносились к сроку аккуратно всеми. Но на самом деле это не так; нужно иметь громадную энергию и большое терпение, чтобы собрать эти ничтожные пожертвования. Вы не знаете ещё, господа, с каким трудом приходится мне собирать эти ежегодные подписки, которых еле достаёт на самый необходимый расход по школе...”

Дальше говорится, что школа должна неминуемо рушиться, если сейчас не поставить дело на прочном основании, говорится об отсутствии одежды и обуви, тёплого платья у учеников, а дело, мол, идёт к зиме. «Дети ложатся без ужина, довольствуясь одной молитвой на сон грядущий». Отсутствие верхней тёплой одежды чувствительно ещё потому, что учеников приходится отпускать для чтения псалмов при покойниках,

тем паче, чтение это – один из источников для пропитания учеников Талмуд Торы...

«И эта верная, нисколько не преувеличенная, хотя и печальная, картина имеет место в таком городе, как Иркутск, где несколько тысяч жителей евреев, всё более или менее состоятельных, не говоря уже о нескольких богачах. В то время как городки, гораздо более бедные и малочисленные, имеют свои правильно организованные и обеспеченные благотворительные учреждения, Иркутск не в состоянии дать воспитание и не впроголодь кормить несколько десятков детей. Не желаю даже и говорить, какой вид это имеет перед иногородним еврейством, перед христианами; ведь это то, что мы евреи и при менее постыдных случаях называем „хилул га шем“¹⁹², ибо состояние нашей „Талмуд Торы“, учреждения хотя и нелегального, известно всем, и нам неоднократно в среде интеллигентных кругов приходится слышать искреннее сожаление об индифферентности иркутского еврейства к делу благотворительности, по крайней мере, национальной, тогда как в христианских благотворительных учреждениях они участвуют».

Дальше указываются пути для изыскания средств на пропитание учеников Талмуд Торы: 1) предложить местным дамам организовать кружок из своей среды и взять на себя заведывание этим училищем, 2) не прекращать подписки годовых и ежемесячных взносов. Но эти два средства, говорится в записке, паллиа-

¹⁹² Поношение имени Божьего, ибо еврей, совершая дурной поступок, тем самым оскорбляет и имя Божие.

тивного характера, а потому предлагается 3-е и самое верное средство: всё тот же кусок кошерного мяса... К существующему попудному сбору рекомендуется прибавить ещё 5 – 10 коп. на пуд, и составляющийся излишек и будет обогащать кассу Талмуд Торы. «Когда проект этот об источниках дохода осуществится, можно будет приступить к преобразованию Талмуд Торы и готовить её к передаче, по примеру Томской, в ведение Министерства народного просвещения, что теперь по всей вероятности и осуществится¹⁹³. А когда это осуществится, ученики будут иметь льготы по отбыванию воинской повинности, можно будет привлечь и христиан к делу пожертвования, предложив почётное председательство в попечительном совете начальнику края или его супруге...»

«Во всяком случае, — так заканчивается эта записка. — Если даже мысль о переходе „Талмуд Торы“ на легальную почву и не осуществится, то всё-таки следует заняться судьбою её и избавить детей от голода и холода... Не век же я могу быть попечителем школы. Будет время, когда я должен буду, вследствие физической слабости, отказаться от этой должности; можно ли будет тогда найти такого же досужего человека, как я, который положил бы всю свою энергию на поддержание школы. Даже, положим, и я буду продолжать с грехом пополам делать сборы, — неужели, господа, наша Талмуд Тора всегда должна находиться в таком плачевном состоянии, неужели несчастные ученики

¹⁹³ Как увидим ниже, это, увы, осуществилось далеко позже, ровно через 10 лет после смерти Горальского.

её должны всё также прозябать, не видя для себя и луча света только потому, что они бедные, беспомощные дети-евреи. Неужели, господа, мы, сами евреи, будем настолько недалёкозорки, что, при теперешнем стеснённом положении каждого еврея, не захотим дать нашему родному брату выйти из тьмы невежества на путь просвещения? С искренней благодарностью мы должны отнестись к делу, начатому нашим старостой Г.Я. Домбровским и весьма небольшим кружком евреев-гимназистов, которые предложили себя в полное распоряжение школы. Но их дорогие для школы труды могут иметь смысл тогда, когда школа будет иметь средства, которые дали бы им свободу действия. И нужно действительно удивляться их значительной энергии, благодаря которой и при теперешних ничтожных средствах они могли привести несколько в порядок школу. Так неужели, господа, мы позволим умереть в зародыше их благому делу? ...Какой-то внутренний голос подсказывает мне, старику, уже одной ногой стоящему в могиле, что наше общество откликнется на это дело – дело гуманности и прогресса».

Недолго жил после этого дедушка Лазарь. Он захворал и ещё при жизни его был избран новый попечитель школы.

Л.Б. Горальский умер в 1887 году, имея от роду 100 лет и 6 месяцев. Умирая, он был глубоко уверен, что существование школы обеспечено и что ей предстоит блестящая будущность. То, что в действительности выпало на её долю, он и подозревать не мог...

В истории школы нас интересуют не отдельные личности, а вся община в целом. Но на личности Л.Б. Горальского мы не могли не остановиться.

И не потому только, что трогателен образ этого старца.

Кто знает, где почерпнул он свою любовь к людям? В страхе ли перед загробным миром, в страданиях ли собственной жизни, или это была глубокая, от природы заложенная в нём потребность его души?

Но этот старый еврей из ссыльных, бессознательно осуществлявший самые возвышенные заветы общечеловеческой морали – живой символ двадцатипятилетнего существования школы-приюта. Выдающийся, по своим душевным качествам человек, но совершенно безграмотный, он, в своей воле к общественности был предтечей той активной еврейской интеллигенции, которая, начиная с 90-х годов, рекрутировалась в Иркутск из различных буржуазных и демократических слоёв населения.

§ 4. Успех гимназистов

Записка Горальского ясно показывает, что дело с материальной стороны вовсе не обстояло так прекрасно, как рисует автор воспоминаний. Но от одного, видно, школа избавилась – от хождения её попечителя по домам с сумой.

Трудно примирить положение школы с той отзывчивостью иркутской еврейской общины, которую мы отметили в предыдущей главе. Объяснение этому мы

найдем только в двух обстоятельствах. Об одном из этих обстоятельств – отсутствии еврейской интеллигенции и учителей – мы уже говорили. Другое – нелегальное существование школы. Никто не был уверен в завтрашнем дне. Ведь об этой школе знали все в городе, а в то же время она существовала без санкций закона.

Отсутствие материальной нужды в школе опровергается ещё отчётом, который сам же автор воспоминаний представил 15 июня 1886 года старосте молитвенного дома, и о котором он через 21 год, когда писал свои воспоминания, забыл.

Отчёт этот показывает, что всего воспитанников в Талмуд Торе тому времени было 30 человек, из них в старшей группе, обучавшейся русскому языку, 9 человек; в младшей группе – 21 человек. Полным пансионом пользовались 4 ученика, остальные получали в течение дня чай и обед за счёт Талмуд Торы. В отчёте имеется выноска, указывающая, что в зимнее время число пансионеров достигает 10 – 15 человек.

Самому младшему из учеников было 5 лет, самому старшему – 14. Круглых сирот – 2 человека, не имеющих только матерей – 3, не имеющих только отцов – тоже 3. Из 28 учеников (двух круглых сирот мы не считаем), 9 – сыновья отставных солдат, 7 – сыновья ссыльнопоселенцев, ещё не получивших крестьянских прав, остальные – все дети крестьян.

В этом же отчёте о бюджете школы сказано следующее: определённых доходов школа не имеет, существует она добровольными пожертвованиями и месячными взносами некоторых лиц. Определённой сметы

расходов нет; деньги расходуются по мере надобности казначеем и попечителем школы Л.Б. Горальским. У него же имеется книжка для вписывания пожертвований. Постоянный и определённый расход по школе: учителю еврейского языка 40 рублей; кухарке (она же экономка) 6 рублей в месяц.

Таким образом, доклад Лазаря Борисовича совершенно правильно характеризует не только отношение общества в середине 80-х годов к школе, но и материальное положение последней. И не удивительно, поэтому, что воззвание, прочитанное в общем собрании прихожан, возымело своё действие.

Общее собрание постановило обратиться за разрешением через старосту молитвенного дома к директору народных училищ Иркутской губернии. Вот как гласил текст поданного прошения:

«Ощущая крайнюю нужду в начальном еврейском училище, где бы дети, преимущественно бедных родителей, могли получать еврейское религиозное воспитание, а также и начальное обучение русской грамоте, каковое училище будет существовать на добровольные пожертвования прихожан иркутского еврейского молитвенного дома, честь имею покорнейше просить разрешить открытие такого училища под названием „Талмуд Тора“, на основании высочайшего повеления 13 ноября 1844 года. При чём имею честь сообщить, что учителем этого училища будет выдержавший экзамен на звание учителя казённого еврейского училища 1-го разряда Дон Хаимов Медведников, свидетельство которого при сём прилагается».

На этом же собрании 20 июня 1886 года обсуждалось, как сказано в протоколе, согласно представлению заведовающего ныне существующим еврейским училищем г-на Горальского, какими способами и мерами подлежит учредить для бедных детей евреев народное еврейское училище, могущее поддерживаться иждивениями общества и подлежать ведению народного просвещения на правах народных училищ.

Для решения этого вопроса была выбрана комиссия, которой поручено было представить соответствующий доклад.

Через два дня доклад был готов и представлен общине.

Любопытно будет отметить, что бюджет школы исчисляется в 3000 рублей, потребных на содержание 25 учеников полупансионеров. Хотя проект предусматривает ещё и содержание 5 учеников сирот, но содержание последних откладывается, так как в данный момент не встречается в этом необходимости.

Ученики должны пребывать в школе от 9 утра до 6 вечера и получать там чай, завтрак и обед. Под училище, в виду совершенной негодности дома Домбровского, должно быть отведено верхнее помещение синагоги, и кроме того во дворе синагоги следует устроить деревянное помещение стоимостью в 1200 рублей. Доход училища, по исчислению докладчиков, может достигнуть 2300 рублей. Недостающую сумму с избытком достанут дамы, в энергию которых в деле благотворительности докладчики глубоко верят.

В училище постановлено принимать и детей имущих, но за плату. Наряду с докладом комиссии, касающимся преимущественно материальной стороны дела, имеется проект устава школы и проект программы.

Русский язык и арифметика преподаются в таких же пределах, как и в народных училищах, а что касается проекта программы еврейского языка, то достаточно будет указать, что по этому проекту предполагалось пройти в 3-м, старшем, отделении Библию с толкованием Раши, Мишно, Хаие-Адам, письмо под диктовку и грамматику. Всякому читателю, мало-мальски знакомому с тем, что и как преподавалось в еврейских дореформенных хедерах, ясно, что сюда переносилось всё без разбору. И для понимания дальнейшей эволюции следует отметить два обстоятельства: 1) преподавание еврейского языка в это время преследовало чисто конфессиональные, а не национально-культурные цели; 2) гимназическая молодёжь, в то время заведовавшая учебной частью, оставляла в программе большое место для еврейских предметов, считаясь со стариками и исходя из потребности общины в учителях еврейского языка и резаках.

Вот что, между прочим, сказано в предисловии к проекту программы:

«По основательной подготовке учеников в этом училище, состоятельные родители поступают со своими детьми по их усмотрению; из бедных же учеников будут выбираться 2 или 3, способных к продолжению изучения еврейских наук, для отправки их в Воложинский или Мирский Ешибот; способных к продолжению

изучения общих наук, будут определять в гимназию, техническое или городское училище, а малоспособных к продолжению учения – к мастеровым, в конторы, торговые предприятия и т. п.».

Решение определять 2-х или 3-х преуспевающих в ешибот крайне характерно для того времени.

До получения ответа от директора народных училищ реформа школы под руководством гимназистов шла своим чередом. Всё улучшавшееся состояние школы вызвало повышенный к ней интерес общества. Многие представители тогдашней еврейской общины стали посещать её и во время уроков. Нередким гостем бывал и Лазарь Борисович Горальский, приходивший в школу уже больным. «Как радовалась душа старика, глядя на училище и чистых детишек», – восклицает автор воспоминаний.

Гимназисты мало могли внести в дело нового. Их задача состояла в том, чтобы архаическое учреждение превратить в обыкновенную приличную народную школу, «чтоб было всё, как у людей». И надо сказать, что на внешнюю сторону дела обращалось преимущественное внимание. Это видно из того хотя бы, что даже ненавистные гимназистам ученические билеты они хотели ввести в этом ещё примитивном училище. Энергично боролись гимназисты и с обычаем отпускать учеников для чтения «Тылим» при умерших. От этой борьбы осталась любопытная записка, ярко характеризующая молодых деятелей просвещения. Записка имеет непосредственной целью уничтожить некоторые безобразия, связанные с этим обычаем. Безобразия эти

сводились преимущественно к тому, что каждый брал мальчика, когда хотел, никого не спрашивая, а взявши его, не заботился о нём, не считался с тем, сыт ли он, обут ли. Но попутно юные реформаторы осторожно, чтобы не задеть стариков, говорят о том, что не хотят распространяться на тему, «насколько вообще приличен обычай чтения учениками „Тылим“ при умершем, ибо они не верят, что им удалось искоренить этот печальный факт, если он ещё и теперь признаётся более цивилизованными интеллигентными евреями...»

Между тем реформирующаяся школа становилась популярной среди широких кругов еврейской бедноты не только Иркутска, но и соседних уездов, не говоря уже о близлежащих деревнях. Даже более зажиточные родители соглашались отдавать своих детей в эту новую Талмуд Тору.

Когда школа приняла более приличный вид, когда занятия наладились, решено было пригласить в это ещё нелегализованное учебное учреждение инспектора народных училищ г-на Заостровского. По словам автора воспоминаний, он остался доволен школой и со своей стороны обещал возможно широкое содействие возбуждённому ходатайству о легализации. Вся еврейская община верила, что ходатайство увенчается успехом. На имя попечителя школы начали поступать прошения с приложением свидетельств о рождении, оспопрививании и бедности. Всего нами найдено таких прошений свыше 50. Они поданы и жёнами каторжан и ссыльнопоселенцами, и разными мещанами, и крестьянами из ссыльных. Из всех этих прошений

только в десяти указано желание платить, а в остальных просят, чтобы детей взяли на полное содержание. По отметкам, сделанным в этих прошениях, видно, что все эти прошения поступали на рассмотрение особой комиссии. Большинство прошений удовлетворено, хотя, по сохранившемуся письменному отчёту, видно, что к 1 сентября числилось учеников в школе только 33 человека. Члены общины выражали свой интерес к школе, бывшей, казалось, накануне легализации, самым различным образом. Один из членов общины пожертвовал денег на приобретение машинной гимнастики, другой заботился об устройстве экскурсий, третий о мастерских и т. д.

Так вокруг школы загоралась жизнь. Но, увы, всё быстро потухло и началась старая канитель.

Объясняется это тем, что вопрос о легализации школы стал, по выражению Погребецкого, «по приезде директора видимо и тенденциозно тормозиться».

§ 5. Крушение надежды

Из бывших в нашем распоряжении документов видно, что от директора народных училищ Иркутской губернии на имя старосты молитвенного дома поступил какой-то запрос, характер которого можно установить только из сохранившегося черновика ответа старосты. Староста, в дополнение к своему первому прошению, говорит, что школа «Талмуд Тора» будет учреждением исключительно учебным и рассчитана на 25 учеников; помещена она будет в доме Домб-

ровского. К этому дополнительному прошению прилагаются бумаги Дона Медведникова со свидетельством о его поведении.

Надо думать, что легализация школы сначала тормозилась из-за того, что Медведников, с точки зрения администрации, был лицом неподходящим для заведывания школой. А потому осенью того же года Иосиф Михайлович Погребецкий, брат автора воспоминаний, исключительно для успеха в ходатайстве о легализации, сдал экзамен на звание учителя городского училища. 5 октября 1886 года общее собрание прихожан постановляет просить его взять на себя безвозмездно должность смотрителя открывающегося училища, на что он, конечно, охотно соглашается. Но 20 декабря староста вновь пишет директору следующее:

«На отношение Ваше от 17 сего ноября, коим Вы требуете объяснить, согласно отношению Начальника края... ту необходимость, ввиду которой требуется открытие в Иркутске первоначального еврейского училища „Талмуд Тора“, имею честь объяснить: 1) Так как во всех учебных заведениях г. Иркутска, как в высших, так и в низших, не преподают на еврейском языке Закона Божьего, то дети евреев не знают догматов своей веры. А знание догматов веры необходимо для того, чтобы каждый знал обязанности свои по отношению к тому государству, в коем он живёт. 2) Просимое училище открывается исключительно для бедных детей, кои будут бесплатно обучаться еврейскому и русскому языкам на средства еврейского общества. 3) Благодаря этой школе никто из евреев не будет оставаться в

невежестве и будет знать как догматы своей веры, так и равно русскую грамоту».

Это прошение старосты было представлено директором народных училищ губернатору, но последний счёл эти мотивы недостаточными.

31 декабря 1886 года староста представил дополнительные объяснения. И наконец 29 января 1887 года, директор народных училищ сообщил старосте молитвенного дома окончательную резолюцию губернатора.

«...Из объяснений еврейского старосты не усматривается достаточных оснований к учреждению училища “Талмуд Тора”, так как не показано ни число предполагаемых учеников и не доставлен список лиц, желающих воспитывать своих детей в этом училище, а также не доставлено сведений, на кого может быть возложен надзор за означенным училищем, ввиду отсутствия в Иркутске, по заявлению директора, лица, на которого можно было бы возложить обозрение сего училища по части еврейских предметов, согласно 12 ст. положения 13-го ноября 1844 г. о еврейских частных училищах»¹⁹⁴.

¹⁹⁴ Мы считаем не лишним привести здесь соответствующую выдержку из высочайше утверждённой записки министра народного просвещения от 13 ноября 1844 г. «О главных основаниях образования евреев». Ст. 17 и 23 этой записки гласят: а) Для преподавания в евр. учил. предм. евр. закона определять учителей из евреев, которые в случае надобности, могут быть вызываемы из чужих краёв, преимущественно из Баварии, Пруссии и Австрии на счёт еврейских училищных источников; б) В видах наблюдения за еврейскими училищами для необходимых объяснений по предметам чисто еврейским, иметь при попечителях округов и при министре по одному учёному еврею как из русских подданных, так и из вызванных из-за границы евреев. На них и возлагать

Так печально кончилась и эта попытка еврейского общества иметь своё легальное училище для детей бедноты.

Чем сильнее была уверенность в еврейском обществе, что школа будет утверждена, тем глубже было и разочарование. И неудивительно, что у молодых людей, отдававших школе свой юношеский пыл и идеализм, опустились руки.

Мы не могли с точностью установить, как долго ещё продолжалась деятельность гимназистов. Во всяком случае, мы можем сказать одно, к 1888 году из гимназистов первого призыва уже никто не остался: кое-кто вступил в самостоятельную борьбу за существование, часть уехала для поступления в университет. Но создавалась уже традиция, и как ни печально было положение дел в школе, всё же время от времени кто-нибудь из иркутской еврейской молодёжи отдавал свои силы и досуг Талмуд Торе.

§ 6. На перепутье

Чтобы яснее представить читателю, с одной стороны, ту растерянность, которую вызвал в еврейском обществе отказ в легализации школы, а с другой – бессилье еврейской общины в Иркутске из-за отсутствия в ней кадра преданной и активной интеллигенции, мы

обозрение еврейских училищ по части еврейских предметов, не иначе, однако ж, как под руководством командируемых для сей цели чиновников.

См. *Леванда В. О.* Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев от 1649 до 1873 г.

позволим себе остановиться на некоторых архивных документах.

Как помнит читатель из предыдущей главы, при деятельном и преданном интересам еврейского общества старосте Горфине был выбран комитет из 7 человек (не утверждённый, правда, губернским начальством) для заведования просветительными и благотворительными делами общины. В одном из писем своих к члену этого комитета Л.И. Тауберу староста Горфин между прочим пишет: «...До сих пор существовало в Иркутске какое-то учреждение, представлявшее собою учебно-воспитательное заведение для бедных еврейских детей. Некоторые посещали школу в течение дня, а часть там всегда содержалась... В настоящее время и караульный этого училища не имеет, к кому обратиться за помощью и покровительством... О совершенном закрытии училища и думать нельзя, так как в нём помещаются некоторые сироты, брошенные на произвол судьбы, и если толкнуть их к нищенству, то и тогда им кров для ночлега нужен». Заканчивается письмо просьбой к Л.И. Тауберу «снизойти к грустному положению несчастных сирот и бедных детей и пригласить людей для обсуждения этого вопроса».

12 февраля 1889 года на собрании староста Горфин, между прочим, говорил: «Нет приюта или школы для сирот и бедных детей евреев, где несчастные могли бы найти покровительство, получить понятие о религии и изучить правила вероисповедания».

Насколько велика была нужда в человеке, который мог бы отдаться этому делу, видно из того, что

всякому, изъявлявшему желание заняться этой школой, всё дело отдавалось в полное и бесконтрольное заведование. Так, в июле месяцев 1888 года некоему Цалкину был выдан открытый лист «о наблюдении за Талмуд Торой и за детьми и о разных распоряжениях по этому учреждению». Никаких следов какой-либо деятельности г-на Цалкина мы не нашли. С 1889 года этой школой заведовал Лейба Абрамов Винокуров. Последний вёл отчётность довольно подробную, и по сохранившимся его отчётам мы можем определить жизнь школы от 1889 до 1895 года. Но все расходы по школе производились Л.А. Винокуровым бесконтрольно, как бесконтрольно распоряжался он и делами погребального братства. При малейшей попытке подчинить его какому-либо контролю, Л.А. Винокуров грозил отставкой. А отсутствие людей делало эту угрозу действительной.

Конечно, последнее обстоятельство отнюдь не может бросить тень на доброе имя Л.А. Винокурова.

Источниками средств для школы в 1888 – 1889 годах служили сборы и концерты. За эти два года было дано в пользу школы три концерта, один в частном доме, а два в купеческом клубе. Все три концерта дали школе 1055 рублей. А всего за эти два года было собрано 3126 рублей. Расход по школе за эти два года достиг 3452 рублей. Получившийся перерасход был дополнен старостой Горфиным и Л.А. Винокуровым из других общественных сумм.

Какова была внутренняя жизнь этой школы и приюта?

Два «воспитателя», как сказано в отчёте, получавшие один 25 рублей в месяц, а другой – 50, были в сущности простыми меламедами. Они обучали детей беглому чтению молитв по молитвеннику. Начатки русской грамоты совсем не преподавались, а временами на помощь в этом деле приходил опять-таки какой-нибудь «гимназист» или, чаще всего, девица, окончившая гимназию. Ученикам давали обед, чай и платье. Круглых сирот отдавали на содержание сторожу при училище. Ему платили по 5 рублей в месяц за каждого мальчика. Внутренняя жизнь школы по-старому свидетельствует об отсутствии интеллигентных сил в общине.

Надо дать приют бедным детям, накормить их, к чему-нибудь приспособить. Последнее возможно достичь только обучением детей какому-нибудь ремеслу. И действительно, в отчёте за эти два года имеется графа расхода, указывающая нам, что был куплен столярный и сапожный инструмент. Таким образом, как бы скверно не было поставлено дело преподавания ремесла в то время, но всё же мы должны отметить, что идея профессионального обучения и организация его, занявшая впоследствии в жизни еврейской иркутской школы место рядом с вопросом о национально-культурном воспитании подрастающего поколения, получила своё первое, хотя и примитивное, осуществление в «нелегальной» Талмуд Торе.

Всё, что делалось в училище в то время, носило характер случайности, бессистемности. Сегодня начинали учить ремеслу, покупали инструмент, а через месяц от всего начинания оставалась лишь отметка в графе

расхода за соответствующий год. А в следующем году дело ведётся уже по-иному, и деньги расходуются по новым графам. Так, в отчёте за 1891 год мы уже не находим никаких следов обучения детей ремеслу. Наоборот, отчёт этот показывает, что детей, кроме чтения молитв, ничему не обучали. Да и все последующие отчёты школы за время её нелегального существования представляют одну и ту же серую безотрадную картину. Нет сведущих интеллигентных людей, но зато есть бедные бесприютные дети, которых нужно где-нибудь содержать, чему-нибудь научить – вот о чём говорит каждая страница этих отчётов.

Впрочем, стремясь представить картину всестороннего развития общинной жизни, мы не можем говорить об этих отчётах суммарно. В них имеются отдельные характерные частности, раскрывающие нам и внутренний быт общины, и ту борьбу за существование, которую ей пришлось преодолеть. Вот почему мы и проследим все отчёты, которые сохранились в синагогальном архиве.

§ 7. Период Горемыкина

В 1892 году еврейской школе вновь уделяется особое внимание. Ею заинтересовались два человека. Один из них – староста молитвенного дома Михаил Меерович Шейнис, другой – иркутский генерал-губернатор Горемыкин.

Само собой разумеется, что заботы о школе у обоих были различного направления.

Заботам старосты Шейниса школа стала процветать, заботами Горемыкина – она была закрыта...

Никогда за всё время «нелегального» существования бюджет школы не достигал таких размеров, как в 1892 году. Пожертвований было собрано в этом году 1188 рублей 18 коп., и из сумм молитвенного дома было отпущено 1520 рублей 87 коп. Всего, значит, 2709 рублей 05 коп. Кроме двух еврейских учителей, получавших вместе 40 рублей в месяц, были приглашены ещё две учительницы, иркутянки, окончившие местную гимназию. На одежду и обувь было потрачено 921 рубль 62 коп., на токарный станок и инструменты – 50 рублей, на съестные припасы 365 рублей 62 коп., на учебные пособия 68 рублей 07 коп. Кроме того, в 1891 и 1892 годах было истрачено свыше 300 рублей на ремонт дома, и школе был придан несколько более приличный внешний вид.

Замечательно, что как только кто-либо из общины начинает проявлять инициативу в школьном деле, община в целом на эту инициативу откликается с большим сочувствием. Сразу появляется желание удовлетворить все стороны школьной жизни. В 1892 году вводится даже преподавание гимнастики, для чего приглашается какой-то военный фельдшер за плату 5 рублей в месяц...

Но такое благополучие продолжалось недолго. Летом 1892 года, как повествует синагогальный летописец, состоявший при старосте Шейнисе, «по приказу Его Высокопревосходительства, г-на Генерал-Губернатора, вследствие отсутствия законного утверждения, школа была закрыта».

У нас имеются два источника, по которым мы в общих чертах можем восстановить картину похода Горемыкина на еврейскую школу. Первый источник – книга входящих бумаг за 1892 и 1893 годы.

В этой книге упомянуто о получении двух «отношений» от полицейского пристава (самых «отношений» в архиве не сохранилось). Первое «отношение» о доставлении ему сведений: «на каком основании учреждён в Иркутске дом приюта еврейских детей „Талмуд Тора“, когда и кем разрешено устройство такового». Второе «отношение» требует доставления списка лиц, занимавшихся преподаванием в Талмуд Торе с 1887 года.

Другой источник – это те телеграммы, которые отправлял в январе 1892 года староста Шейнис генерал-губернатору, жившему в то время в Петрограде.

В начале 1892 года был устроен концерт в пользу школы с разрешения губернатора. Последнему за разрешение концерта пришлось, очевидно, выслушать много неприятного от Горемыкина. Поэтому в начале 1893 года, когда староста вновь обратился за разрешением концерта в пользу бедных детей-евреев, ему было отказано, причём был указан и мотив отказа: выговор генерал-губернатора.

Из отчёта за 1893 года видно, что в январе месяце на телеграммы в Петроград по поводу разрешения концерта было истрачено 33 рубля 85 коп. Сохранился и черновик одной из этих телеграмм Шейниса. Из содержания её видно, что выговор, полученный губернатором – вовсе не секрет, ибо Шейнис так и указы-

вает в телеграмме, что губернатор отказывает ввиду неприятностей, полученных им за разрешение, данное в предыдущем году. Настойчиво добивается Шейнис разрешения концерта, и, желая, очевидно, сказать что-либо приятное его высокопревосходительству, он заканчивает свою телеграфную просьбу уверением, что столь неприятная начальству еврейская школа уже закрыта.

Судя по тому, что в денежных отчётах школы за 1893, 1894, 1895, 1896 годы нет упоминаний о поступлениях с концерта, следует заключить, что концерты эти надолго были запрещены.

Но что стало со школой, с учениками? Ведь тогда, когда школа была закрыта, в ней обучалось 34 ученика?

Раньше, чем ответить на поставленный выше вопрос мы считаем не лишним указать на социальный состав учащихся.

Из 34 учеников 5 не имели отца, 2 были круглыми сиротами. Остальные имели родителей.

Состав учащихся по сословиям следующий:

детей крестьян – 5,

детей ссыльнопоселенцев – 19,

детей мещан – 7,

детей ссыlnокаторжан – 3.

Итого – 34.

Если принять во внимание, что в этом году всем ученикам пришлось выдать не только шубы и обувь, но даже бельё и шапки, не говоря уже о костюмах, то легко заключить, насколько бедны были родители этих учеников.

Что же стало со школой и учениками? Предоставим слово «официозному» летописцу.

«Постоянные, непрерывные просьбы матерей этих несчастных детей, мольбы и плач самих сирот, голодных и полунагих, заставили Шейниса как представителя общества прибегнуть к новым средствам для облегчения участи 35 несчастных детей и родителей их. С этой целью вошёл он с особым ходатайством к г-ну инспектору народных училищ о разрешении в городе Иркутске училища специально для еврейских детей. Г-н инспектор, в свою очередь, с этой целью обратился с представлением к директору народных училищ. Но дирекция не нашла возможным удовлетворить ходатайство. Та же участь постигла это ходатайство у главного инспектора. Тем временем, пока будет исходатайствовано разрешение, г-н Шейнис, по приговору общества и с дозволения дирекции народных училищ, отдал этих детей для обучения в школу русского учителя г-на Пророкова, где обучалось также до 10 мальчиков православных. Школу эту для преподавания Закона Божьего и правил веры посещали: для православных мальчиков – священник, а для еврейских – раввин. По приглашению г-на Шейниса школу эту посетил г-н инспектор народных училищ и нашёл, что как само помещение, так и устройство и преподавание могут служить образцом для народных школ, и высказал мысль, что ему очень желательно было бы, чтобы это учреждение приобрело законную почву».

Как помнит читатель, тот же восторг выразил инспектор в 1886 году, когда посетил еврейскую Талмуд

Тору по просьбе г-на Погребецкого, и тем не менее школа не была легализована. И на этот раз похвала г-на инспектора оказалась роковой: школа русского учителя Пророкова вскоре была закрыта по требованию дирекции. «Вследствие чего, — заканчивает повествование “официозный” источник, — невежественное бесприютное юношество осталось брошенным на произвол судьбы, лишённым насущного хлеба, доброго совета и направления. Вырастая без воспитания, без знания и без религии, дети эти поступят в ряды пролетариата и станут бременем для общества и государства...»

Широкий, проникновенный взгляд вглубь вещей делает, конечно, честь синагогальному летописцу, но мы можем успокоить читателя. Потерпев крушение на новом пути, еврейское училище естественным путём возвратилось к своему прежнему открыто нелегальному, если можно так выразиться, существованию.

Как ни бедна была еврейская община интеллигентными силами, но так настоятельна была потребность в школе, так искренне было желание общины иметь хорошо поставленную школу и приют для бездомных детей, что все бессмысленные и необоснованные запрещения не могли убить живого дела.

Любопытно отметить, что та же полиция, которая наводила справки о том, как и на каком основании существует еврейская школа «Талмуд Тора», та же полиция приводила бездомных детей в синагогу и требовала, чтобы их призрели. Естественно, таким образом, что к приюту не придирались. Его существование,

очевидно, так же никого не задевало, как существование богадельни. С одним только начальство не могло примириться, чтобы призреваемых детей чему-нибудь учили... С 1892 года, когда школа была официально закрыта, заведующий её заводит книгу с правильной, сравнительно, отчётностью...

Так называемая «Талмуд-Тора» не закрывалась ни на один день.

После закрытия училища г-на Пророкова, был найден новый исход.

В октябре 1893 года (т. е. тогда, когда Талмуд Тора была уже закрыта генерал-губернатором) инспектор народных училищ Иркутского, Верхотурского и Балаганского округов официальной бумагой известил старосту молитвенного дома, что «меламеды» могут заниматься с детьми по учению еврейского закона у себя дома и по домам учащихся. Денежные отчёты «заведывавшего Талмуд Торой» Л.А. Винокурова за 1894 и 1895 годы показывают, что именно этим распоряжением инспектора и воспользовались для того, чтобы бедных детей не бросить совершенно на произвол судьбы. Детей записали по несколько человек на меламеда, и каждый меламед получал за своих учеников определённую плату от 2 до 4 рублей за ученика в месяц. Дети-сироты отдавались на содержание (преимущественно сторожу здания Талмуд Торы) с платою по 5 рублей за каждого мальчика. В 1895 году таких сирот содержалось 6 человек. Но, как видно из статей расхода, всем ученикам выдавалась одежда и обувь. Таким образом, даже русской грамоте дети перестали

обучаться, а у меламедов они обучались только беглому чтению по молитвеннику, не понимая, конечно, содержания прочитанного.

Само собой разумеется, что такое положение дела никого не могло удовлетворить. В начале 1897 года, при обсуждении отчётности 1896 года, раздалась критика существующего положения дел в Талмуд Торе. В нашем распоряжении черновой набросок речи, произнесённой одним из деятелей общины. Речь эта посвящена обзору всех сторон деятельности общины за 1896 год. Уделяет она много внимания и школе. Эта часть речи так и озаглавлена: «О Талмуд Торе».

«Я нахожу, – говорил оратор. – Что обучение детей тем порядком, который практикуется в данное время, не приведёт к желанной цели. И хотя дети обучались не в течение целого года – был промежуток – истрачено денег 1601 р. 68 к. Ввиду того, что училища нам не разрешают, следует отдавать детей, имеющих право жительства в городе, и насколько средства нам позволят – в приходские, городские и т. п. училища, дабы дети окончили там курс и более или менее усвоили бы русскую грамоту в настоящем виде. Тогда из бедного мальчика выйдет что-либо дельное. Затем, по средствам глядя, нужно отдавать некоторых к мастерам, дабы они научились ремеслу. Это можно сделать и по окончании двухлетнего обучения в приходском училище. Что касается еврейских предметов, то мы, при положении евреев в Сибири и ввиду того, что средства наши совсем малые, не можем думать, чтобы изучение еврейских предметов многое могло

давать детям. Достаточно научить их чтению молитв. А на такое учение не придётся расходовать много денег. Достаточно нанять 1 – 2 учителей. Учение должно происходить в синагоге, в одном из боковых помещений, куда на 1,5 – 2 часа должны собираться дети по окончании занятий в классе. А что выйдет из практикующегося ныне учения? – спрашивает оратор. – На 1600 р. мы столько доброго сделаем, чего в Иркутске никогда не делали».

Мы не знаем, имела ли эта речь успех, но, во всяком случае, практического осуществления мысли оратора не получили.

Община желала иметь *свою* школу, не задаваясь, очевидно, вопросом, как и в каком размере там будут преподаваться еврейские предметы. Менее всего молодая общинная интеллигенция в Иркутске в то время интересовалась проблемами национально-культурного воспитания. Но иметь свою школу, как ни скверно функционировала Талмуд Тора, всё же стало традицией, и сохранить её было не только вопросом общинной чести.

Отказ от настойчивых хлопот об открытии еврейского училища означал бы полный разрыв с той массой, которая более всего нуждалась в таком училище, а вместе с тем и бесповоротным банкротством общины. Это инстинктивно чувствовала тогдашняя интеллигенция, и она предпочитала разными ухищрениями поддерживать влачившую безотрадное существование Талмуд Тору, чем вовсе от неё отказаться.

§ 8. Накануне легализации

Если во всех многочисленных отказах в легализации школы трудно усмотреть какое-нибудь юридическое основание или хотя бы простую человеческую логику – то не менее трудно объяснить, почему школа в конце концов всё же была узаконена тем же генерал-губернатором, который её всего больше преследовал.

Вот как это произошло в действительности.

28 сентября 1897 года в иркутской газете «Восточное обозрение» появилась статья «Енисейская община и необходимость школы в Иркутске». После характеристики еврейской общины, характеристики полной горечи и негодования, в особенности по отношению «к именитому еврейскому купечеству»¹⁹⁵, автор статьи переходит к вопросу об элементарной школе в Иркутске:

«...К стыду евреев-иркутян, которых насчитывают не одну тысячу в городе, за большой промежуток времени существования общины, нет самой элементарной, разрешённой правительством, школы, где бы еврейские дети научились читать только Святое Писание и молитвы на древнееврейском языке, и начаткам русской грамоты. Эта область воспитания, за неимением налицо настоящих, с установленным министерством образовательным цензом, учителей евреев, представлена невежественным лицам, т. н. «меламедам», каковые комплектуются обыкновенно из ссыльных, кои, будучи неспособны ни к какому иному делу, бе-

¹⁹⁵ См. главу V, § 10.

ругся за эту отрасль, как за последнее средство к существованию. Набирая еврейских детей, они у себя на дому, за грошовое вознаграждение, частью от частных лиц и частью от общины, при ужасной антигигиенической обстановке и с невозможными педагогическими приёмами, преподают своей маленькой недисциплинированной аудитории посредством пинков, щелчков и ударов линейкой куда попало. Вид детей, которые учатся за общественный счёт, поистине плачевный и наводит на многие грустные размышления. *На днях и этих жалких педагогов забрали в участок как незаконно учительствующих. Община остаётся, таким образом, без всяких учителей, и дети бедняков лишаются и тех скудных познаний в русском и еврейском языках, которые они до сих пор получали*¹⁹⁶.

Затем опять следует выпад против выборных представителей, якобы не хлопчущих об освобождении этих несчастных «меламедов». Оставим в стороне ламентации неизвестного нам автора письма. Что автор никогда никакого участия в делах общины сам не принимал, ясно для всякого читателя, прочитавшего всё выше нами изложенное. Всякий, активно интересовавшийся делами общины, не мог не знать, как добивались представители еврейской общины легализации школы.

Ответ на это письмо, последовавший семь дней спустя после его напечатания, принадлежал автору воспоминаний, цитированных неоднократно выше,

¹⁹⁶ Курсив наш. — Авт.

И.М. Погребецкому. Любопытно отметить, что ответ этой редакция сопровождает следующим примечанием: «После статьи г-на П-ъ редакция получила много писем, но само собой разумеется, что всех их она напечатать не может, да и настоящее письмо печатается с большим сокращением». Почему редакции было угодно оставить читателя под впечатлением явно одностороннего письма, это – её тайна.

Автор возражений восстановил более правдивую картину отношений членов еврейского общества к школе. «Я лично, – пишет он. – Как стоявший одно время близко к этому делу, до сих пор с отрадой вспоминаю, с каким удовольствием и бедные, и богатые подписывали свой обязательный ежегодный взнос на содержание школы...»

Всё же надо признать, что характеристика «меламедов» и положение учащихся соответствовали действительности. Арест этих «меламедов» особенно непонятен после того «отношения» от октября 1893 года, которым инспектор известил старосту молитвенного дома, что «меламеды» могут заниматься с детьми у себя дома и по домам.

В самом факте существования этих «меламедов» генерал-губернатора возмущало то, что Талмуд Тора более жизненна, чем его категорическое запрещение.

Возник новый конфликт, разрешившийся, однако, совершенно неожиданно.

Генерал-губернатор Горемыкин призвал одного из выборных членов хозяйственного правления молитвенного дома, распекал его в течение достаточного

времени в соответствующем стиле и закончил свою тираду так: «Наконец Вам нужна школа, просите...»

Это было неожиданной радостью. 25 лет говорили: не просите, всё равно не получите. Но еврейское общество всё же просило. А теперь говорят так многозначительно: «просите».

Самой собой разумеется, что «просили». Но на этот раз и дали. Правда, так «дали», что после этого ещё неоднократно приходилось «просить».

Школу разрешили открыть не общине, а казённому раввину Дону Медведникову как частное заведение начального типа¹⁹⁷.

Само собой разумеется, что по существу и фактически школа была общественной, как таковую её в действительности признавали и те представители власти и учебного начальства, которые 14 ноября 1897 года присутствовали при освящении школы.

Ещё один характерный факт.

При подаче прошения о разрешении училища необходимо было указать, кто будет преподавать еврейские предметы. Для начального еврейского училища достаточен и меламед, имеющий установленное свидетельство. Но и такого в городе не оказалось. Случайно обратились к молодому человеку, занимавшемуся садоводством¹⁹⁸, и он согласился сдать надлежащий экзамен и взять на себя преподавание еврейских пред-

¹⁹⁷ На основании положения о еврейских частных учебных заведениях 13 ноября 1844 г. и распоряжения Министерства народного просвещения от 5 ноября 1877 г.

¹⁹⁸ Иона Григорьевич Гольдберг.

метов. Одним из преподавателей еврейских предметов он состоит и теперь.

Раньше чем перейти к эпохе легального существования школы, бросим взгляд на пройденный путь.

Общественная Талмуд Тора для детей бедных кантонистов, поселенцев, каторжан в 60-х и 70-х годах – учреждение по преимуществу благотворительное, но не просветительное. Трудно думать, чтобы жизнь школы протекала в эти годы в значительно лучших условиях, если бы даже и удалась первая попытка легализовать её. Ибо кому она могла быть вверена? Наиболее активные элементы всецело поглощены были борьбой между «вольными» и «служилыми» общинниками.

Вдали от этой борьбы мог стоять только такой человек «не от мира сего», как дедушка Лазарь.

Первые учителя-гимназисты в 80-х годах...

Их участие в общественной Талмуд Торе совершенно случайное явление для того времени.

Что могло удерживать в сфере общинных интересов их, развивавшихся в обстановке, далёкой от национальных традиций?

Что могло привлекать их в борьбе между «ангарщиной» и «старокупеческой партией»?

А ведь в этой борьбе сосредоточился весь интерес общинной жизни в 80-х годах.

Положение Талмуд Торы в описанное время, её внутренний быт – только характерное отражение общинной разрухи, описанной нами в предыдущей главе.

И в последующую эпоху, вплоть до наших дней, иркутская Талмуд Тора, превратившаяся в «Иркутское ев-

рейское общественное бесплатное училище», отражала и отражает все настроения создавшей её общины.

§ 9. Первые годы легального существования

В 1897 году школа открылась всё в том же старом доме, пожертвованном Домбровским и братьями Лейбович. В первом году в школе обучалось 35 человек. Кроме упомянутого нами учителя еврейского языка был приглашён ещё и учитель по общим предметам.

В весьма характерной форме проявилось недоверие администрации к вновь разрешённому еврейскому училищу. Учителя по общим предметам вызвал инспектор народных училищ для конфиденциальной беседы, во время которой ему было внушено, что «столпом» училища является именно он, «русский учитель». Раввину Медведникову школа никогда не была бы разрешена, если бы в лице его, «русского учителя», не был найден достойный наблюдатель за всем тем, что будет твориться в этом загадочном учреждении...

Меж тем школа эта, разрешённая как *частное учебное заведение* раввину Дону Медведникову, только номинально была таковым. Фактически она являлась, конечно, *общественной*. И не только потому, что она черпала свои средства из доходов общины и пожертвований отдельных её членов. Руководителями школы с первых же дней её легального существования являлись представители общинной интеллигенции. Да и более широкие слои еврейской интеллигенции, стоявшие да-

леко от общины, в той или иной форме проявляли интерес к школе. Ко второму учебному году уже удалось пригласить двух учительниц-евреек по общим предметам, безвозмездно отдававших свой труд.

Ещё более проявлен был интерес общины к школе, когда зашла речь об организации школы для девочек.

Читатель, вероятно, уже обратил внимание на то обстоятельство, что за всё время существования Талмуд Торы в ней обучались только мальчики. Но и забота об обучении девочек сразу проявилась в общине, как только школа встала на твёрдую почву.

9 мая 1899 года прихожане молитвенного дома на общем собрании выбрали комиссию для открываемого женского училища. Почти вся она состояла из представителей молодой иркутской интеллигенции¹⁹⁹. Комиссия эта пригласила для обсуждения вопросов, связанных с организацией новой школы, и дам-членов комитета благотворительности²⁰⁰.

Таким образом, в сферу интересов просвещения бедного еврейского юношества вовлекалась, действительно, вся община.

Комиссия закончила свою работу в течение двух заседаний. Было постановлено, открыть только одно

¹⁹⁹ Председателем этой комиссии был избран д-р Абрам Исаевич Кручкович. Его можно назвать первым убеждённым националистом из еврейской интеллигенции в Иркутске. Идеалист, врач для бедных, он пользовался в недолгие годы своей жизни большим влиянием среди всех кругов еврейского населения. Умер в 1907 г. На могиле его община поставила памятник и учредила фонд его имени для культурных целей (см. приложение II ко 2-й части).

²⁰⁰ См. следующую главу.

младшее отделение и принять не более 25 учениц исключительно безграмотных. Комиссия определила и приблизительную смету на первый учебный год в 1135 рублей. Сумма эта, по расчётам комиссии, через три года, когда вместо одного будут функционировать все три отделения, – должна была возрасти до 1900 рублей.

Но как далеко за пределы намеченного бюджета шагнула школа в действительности!

В 1899 году Россия праздновала столетие со дня рождения А.С. Пушкина, и с именем гения русской поэзии община хотела связать школу для бедных еврейских девочек.

Администрация, к которой обратились за разрешением на открытие женской школы, поступила на этот раз хоть и загадочно милостиво, однако, в духе современного националистического курса. Она согласилась, чтобы женская школа была *общественной*, но не пожелала, чтобы учебное заведение, в котором будут учиться еврейские девочки, носило имя А.С. Пушкина...

30 мая 1899 года состоялся первый годичный акт «частного» мужского училища и празднование открытия общественного женского²⁰¹.

Насколько велика была потребность в женской школе, явствует, как из предлагаемой ниже таблицы, – показывающей непрерывное увеличение количества учащихся, так и из того факта, что в 1899 году была открыта вторая смена, с 3 часов дня, для безграмотных

²⁰¹ Первой попечительницей была избрана Мария Абрамовна Цукасова.

девочек. Эта вечерняя школа существовала четыре учебных года, с 1899 по 1903 год.

Вот таблица, показывающая движение учеников с 1897 по 1907 год²⁰².

Годы	Мальчиков	Девочек	Всего
1897/1898	35	–	35
1898/1899	50	–	50
1899/1900	57	26	83
1900/1901	55	38	93
1901/1902	61	62	123
1902/1903	67	62	129
1903/1904	101	103	204
1904/1905	113	117	230
1905/1906	115	145	260
1906/1907	116	143	259

В 1903/1904 учебном году число учащихся, как видно из таблицы, в обеих школах сразу увеличивается почти на 50%.

Объясняется это резкое увеличение количества учащихся тем, что к этому учебному году еврейская община обогатилась прекрасным школьным зданием, в котором можно дать место 300 учащимся.

²⁰² Следует отметить, что в женской школе, в которой в год открытия было вдвое меньше учащихся, чем в мужской, – через 2 года уже число учащихся сравнялось с числом обучающихся мальчиков. А в следующие годы число обучающихся девочек превысило число обучающихся мальчиков.

История приобретения места и постройки школьного здания заслуживает того, чтобы уделить ей несколько строк.

Уже в 1899 году школа из старого дома Домбровского вынуждена была перейти в наёмное помещение. В следующем 1900 году, когда в обеих школах оказалось уже около ста учащихся, пришлось перейти в ещё большее помещение. Но в двери этой школы стучалось ещё много бедных детей. Вот почему все, стоявшие близко к школьному делу, лелеяли мечту о том, чтобы приобрести для училища собственное здание. Своей неутомимой энергией и инициативой попечители школы подняли дух во всей общине, и в 1901 году под школу был приобретён в собственность дом с большим прилегающим к нему местом за 20 000 рублей с лишним.

29 августа 1901 года учебный год открылся в собственном здании. Открытие школы в собственном здании было большим праздником для общины. На открытии присутствовал и маститый Г.П. Потанин. В №193 газеты «Восточное обозрение» от 1 сентября 1901 года помещён отчёт об этом торжестве. Мы должны констатировать, что этот отчёт был первой заметкой в иркутской печати, написанной в духе сочувствие еврейскому обществу.

В отчёте об открытии 14 декабря 1897 года частного училища Дона Медведникова, между прочим, сказано было: «В торжестве принимало участие местное еврейское общество в лице своих *менее крупных представителей*»²⁰³. Газета была совершенно права,

²⁰³ Курсив наш. – Авт.

подчёркивая отсутствие представителей буржуазной интеллигенции на празднике открытия училища после долгих лет борьбы за легализацию. Хотя к тому времени борьба между «ангарщиной» и «именитым купечеством» уже стихла, но индифферентизм, если не сознательный бойкот, со стороны последних ещё продолжался. Тем более поразительна перемена, произошедшая в настроении общины за последующие годы. Очевидно, что к середине 90-х годов под ветхими, уже сгнившими рубищами общины кантонистов и ссыльнопоселенцев жила новая община, постепенно проявлявшая свою физиономию.

Приобретённое здание вскоре также оказалось недостаточным. В сущности, община приобрела только место, очень удобное, в центре района еврейской бедноты. На этом месте следовало воздвигнуть просторное здание, отвечающее всем требованиям школьной гигиены.

Но можно ли было надеяться, что небольшая еврейская община, только затратившая 20 000 рублей на приобретение места и здания для школы, вновь затратит для той цели ещё 30 000 рублей?

Даже преданные и интеллигентные члены общины сомневались в этом.

Но если были неверующие, то отнюдь не было несочувствующих.

Насколько вся община объединилась вокруг общего желания иметь образцовую школу, видно из того, как были собраны средства как на покупку места с домом, так и на постройку нового здания.

Вся усадьба с постройками обошлась в 48 694 рубля 48 коп. За исключением 4000 рублей субсидий, отпущенных на покупку дома хозяйственным правлением молитвенного дома, по постановлению от декабря 1901 года, вся остальная сумма в течение двух лет собрана общиной специально для этой цели. Для постройки нового здания в течение двух недель было собрано свыше 15 000 рублей. Три концерта, устроенные для этой же цели дали свыше 14 000 рублей и т. д.²⁰⁴

Но дело было не только в деньгах, а и в непосредственном участии отдельных членов общины в деле сооружения соответствующего здания для еврейской школы. Материалы, относящиеся к истории постройки собственного школьного здания, бывшие в нашем распоряжении, и рассказы непосредственных участников – всё даёт нам право утверждать, что в годы «строительства» школы, община переживала особый подъём.

Собственной школой она как бы хотела увенчать здание своего общинного строительства. Общий подъём захватил и таких лиц, которые до сих пор общине мало чем служили.

В результате усилий отдельных личностей и общего подъёма, царившего в общине, сплотившейся вокруг школьного дела, удалось открыть 1901 учебный год в собственном доме, а в 1902 году торжественно отпраздновать закладку нового здания.

²⁰⁴ Следует отметить, что и по настоящее время концерты в пользу училища пользуются наибольшим сочувствием еврейского общества. Вот почему, несмотря на хроническую депрессию, переживаемую в последние годы Иркутском, эти концерты и теперь ежегодно дают около 4000 р. чистого дохода.

Если об отчёте, посвящённом открытию школы в 1901 году в собственном доме, мы сказали, что это первая заметка в периодической печати Иркутска, написанная в духе сочувствия еврейскому обществу, то отчёт, посвящённый празднованию закладки здания (в №92 «Восточного обозрения» за 1902 г. от 23 апреля) показывает, что дальнейшая просветительная деятельность еврейской общины вызвала к себе весьма положительное и вдумчивое отношение печати. Указав, между прочим, что еврейское училище займёт видное место среди народных училищ города Иркутска, автор отчёта заканчивает следующими строками: «Нельзя не отметить горячего сочувствия к своему детищу со стороны еврейского общества, так заботящегося об училище. В короткое время было приобретено место и воздвигается здание значительно больше существующего. От души желаем процветания училищу и скорейшего успешного исполнения работ».

К зиме того же года школа была уже выстроена, и следующий учебный год был открыт уже в собственном здании.

Наряду с экстренными затратами на покупку усадьбы и постройку дома, были ещё обычные ежегодные всё увеличивающиеся текущие расходы по делу воспитания и обучения. И эти необходимые расходы покрывались, конечно, общиной.

На странице 459 мы даём таблицу, представляющую наглядную картину роста бюджета школы от 1898 года, когда школа начала официально функционировать, по 1907 год, когда школа и юридически стала общественной.

СТАТЬИ РАСХОДА	Г О Д Ы																		ИТОГО		
	1898		1899		1900		1901		1902		1903		1904		1905		1906				1907
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	
Жалование учителям	1100	—	831	21	1096	95	1762	48	2004	14	3039	40	4785	—	5459	75	7020	10	6118	71	33217 74
Жалование служащим	180	—	149	—	204	—	205	—	292	25	328	40	414	01	414	03	519	68	399	—	3105 37
Содержание дома	150	—	140	74	135	51	324	84	212	55	642	73	395	03	970	20	1461	38	1112	75	5545 73
Учебные пособия	50	—	52	35	23	16	—	—	—	—	24	85	135	—	27	26	168	11	143	69	624 42
Библиотека	—	—	—	—	7	30	8	50	—	—	10	30	117	41	151	83	111	43	98	72	505 49
Инвентарь	—	—	127	18	124	—	94	72	158	52	695	95	233	95	204	45	257	58	159	29	2055 64
Бесплатные учебники	—	—	—	—	25	—	12	—	—	—	33	85	—	—	147	99	395	46	289	40	903 70
Квартирная плата	—	—	363	65	750	—	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1313 65
Разные расходы	—	—	149	84	88	05	93	40	63	45	56	68	115	89	67	24	110	67	216	87	962 09
чай и проч.	—	—	118	72	68	15	59	90	48	50	18	50	9	—	26	10	19	30	24	90	393 07
Платье и обувь ³⁰⁵	—	—	207	—	129	50	117	55	—	—	—	—	—	—	467	—	—	—	—	—	—
Итого	1480	—	1932	69	2522	12	2760	84	2779	41	4850	66	6205	29	7468	85	10063	71	8563	33	48626 90

²⁰⁵ В общий итог не включены.

Посмотрим теперь, из каких слоёв еврейского населения рекрутировался всё возрастающий контингент учащихся в бесплатном еврейском училище.

В 1901 году функционировали уже все три отделения мужской и женской школы и кроме того вечерняя смена (3 раза в неделю) для взрослых девушек.

Поэтому мы считаем характерным для первого десятилетия состав учащихся за этот учебный год.

Как помнит читатель из таблички, показывающей движение учащихся за первые десять лет легального существования школы, в 1901/1902 учебном году учащихся мальчиков и девочек было 123 человека. Мы располагаем сведениями о социальном составе 110 учащихся первой смены:

Детей иркутских мещан	42
“ крестьян из села.....	22
“ ссыльнопоселенцев.....	34
“ иногородних мещан.....	7
“ цеховых иркутских.....	4
каторжан.....	1
Итого.....	110
Из них сирот 27,	
причём не имеющих только отцов.....	19
“ “ матерей.....	4
круглых сирот.....	4
Итого.....	27

Источник средств родителей или заменяющих их у учащихся:

ремесленный труд.....	37
-----------------------	----

торговля «барахлом».....	22
постоянная мелкая торговля.....	15
мелоч. случайная торг. зелен. на лотк.....	13
извозный промысел и легковые извозчики в городе.....	12
приказчиный труд.....	3
маклерство.....	1
вывозка нечистот.....	1
помощь старших детей.....	3
нищенство и благотворительность.....	4
служба при общине ²⁰⁶	3
Итого.....	113

§ 10. Внутренняя жизнь школы от 1897 – 1907 года

Мы дали внешнюю историю школы за первые десять лет её легального существования. Перейдём теперь к внутренней жизни школы за этот период.

Говоря о внутренней жизни, мы имеем в виду не учебно-воспитательную часть. Этому место в специальном школьном отчёте. Нас интересуют в каждом периоде те задачи, которые преследовала школа. Эти задачи определяются руководителями школы, т. е. представителями общинной интеллигенции. Но и эти последние, нуждаясь в сочувствии большинства общины, не могут приходить в конфликт с ней. Отсюда мы можем заключить, что в задачах, преследуемых шко-

²⁰⁶ При синагоге, погребальном братстве.

лой, отражается воля наиболее развитой, мыслящей части общины.

Мы видели, в каком развале находилась школа ко времени легализации. Внимание представителей общины, естественно, было направлено только в одну сторону: как бы скорее легализовать её. После неудач, вера, что это когда-либо удастся, настолько уже была поколеблена, что в общине стали открыто поговаривать о полной ликвидации школы. Когда всё же существование школы получило законную санкцию, она на первых порах сохранила все пережитки, традиции недавнего прошлого. Достаточно сказать, что в течение некоторого времени учеников ещё забирали с уроков для чтения соответствующих псалмов при умерших и для сопровождения покойников на кладбище. Правда, все эти пережитки скоро были искоренены. Но сколько сил пришлось затратить тем, кто в это время в школе работал.

Им пришлось одновременно заботиться и о детях, и об их родителях.

Некультурные в своей массе родители смотрели на школу, как на место, куда можно на время сбыть лишний рот и откуда следует сейчас же взять ребёнка, если можно хоть за гроши использовать его руки.

Школьная статистика показывает нам, что в первые годы легального существования училища немногие из учеников доходили до выпускного класса. Только по мере того, как просветительная роль школы за последние 10 – 12 лет всё больше сказывалась среди всей еврейской массы в Иркутске, случаи добровольного отнятия ученика из училища становились всё реже и

реже. За последние десять лет ученики отбирались из училища почти исключительно из-за вынужденного отъезда родителей из Иркутска, т. е. в периоды особенно усиленных разъяснений «прав на жительство»...

Какие задачи ставила себе молодая иркутская интеллигенция, которая работала в школе в первые годы её легального существования?

До постройки собственного школьного здания (до 1903 года) на первом месте стояли вопросы внешнего благоустройства, расширения, материального упрочения школы. Наряду с этим, представители общины, которые отдавали школе свой труд и время, не переставали заботиться о том, чтобы учащимся было дано во всех отношениях как можно больше: ввели классное и хоровое пение, одно время был приглашён преподаватель подвижных игр, устраивали литературно-научные чтения по субботам, установили школьные праздники, приурочив их к еврейским историческим дням...

В общем, задача, которую ставила себе тогда интеллигенция, не отражала какой-либо национальной идеологии. Это была общекультурная работа вне каких-либо национальных задач. Даже в номера программ школьных празднеств, приуроченных к еврейским историческим дням, не включали произведений еврейских писателей, за исключением одного-двух стихотворений Фруга. Но одно обстоятельство характерно и для этого периода: забота о лучшей постановке преподавания еврейских предметов.

В осуществлении этой задачи община с самого начала наталкивается на одно препятствие: отсутствие

еврейских учителей-сибиряков. Борьба за право и возможность иметь таких учителей составляет яркую в правовом и бытовом отношении страничку из истории школы. В 1899 году, когда была открыта женская школа, был поднят вопрос о приглашении еврейского учителя из России. Но уже в августе следующего года заведующая женской школой хлопочет об отправке на общинный счёт двух мальчиков в Россию, для подготовки одного к исполнению обязанностей учителя, другого – резак²⁰⁷. Но община до сих пор находится в зависимости от возможности приглашать учителей из России. Только с 1913 года на средства, отпускаемые комитетом по заведыванию кладбищами, содержатся два стипендиата, подготовляющиеся к экзамену на звание учителей²⁰⁸. Стипендиаты после соответству-

²⁰⁷ Крайне характерна эта забота об общинном резаке, в котором интеллигенция, поднявшая этот вопрос, конечно, меньше всего нуждалась. Отчасти, возможно, в то время таким путём надеялись скорее получить необходимые средства и для подготовки мальчика на звание учителя. Но, принимая во внимание всю дальнейшую эволюцию общины, её современный дух, мы в этом факте видим предзнаменование господствующего уже в наши дни направления в общине. Это господствующее направление мы определили бы как компромисс, на который идёт активная общинная интеллигенция. Последняя, являясь сторонницей секуляризованной общины, т. е. общины, в которой конфессиональные нужды удовлетворяются совершенно самостоятельной организацией, всё же стремится объединить в общине все активные элементы, понимая частью инстинктивно, частью сознательно, что при настоящем положении евреев – всякий раскол в общине по этой линии совершенно излишен.

²⁰⁸ В настоящее время для этой же цели отпускает средства и местный отдел комитета Общества распространения просвещения между евреями, который взял на себя все заботы по подготовке учителей из местных евреев.

ющей подготовки в Иркутске будут отправлены в Европейскую Россию на специальные курсы для учителей-евреев.

Чем же объясняется, что вопрос о систематической подготовке на общинные средства учителей из среды иркутских евреев, поднятый ещё 15 лет тому назад, получил своё реальное осуществление лишь в наши дни.

Ответ на этот вопрос мы получим, если обратимся к выяснению умонастроений еврейской интеллигенции в Иркутске в первой половине 900-х годов, в частности – к её отношению к вопросу о национально-культурном воспитании.

В годы, когда школа окончательно упрочивалась, во всей России нарастал тот общественный подъём, который сулил столько надежд всей еврейской интеллигенции. В решении общегражданских вопросов, казалось, заключается и решение вопросов национальных, и выделение последних как самостоятельной проблемы встречало противодействие... В еврейской общественной мысли того времени боролись преимущественно два течения: ассимиляторское и националистическое. Этим двум течениям противостояло ещё и третье, которое будучи логически и внутренне связано с марксистской идеологией, распространялось успешно преимущественно среди организованного еврейского пролетариата, и в Иркутске, по условиям его хозяйственной жизни, никакого распространения не имело.

Из всех течений еврейской общественной мысли наибольшим распространением пользовалось в Ир-

кутске ассимиляторство. Удивляться этому, конечно, не приходится. Идеология иркутской еврейской интеллигенции, с момента появления её на арене общественной жизни, определяется теми же факторами, что и идеология еврейской интеллигенции всей России. Не останавливаясь на определении и характеристике этих факторов, чему место в труде общего характера, мы можем только констатировать факт превалирования ассимиляторских тенденций в то время среди еврейской интеллигенции.

Значительную брешь в ассимиляторской идеологии иркутской интеллигенции пробил сионизм, распространившийся довольно широко во всей Сибири уже в первую половину 900-х годов. Но сионизм в это время ещё не мог влиять на практику общественной жизни в Европейской России, тем более в Сибири.

Правда, на еврейскую школьную жизнь в Европейской России сионизм уже и в то время оказывал определённое влияние: достаточно вспомнить сеть образцовых сионистских хедеров. Но в Иркутске и для такого рода деятельности абсолютно не было почвы.

Вряд ли мы ошибёмся, утверждая, что сионизм в Сибири, особенно в первые годы его распространения, имел успех исключительно в качестве воскресшей мессианской идеи. Практические сионистские лозунги дня мало занимали умы сибирских прозелитов. Успех сионистских лозунгов предполагает наличие определённого «быта», который так распространён в пресловутой «черте», но мрачные черты которого ещё отсутствовали в Иркутске...

Обращаясь, в частности, к вопросу о национальном воспитании, мы должны констатировать, что не только молодая иркутская интеллигенция, но и сами родители учеников училища относились в большинстве совершенно индифферентно к этому вопросу. На первом месте стоял вопрос о лучшей и наиболее выгодной подготовке к самостоятельному заработку.

– Всё равно наш сын уже «настоящим евреем»²⁰⁹ не будет, хватит с него, если он хоть «давать»²¹⁰ сумеет, – говорили сплошь и рядом родители, когда изредка кто-либо возбуждал вопрос о расширении программы еврейских предметов, или о лучшей постановке их преподавания.

Таким образом, и руководители школы, и «народ» приходили, хоть с разных концов, к одному и тому же выводу по вопросу о постановке преподавания еврейских предметов и об общем направлении преподавания в школе.

«Руководители» в своём отношении к общему направлению в школе исходили из ассимиляторских взглядов, которые были распространены среди всей буржуазной еврейской интеллигенции.

Еврейская масса в Иркутске – из отождествления национально-культурной идеи с идеей консервативно религиозной (в осуществление которой они и не верили, и не были особенно заинтересованы) и из желания, чтобы начальная школа по преимуществу давала мак-

²⁰⁹ Т. е. евреем, исполняющим все требования религии и обряда.

²¹⁰ По-еврейски «давен» значит «молиться»; это еврейское слово переделано в Сибири в «русский глагол» «давать».

симум практической подготовки к самостоятельной борьбе за существование.

Погромная волна конца 1905 года отозвалась с такой же болью в душе иркутских евреев, как и в душе евреев всей России. Накануне праздника Хануко, в 1905 году, когда обычно устраивают школьные торжества, педагогический совет школы вынес следующую резолюцию: «Ввиду почти повсеместно начавшихся и продолжающихся еврейских погромов с неизбежными жертвами и неслыханными насилиями, чинимыми над личностью евреев черносотенными элементами общества, педагогический совет училища не нашёл возможным устройства в настоящем году школьного празднества в воспоминание Хануки».

Педагогический совет тогда ещё не знал, очевидно, что для сибирских евреев скоро наступит новая эра, когда еврейские детские праздники станут запретным плодом, и попытка устроить их будет рассматриваться как дерзость со стороны только терпимых пришельцев...

Приведённая нами резолюция – только ответ возмущённого чувства. Погромная волна конца 1905 года была мрачным предвестником поднявшей голову реакции, выбросившей знамя боевого антисемитизма... Вся русская действительность в целом шире и острее, чем когда-либо, поставила вопросы национального самосохранения и достоинства... Теснее сомкнулись ряды в еврейской общине... Упрощённое ассимиляторство никого больше не могло удовлетворить. Сионизм распространился ещё более широко. Та часть еврейской ин-

теллигенции в Иркутске, которая верила, что решение еврейского вопроса может явиться только следствием решения общеполитических вопросов, признала самостоятельную ценность за решением вопроса о праве на национальное самоопределение... Национальные лозунги вне какой-либо связи их с религиозным бытом стали понятны еврейской массе в Иркутске...

Все эти изменения в общественном настроении иркутской общины не могли не отразиться и на тех задачах, которые ставила себе за последние годы общинная интеллигенция в своей школьной деятельности.

Какие же новые задачи преследует теперь школа и как она их разрешает?

§ 11. От конца 1907 года до наших дней.

Внешний быт школы

Историю школы от 1907 года до наших дней мы также начнём с описания внешних сторон её жизни.

В 1907 году, по окончании учебных занятий, в ответ на возбуждённое перед директором народных училищ Иркутской губернии ходатайство о преобразовании частной еврейской школы в начальное общественное бесплатное училище, с курсом двухклассного и с ремесленным при нём отделением, заведующий училищем²¹¹ был уведомлён, что генерал-губернатор,

²¹¹ С 1906 г. заведующим мужского училища состоит доктор Павел Григорьевич Шнейдерман, а женского с 1904 г. — Юлия Леонтьевна Помус, которая фактически уже 12 лет стоит во главе всего школьного дела.

по представлению главного инспектора, препятствий к удовлетворению этого ходатайства не встречается.

Резолюция начальника края гласила: «Согласен, но с неперенным условием, чтобы дети, поступающие в училище, имели бесспорное право на жительство в Иркутске, для чего список учащихся с документами, устанавливающими право жительства, представлять г-ну главному инспектору».

Таким образом, в 1907/08 учебном году училище начало свою жизнь при новых правовых условиях. По существу это обстоятельство на жизнь школы, конечно, не могло повлиять, ибо всё время администрация края относилась к этому училищу, как к общественному²¹².

Формальное преобразование школы из частного в общественное учебное заведение всё же принесло существенную пользу, закрепив за общиной права юридического лица по отношению к этой школе и дав возможность установить коллегиальное руководство.

Ещё в 1906 году, помимо признанных общиной заведующих-попечителей, избирается школьная комиссия из 10 человек, преобразованная уже после того, как школа стала общественной, в Попечительный со-

²¹² Мы думаем, что иркутская администрация, разрешая в 1897 г. открыть частное еврейское училище, а не общественное, руководствовалась не собственным усмотрением, а общим настроением. Петроградская община также долгое время не могла добиться разрешения на открытие общественного училища. И там сначала добились разрешения на открытие частного еврейского училища на имя Л.В. Бермана. Это училище, если не ошибаемся, только в 90-х годах было преобразовано в общественное. Есть основания думать, что у правительства тогда была тенденция – препятствовать развитию еврейской общественной жизни вне постоянной черты оседлости.

вет. Последний во главе с заведующими представляет главный руководящий орган школы.

В самой школе, помимо роста её общего благоустройства, произошло одно важное преобразование, давшее в результате экономию места и средств. Мы говорим о введении, начиная с 1910/11 учебного года, совместного обучения.

Самым значительным успехом следует считать широкую постановку профессионального обучения. Из всей предыдущей истории читателю уже должно быть ясно, что община неоднократно возвращалась к мысли о необходимости дать учащимся знание какого-нибудь ремесла, вооружить их не только начатками грамоты, но и непосредственным орудием борьбы за существование. И уже в 1898 году, когда ещё живы были все традиции архаического прошлого, вводится преподавание переплётного ремесла. Правда, эту попытку пришлось оставить, хотя и это примитивное обучение ремеслу продолжалось два учебных года.

Профессиональное обучение могло получить своё должное осуществление только после того, как община обогатилась двумя крупными пожертвованиями, специально предназначенными для этой цели. В 1906 году пожертвован общине дом стоимостью в 30 000 рублей и наличный капитал в 10 000 рублей²¹³. На проценты с капитала и доходы с дома и должны содержаться ремесленные классы имени жертвователя.

²¹³ Этот дар принёс общине Исая Матвеевич Файнберг.

Другое крупное пожертвование получено общиной по духовному завещанию²¹⁴. По этому завещанию община получила наличный капитал в 31 733 рубля и каменный дом в центре города, который переходит в собственность общины после смерти жены жертвователя. 28 000 рублей из полученного капитала внесены на вечный вклад в Иркутское отделение Государственного банка, проценты с этого капитала должны быть обращены, согласно воле завещателя, на содержание ремесленных классов имени его и жены его²¹⁵, а остальные 3733 рубля заприходованы хозяйственным правлением как капитал для оборудования этих классов. Согласно воле завещателя нельзя было объединить оба профессиональных училища, и общине пришлось исходатайствовать разрешение на оба профессиональных училища отдельно.

Учебный план обоих профессиональных классов одинаков. Параграф четвёртый этого плана, по предложению генерал-губернатора Селиванова, дополнен стереотипной фразой: «В ремесленные отделения принимаются только дети, родители которых получили право проживать в Иркутске».

Согласно воле завещателя, в учебном плане ремесленных отделений его имени имеется ещё одно примечание: «при приёме в училище преимущество отдаётся детям бедных евреев солдат-сибиряков»²¹⁶.

²¹⁴ Моисея Яковлевича Кремера.

²¹⁵ Александры Моисеевны Кремер.

²¹⁶ Это примечание не должно нас удивлять. Завещатель – бывший николаевский солдат.

Ещё 15 сентября 1907 года Попечительный совет поставил на очереди вопрос об основании ремесленных классов имени Файнберга, так как устав с разрешением от губернатора уже был получен. Но открыть эти классы удалось только в 1910 году, и в 1913/14 учебном году состоялся первый выпуск учеников, прошедших под образцовым руководством курс столярного ремесла. Ученики ремесленных классов проходят также и определённый курс по общеобразовательным предметам. В 1913 году была устроена первая выставка работ учащихся. На выставке этой было много художественной мебели. Почти все предметы выставки были раскуплены.

Ремесленные классы имени супругов Кремер ещё не функционируют.

Некоторые данные заставляют думать, что профессиональные классы будут преобразованы.

При современном правовом положении евреев в Сибири население в Иркутске не может, конечно, увеличиваться. Дети более имущих родителей (особенно мальчики) стремятся к дальнейшему образованию. Ввиду значительного контингента учащейся еврейской молодёжи в средних учебных заведениях, легко сравнительно достать и бесплатного учителя. Дети более бедных родителей, по окончании ими курса начального бесплатного училища, отдаются часто сразу в услужение. Таким образом, контингент поступающих в ремесленные классы незначителен. Отчасти это объясняется ещё и недостаточной прибыльностью столярного ремесла, отсутствием возможности ради двух-трёх учеников вводить преподавание ещё ка-

кой-либо отрасли ремесла. Число желающих изучать ремесло значительно увеличится только тогда, когда еврей-ремесленник в Сибири получит право свободного передвижения, а не будет прикреплён на всю жизнь к одному городу. При существующих условиях, содержание одного ученика в постоянных ремесленных классах обходится несоразмерно дорого, и Попечительный совет стоит перед задачей: заменить постоянные ремесленные классы организацией отдачи учеников в ремесло.

Не менее энергично заботился Попечительный совет о профессиональном образовании окончивших школу учениц. Начиная с 1908 года были учреждены классы кройки и шитья. Три года эти классы функционировали, не будучи утверждёнными. И эти классы располагают небольшим постоянным капиталом в 1500 рублей²¹⁷. Проценты с этого капитала идут на их содержание.

Помимо специально получаемых пожертвований, на школу кройки и шитья отпускаются средства из общих училищных сумм (см. ниже таблицу расходов по училищу с 1907 по 1912 год включительно). Школа имеет также доход от исполняемых работ. Определённый процент с заработка поступает в пользу учениц и учительниц.

Весь расход по этим классам с 1908 по 1912 год включительно выразился в сумме 4383 рубля 17 коп. Содержание постоянных женских ремесленных классов выгодно, и они, вероятно, будут увеличены.

Вернёмся к общим классам общественного училища.

²¹⁷ Капитал этот собран служащими Королонских приисков Я.Д. Фризера в память своего сослуживца, Соломона Абрамовича Гольцберга.

Количество учеников в классах за последние годы не увеличивается и стоит всегда на уровне около 250 учащихся. Надо, однако же, иметь в виду, что нередко вновь желающим поступить приходится отказывать за неимением мест. Так, например, в 1911 году было отказано 40 желавшим поступить.

	мальчиков	девочек	всего
В начале 1907/08 учебного года было.....	136	166	302
“ “ 1908/09 “ “ “	159	167	326
“ “ 1909/10 “ “ “	116	119	235
“ “ 1910/11 “ “ “	120	125	245
“ “ 1911/12 “ “ “	121	143	263
Детей крестьян из ссыльных.....	79		
“ ссыльнопоселенцев.....	65		
“ иркутских мещан.....	54		
“ цеховых.....	4		
“ солдат.....	2		
“ иногородних мещан.....	26		
Итого.....	2230		
Из них, не имевших отцов было.....	57		
“ “ “ матерей “	7		
круглых сирот.....	6		
Итого сирот.....	70		

За 1913 год отобраны сведения у 241 учащегося.

Из них:

Детей крестьян из ссыльных.....	89
“ иркутских мещан.....	75

“ поселенцев.....	55
“ иногородних мещан.....	11
“ иркутских цеховых.....	10
“ солдат.....	1
Итого.....	241
Из них, не имевших отцов было.....	27
“ “ “ матерей “	9
“ “ “ круглых сирот.....	5
Итого сирот.....	41

Относительно занятий родителей учащихся мы представляем сведения 223 учащихся в 1913 году:

Ремесленный труд.....	69
Легковые и ломовые извозчики.....	26
Торговля «барахлом».....	26
Частная служба.....	17
Без занятий.....	26
Торговля на базаре зеленью.....	17
Торговля лошадьми.....	6
Лавки мелочные.....	7
Пользуются средствами старших детей.....	10
Маклерство.....	1
Мебелированные комнаты.....	1
Подённый труд.....	7
Благотворительность.....	8
Меламед.....	1
Сторож.....	1
Итого.....	223

По сравнению с такой же таблицей за 1901/02 год, приведённой нами выше, поражает появление крупной группы в 26 человек хронических безработных, увеличение в 3 раза группы пользующихся помощью старших детей, увеличение в 2 раза группы пользующихся благотворительностью. Симптоматично также появление группы, живущей таким непостоянным заработком, как подённый труд. Всё это убеждает нас в том, что масса иркутской общины за последние несколько лет обеднела. В этом убеждает также значительное количество учеников и учениц, обращающихся за тёплой одеждой. По имеющимся в нашем распоряжении материалам видно, что в 1910 году обратилось 78 учеников, а в 1911-м – 124. Кстати сказать, ученики удовлетворяются одеждой не только из училищных сумм. Энергично в этом отношении приходится на помощь комитет по заведыванию кладбищами, отчасти хозяйственное правление и Общество вспомоществования бедным учащимся Восточной Сибири, и особенно, в последние годы, дамская комиссия при благотворительном обществе.

Мы должны ещё остановиться на самом позднем расширении деятельности училища. Мы говорим о школьной даче.

Община приобрела в аренду участок земли за городом, и там в течение целого лета двумя сменами живёт от 40 – 60 и более нуждающихся в поправлении здоровья учеников. Там, на лоне природы, ученики занимаются физическим трудом, обрабатывают огород. Продажей продуктов этого огорода покрывается

часть расходов. Значение этой школьной дачи трудно переоценить. Тем не менее городская дума Иркутска отказала заведующим школы в их просьбе освободить колонию от арендной платы, составляющей 120 рублей в год...

Насколько экономно и бережно ведётся еврейская школьная дача, видно из следующих цифр расходов по даче за первые три года её существования:

В 1910 г. (1-й год существования дачи) – 1488 руб. – коп.

В 1911 г. – 1732 руб. 60 коп.

В 1912 г. – 1484 руб. 24 коп.

На 1913 год школьная дача перешла с остатком в 490 рублей 40 коп.

Расход по школе, кроме профессиональных классов, от 1908 по 1913 год включительно, виден из следующей таблицы:

СТАТЬИ РАСХОДА	Г О Д Ы													
	1908		1909		1910		1911		1912		1913		ВСЕГО	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Жалование учителям	6096	70	7300	33	4843	32 ²¹⁸	5329	98	5973	30	6101	70	35645	33
Жалование служащим	568	25	715	33	600	—	640	—	660	—	657	50	3841	08
Содержа- ние дома	906	91	1149	80	732	94	1063	37	697	47	869	88	5420	37
Учебные пособия	126	43	15	44	19	04	79	53	23	32	70	34	334	10
Библио- тека	114	26	42	26	86	37	48	56	108	50	167	87	567	82

²¹⁸ Резко уменьшившаяся в 1910 году трата на учителей объясняется высылкой учителей евреев, благодаря чему школа в этом и следующем году должна была довольствоваться только одним преподавателем еврейских предметов.

Инвентарь	101	88	52	84	54	07	134	72	49	93	54	62	448	06
Бесплатные учебники	59	96	59	09	27	68	71	71	54	93	53	94	324	31
Разные расходы	479	10	169	84	64	28	138	24	162	88	129	06	1143	40
Чай	7	85	На чай отдельно поступают пожертвования натурой										7	85
На профессиональн. женскую школу	60	–	300	–	500	–	655	–	689	–	600	–	2804	–
Устройство экскурсий и праздников	–	–	–	–	57	71	124	70	68	86	113	87	862	17
Учителям на проезд	–	–	–	–	–	–	150	–	75	–	–	–	235	–
Вспомоществование учителям для поездки на учительские конкурсы	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	100	–	100	–
Перерасход по содерж. квартир, сданных в наём	–	–	72	33	–	–	–	–	139	05	–	–	211	38
Всего	8521	34	9874	26	6985	44	8435	81	8699	24	8918	78	51434	87

Всего с 1898 по 1913 год община издержала на нужды просвещения и физического воспитания детей, ремесленное образование и на постройку собственного здания не менее 170 000 рублей.

§ 12. Внутренняя жизнь школы за последние годы

Что мы разумеем под внутренней жизнью школы, мы уже выяснили выше. Теперь мы хотим обратить внимание читателя на то, что наше разделение всего

легального периода жизни школы на две части – до преобразования школы в общественную и после – отнюдь не случайно и не формально. В этом разделении налицо совпадение внешних и внутренних признаков. Случилось так, что перелом в настроениях представителей еврейской общины совпадал по времени с переломом правовых условий существования школы.

Теперь мы более чем когда-либо будем иметь право говорить о зависимости между направлением школьной жизни и господствующим настроением среди общинной интеллигенции. Ибо за постановкой и характером преподавания наблюдает большая коллегия Попечительного совета. И в нашем распоряжении протоколы как заседаний Попечительного совета, так и совместных заседаний его с преподавателями еврейских предметов.

В истории еврейской общественной мысли есть много трагических страниц. И к счастью, это не всегда страницы уныния, но иногда и страницы страстной борьбы, борьбы на все фронты со всеми, не желающими признавать право на существование за еврейским народом.

Борьба за национальное самосохранение получает своё яркое выражение и в заботах о национально-культурном воспитании подрастающего поколения. Естественно, что и еврейские общинные школы (в частности, и иркутская) отражают в себе эту знаменательную эволюцию. Еврейской общинной школе в Иркутске труднее, чем какой-либо другой, осуществить идеал национально-культурного воспитания подрастающего

поколения. Одна из причин – отсутствие соответствующих учителей. Их приходится выписывать из России, и община наталкивается на правовые рогатки.

В доконституционный период еврейская община, хоть с трудом, но всё же находила учителей, имеющих звание провизора или дантиста и благодаря этому пользовавшихся правом повсеместного жительства. Но после «конституции» наступил период разъяснения прав евреев... В результате, в самом начале 1910 учебного года еврейская школа осталась почти без учителей евреев. Училище переживало тяжёлые дни. Хлопотали у директора, у генерал-губернатора, у министра. Только в июне 1911 года на общем собрании общины попечитель школы мог поделиться радостной вестью, что двум учителям евреям разрешено наконец жить в Иркутске.

Попечительный совет школы, рассылая по всем городам России приглашение занять место учителя, указывал в печатных своих проспектах все условия работы в школе и на те требования, которые предъявляют представители общины к своим учителям. В этом отношении характерен 4-й пункт: «Стремясь к тому, чтобы дети воспитывались в национальном духе, мы требуем от учащихся, чтобы они могли внести в жизнь школы национальный характер».

Эта формулировка, по-видимому, была продиктована чувством национального самосохранения, а не шовинистическими настроениями. В Иркутске, где, как мы уже говорили, всего меньше национальных традиций, национальное воспитание юношества не могло

означать воспитания его в духе национальной замкнутости и исключительности.

Вопрос о том, что понимать под национально-культурным воспитанием и какими мерами это воспитание осуществить, составлял предмет самых оживлённых дебатов среди школьных деятелей. В этих дебатах отразились все направления, существующие теперь в среде еврейства.

Взгляд Попечительного совета в целом на этот вопрос зафиксирован в следующей резолюции.

«Попечительный Совет Еврейского Общественного бесплатного училища, обсудив вместе с еврейскими учителями вопрос об общем духе и направлении преподавания и воспитания в училище, в связи с вопросом о национальности учителей, которым необходимо поручить преподавание еврейских общих предметов, пришёл к заключению: училище должно давать детям национально-еврейское воспитание, развивать и укреплять в них связь со своим народом, знакомя их с языком, сущностью иудаизма, еврейской религией, с историей еврейского народа и его бытом. Вместе с тем детям должны быть даны знания всего того, что касается еврея, как гражданина России. Считая, что национальное воспитание является в то же время и лучшим средством для привития детям и общечеловеческих принципов, Попечительный совет полагает, что вышеозначенные цели могут быть достигнуты приглашением учителей евреев, которые по своим национальным идеалам, по подготовке, педагогической опытности и общему образованию могли бы выполнить эти задачи».

Принимая эту резолюцию, Попечительный совет вместе с тем отверг предложение, поручать преподавание *непременно* учителям евреям.

Мы отмечаем идеи национально-культурного воспитания, под знаком которых теперь живёт школа, как характерную особенность современного положения её. Вопросы национального самосохранения, национального самоопределения, господствующие теперь в среде общинной еврейской интеллигенции, так же характерны для данного периода, как идеи ассимиляции для недавнего прошлого. Само собой разумеется, что в самой школе, как таковой, всегда остро стоят и другие вопросы обучения и воспитания. Стремление к улучшению всех сторон жизни школы характерно для лиц, стоящих теперь во главе дела. И это стремление – вернейший залог того, что каковы бы ни были возможные отклонения от педагогической правды, правда в этой школе всё же вновь будет найдена.

В связи с вопросом национально-культурного воспитания мы должны указать ещё на одно обстоятельство.

Отдельные члены общины заботятся и о национально-культурном воспитании подрастающего поколения, находящегося вне общественной школы. В 1908 году среди иркутских евреев возникла мысль о создании общества для внешкольного национального воспитания юношества. Несколько наивный проект устава этого общества гласит так: «Общество учреждается с целью развивать в еврейских детях национальные чувства, воспитывать подрастающее поколение в духе обычаев и нравов еврейского народа... Мерами для достижения

этой цели общество считает: а) устройство для детей во время праздников и полупраздников, а также в разное время года бесплатных вечеров и утренников, на которых читать для детей произведения еврейских национальных поэтов на русском, древнееврейском и разговорном языках. Знакомить детей со значением данного еврейского праздника, с различными выдержками из еврейской истории, с еврейской жизнью и т. д.»

Проект этого общества так и не был осуществлён.

Но отдельные представители общины стремятся, от случая к случаю, осуществлять то положительное, что в этой программе имеется, путём устройства праздников для детей внешкольного возраста и для юношества, не обучающегося в общественной еврейской школе.

Первая попытка устроить такой праздник была сделана в ноябре 1909 года. На поданное заявление, несмотря на все ходатайства, долго не получалось никакого ответа. И только в 1910 году, весной, когда уже все забыли об этом ходатайстве, о нём вспомнил генерал-губернатор Селиванов. Он вызвал общественного раввина С.Х. Бейлина и, между прочим, сказал ему: «Вы затеваете какие-то праздники?! ...Пора вам уже знать, что пока я здесь – нет и не будет вам праздников». Генерал-губернатор сказал правду. Пока он жил в Иркутске и такого праздника для еврейских детей нельзя было устроить...

В суровой обстановке складывалась общинная жизнь евреев в Иркутске. Мы видели, как медленно

преобразовывалась убогая Талмуд Тора – приют для кантонистских, солдатских и поселенческих детей – в современную общественную школу.

Сквозь суровую и тяжёлую жизнь была пронесена глубокая связь со своим народом, оставшимся где-то далеко-далеко, в неприглядной черте оседлости. И в обстановке далёкой колонии, где нет ни традиций, ни завоеваний старой культуры, небольшая горсточка евреев, оторванная от своего народа, сумела не только создать свою собственную правильно налаженную жизнь, но и идти нога в ногу со всей медленно, но упорно крепнущей сибирской интеллигенцией.

И особенно ярко сказалось это в создании еврейской школы в Иркутске.

На заре существования школы, у колыбели её, стоял старый еврей из ссыльных, дедушка Лазарь. Он напоил её любовью своего прекрасного сердца.

Из его рук она перешла в руки гимназистов, первых еврейских интеллигентов Иркутска. Они отдали ей юношеский пыл и увлечение. И сбережённая в годы лихолетья инстинктивным чувством не прекращавшихся забот о ней, она перешла наконец в руки современного поколения еврейской интеллигенции.

§ 13. Внешкольная просветительная деятельность в общине

Просветительная деятельность в общине, начиная с середины 90-х годов, проявляется и вне стен школы.

Первым проявлением такой деятельности была попытка организовать библиотеку при синагоге²¹⁹.

Когда собрали на это дело первую небольшую сумму денег, перед организаторами библиотеки встал вопрос: какие же книги выписать? Для тогдашних организаторов библиотеки это был трудный вопрос. Но зато они легко определили задачу, которой эта библиотека должна была служить. Эту задачу они наметили следующим образом: библиотека своим подбором книг на русском и еврейском языках (жаргонная и древнееврейская литература) должна служить – особенно молодому поколению – для ознакомления с историей, бытом, духом и современным состоянием еврейского народа. А удачный подбор книг должен будить соответствующий интерес в тех слоях иркутских евреев, которые всё более удаляются от еврейства вообще и своей общины в частности.

Большинство книг было пожертвовано. Уже несколько лет, как хозяйственное правление и комитет по управлению кладбищами (соответствует погребальным братствам в черте оседлости) отпускают ежегодно по сто рублей на пополнение библиотеки. Пожертвования книгами также продолжают поступать. В настоящее время в библиотеке более 4000 названий.

Хозяйственное правление ходатайствовало о разрешении открыть библиотеку и читальню при синагоге, но в этом было решительно отказано. Только открывшемуся в конце 1913 года местному отделу Общества распро-

²¹⁹ Инициатором организации библиотеки при синагоге явился старожил-общинник Иуда Леонтьевич Нейман.

странения просвещения между евреями в России удалось выхлопотать соответствующее разрешение.

Всё имущество синагогального хранилища поступает со дня открытия библиотеки и читального зала в пользование этой библиотекой.

В 1911 году, по инициативе нескольких членов общины, в Иркутске открывается местный отдел еврейского литературного общества. К концу того же года это общество было повсеместно закрыто. Но за короткое время своего существования в Иркутске оно проявило лихорадочную деятельность. Общество насчитывало около 150 членов.

На первом заседании ближайшая задача отделения общества была определена следующим образом: устройство собеседований, материалом для которых должны служить – при отсутствии возможности иметь в Иркутске оригинальные работы, – рефераты компилятивного характера, перевод статей, обзор печати, пользование готовыми рефератами других отделений. Среди прочих задач общество поставило себе целью открыть библиотеку и книжный склад, в котором имелись бы все лучшие еврейские издания.

Это общество отцвело, не успевши расцвести. Однако литературные вечера, устроенные обществом, имели громадный успех. Читались произведения современных еврейских поэтов и писателей. Были и два оригинальных доклада: «Впечатление о поездке в Палестину», «Жизнь и творчество Абрамовича».

Закрытие местного отдела еврейского литературного общества, вызвавшего за короткое время боль-

шое оживление в обществе и повышенный интерес к лекциям и рефератам «на еврейские темы», огорчило общину. Чтобы создать новый центр такого рода объединения, было открыто в конце 1913 года местное отделение Общества распространения просвещения между евреями в России. Конечно, к обществу, которое функционирует только год, нельзя предъявлять чрезмерные требования. Но всё же то, что сделано обществом за этот небольшой промежуток времени, должно быть отмечено.

Общество насчитывает уже 180 членов. Интересен и социальный состав членов:

купцов и купеческих жён – 78,
лиц с высшим образованием – 18²²⁰,
учителей – 10,
ремесленников и служащих – 74,
итого – 180.

Помимо того, что это общество исходатайствовало право на открытие библиотеки и взяло на себя организацию её, оно же взяло на себя руководство вечерними курсами для взрослых. Курсы эти начнут правильно функционировать с осени 1915 года. За первый год было устроено семь общинных собраний, на которых читались и оригинальные рефераты местных членов общества («Развитие идеи монотеизма у еврейских пророков», «Характеристика творчества Бялика») и произведения лучших современных еврейских писателей.

²²⁰ 10 врачей, 5 юристов, 3 инженера.

Таковы главные моменты внешкольной просветительной деятельности общины, как она обрисована до настоящего времени. Ценным в этой деятельности следует признать не только выполнение большой национально-культурной работы, но и приближение более или менее широких слоёв общины через национально-культурные идеалы к идеалам общечеловеческим.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРКУТСКОЙ ОБЩИНЫ

*§ 1. Благотворительная деятельность на заре общинной жизни. –
§ 2. Попытки организации благотворительной деятельности в
общине до легализации благотворительного общества. – § 3. Со-
временная благотворительная деятельность иркутской общины*

§ 1. Благотворительная деятельность на заре общинной жизни

Большинство евреев, прибывавших в Иркутск лишь начиная с 60-х годов, было уже знакомо с условиями сибирской жизни. В городе они искали только лучших условий для более прочного материального устройства. Быстрое развитие в Иркутске значительной, сравнительно, группы зажиточных евреев, в условиях суровых правовых ограничений, мы объясняем, между прочим, и тем, что евреи, стягивавшиеся в город в 60-х и 70-х годах, были элементом наиболее энергичным, трудоспособным и предприимчивым. Наряду с исторически развившейся в еврейском народе способностью быть носителем «капиталистического духа» в колонизируемых окраинах, предполагаемые нами индивиду-

альные качества иркутских евреев лишь могли способствовать более быстрому материальному устройству.

Как ни нуждалась Сибирь (да и теперь нуждается) в энергичных и предприимчивых людях, но ввиду общих условий, крайне тормозящих развитие хозяйственной жизни этой необъятной окраины, с одной стороны, и того исключительного бесправия, в котором живут сибирские евреи, с другой, – мы уже к началу 60-х годов замечаем некоторое «относительное перенаселение» евреев в Иркутске. Проще говоря, небольшая группа евреев, из прочно осевших в Иркутске, к этому времени уже нуждалась в общественной помощи.

Однако, как мы уже указывали и в предыдущих главах, еврейская община в Иркутске вынуждена была заниматься вопросами благотворительности уже и в первые годы своего существования. Там же мы указали, как, главным образом, рекрутировались те евреи, которые не способны были сами добывать себе насущное.

Дряхлые старики-поселенцы, выходившие из каторги инвалидами, поселенческие вдовы, жёны каторжан, ещё не отбывших срока наказания, дети-сироты – вот кто стремился в Иркутск вслед за трудоспособным элементом. О них преимущественно должны были заботиться иркутские евреи на заре своей общинной жизни. Заботами об этих элементах и были созданы Талмуд Тора и Богадельня, влачившие долгое время незавидное существование под одной крышей.

В Иркутск прибывали трудоспособные, но бедные евреи. Ещё в середине 70-х годов иркутская община насчитывала только две богатых семьи: Домбровские и

Лейбовичи. Естественно, что и материально иркутской общине тяжело было содержать два таких постоянных учреждения, как Талмуд Тора и богадельня. Через Иркутск проезжали многие поселенцы, отправляющиеся в отдалённые уезды губернии и в Якутскую область. Им также нужно было оказывать помощь. Всем указанным еврейским элементам иркутские общинники не могли отказывать в помощи, несмотря на крайне индивидуалистические настроения, свойственные, обыкновенно, переселяющимся в новые места, где нужно заново устраивать свою жизнь. В оказывании помощи именно *этим* группам населения играло роль и сочувствие людям, страдания и переживания которых были родственны и понятны многим иркутским общинникам, и действительная безвыходность положения и, наконец, крепкая ещё в то время религиозная традиция, властно требующая благотворительности.

Иркутские общинники стремились – худо ли, хорошо ли – во что бы то ни стало содержать стариков и беспризорных детей в общинных учреждениях, хотя это было во всех отношениях труднее для молодой неорганизованной общины, чем индивидуальная помощь от случая к случаю отдельными лицами. От старожил нам удалось узнать, что в этом стремлении во что бы то ни стало содержать эти учреждения играло роль и чувство самосохранения. В 60-х и 70-х годах евреев не трогали в Иркутске, вернее, мало кто обращал внимание на их появление в городе. Но общинники опасались, как бы из-за нищенствующих евреев не обратили благосклонного внимания и на устроивавшихся

домохозяев. Это соображение, а равно и сознание, что в Иркутске в то время всегда можно было «хоть что-нибудь заработать», хотя бы «водовозкой», вызвало в еврейской общине суровое отношение к нищенству. Когда к началу 80-х годов более заметно определились нуждавшиеся в благотворительной помощи и среди более прочно осевших в Иркутске, общинники решительно высказались против тех, которые пытались пользоваться подаениями. Было решено, чтобы помощь оказывалась только в форме единовременного пособия на обзаведение каким-либо инвентарём для мастерской, на приобретение лошади или на какую-либо иную производительную цель.

В синагогальном архиве нет почти никаких следов прошлой благотворительной деятельности общины, за исключением уже известных нам документов, относящихся к Талмуд Торе. Имеются только несколько протоколов общего собрания прихожан, постановлявших о возбуждении ходатайства на разрешение в той или иной форме официального благотворительного учреждения. Но самое раннее из ходатайств (мы их приведём ниже) относится к середине 80-х годов. Отдельные, разрозненные книги, специально предназначенные для записи поступивших и расходовавшихся благотворительных сумм, относятся только к началу 1900-х годов. В этом нет ничего удивительного. Организация благотворительного общества разрешена *только в 1909 году*.

В синагогальном архиве имеется лишь одна книга за 1880 год, в которой довольно подробно записывалось, кому и с какой целью отпускались те или иные

суммы. Крайне характерные записи в этой книге отчётливо подтверждают строгое постановление – оказывать преимущественно трудовую помощь.

Приведём дословно некоторые из этих записей.

«Канскому мещанину... имеющему семейство из девяти человек, которых он питал посредством водовозки, дано на покупку лошади, взамен павшей, из благотворительных взносов, – 33 руб.».

«Иркутскому мещанину... имеющему семейство из четырёх человек, занимающемуся торговлей в барачном ряду, дано в ссуду без %, с уплатой, по возможности, по случаю крайней бедности, из благотворительных взносов – 20 руб.».

«Иркутскому мещанину... семейство его – двое, раньше он занимался водовозкой и к милостыне не прибегал, но неизвестно кем в Иркутске от скорой езды раздавлен и сделан навсегда неспособным к физическому труду, дано на месяц – 16 руб.»²²¹.

«...Поселенцу... на коня для заработка – 20 руб.».

«Витебскому мещанину.... на уплату за квартиру, на лечение больной матери, на хлеб для семейства и устройство укусного заведения в Иркутске – 85 руб.».

«Крестьянину Забайкальской области на покупку телеги для работы – 20 руб.».

«На покупку дрог для водовозки – 7 руб.» и т. д.

Уже из приведённых записей видно, в какой преимущественно форме проявляла община свою благо-

²²¹ Эта запись, как ежемесячное пособие калеке, повторяется в книге несколько раз.

творительную деятельность. Даже помощь иркутскому мещанину, «семейство которого состоит из четырёх человек»... «по случаю крайней бедности», оказывали только в виде беспроцентной ссуды. И только «раздавленному от скорой езды» выдавалось ежемесячное пособие. Причём и здесь в качестве «достаточного основания» для такого рода помощи принимают во внимание то обстоятельство, что проситель «раньше занимался водовозкой и к милостыне не прибегал».

Обратим внимание читателя и на другого рода записи. Их хоть очень мало, но всё же они дают возможность ближе узнать, чем жила община 30 – 40 лет тому назад. Ряд записей озаглавлен: «На учение». Под этим заголовком обозначены преимущественно суммы, выдававшиеся жёнам каторжан, содержащихся в Александровском центре, на обучение детей русскому и еврейскому языкам.

Мы не сомневаемся, что помощь семьям каторжан, в виде выдачи средств на обучение детей, оставшихся при матерях в селе Александровском, практиковалась в те годы постоянно и во всяком случае значительно чаще, чем это обозначено в цитируемой нами книге.

В настоящее время иркутская община относится к помощи евреям-каторжанам совершенно формально, ограничиваясь традиционным «Моэс Хитим»²²². Тогда заботы иркутских общинников о каторжанах – соответственно средствам и всему укладу общинной жизни – были серьёзным делом. Идея помощи этому элементу

²²² Помощь бедным на Пасху.

Само собой разумеется, что такого рода попытки, за отсутствием соответствующей среды и обстановки, т. е. всего того, что составляет определённый быт «черты», успеха не имели. Эти попытки скорее говорят о консервативной силе традиций, чем о подлинной нужде иркутской общины в этих формах благотворительности.

В выдачах беднякам за 1880 год значится по условиям:

мещан — 45

крестьян — 21

ссыльнопоселенцев — 33

солдат — 7

Итого: 106

Трудно сказать, сколько из этих бедняков постоянно проживало в Иркутске. В числе этих 106 человек, обратившихся за помощью, значится всего 12 иркутских мещан. Формально только их следовало бы считать постоянными иркутскими жителями. Но уже и приведённые записи из книги за 1880 год показывают, что довольно прочно пытались устраиваться и иногородние мещане, в том числе и «российские». Вспомним хотя бы запись о выдаче витебскому мещанину 85 рублей на открытие уксусного заведения. Таким образом, установить точно, какой процент обратившихся за помощью составляли постоянные иркутские жители, представляется, по записям за 1880 год, затруднительным. Безуспешно.

²²⁴ Общество посещения больных.

²²⁵ Общество для снабжения бедных невест приданым.

ловно, следует исключить из числа постоянных жителей Иркутска ссыльнопоселенцев, солдат и тех мещан и крестьян, около которых значится «пожертвовано на дорогу». Всего таких наберётся 52 человека. Иначе говоря, максимум 50% из общего числа обращений падает на долю постоянных жителей Иркутска. Причём этим последним оказывалась преимущественно «трудовая помощь». Таким образом, к началу 80-х годов в Иркутске среди прочно осевшего в нём еврейского населения пауперы составляли самый ничтожный процент. Если мы примем во внимание, что и «трудовая помощь» оказывалась в самом ничтожном размере, была совершенно неорганизована, зависела от всяких случайностей, то вряд ли мы ошибёмся, утверждая, что при иной постановке общественной помощи минимально трудоспособный элемент в Иркутске среди евреев, в описываемое время, мог легко достигнуть более прочного материального устройства.

Количество *крайне* нуждающихся евреев в каком-либо городе можно отчасти установить и по числу пользующихся помощью на Пасху, т. е. берущих «Моэс Хитим». Мы говорим о *крайне* нуждающихся, ибо за помощью на Пасху обращаются действительно самые бедные, и о злоупотреблениях в данном случае почти не приходится говорить. Сохранившиеся старые списки приходов и расходов пожертвований для бедных на Пасху дают возможность заключить, что наибольшая часть пожертвований – вплоть до начала 90-х годов, уходила на заключённых и их семейства, значительно меньшая сумма тратилась с той

же целью на евреев и субботников близлежащих деревень, часть – на солдат, и только остальная сумма тратилась в Иркутске, куда опять-таки на Пасху стекались некоторые нуждающиеся из других мест. Только с середины 90-х годов картина постепенно меняется.

К сожалению, по сохранившимся старым отчётам нет никакой возможности точно установить, какое именно количество еврейских семейств в Иркутске обращалось за помощью на Пасху. Только начиная с 1910 года, хозяйственное правление в своих отчётах даёт более подробные сведения о расходе собранных «Моэс Хитим». К этим сведениям мы ниже обратимся. Пока же, говоря в общих чертах о времени, значительно предшествовавшем открытию легального благотворительного общества, мы можем только установить, что суммы, собиравшиеся общиной для помощи на Пасху, были незначительны, хотя помощь оказывалась разнообразным элементам, не жившим постоянно в Иркутске. Так, до начала 90-х годов, как видно по некоторым сохранившимся подписным листам (или как они тогда назывались в общине, «реестрам»), суммы, собираемые для «Моэс Хитим», вместе с прибылью, выручавшейся от продажи с благотворительной целью «пасхальных продуктов» (вино, сахар, крупчатка), достигали максимум 1200 рублей. Из этой общей суммы собственно пожертвований поступало до 800 рублей, меж тем, как за последние 5 – 6 лет пожертвования, собираемые для «Моэс Хитим», достигают двух тысяч и более, помимо всякой пользы, остающейся от продажи каких-либо пасхальных продуктов. Конечно, община

численно увеличилась за это время, более организованна, более общественно чутка, но всё же большая трата на «Моэс Хитим» объясняется ростом крайне бедствующей группы еврейского населения в Иркутске.

В 1880 году евреев в Иркутске было *минимум* 200 семейств²²⁶, из них *максимум* 15 семей, постоянно проживающих в городе, обратились за помощью на Пасху. Таким образом, число безусловно бедствовавших составляло *максимум* 7,5%. В 1912 году еврейское население составляло, если мы примем во внимание гонения Селиванова и уменьшившийся естественный прирост²²⁷, *максимум* 6000 душ. 148 семей, обратившихся за помощью на Пасху, состояли из 732 душ. Всего же вместе с одинокими пользовались «Моэс Хитим» 750 человек, что составит уже 12,5% *безусловно бедствующих*.

Как бы ни был незначителен процент нуждавшихся в 80-х годах, всё же вопрос о более организованной благотворительной деятельности, по разным причинам, довольно остро стоял пред общиной, тем более что, вместе с дальнейшим ростом еврейского населения, вопросы благотворительности умножались и усложнялись. Естественно, что первым шагом к внесению планомерности и организованности в благотворительной деятельности должно было явиться учреждение какого-либо официально существующего и действующего органа с соответствующими благотворительными функциями. Но община при каждой своей попытке открыть какое-либо благотворительное общество наталкивалась

²²⁶ См. главу II, § 2.

²²⁷ Там же.

на непреодолимые препятствия со стороны администрации. Возможно, что община не с такой трогательной настойчивостью добивалась организации какого-либо благотворительного учреждения, с какой добивалась она разрешения открытия училища, результатом чего и явилось открытие благотворительного общества только в 1909 году. Но и те попытки, которые были сделаны и следы которых остались в архиве, а равно и отношение к ним администрации не лишены интереса и заслуживают того, чтобы на них остановиться.

§ 2. Попытки организации благотворительной деятельности в общине до легализации благотворительного общества

По имеющимся в синагогальном архиве данным, самая ранняя попытка оказывать помощь нуждающимся евреям в более или менее организованной форме относится к 1883 году. Бывший тогда старостой Михаил Яковлевич Домбровский обратился к совмещавшему обязанности гражданского и военного губернатора²²⁸ со следующей докладной запиской:

«Купеческая жена Татьяна Леонтьевна Каминер изъявила желание произвести денежный сбор между евреями на учреждение ссудной кассы для оказания пособия бедным евреям, проживающим в г. Иркутске, дабы по возможности уменьшить нищенство, существующее между нашими единоверцами. Находя

²²⁸ Губернатор Носович.

со своей стороны цель г-жи Каминер благою, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить означенный сбор для учреждения частной ссудной кассы для оказания вспомоществования евреям г. Иркутска».

Эта докладная записка была отправлена 23 июня, а 30-го того же месяца уже получен ответ, что «ходатайство на сбор денег, с целью учреждения ссудной кассы для оказания пособия бедным евреям г. Иркутска, по неимению в виду законных оснований, оставлено без удовлетворения».

В записке не указано, к сожалению, что собственно должна была представлять собой эта ссудная касса. Но по способу, каким она должна была организоваться, видно, что здесь шла речь о том, чтобы особым сбором сколотить небольшой капиталец, отдать его, по тогдашним традициям, в бесконтрольное распоряжение духовного правления, или вернее одного старосты с тем, чтобы последний выдавал по своему усмотрению беспроцентную ссуду.

Ходатайство о такого рода примитивной ссудной кассе соответствовало как тогдашнему общему уровню общины, так и задачам в области благотворительной деятельности, которые тогда себе община ставила. Как то следует из приведённых нами записей из книги за 1881 год, средства нужны были *преимущественно* (не считая трат на Талмуд Тору и богадельню) для оказания трудовой помощи. А для лиц, ещё способных к труду, наиболее подходящей формой помощи – при отсутствии каких-либо учреждений

взаимопомощи – является, безусловно, беспроцентная ссуда.

Насколько вообще ничтожен был процент нуждавшихся в то время среди евреев – постоянных жителей Иркутска, видно из сохранившегося отрывка предполагаемой сметы на 1882/83 год. По этой смете испрашивается «на выдачу бедным, не имеющим способности к труду и на медицинскую помощь – 200 руб.» и «для выдачи в ссуду некоторым евреям до приискания работы – 200 руб.». Кроме того, предусмотрен ещё расход в 72 рубля на годовое содержание одного «калеки». Таким образом, смета, не считая расходов на Талмуд Тору и на богадельню, и специального сбора на «Моэс Хитим», предусматривала всего расход в 472 рубля, из которых, по мнению тогдашнего правления, 200 рублей должны были быть возвращены. Следует тут же, впрочем, отметить, что в сохранившихся отчётах духовного правления мы ни разу не встретили какой-либо суммы возвращённой ссуды...

Трудно установить все причины, по которым всё более возрастала нужда в планомерной организации благотворительности. Мы можем, конечно, априорно допустить и некоторый постоянный рост числа нуждавшихся. Но главной причиной следует считать осознанную необходимость какого-либо общественного контроля над суммами, поступающими для благотворительных целей. При господствовавшей в течение долгих лет разрухе в общине, при взаимной вражде между отдельными её элементами и недоверии друг к другу, отсутствие легальной организации служило поч-

ти непреодолимым препятствием и для самого сбора денег. Насколько закоренелы были тенденции самовластия в общине, насколько все проекты реорганизации благотворительной деятельности не выходили за пределы антиобщественной мысли, что всё должно быть бесконтрольно сосредоточено в руках только двух-трёх человек, – видно из двух нижеследующих «приговоров» общего собрания общины.

4 апреля 1885 года староста духовного правления представил в городскую управу приговор об уничтожении в среде еврейского общества нищенства путём устройства ежемесячных сборов добровольных пожертвований в пользу бедных. «Деньги эти должны быть представлены в распоряжение трёх лиц²²⁹ для выдачи бедным» *по их усмотрению*²³⁰.

«Мы, нижеподписавшиеся, прихожане Иркутского Еврейского Молитвенного Дома, быв сего числа в общем собрании нас, прихожан, по общественным нашим делам, где между прочим выслушано заявление старосты нашего Молитвенного Дома о том, что ввиду многочисленности бедного люда единоверцев наших в г. Иркутске, коим необходимо давать вспомоществование, следует изыскать и ассигновать к тому какие-либо средства. Обсудив настоящее заявление старосты, мы находим его основательным и заслуживающим внимания, а потому мы все единогласно постановили: “Разрешить и разрешаем старосте... взять из сумм нашего Молитвенного Дома шестьсот рублей серебром в

²²⁹ В «приговоре» указаны эти лица.

²³⁰ Курсив наш. – *Авт.*

*полное и безотчётное своё распоряжение для разда-
чи бедным евреям г. Иркутска по своему усмотрению
в течение одного года*²³¹», о чём и составили настоя-
щее постановление».

Есть достаточно оснований для предположения, что подобные резолюции в те годы выносились не свободно собравшимися прихожанами, а искусственно составлявшимися собраниям сторонников данного старосты. И в этом смысле подобные резолюции характерны раньше всего для уяснения того распада, который царил в эти годы в общине, накануне уже известной читателю борьбы между «ангарщиной» и «купечеством». Но и для характеристики благотворительной деятельности общины и для определения размеров нужды, царившей в ней, остаётся существенно важным тот факт, что для удовлетворения нужд в этой области достаточно было «600 руб. серебром».

Во всех приведённых нами ходатайствах и в постановлениях нет указания на причины, вызвавшие рост нужды, и не видно также стремления придать делу благотворительности строго общественный характер. Тем ярче выделяется на фоне этих бессодержательных и антиобщественных постановлений и ходатайств записка демократического общинника, уже знакомого читателю, старосты Б.Л. Горфина.

Приведём эту записку, поданную в 1889 году в иркутское губернское правление, дословно:

²³¹ Курсив наш. — Авт.

«После случившегося в Иркутске в 1879 г. общего пожара и с возобновлением построек поднялись заработки по всем отраслям торговли и промышленности, что вызвало наплыв народа со всех сторон, в том числе и евреев, из которых многие, с окончанием работ и минованием заработков, лишились средств к жизни и, не будучи в состоянии с семьями выбраться из города, пали бременем на коренное (!) население евреев г. Иркутска. Часть из них обратилась за мирским подаянием и целыми партиями нищенствует между евреями; другие же, не будучи в состоянии протягивать руку за подаянием, положительно умирают с голоду, холоду...

Особенно подавляюще действовало зло в настоящее время, когда болезнь свирепствует в городе, и несчастные бедняки целыми семьями валяются, лишённые самых необходимых жизненных принадлежностей, и Молитвенный Дом, при отсутствии благотворительного учреждения евреев, не имеет никакой возможности прийти к ним на помощь. Меж тем, ст. 982 т. IX Зак. о сост. (изд. 1876 г.) предписывает еврейским городским и сельским условиям, наравне с обществами других вероисповеданий, иметь попечение о призрении престарелых, увечных и больных своих единоверцев и пеших об устранении нищенства среди своих членов, учреждая заведения, в коих бедные могли бы находить работу и содержание.

Устранение нищенства, поддержание больных и содействие некоторым выбраться из города может быть

достигнуто мерами, практикующимися уже в других городах, как, например, в Томске, где указом Томского губернского правления от 30 июня 1886 г. разрешено Томскому Духовному Правлению производить сбор и раздачу пособий неимущим евреям, и с 16 июля того же года Духовное Правление начало свои действия, устранило нищенство и поддержало многие семейства.

Находя меры эти крайне необходимыми для достижения требований ст. 982 IX и между евреями Иркутска, я покорнейше прошу Иркутское губернское правление разрешить Иркутскому Еврейскому Молитвенному Дому собирать добровольные пожертвования в пользу бедных и больных евреев г. Иркутска и раздачу им пособий с публикацией отчётов в «Иркутских губернских ведомостях» с поименованием жертвователей и лиц, коим будут выдаваться пособия».

Можно, конечно, допустить, что «целые партии нищенствующих среди евреев г. Иркутска» и «положительно умирающие с голоду и холоду» в это время видны были только автору поданного заявления. Отчасти мы имеем здесь дело с теми «преувеличениями» в писаниях этого старосты, с которыми мы уже встречались, как с результатом его темперамента и настроений²³², а с другой стороны, можно усмотреть и естественное стремление хоть чем-нибудь «прошибить» тех, от кого зависело удовлетворение возбуждённого ходатайства.

²³² См. главу V, § 7.

Тем не менее вполне правдоподобен самый факт увеличения бедноты среди евреев Иркутска в это время, и вполне справедливы те причины этого явления, которые указываются в этой записке. Но несмотря на всю её обоснованность, несмотря на то, что крайне нелепо отказывать иркутским евреям в том, что было уже, за три года до этого, разрешено евреям в Томске, всё же эта нелепость была совершена и в ходатайстве было отказано.

При крайне обострённых отношениях, существовавших тогда в общине, при полном отказе «именитого купечества» участвовать во всех её делах, эта неудача была особенно чувствительна. Общинная организация почти распалась, каждый действовал на свой риск и страх, собирал средства – где и как хотел и раздавал их также по своему усмотрению. Эта установившаяся анархия была, понятно, ещё хуже, чем деспотическое управление всех предшествовавших старост. Для характеристики этой анархии в деле исключительно благотворительности у нас имеется любопытный документ. Это «расчёт» одного «мойеля»²³³, бывшего николаевского солдата, представленный им по требованию многих общинников в молитвенный дом. На семейных торжествах, по случаю совершения обряда обрезания, он ставил тарелку для сбора денег бедным. Когда появились недовольные безотчётностью в собранных им деньгах, он представил расчёт, из которого видно, что всего им было собрано 915 рублей 50 коп. (в том чис-

²³³ Религиозный оператор, совершающий обряд обрезания.

ле 263 рубля, полученные от концерта, устроенного в его доме). Из этих денег он раздал разным лицам без возврата 282 рубля 58 коп., а остальную сумму раздал взаимобразно разным лицам, от которых ничего не получил обратно.

Некоторое изменение в области благотворительной деятельности общины произошло со времени вступления в управление краем генерал-губернатора Горемыкина. С одной стороны, посыпавшиеся удары на евреев и общину, как мы уже констатировали, отодвинули на задний план внутриобщинную борьбу, а с другой – избрание старосты из среды «именитого купечества» вновь увеличило приток средств²³⁴. Несмотря на явное стремление нового старосты к «диктатуре», он всё же не мог самолично справиться со всеми теми бедами, которые приносили собою циркуляры Горемыкина, и для удовлетворения тех нужд, которые были вызваны выселениями, образовался особый комитет, собиравший и распределявший средства. Существовал он без всякой санкции власти, ибо жизнь сильнее и властнее самого жёсткого циркуляра. Но, помимо сбора этих специальных средств на дорогу выселяемым евреям, нужны были и средства для удовлетворения возраставшей нужды среди евреев, остававшихся в Иркутске. А нужда в это время возросла, ибо разорялись не только те, которых выселяли, но часто и те, которых оставляли. В это время острее, конечно, чем когда-либо чувствовалась потребность в какой-либо организации благо-

²³⁴ См. главу V, § 7.

творительной деятельности. Но о ней никто и не дер-зал выступить с соответствующим ходатайством пред генерал-губернатором, преследовавшим и закрывшим несчастную Талмуд Тору и запретившим даже концерт в пользу бедных детей и сирот. Поступавшими сред-ствами по-старому самолично распоряжался староста при содействии своего приближённого, синагогаль-ного писаря. Правда, печатались ежегодные отчёты, но они далеко не заключали в себе всех поступавших сумм для нужд благотворительности. Много раздавали и без всяких записей. В отчёты молитвенного дома мог-ли заноситься только суммы, официально туда посту-павшие. Но и эти отчёты достаточно ясно показывают рост нужды. Так, например, в 1892 году израсходовано только на выдачу бедным, получавшим ежемесячные и единовременные пособия – 1841 рубль, в 1893 году столько же, в 1894 году – 2383 рубля. Если принять во внимание, что в эти же годы тратилось на содержание сирот и стариков в среднем 3500 рублей, 1500 рублей на помощь к Пасхе, особые суммы раздавались уезжав-шим и выселяемым, и что наконец месячные и едино-временные пособия выдавались в сумме гораздо боль-шей, чем то могло быть указано в отчёте, – мы получим ясное представление о том увеличении размеров нуж-ды в общине, которое принесла собою эпоха Горемы-кина. Ведь только семь лет назад на помощь бедным староста испрашивал у собрания прихожан всего «600 руб. серебром»...

Нет поэтому ничего удивительного в том, что из-бранное, по настоянию же Горемыкина, хозяйственное

правление взамен духовного в первый же год своего существования обратилось к губернатору с ходатайством о разрешении открыть в Иркутске еврейское благотворительное общество. Губернатор представил это ходатайство Горемыкину, а последний не преминул, конечно, отклонить его по двум следующим основаниям:

1) существующее в Иркутске благотворительное общество простирает свою деятельность и на лиц нехристианского вероисповедания;

2) вновь создаваемое еврейское благотворительное общество отвлечёт средства у существующего.

Упомянутое ходатайство было возбуждено в 1896 году и в том же году, по указанным мотивам, было отклонено. Но «в видах облегчения порядка образования обществ пособия бедным, Министерством Внутренних Дел 10-го июня 1897 г. был утверждён примерный устав для подобных обществ, причём Губернским Начальствам было предоставлено разрешать своею властью учреждение сказанных обществ, на точном основании указанного примерно устава».

Этим новым «облегчением» решили воспользоваться учредители еврейского благотворительного общества в Иркутске, и в 1898 году вновь возбудили перед губернатором соответствующее ходатайство, с каковой целью ими было подано следующее прошение:

«Основываясь на циркуляре хоз. департамента Мин. Вн. Дел Губернаторам от 16 июля 97 г. за №5398, мы, нижеподписавшиеся, учредители Общества пособия бедным евреям в Иркутске, в руководство своей деятельности приняли примерный устав обществ по-

собия бедным, выработанный хозяйств. деп. М.В.Д. и утверждённый Е.В. Пр. М.В.Д., и в настоящее время имеем честь ходатайствовать перед Вашим превосходительством об утверждении прилагаемого устава.

Г-н Иркутский Ген.-Губ. в своём предложении к Вашему Превосходительству от 25 октября 96 года за №5504 указывает только на 2 основания, в силу которых Е.В. Пр. не счёл возможным ходатайствовать перед Мин. Вн. Дел об утверждении Ирк. Евр. благотворительного общества.

Первое основание то, что существующее в Иркутске благотворительное общество простирает свою деятельность и на лиц нехристианского вероисповедания, если они обращаются за помощью. Но дело в том, что далеко не за всякого рода помощью может обращаться бедняк еврей в названное общество. Так, напр., старики, хроники, нуждающиеся в постоянном приюте и призоре, не могут вступать в существующую богадельню в силу религиозного мотива, позволяющего им употреблять только известную пищу.

Второе соображение Е.В. Пр. состоит в опасении того, что вновь созданное благотворительное общество отвлечёт средства у существующего. Но интересы благотворительного общества не могут пострадать в силу того обстоятельства, что фактически уже много лет органы благотворения в Ирк. раздроблены, и бедные евреи пользуются помощью только от евреев, но только помощью бесконтрольной и неурегулированной. Существующий обычай хождения бедных евреев по домам накануне праздников, кроме опасности в

отношении занесения заразы, имеет ещё ту отрицательную сторону, что помощь оказывается неизвестно кому и в совершенно случайных размерах, так что эксплуатация и обман должны непременно иметь здесь место. Таким бессистемным и бесконтрольным путём еврейское население раздаёт в год по крайней мере 5 – 6 тысяч рублей, таким образом существование общества пособия бедным евр. в Иркутске не отвлекло бы чужих средств вообще и благотв. общ. в частности, а только урегулировало бы и поставило под контроль раздачу имеющихся».

Из приведённого текста прошения видно, что учредители общества, несмотря на объявленное облегчение, были настроены довольно скептически, иначе они не вернулись бы в своём новом прошении, поданном уже после издания циркуляра хозяйственного департамента, к тем мотивам, которые послужили основанием для Горемыкина в отклонении аналогичного ходатайства, возбуждённого ими в 1896 году. И надо отдать справедливость учредителям еврейского благотворительного общества в Иркутске – они прекрасно знали генерал-губернатора Горемыкина. Их скептицизм – увы! – оправдался. Поданное прошение было отправлено губернатором Горемыкину, а последний, по рассмотрении возбуждённого ходатайства, преподал губернатору в письменном виде нижеследующие свои «заключения»:

«Ваше Превосходительство представили на моё усмотрение ходатайство нескольких лиц, желающих учредить Общество пособия бедным евреям г. Иркут-

ска, применительно к примерному уставу подобных Обществ, утверждённому Министром Внутренних Дел.

Просители мотивируют своё ходатайство об утверждении отдельного еврейского благотворительного общества тем обстоятельством, что пользование некоторыми видами помощи, оказываемой существующими обществами пособий бедным, недоступно для евреев в виду религиозной обособленности последних. Поэтому помощь бедным евреям оказывается в настоящее время евреями же, но, не будучи урегулированной, помощь эта не достигает желательной цели.

Производившейся в моей канцелярии перепиской по вопросу об учреждении общества пособия бедным евреям выяснено, что, хотя уставом существующего в Иркутске благотворительного общества, оказание помощи иноверцам не возбраняется, но фактически евреи этой помощью по различным причинам не пользуются.

Ввиду изложенного, я, со своей стороны, признаю возможным препроводить на утверждение Министерства представленный мне Вами устав учреждаемого Общества, но не иначе как со сделанными в нём, по моим указаниям, исправлениями, основания которых сводятся к следующему:

I. Существующее в Иркутске благотворительное общество имеет целью оказание помощи бедным без различия вероисповедания, почему и членами его вполне справедливо могут быть лица всех вероисповеданий, и сборы в пользу этого общества могут производиться дозволенными средствами повсеместно. Проектируемое же к учреждению общество имеет целью

помогать бедным одного иудейского вероисповедания, почему и средства общества должны состояться из взносов и пожертвований лиц только того же вероисповедания. Согласно этому, членами учреждаемого общества могут быть только евреи, которых исключительно можно приглашать и к пожертвованиям. На том же основании всякого рода общие сборы в пользу этого общества по подписным листам и путём устройства лотерей, спектаклей, концертов и т. п. не должны быть допускаемы; кружечный же сбор может производиться только в еврейских молитвенных домах.

Приведённые положения согласуются вполне и с желанием учредителей общества, мотивирующих своё ходатайство, как выше было указано, необходимостью урегулирования оказываемой евреями своим единоверцам помощи.

II. Религиозная обособленность евреев, а также особое отношение к ним законодательства, побуждают подчинить действия еврейского благотворительного общества, в некоторых отношениях, более строгому, сравнительно, контролю²³⁵, почему все общие правила и инструкции, издаваемые правлением общества, могут быть приводимы в действие не иначе, как по предварительном одобрении их губернской администрацией.

III. При перечислении способов оказания помощи бедным в проектированном уставе неосновательно пропущен указанный в примерном уставе пункт,

²³⁵ Курсив наш. — Авт.

определяющий выдачу пособия для возвращения на родину, что в Сибири представляется более необходимым, чем где-либо²³⁶.

Об изложенном имею честь уведомить Ваше Превосходительство, прося распоряжения о предъявлении исправленного устава просителям для представления ими отзыва, желают ли они утверждения устава со сделанными в нём изменениями. В утвердительном случае просители имеют представить вновь переписанный по исправленному проект устава, возвратив и присланный при сём».

Приведённые нами «замечания» генерал-губернатора Горемыкина на представленный ему устав еврейского благотворительного общества настолько характерны, что в каких-либо комментариях с нашей стороны не нуждаются.

Учредители названного общества не преминули пойти навстречу всем требованиям генерал-губернатора. И всё же устав не был представлен на утверждение соответствующего министерства. Можно было бы безнадежно теряться в догадках о причинах такой непоследовательности, если бы в наших руках не был «конфиденциальный» документ, разосланный в том же 1898 году Министерством внутренних дел всем местным центральным властям в качестве комментария к предоставленному им в 1897 году праву своей властью разрешать общества пособия бедным. Вот подлинное содержание этого «конфиденциального» документа:

²³⁶ Курсив наш. — Авт.

«В видах облегчения порядка образования обществ пособия бедным, Министерством Внутренних Дел 10 июня минувшего года утверждён примерный устав для подобных обществ, причём Губернским начальством было предоставлено разрешать своею властью учреждение сказанных обществ, на точном основании указанного примерного устава.

Вместе с тем Министерство, подстрочным примечанием к § 1 упомянутого устава, допускало возникновение в особых случаях также и обществ с более узкою целью, напр., для пособия лицам одного и того же пола или одного вероисповедания. На этом основании, в последнее время возникло значительное число новых благотворительных обществ, преследующих цели помощи бедным, как для всех национальностей и вероисповеданий, так и специально бедным одной национальности и одного вероисповедания. В числе обществ с сим последним характером в последнее время весьма часто встречаются специально еврейские общества, т. е. общества, не только имеющие целью оказание помощи исключительно евреям, но и в состав коих могут входить лица только еврейского исповедания. *Такие еврейские общества, будучи допущены в местностях, не входящих в черту еврейской оседлости, в которых еврейское население относительно невелико, способствуют, как выяснено практикой, обособлению его и отдалению от остального русского населения.*

В виду таких выяснившихся результатов свободного открытия помянутых обществ, Его Высоко-

*превосходительство Господин Министр Внутренних Дел признал дальнейшее открытие специально еврейских благотворительных обществ, вне черты еврейской оседлости, не соответствующим видам Правительства и государственным интересам, о чём хозяйственный департамент имеет честь уведомить Ваше Превосходительство для зависящих распоряжений*²³⁷.

К сему, однако, департамент долгом считает присокупить, что если бы имеющие по закону право проживания вне черты еврейской оседлости евреи пожелали образовать, на точном основании сказанного примерного устава, благотворительное общество, без наименования его еврейским, с целью оказания помощи лицам всех национальностей и вероисповеданий и состоящее, равным образом, из лиц всех национальностей и вероисповеданий, то к сему со стороны Министерства Внутренних Дел не встречается препятствий».

Настоящая «конфиденциальная» записка является, таким образом, своеобразным дополнением к «подстрочному примечанию» § 1 нормального устава благотворительных обществ, выработанного хозяйственным департаментом при Министерстве внутренних дел. Мы не знаем, сколько еврейских благотворительных обществ возникло «в местностях, не входящих в черту оседлости» за год, прошедший от издания нормального устава до появления в свет приведённой за-

²³⁷ Курсив везде наш. — Авт.

писки. Но, очевидно, министерство не на шутку было обеспокоено возможным «обособлением» еврейского населения, если оно наделило всех начальников губерний подобной запиской.

Генерал-губернатор Горемыкин имел все основания для торжества. Хозяйственный департамент повторил все те доводы против разрешения еврейских благотворительных обществ, которые он сам изложил в своём первом мотивированном отказе²³⁸ за три года до появления «конфиденциальной» записки. Опираясь на неё, Горемыкин со спокойной совестью положил под сукно исправленный учредителями, согласно его замечаниям, устав, а еврейское общество вновь вынуждено было продолжать свою «нелегальную» деятельность по сбору пожертвований среди своих единоверцев для оказания помощи беднякам, калекам и нищим.

В течение последующих десяти лет нужда в устройстве благотворительного общества ощущалась среди евреев всё сильнее и сильнее. Город переживал торговый кризис, в низших слоях населения разрасталась нищета. Но возобновлять ходатайство не имело никакого смысла.

С избранием хозяйственного правления к последнему, как к единственно официально существовавшему органу общины, перешло руководство всеми общинными делами, в том числе и благотворительными. При хозяйственном правлении образовался особый дамский кружок, приводивший в исполнение все по-

²³⁸ См. выше.

становления, вырабатывавшиеся на совместных заседаниях. Как ни улучшалась постановка благотворительной деятельности при хозяйственном правлении, в сравнении с предыдущей эпохой, но всё же – при отсутствии возможности действовать открыто, при отсутствии специальной организации – община вынуждена была придерживаться раз и навсегда установленных приёмов и форм. Отчётность также нельзя было вести, что лишает нас возможности проследить изменения в экономическом положении беднейших слоёв еврейского населения в Иркутске до открытия легального благотворительного общества, последовавшего лишь в январе 1909 года.

Обратимся к деятельности этого общества.

§ 3. Современная благотворительная деятельность иркутской общины

Ровно десять лет спустя после первой своей неудачи хозяйственное правление – уже, конечно, в новом составе – снова обратилось к иркутскому губернатору за разрешением на открытие благотворительного общества, на основании закона 4 марта 1906 года, приложив к ходатайству всё тот же «нормальный устав». И хотя, как сказано в первом отчёте общества, прошение возвращалось несколько раз по причинам формального свойства, но всё же общество получило наконец утверждение в январе 1909 года под названием «Иркутское благотворительное общество пособия бедным евреям».

12 апреля 1909 года состоялось учредительное собрание общества, на котором было избрано правление в составе 12 лиц.

С лета началась правильная деятельность общества.

Открытие общества не внесло ничего нового по существу в благотворительную деятельность общины. Существенным результатом является только определённая планомерность и организованность как в собирании и распределении средств, так и возможность существования подробной отчётности.

Для открытия деятельности общества, когда делами благотворительности заведовало хозяйственное правление совместно с неофициально действовавшим комитетом сотрудников и сотрудниц, благотворительная деятельность сводилась к оказанию помощи в следующих формах: а) ежемесячные пособия, б) единовременная помощь, в) беспроцентная ссуда, г) содержание детей-сирот, д) содержание богадельни, е) выдача лекарств бедным.

Те же функции сохранило и благотворительное общество, причём выдачей беспроцентных ссуд до 1913 года ведало хозяйственное правление.

Раньше, чем познакомиться с деятельностью общества, посмотрим, как и из каких источников оно черпает свои доходы.

Главным источником средств общества являются членские взносы. Они колеблются от 6 до 150 рублей в год.

В 1909 году общество получило от 249 членов общую сумму взносов – 3947 рублей; в 1910 году от 202 членов

в кассу поступило 3454 рубля 25 коп.; в 1911 году от 208 членов – 3499 рублей; в 1912 году от 206 членов – 3377 рублей; в 1913 году от 175 членов – 2950 рублей и, наконец, в 1914 году от 210 членов – 2947 рублей.

Приведённые нами цифры показывают как падение числа членов общества, так и сумм членских взносов. Но отсутствие роста числа членов и суммы членских взносов не может служить показателем малой жизнеспособности общества. Сам характер деятельности современных благотворительных обществ, не одухотворённых никакими «идеалами будущего», ставит определённые преграды их развитию. Еврейское благотворительное общество в Иркутске с первого года охватило все те – более или менее – самостоятельные слои иркутского еврейства, которые всегда в той или иной форме принимали участие в общинной жизни. Но руководителям этого общества не удавалось, несмотря на неоднократные попытки, расширить круг своих членов и увеличить их взносы.

Число членов в благотворительном обществе – при неизбежном характере его деятельности – могло бы лишь увеличиваться вместе с ростом еврейской общины в городе. Но рост общины наталкивается на непреодолимые законодательные препятствия. Что касается общей суммы поступающих членских взносов, то общие собрания членов благотворительного общества, исчерпав безрезультатно все доступные для них средства к увеличению поступлений, путём привлечения новых членов, неоднократно останавливались на необходимости увеличить сам размер член-

ского взноса. Но эти попытки ни к чему не приводили. Так, в 1911 году, на общем собрании было отвергнуто предложение председателя об увеличении членского взноса на 10% на том основании, что в городе кризис и вряд ли члены благотворительного общества согласятся на такое увеличение. В действительности, конечно, эта мотивировка вряд ли была серьёзна, если принять во внимание, что членами благотворительного о-ва состоят преимущественно самые зажиточные элементы еврейского населения. В 1911 году общее экономическое положение было ничем не хуже, чем в 1914 году. И всё же, начиная с октября 1914 года, еврейская община, помимо всех своих взносов на местные благотворительные учреждения, собирает ежемесячно по 1000 рублей для помощи евреям-беженцам²³⁹. И эта сумма будет, быть может, и утроена, когда стоящие во главе общины найдут средства к привлечению более широких кругов еврейского населения, всё ещё стоящих вдали от общественных дел.

С ликвидацией эпохи Селиванова, с окончанием облав и выселений социальная структура общины не изменяется. Собираемых средств хватает, чтобы кое-как помочь беднейшим слоям. И у общины нет серьёзных импульсов к улучшению и расширению благотворительной деятельности.

²³⁹ С лета 1915 г. этот сбор достигает уже 2000 руб., из которых 1000 руб. отсылается ежемесячно Петроградскому еврейскому Комитету помощи жертвам войны, 300 руб. центральному комитету Общества охранения здоровья еврейского населения для содержания очага на 50 детей-беженцев имени иркутской общины, а остальная сумма тратится на нужды беженцев, прибывающих в Иркутск.

Помимо членских взносов благотворительное общество черпает свои доходы от постановки спектаклей, иллюзиона, кружечного сбора²⁴⁰, пособий от хозяйственного правления и комитета по управлению кладбищами.

Нижеследующая табличка даёт более полную картину источников средств, которыми располагает общество.

	1909 г.		1910 г.		1911 г.		1912 г.		1913 г.		1914 г.	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Членские взносы	3947	—	3457	25	3499	—	3377	25	2050	—	2947	—
Кружечный сбор	—	—	354	36	511	—	519	03	702	43	718	03
От спектаклей и т. п.	—	—	1203	15	1091	50	1479	34	1294	25	1495	44
От хоз. прав. молитв. дома	150	—	650	—	500	—	500	—	400	—	400	—
От комитета по управл.-ю кладбищами	—	—	600	—	700	—	600	—	600	—	600	—
От разных лиц	698	95	700	60	813	74	785	25	534	27	718	41
Доход от дома, завещанного Маркевичем	527	59	400	—	227	60	—	—	294	45	256	15
Процент на капитал	—	—	122	36	124	17	159	69	510	85	579	63
Итого	5323	54	7484	72	7469	01	7420	56	6386	25	7714	71

²⁴⁰ Кружки вывешены в еврейских домах. Кружечный сбор введён в 1910 г. Всего поставлено 170 кружек. Ясно, что число их может быть значительно увеличено.

Приведённая таблица ясно указывает нам, с одной стороны, непрерывное падение общей суммы членских взносов, а с другой – рост, хоть и с некоторыми колебаниями, общей суммы поступлений. Любопытно, что две графы дохода дают постоянное увеличение: кружечный сбор и процент на капитал. Увеличение в последней графе объясняется тем, что ко времени своего открытия общество имело в своём распоряжении доходы только от одного старейшего в общине пожертвования (дом, пожертвованный в 1890 году П.Я. Маркевичем), а начиная с 1913 года благотворительное общество получает 300 рублей ежегодно, процент на капитал, пожертвованный С.С. Кальмеером. В 1914 году общество получило ещё специальное пожертвование в 5000 рублей; проценты на этот капитал идут на содержание сирот.

Обратимся к деятельности общества.

На первом месте, по количеству затрачиваемых средств, следует поставить *ежемесячные пособия*.

Постоянной помощью пользуются, главным образом, хронические больные, старики, вдовы, сироты и покинутые родителями дети. Ежемесячные пособия выдавались:

В 1909 году	55 лицам	2522 руб. 50 коп.
В 1910 году	53 лицам	2486 руб. 50 коп.
В 1911 году	59 лицам	2954 руб. 50 коп.
В 1912 году	68 лицам	2969 руб. — коп.
В 1913 году	71 лицу	2903 руб. 40 коп.
В 1914 году	66 лицам	2926 руб. 50 коп.

Несмотря на то, что ежемесячные пособия выдаются лицам, впадшим в нищенство, размер этих пособий ничтожен и колеблется от 1 до 25 рублей в месяц. Следующая таблица покажет нам, каков преимущественный размер ежемесячного пособия.

1909 г.				1910 г.				1911 г.			
Число лиц	Размер пособия	Всего на сумму		Число лиц	Размер пособия	Всего на сумму		Число лиц	Размер пособия	Всего на сумму	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7	2	105	50	7	2	126	—	4	2	74	—
13	3	347	50	10	3	236	—	12	3	369	50
5	4	235	—	7	4	228	—	7	4	356	—
13	5	596	50	13	5	669	50	13	5	618	—
8	6	444	—	9	6	516	—	9	6	546	—
2	7	168	—	2	7	168	—	4	7	252	—
3	8	202	—	2	8	159	—	5	8	213	—
4	10	424	—	2	10	240	—	3	10	250	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	11	132	—
—	—	—	—	1	12	144	—	1	12	144	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
55		2522	50	53	—	2486	50	59	—	2954	50
2	1	17	—	2	1	18	—	1	1	11	—
4	2	82	—	6	2	96	50	3	2	56	—
13	3	361	—	16	3	344	—	15	3	309	—
9	4	310	—	8	4	323	—	9	4	410	—
14	5	660	—	18	5	655	—	14	5	615	—
9	6	404	—	5	6	314	—	7	6	360	—

1912 г.				1913 г.				1914 г.			
Число лиц	Размер пособия	Всего на сумму		Число лиц	Размер пособия	Всего на сумму		Число лиц	Размер пособия	Всего на сумму	
5	7	245	—	4	7	272	90	1	7	84	—
6	8	350	—	8	8	451	—	10	8	561	—
4	10	346	—	3	10	305	—	5	10	358	—
1	11	87	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	12	104	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	25	124	—	1	25	162	50
68		2966	—	71	—	2903	40	66	—	2926	50

Из приведённой таблицы, между прочим, явствует, что наибольшее число лиц получает по 3 рубля. Большие выдачи редки. Ежемесячное пособие в 25 рублей выдавалось в 1913 и 1914 годах семье в 5 душ, оставшейся без отца и матери.

Каково материальное положение лиц, обращающихся за ежемесячным пособием, видно из нижеследующих таблиц, показывающих, по каким причинам эти пособия выдавались.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	1909 г.			1910 г.			1911 г.		
	Число семей	Общее колич. детей	Всего на сумму	Число семей	Общее колич. детей	Всего на сумму	Число семей	Общее колич. детей	Всего на сумму
Глава страдает хронич. болез.	8	12	238	10	25	284	9	21	360
Недостаточных	7	28	249	7	21	108	5	17	264

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	1909 г.			1910 г.			1911 г.		
	Число семей	Общее колич. детей	Всего на сумму	Число семей	Общее колич. детей	Всего на сумму	Число семей	Общее колич. детей	Всего на сумму
Вдовы и покинувшие мужьями	10	69	992	19	53	1060	23	72	1356
Старики и старухи (в возрасте от 60—95)	13	—	479	12	—	597	15	—	467
Сироты и оставленные родителями	13	—	563	5	9	437	7	14	498

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	1912 г.			1913 г.			1914 г.		
	Число семей	Общее колич. детей	Всего на сумму	Число семей	Общее колич. детей	Всего на сумму	Число семей	Общее колич. детей	Всего на сумму
Глава страдает хронич. болез.	9	7	330	8	16	354	13	*241	613
Недостаточных	8	22	242	10	30	173	2	—	93
Вдовы и покинувшие мужьями	26	69	1246	22	76	1011	23	—	1080
Старики и старухи (в возрасте от 60—95)	13	—	555	23	—	575	15	—	363
Сироты и оставленные родителями	12	—	592	8	18	789	19	—	776

Наибольшая сумма ежемесячных выдач, как видно из таблицы, идёт в течение всех лет на обеспечение вдов и покинутых мужьями; следующая по величине

сумма идёт на содержание сирот и детей, брошенных родителями. Самая меньшая сумма уходит на вспомоществование довольно неопределённой группе «недостаточных».

Чтобы не возвращаться больше к «ежемесячным пособиям», остановимся ещё на содержании сирот. До октября 1914 года дети-сироты оставались на «полный пансион», причём общество платило по 8 рублей в месяц за каждого ребёнка. Нетрудно себе представить, в каких условиях жил и рос такой ребёнок. В большинстве случаев брали этих детей те же пенсионеры благотворительного общества, которые умудрялись и на этих 8 рублях кое-что заработать. С октября 1914 года открыто общежитие для детей, с разрешения губернатора. В нём содержится 10 человек детей, в возрасте от 8 до 13 лет. Оно обладает уже двумя пожертвованными суммами в 5000 и 3000 рублей. Проценты с этих двух капиталов идут на содержание детей. Все дети в школьном возрасте учатся в еврейском училище; неспособные к учению будут отдаваться для обучения ремеслу.

За 3 месяца 1914 года общество издержало на наём помещения и содержание сирот – 469 рублей, из коих 181 рубль были специально для этой цели пожертвованы. В настоящем году, кроме кухарки, приглашена ещё надзирательница. Трудно, конечно, переоценить значение устройства этого общежития, в особенности по сравнению с отдачей детей в беднейшие семьи,

²⁴¹ В отчёте общества за этот год не указано количество детей.

которые часто в восьмирублёвой плате видели новый источник дохода.

Обратимся к *единовременным пособиям*.

Кому выдаются эти, преимущественно, случайные пособия?

В своих отчётах правление общества различает три категории лиц, получающих единовременные пособия. Из них только две являются вполне определёнными: 1) больные, 2) отъезжающие и проезжие. Третья категория не поддаётся точному определению и потому во всех отчётах значится под рубрикой получивших по разным причинам.

По годам единовременные пособия распределяются следующим образом:

Годы	Количество лиц	Всего на сумму	
1909	259	1225	50
1910	338	1249	30
1911	341	936	95
1912	306	863	—
1913	182	901	65
1914	190	912	05

Размеры единовременного пособия, выданного одному лицу, колебались от 50 коп. до 45 рублей. Но не надо думать, что такое пособие в 45 рублей выдавалось сразу. Так, например, в 1914 году максимальное единовременное пособие равнялось десяти рублям. Но одно такое лицо обращалось за единовременной помощью несколько раз и в общем

получило 48 рублей. Бывали случаи, когда одно и то же лицо обращалось в течение года по 8 – 9 раз. По этому поводу правление общества в отчёте за 1913 год замечает: «...может показаться странным “единовременная помощь”, выданная 9 раз в году, но это так. Бывают случаи, когда человек работоспособный, в силу случайных обстоятельств, впадает в нужду. Общество его поддерживает некоторое время, иногда даже и месячными пособиями, не записывая в рубрику постоянной помощи...». «Правильнее, – сказано далее в отчёте. – Было бы назвать такую помощь не единовременной, а временной. Но общество в своей отчётности такой рубрики не установило». По этому же вопросу в отчёте за 1914 год сказано, что комиссия, ведающая выдачей пособий, неохотно включает просителей в рубрику постоянных, ежемесячных пенсионеров; она поддерживает «единовременными пособиями» иногда и довольно продолжительное время, принимая одновременно меры к возвращению такого лица или такой семьи к трудовой жизни. Все лица, получающие такого рода «единовременную помощь», отнесены в отчётах благотворительного общества к третьей категории, т. е. к разряду лиц, получающих «по разным причинам». Теперь понятно, почему нижеследующая таблица покажет нам, что на эту категорию лиц, в последние два года, падает большая сумма, чем по двум другим категориям. Ведь этим лицам часто выдают на торговлю, на обзаведение мастерской и т. д.

Распределение единовременных пособий

	1909 г.				1910 г.				1911 г.						
	Число лиц	Общая сумма	Средний размер		Число лиц	Общая сумма	Средний размер		Число лиц	Общая сумма	Средний размер				
Больным	51	139	55	2	73	70	169	20	2	42	78	236	25	3	03
Уезжающим	88	698	40	7	93	104	620	25	6	—	77	230	50	3	—
По разным причинам	120	387	75	3	23	164	459	85	2	80	186	470	20	2	53
	1912 г.				1913 г.				1914 г.						
	Число лиц	Общая сумма	Средний размер		Число лиц	Общая сумма	Средний размер		Число лиц	Общая сумма	Средний размер				
Больным	62	139	50	2	25	35	234	10	6	40	50	153	75	3	04
Уезжающим	50	187	50	3	75	83	213	80	2	57	59	217	50	3	40
По разным причинам	194	536	—	2	07	64	453	75	7	09	75	540	80	7	21

Приведённая таблица указывает, что сумма, выдающаяся по разным причинам, увеличилась на счёте суммы, выдававшейся уезжающим. Это понятно. Общество начало функционировать в 1909 году, году расцвета деятельности Селиванова. Естественно, что первым делом оно натолкнулось на необходимость помогать *выселяемым*. Так, в 1909 году, из группы уезжающих 34 выселяемым было выдано 525 рублей, в 1910 году 38 выселяемым – 374 рубля, в 1911 году 10 выселяемым – 57 рублей.

С 1912 года в отчётах нет уже отдельного упоминания о выселяемых.

Вот что, между прочим, говорится в первом отчёте благотворительного общества за 1909 год по поводу помощи выселяемым:

«В большинстве случаев выселяемые были обременены малолетними детьми. На месте они кое-как сводили концы с концами.

Но когда пришлось двинуться в путь, обойтись без посторонней помощи эти семьи не могли. Нужда была настолько велика, что многие арестовывались, чтобы идти по этапу, правление же не смело и мечтать о том, чтобы выдавать на билеты, для чего потребовались бы огромные суммы, так как большинству предстояла дорога в черту оседлости, а некоторые и совсем покидали Россию.

Приходилось ограничиваться выдачей одежды и небольшой суммы на пропитание в пути. Самый большой размер пособия, выданного на выезд, равнялся 27 рублям...».

Богадельня, находящаяся в ведении благотворительного общества, содержится наполовину за счёт специальных пожертвований и на пособие, выдаваемое комитетом по управлению кладбищами (600 рублей в год), наполовину за счёт сумм, собираемых обществом.

Дом призрения помещается в каменном здании, построенном на месте, пожертвованном некогда Я.С. Домбровским и братьями Лейбович под Талмуд Тору. Возведено это здание в 1904 году, по особому разрешению губернатора, частью на средства, пожертвованные четырьмя общинниками (всего 7000 рублей), частью на средства, пожертвованные молитвенным домом и комитетом по управлению кладбищами. Всего это здание обошлось в 20 000 рублей.

Число призываемых в нём колеблется от 12 до 20 человек. На содержание богадельни истрачено в 1909 году – 1777 рублей; 1910 году – 2001 рубль; 1911 году – 2026 рублей; 1912 году – 1847 рублей; 1913 году – 1875 рублей; 1914 году – 1823 рубля. Содержание одно призываемого обходится в среднем в 10 рублей в месяц.

С 1910 года общество приняло на себя *снабжение одеждой и обувью учащихся еврейского бесплатного училища*. Местное население отнеслось сочувственно к этому делу, и в правление поступали довольно значительные суммы специально на этот вид помощи. Благодаря этому, в 1910 году Общество выдало учащимся детям 38 пар обуви, 63 пары валенок и 30 шуб; в 1911 году – 59 пар обуви, 69 пар валенок и 25 шуб.

В 1912 году Общество передало снабжение учащихся одеждой в руки администрации школы.

На снабжение учащихся одеждой и обувью общество израсходовало в 1910 году 506 рублей 30 коп. (из них 338 рублей 60 коп. специальных пожертвований), в 1911 году – 402 рубля 75 коп. (из них 326 рублей 60 коп. специальных пожертвований).

В 1912 и в 1913 годах Общество выдало на снабжение учащихся платьем субсидию в 100 рублей школьной администрации.

Врачебную помощь Общество оказывает в форме бесплатной выдачи лекарств по рецептам врачей. На этот вид помощи расходуется около 200 рублей ежегодно. Общество приняло меры и к тому, чтобы организовать бесплатную врачебную помощь беднякам на дому. Но оказалось, что в Иркутске для обеспечения беднякам такой помощи не требуется вмешательства благотворительного общества. Неимущие больные, обращаясь к врачам помимо правления, обыкновенно не встречают с их стороны отказа. Врачи помимо общества оказывают беднякам необходимую помощь на дому. Суммы, ассигнованные в 1910 году Обществом на оплату извозчика врачам при бесплатном посещении нуждающихся, остались не израсходованы.

Пыталось общество организовать *сбор старых вещей для снабжения ими нуждающихся*. Но этот вид благотворительности в Иркутске не привился. В 1909 году лица, занимавшиеся по поручению правления собиранием пожертвований старыми вещами, в некоторых домах натолкнулись на холодный приём, а в других домах

получили лишь обещания. В 1910 году правление обратилось к местному еврейскому населению с воззванием, жертвовать ненужную одежду и обувь для раздачи бедным. Не удовлетворяясь этим воззванием, напечатанным в газетах, правление разослало всем членам общества письма, в которых подробно мотивировало, почему оно придаёт такое большое значение именно этому виду помощи. Но и эти меры не имели успеха. В следующие годы правление не раз возобновляло попытки в том же направлении, но всё так же неудачно.

Быть может, невозможность поставить в Иркутске именно этот вид благотворительности, который в других больших городах прививается, обыкновенно, всего легче, — быть может, это явление зависит от особенностей состава и жизни иркутской еврейской общины. Помощь вещами носит, обыкновенно, случайный характер и приходит нерегулярно, то из одного источника, то из другого. Успешно можно организовать её лишь при наличии обширного круга жертвователей. Еврейская же община в Иркутске слишком малочисленна и сплочена. Если где окажутся лишние вещи, их отдают беднякам непосредственно, помимо общества. И таким образом для общественной благотворительности в данной области нет приложения.

Чтобы заключить обзор деятельности благотворительного общества, нам остаётся сказать ещё несколько слов о *выдаче ссуд*, т. е. пособий с возвратом.

Как помнит читатель, такого рода помощь практиковалась ещё на заре общинной жизни. Но только в 1907 году община совершенно случайно приобрела капитал

в 2000 рублей, специально предназначив его для этой цели. В 1904 и 1905 годах, во время русско-японской войны, иркутские евреи собирали значительные суммы для помощи жёнам солдат и запасных, ушедших на войну. Несмотря на то, что помощь оказывалась в значительном размере, у хозяйственного правления остались неизрасходованными 2000 рублей. И вот эту-то сумму общее собрание постановило обратить на выдачу пособий с возвратом²⁴². До апреля 1913 года выдачей ссуд ведало хозяйственное правление. С апреля 1913 года и эта функция перешла к благотворительному обществу, которое выделило из своей среды особую комиссию, ведающую выдачей этих пособий. К сожалению, недостаточно подробная отчётность не даёт нам возможности выяснить полную картину движения «пособий с возвратом». Всего с апреля 1913 года по 1 января 1915 года выдано 5065 рублей; из них возвращено 2977 рублей 50 коп. Так как ссуда выдаётся за поручительством известных правлению лиц, то случаи полной потери выданной суммы будут крайне редки.

Чтобы читатель мог судить о том, как часто, кому и с какой целью эти пособия выдаются, приведём имеющиеся сведения за 9 месяцев 1913 года.

За это время было выдано 54 лицам 57 пособий на общую сумму 2254 рубля. Размер пособия колебался от 10 до 100 рублей. Средний размер пособий – 40 рублей.

²⁴² С 1912 г. помимо этих 2000 руб., община располагает ещё капиталом в 10 000 руб., завещанных членом общины Б.О. Хаславским с тем, чтобы проценты с этого капитала (500 руб. ежегодно) шли на выдачу беспроцентных ссуд.

Выдано было 2 пособия по 10 рублей; 3 по 15; 1 в 20; 5 по 25; 8 по 30; 3 по 35; 12 по 40; 1 в 45; 18 по 50; 4 по 60; 1 в 100 рублей.

Из указанных 57 пособий 18 взяты были ремесленниками на оборудование мастерских; 19 – лицами, занимающимися мелкой торговлей; 10 – занимающимися извозным промыслом на покупку, чаще всего, коня. В остальных 10 случаях пособия взяты на разные экстренные надобности.

Случаев отказа в выдаче пособия за это время зарегистрировано 5.

Нет сомнения, что последний вид помощи отвечает настоятельной потребности ремесленного и мелкого торгового населения. Но вряд ли это дело может быть рационально поставлено, раз и оно зиждется на благотворительной основе. Но, к сожалению, в России вся еврейская община в целом является по преимуществу благотворительной организацией. Организацией, в которой нет места для инициативы более или менее широких народных масс.

Как только примитивные распри в общине отошли в область истории, мы уже не видели народа на арене общинной жизни. Мы слышали только о его страданиях, о переживаемых им гонениях, но мы не видели его в качестве творца своей собственной истории даже в своей маленькой общине.

ПРИЛОЖЕНИЯ

К 1-й части книги

Приложение I

Распределение евреев в Иркутской губернии

ПО ГРУППАМ ЗАНЯТИЙ

(По данным переписи за 1897 г.)

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
1	Администрация, суд и полиция	4	—	—	3	4	3
2	Общественная и сословная служба	6	—	1	10	7	10
3	Частная юридическая деятельность	3	—	2	—	5	—
4	Вооружённые силы	56	—	—	—	56	—
5	Богослужение	2	—	—	1	2	1
6	Служба при кладбищах	7	—	7	19	14	19
7	Учебная и воспитательная деятельность	27	3	9	28	36	31
8	Наука, литература и искусство	15	1	7	12	22	13
9	Врачебная и санитарная деятельность	13	10	11	25	24	35
10	Частная служба и подёнщина	172	91	63	125	235	216
11	Доход с капитала и т. п. (рентьер).	30	50	48	64	78	114

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
12	Средства от казны (пенсионеры)	36	16	2	3	38	19
13	Лишённые свободы	211	25	—	—	211	25
14	Земледелие	97	10	85	147	182	157
15	Животноводство	18	—	9	26	27	26
16	Лесные промыслы, охота и рыболовство	8	—	13	13	21	13
17	Добыча руд, копи и выплавка металла	18	1	19	32	37	33
18	Обработка волокнистых веществ	7	14	4	15	11	29
19	Обработка животных продуктов	25	1	27	39	52	40
20	Обработка дерева	15	1	14	19	29	20
21	“ металла	109	1	63	135	172	136
22	“ минеральных веществ	11	2	14	19	25	21
23	Производства химические	18	—	17	22	35	22
24	Винокурение и проч. напитки	19	2	24	35	43	37
25	Обработка питательных продуктов	53	8	48	114	101	122
26	Полиграфические искусства	16	3	11	29	27	32
27	Инструменты, часы, игрушки	19	—	6	18	25	18
28	Ювелирное дело и т. п.	20	—	3	10	23	10
29	Изготовление одежды	238	67	217	356	455	422

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
30	Постройка	80	–	48	96	128	96
31	Другие ремёсла	1	–	1	–	2	–
32	Водные сообщения	10	–	3	6	13	6
33	Железные дороги	15	–	6	21	21	21
34	Извозный промысел	74	–	55	99	129	99
35	Другие средства передвижения	2	–	1	2	3	2
36	Кредитные учреждения	–	–	–	2	–	2
37	Торговое посредничество	15	2	20	43	35	45
38	Торговля (без точного определения)	107	10	144	249	251	259
39	“ живым скотом	22	–	34	34	56	34
40	“ зерновыми продуктами	34	1	32	42	66	43
41	“ ост. сельскохозяйств.-ми	288	46	281	544	569	590
42	“ строит. материалами и топливом	3	–	3	8	6	8
43	“ тканями и предметами одежды	91	13	109	218	200	231
44	“ кожами и мехами	16	5	22	27	38	32
45	“ остальными предметами	17	6	27	46	44	52
46	“ разносная и развозная	22	1	13	28	35	29

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
47	Трактиры, гостиницы и т. п.	21	10	59	62	80	72
48	Торговля питейная	8	—	4	16	12	16
49	Чистота и гигиена тела	29	3	19	27	48	30
50	Лица неопредел.-х занятий и неуказанные занятия	34	13	12	27	46	40
ИТОГО		2162	416	1617	2916	3779	3332

К 1-й части книги

Приложение II

Распределение евреев в Иркутской губернии, проживающих вне городов, ПО ГРУППАМ ЗАНЯТИЙ (По данным переписи за 1897 г.)

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
1	Администрация, суд и полиция	2	—	—	—	2	—
2	Общественная и сословная служба	6	—	1	5	7	5
3	Вооружённые силы	20	—	—	—	20	—
4	Богослужение и служба при кладбищах	4	—	1	2	5	2
5	Учебная и воспитательная деятельность	16	1	3	—	19	1

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
6	Наука, литература и искусство	2	–	–	–	2	–
7	Врачебная деятельность	8	1	6	10	14	11
8	Частная служба и подёнщина	121	22	26	67	147	89
9	Доход с капитала и т. п. (рентьер)	7	17	6	14	13	31
10	Средства от казны (пенсионеры)	20	3	–	1	20	4
11	Лишённые свободы	163	19	–	–	163	19
12	Земледелие	90	8	76	138	166	146
13	Животноводство	4	–	1	1	5	1
14	Лесные промыслы, охота и рыболовство	6	–	10	13	16	13
15	Добыча руд, копи и выплавка металла	8	–	4	9	12	9
16	Обработка волокнистых веществ	4	3	1	6	5	9
17	“ животных продуктов	10	–	6	13	16	13
18	“ дерева	12	–	11	11	23	11
19	“ металла	69	1	34	92	103	93
20	“ минеральных веществ	8	2	3	9	11	11
21	Производства химические	3	–	–	2	3	2
22	Винокурение и пр. напитки	10	–	8	10	18	10
23	Обработка питательных продуктов	27	3	22	50	49	53
24	Полиграфические искусства	2	–	–	6	2	6

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
25	Инструменты, часы, игрушки	4	–	–	2	4	2
26	Ювелирное дело и т. п.	4	–	–	1	4	1
27	Изготовление одежды	92	18	48	114	140	132
28	Постройка	48	–	13	51	61	51
29	Другие ремёсла	1	–	1	–	2	–
30	Водные сообщения	6	–	1	2	7	2
31	Железные дороги	12	–	5	11	17	11
32	Извозный промысел	18	–	14	30	32	30
33	Другие средства передвижения	2	–	1	2	3	2
34	Торговое посредничество	5	–	3	9	8	9
35	Торговля (без точного определения)	101	7	138	242	239	249
36	“ живым скотом	18	–	28	33	46	33
37	“ зерновыми продуктами	29	1	24	27	53	28
38	“ ост. сельскохозяйств.-ми продуктами	116	3	92	198	208	201
39	“ строит. материалами и топливом	1	–	–	–	1	–
40	“ тканями и предметами одежды	60	9	81	159	141	160
41	“ кожами и мехами	7	–	6	7	13	7
42	“ разносная и развозная	3	–	1	4	4	4
43	“ ост. сельскохозяйств.-ми продуктами	20	–	9	19	29	19

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
44	Трактиры, гостиницы и т. п.	3	4	8	4	11	8
45	Торговля питейная	6	—	4	16	10	16
46	Чистота и гигиена тела	5	1	2	2	7	3
47	Лица неопредел.-х занятий и неуказанные занятия	13	5	6	5	19	10
ИТОГО		1196	128	704	1397	1900	1525

К 1-й части книги

Приложение III

Распределение евреев, проживающих в городах Иркутской губернии, ПО ГРУППАМ ЗАНЯТИЙ

(По данным переписи за 1897 г.)

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
1	Администрация, суд и полиция	2	—	—	3	2	3
2	Общественная и сословная служба	—	—	—	5	—	5
3	Частная юридическая деятельность	3	—	2	—	5	—
4	Вооружённые силы	36	—	—	—	36	—
5	Богослужение	1	—	—	1	1	1

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
6	Служба при кладбищах	4	–	6	17	10	17
7	Учебная и воспитательная деятельность	11	2	6	28	17	30
8	Наука, литература и искусство	13	1	7	12	20	13
9	Врачебная и санитарная деятельность	5	9	5	15	10	24
10	Частная служба и подёнщина	51	69	37	58	88	127
11	Доход с капитала и т. п. (рентьер).	23	33	42	50	65	83
12	Средства от казны (пенсионеры)	16	13	2	2	18	15
13	Лишённые свободы	48	6	–	–	48	6
14	Земледелие	7	2	9	9	16	11
15	Животноводство	14	–	8	25	22	25
16	Лесные промыслы, охота и рыболовство	2	–	3	–	5	–
17	Добыча руд, копи и выплавка металла	10	1	15	23	25	24
18	Обработка волокнистых веществ	3	11	3	9	6	20
19	“ животных продуктов	15	1	21	26	36	27
20	“ дерева	3	1	3	8	6	9
21	“ металла	40	–	29	43	69	43
22	“ минеральных веществ	3	–	11	10	14	10
23	Производства химические	15	–	17	20	32	20
24	Винокурение и проч. напитки	9	2	16	25	25	27

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
25	Обработка питательных продуктов	26	5	26	64	52	69
26	Полиграфические искусства	14	3	11	23	25	26
27	Инструменты, часы, игрушки	15	—	6	16	21	16
28	Ювелирное дело и т. п.	16	—	3	9	19	9
29	Изготовление одежды	146	49	169	242	315	291
30	Постройка	32	—	35	45	67	45
31	Другие ремёсла	—	—	—	—	—	—
32	Водные сообщения	4	—	2	4	6	4
33	Железные дороги	3	—	1	10	4	10
34	Извозный промысел	56	—	41	69	97	69
35	Другие средства передвижения	—	—	—	—	—	—
36	Кредитные учреждения	—	—	—	2	—	2
37	Торговое посредничество	10	2	17	34	27	36
38	Торговля (без точного определения)	6	3	6	7	12	10
39	“ живым скотом	4	—	6	1	10	1
40	“ зерновыми продуктами	5	—	8	15	13	15
41	“ ост. сельскохозяйств.-ми продуктами	172	43	189	346	361	389
42	“ строит. материалами и топливом	2	—	3	8	5	8
43	“ тканями и предметами одежды	31	4	28	29	59	33

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
44	“ кожами и мехами	9	5	16	20	25	25
45	“ остальными предметами	14	6	26	94	40	100
46	“ разносная и развозная	2	1	4	9	5	10
47	Трактиры, гостиницы и т. п.	18	6	51	58	69	64
48	Торговля питейная	2	–	–	–	2	–
49	Чистота и гигиена тела	24	2	17	25	41	27
50	Лица неопредел.-х занятий и неуказанные занятия	21	8	6	22	27	30
ИТОГО		966	288	913	1519	1879	1807

К 1-й части книги

Приложение IV

Распределение евреев, проживающих в Иркутске, ПО ГРУППАМ ЗАНЯТИЙ (По данным переписи за 1897 г.)

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
1	Администрация, суд и полиция	2	–	–	3	2	3
2	Общественная и сословная служба	-	–	–	5	–	5
3	Частная юридическая деятельность	3	–	2	–	5	–

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
4	Вооружённые силы	36	–	–	–	36	–
5	Богослужение	1	–	–	1	1	1
6	Служба при кладбищах	4	–	6	17	10	17
7	Учебная и воспитательная деятельность	11	2	6	28	17	30
8	Наука, литература и искусство	11	1	4	9	15	10
9	Врачебная и санитарная деятельность	4	8	5	13	9	21
10	Частная служба и подёнщина	47	64	33	51	80	115
11	Доход с капитала и т. п. (рентьер).	19	32	42	49	61	81
12	Средства от казны (пенсионеры)	13	13	2	2	15	15
13	Лишённые свободы	27	1	–	–	27	1
14	Земледелие	4	2	1	2	5	4
15	Животноводство	14	–	8	25	22	25
16	Лесные промыслы, охота и рыболовство	2	–	3	–	5	–
17	Добыча руд, копи и выплавка металла	8	1	14	20	22	21
18	Обработка волокнистых веществ	2	11	3	7	5	18
19	“ животных продуктов	15	1	21	26	36	27
20	“ дерева	3	–	2	5	5	5
21	“ металла	38	–	25	35	63	35

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
22	“ минеральных веществ	3	—	11	10	14	10
23	Производства химические	14	—	17	20	31	20
24	Винокурение и проч. напитки	9	2	16	25	25	27
25	Обработка питательных продуктов	24	4	26	64	50	68
26	Полиграфические искусства	14	3	11	23	25	26
27	Инструменты, часы, игрушки	13	—	4	12	17	12
28	Ювелирное дело и т. п.	16	—	3	9	19	9
29	Изготовление одежды	141	48	163	234	304	282
30	Постройка	30	—	32	40	62	40
31	Другие ремёсла	—	—	—	—	—	—
32	Водные сообщения	1	—	—	1	1	1
33	Железные дороги	3	—	1	10	4	10
34	Извозный промысел	52	—	41	67	93	67
35	Другие средства передвижения	—	—	—	—	—	—
36	Кредитные учреждения	—	—	—	2	—	2
37	Торговое посредничество	10	2	17	34	27	36
38	Торговля (без точного определения)	4	3	6	7	10	10
39	Торговля живым скотом	2	—	—	—	2	—
40	Торговля зерновыми продуктами	4	—	1	10	5	10
41	Торговля ост. сельскохозяйств.-ми продуктами	146	39	167	283	213	322

№ по порядку	Группа занятий	Самостоят.-е		Члены семей		Всего с членами семей	
		Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.	Мужч.	Жен.
42	Торговля строит. материалами и топливом	2	–	3	8	5	8
43	Торговля тканями и предметами одежды	26	4	20	46	46	50
44	Торговля кожами и мехами	7	5	13	16	20	21
45	Торговля остальными предметами	14	6	26	42	40	48
46	Торговля разносная и развозная	2	1	–	2	2	3
47	Трактиры, гостиницы и т. п.	16	6	51	57	67	63
48	Торговля питьевая	2	–	–	–	2	–
49	Чистота и гигиена тела	24	2	17	25	41	27
50	Лица неопредел.-х занятий и неуказанные занятия	17	7	6	22	23	29
ИТОГО		860	268	829	1369	1689	1637

Ко 2-й части книги

Приложение I

СТАРОСТЫ ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ

Леонтий Осипович Лейбович,
 Михаил Яковлевич Домбровский,
 Гдалий Яковлевич Домбровский,
 Борис Леонтьевич Горфин,
 Михаил Меерович Шейнис

СПИСОК ЧЛЕНОВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ с 1896 по 1915 год

Григорий Леонтьевич Юдалевич,
Ананий Исаевич Миндалевич,
Борис Леонтьевич Горфин,
Яков Давидович Штанбок,
Моисей Минеевич Цукасов,
Абрам Леонтьевич Шепшелевич,
Леонтий Исаевич Таубер,
Иуда Леонтьевич Нейман,
Яков Энохович Брегель,
Самуил Семёнович Кальмеер,
Александр Бенедиктович Воллернер,
Лазарь Савельевич Пастернак,
Арон Лазаревич Самсонович,
Исай Самуилович Дубников,
Илья Григорьевич Шнейдерман

Яков Давидович Фризер (председатель),
Зиновий Иосифович Помус²⁴³ (казначей),
Самуил Иосифович Белицкий,
Павел Моисеевич Калугский,
Моисей Иосифович Авданович,
Иосиф Борисович Ерманович

*Настоящий состав
правления общины*

²⁴³ Старейший член хозяйственного правления; с 1899 г. состоит казначеем общины.

НЕДВИЖИМАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, ПРИНАДЛЕЖАЩАЯ ОБЩИНЕ

1. Каменный двухэтажный дом под синагогу.....65 000 руб.
2. 2 каменных двухэтажных дома под училище.....47 000 “
3. Каменный одноэтажный дом под богадельню...20 000 “
4. 2 деревянных дома (пожертвованные
Я.О. Маркевичем).....10 000 “
5. 2 деревянных дома с пристройками на
кладбищах.....6000 “
6. Дом, пожертвованный И.М. Файнбергом²⁴⁴.....25 000 “
7. Дома, пожертвованные М.Я. Кремером²⁴⁵.....35 000 “
8. Дом, пожертвованный Л.С. Пастернак²⁴⁶.....6000 “
9. Синогальная библиотека (4200 томов).....6500 “

НАЛИЧНЫЕ ДЕНЬГИ И ПРОЦЕНТНЫЕ БУМАГИ (в номинальной стоимости) к 1 января 1915 г.

1. По молитвенному дому.....6732 руб.
2. По кладбищенскому управлению.....9249 “
3. По еврейскому бесплатному училищу.....3501 “
4. По благотворительному обществу.....13 824²⁴⁷“

²⁴⁴ Доходы идут на содержание мальчиков, обучающихся ремеслу.

²⁴⁵ Доходы с домов идут на содержание женских ремесленных классов.

²⁴⁶ Доход с дома идёт на содержание училища.

5. Капитал И.М. Файнберга на содержание ремесленных классов.....	7029	“
6. Капитал М.Я. и А.М. Кремер на содержание ремесленных классов ²⁴⁸	2286	“
7. Капитал И.М. Файнберга на содержание «Микво».....	5203	“
8. Капитал имени Б.О. и С.А. Хаславских ²⁴⁹	500	“
9. Капитал имени С.С. Кальмеера ²⁵⁰	10 000	“
10. Капитал имени М.И. Левина (на нужды общины) по усмотрению хозяйствен. правл.).....	2036	“
11. Капитал Ю.Л. Помус (проценты идут на содержание летней колонии).....	2000	“
12. Капитал И.Я. Виника.....	522	“
13. Капитал имени С.А. Гольцберга ²⁵¹	1400	“
14. Фонд имени д-ра А.И. Кручковича.....	422	“

К 1 января 1915 года община владела недвижимым имуществом ценностью 220 000 рублей, наличными деньгами и ценными бумагами на сумму 64 700 рублей, не считая вечного вклада.

²⁴⁷ Из них 5142 руб. капитал имени С.А. Хаславской: проценты с капитала идут на содержание убежища; 2900 руб., капитал пособий с возвратом. Кроме того долгов по пособиям с возвратом состоит на 1 января 1915 г. 2117 руб.

²⁴⁸ Кроме того имеется ещё имени этих же жертвователей вечный вклад в Государственном банке в 28 000 руб., проценты с которых идут на содержание ремесленных классов.

²⁴⁹ Община имеет ещё получить 10 000 руб., проценты с которых должны идти на выдачу беспроцентных ссуд.

²⁵⁰ Проценты идут частью на училище, частью на нужды благотворительного общества.

²⁵¹ Проценты идут на содержание женских профессиональных классов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приветствие.....	4
От издателей	6
Предисловие.....	10

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

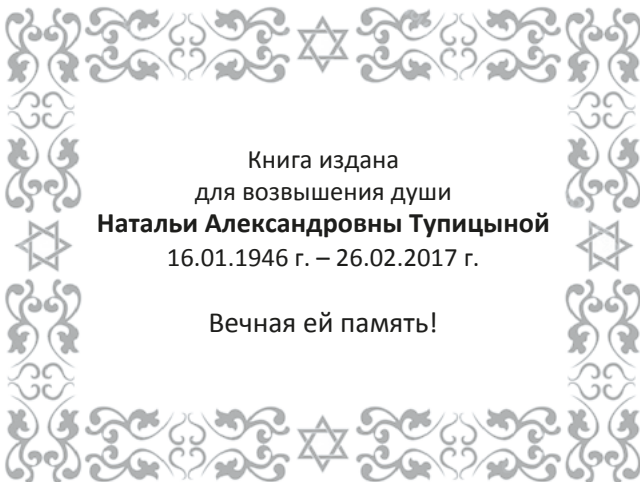
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Правовые условия.....	22
§ 1. Евреи в Сибири до XIX века.....	24
§ 2. Первые ограничения в правах сибирских евреев.....	31
§ 3. Положение евреев в Сибири в середине XIX век.....	41
§ 4. Позднейшие ограничения в правах.....	48
§ 5. Уничтожение свободы передвижения по Сибири.....	58
§ 6. Условное право жительства.....	64
§ 7. Современное положение.....	69
 ГЛАВА ВТОРАЯ. Происхождение и состав иркутских евреев.....	75
§ 1. Евреи в Иркутской губернии до начала XIX века.....	76
§ 2. Евреи в Иркутске от начала XIX столетия до нашего времени.....	83
§ 3. Естественный и механический прирост еврейского населения в Иркутске.....	96
§ 4. Происхождение иркутских евреев.....	101
§ 5. Евреи в Иркутской губернии по переписи 1897 год.....	105
§ 6. Грамотность среди евреев в Иркутской губернии.....	111

§ 7. Состав евреев в Иркутске и Иркутской губернии по условиям и профессиям.....	114
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Евреи и местная хозяйственная жизнь.....	125
§ 1. Метод выяснения роли евреев в хозяйственной жизни.....	125
§ 2. Особенности хозяйственной жизни Иркутска.....	130
§ 3. Евреи как носители капиталистического духа при колонизации Иркутской губернии.....	136
§ 4. Хозяйственная деятельность евреев в Иркутской губернии по переписи 1897 года.....	141
§ 5. Еврейская недвижимая собственность в Иркутск.....	149
§ 6. Хозяйственная деятельность евреев в Иркутске по сведениям Управы о выбираемых свидетельствах.....	155
§ 7. Хозяйственная деятельность евреев в Иркутске по сведениям податной инспекции.....	158
§ 8. Евреи в отдельных отраслях торговли и промышленности.....	162
§ 9. Евреи в золотопромышленности.....	169
§ 10. Евреи в кредитном обороте в Иркутске.....	177
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Евреи и местная общественная жизнь.....	185
§ 1. Особенности иркутской общественной жизни.....	185
§ 2. Евреи и иркутская администрация.....	192
§ 3. Евреи и иркутское общество.....	227
§ 4. Евреи и политика в Иркутске.....	247
§ 5. Евреи в иркутских общественных учреждениях.....	251
§ 6. Евреи и изучение Сибири.....	258

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ. Иркутская община. Её возникновение и развитие.....	266
§ 1. Изучение общинной жизни иркутских евреев.....	266
§ 2. Материалы для истории иркутской общины.....	277
§ 3. Время зарождения общин.....	279
§ 4. 60-е и 70-е годы. Я.С. Домбровский. Первые шаги в деле объединения общины.....	288
§ 5. Внутренний быт общины в 60-х и 70-х годах. Кантонисты и николаевские солдаты. Раскол общины.....	299
§ 6. 80-е годы. Положение общины.....	314
§ 7. Борьба внутри общины в 80-х годах.....	322
§ 8. Переходное время. Эпоха Горемыкина.....	353
§ 9. Гонения на евреев. Объединение общины.....	375
§ 10. Вторая половина 90-х годов. На заре нового времени.....	382
§ 11. Новое время.....	393
 ГЛАВА ШЕСТАЯ. Просветительная деятельность иркутской общины.....	 400
§ 1. Начало еврейской школы.....	400
§ 2. Дедушка Лазарь.....	408
§ 3. Гимназисты просветители.....	414
§ 4. Успехи гимназистов.....	423
§ 5. Крушение надежды.....	430
§ 6. На перепутье.....	433
§ 7. Период Горемыкина.....	437

§ 8. Накануне легализации.....	446
§ 9. Первые годы легального существования.....	451
§ 10. Внутренняя жизнь школы с 1897 по 1907 год.....	461
§ 11. От конца 1907 года до наших дней. Внешний быт школы.....	469
§ 12. Внутренняя жизнь школы за последние годы.....	479
§ 13. Внешкольная просветительская деятельность в об- щине.....	485
 ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Благотворительная деятельность иркутской общины.....	 490
§ 1. Благотворительная деятельность на заре общинной жизни.....	490
§ 2. Попытки организации благотворительной деятельнос- ти в общине до легализации благотворительного об- щества.....	501
§ 3. Современная благотворительная деятельность иркут- ской общины.....	520
 ПРИЛОЖЕНИЯ.....	 539

Книга издана
для возвышения души

Натали Александровны Тупицыной

16.01.1946 г. – 26.02.2017 г.

Вечная ей память!

Владимир Савельевич Войтинский
Абрам Яковлевич Горнштейн

ЕВРЕИ В ИРКУТСКЕ

Историко-краеведческое издание

Художник А.А. Мартынова
Редактор О.Е. Арбатская
Корректор Ю.В. Поликарпова
Вёрстка И.А. Петровой

ISBN 978-5-6044181-5-4

Издательство «Востсибкнига». 664025, г. Иркутск, ул. Марата, 38, оф. 18. Сдано в набор 09.04.2021. Подписано в печать 13.07.2021. Формат 70х100 1/32. Бумага мелованная. Гарнитура Calibri. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,58. Уч.-изд. л. 23,0. Тираж 500 экз. Изд. №260. Отпечатано в ООО «Типография «Призма». 664035, г. Иркутск, ул. Рабочего Штаба, 78/5